

Евгения  
Сафонова

Некоторые сказки  
начинаются  
со смерти героя

НекрѠман:с  
Ориг 1



## Annotation

Тёмная королева, которая правит железной рукой. Чудовище, что угрожает всем живым. Герой, которому суждено победить их.

Многие сказки – об этом. Но что делать, если ты угодила в злую сказку, где тебе уготовано умереть на первых страницах?

Виолончелистке Еве напророчено стать героем, но она погибает, не успев свершить предначертанное. Только вот у одного некроманта на неё свои планы. А некромантам не может помешать такая мелочь, как смерть.

Втянутая в смертельный заговор, существуя на грани между жизнью и небытием, сможет ли Ева обрести счастье? И можно ли обмануть судьбу, которая сулит, что цена победы – её гибель?

Роман Евгении Сафоновой, автора популярных циклов «Тёмные игры Лиара» и «Сага о Форбиденах».

Первая книга дилогии, которая пронизана атмосферой музыки и смерти.

Нестандартный авторский мир и необычная главная героиня, чья история начинается с того, что она умерла.

---

- [Евгения Сафонова](#)

- 
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)

- [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
-

# Евгения Сафонова

## Некроманс. Opus 1

*Всем, кто творит и грезит о вершинах, всем, кто потерян, всем, чья душа звучит, всем, кто когда-нибудь сомневался, что вы и то, что вы делаете, нужно и важно, всем, кто боится смерти, и всем читателям, которые были и будут с моими ребятами до конца.*

*Спасибо Марии Курилкиной-Вениковой,  
Татьяне Казунке и Светлане Песец  
за вдохновение и поддержку.*

*Спасибо Вячеславу Бакулину,  
Кире Фроловой, Юле Яковлевой,  
Ане Петелиной, Ите Куралесиной  
и Полине Граф – прекрасной команде,  
без которой этой книги не было бы.*

*И спасибо моему мужу, который всегда терпеливо ждёт, когда я поставлю точку в новой книге.*



© Сафонова Е.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022



\* \* \*



Opus – лат. opus, «произведение». Обозначение порядкового номера данного сочинения в списке (чаще всего хронологическом) произведений данного автора.

*Перифразируя словари*

# Глава 1

## Funebre<sup>[1]</sup>

*Музыка – самый сильный вид магии.*

*Мэрилин Мэнсон*



Новая жизнь Евы Нельской – хотя назвать это жизнью, как она вскоре убедилась, было бы не совсем корректно – началась с того, что она открыла глаза на алтаре.

Впрочем, Ева считала, что её историю стоило бы начать немного раньше. С того, как её безжизненное тело впервые возникло на жизненном пути некоего молодого человека.

А по-хорошему, ещё немножко раньше: когда около трёх часов пополудни Ева спешила домой, возвращаясь из колледжа, но вместо этого при весьма досадных обстоятельствах очутилась в сумрачном лесу. Да к тому же в другом мире.

По законам жанра ей положено было бы эффектно провалиться в кроличью нору или волшебное зеркало, но портал в сказочную страну оказался до обидного незаметным. Только что Ева падала посреди наземного перехода у Пушкинской площади, в самом центре Москвы – вокруг шумел мегаполис, гудели машины и в ужасе кричали прохожие.



В следующую секунду шум, гудки и крики стихли резко, словно их выключили.

Учитывая, что предшествовало этой секунде, Ева ждала болезненного и фатального удара об асфальт, но вместо этого она упала лицом вниз в прелую листву: после автомобильного выхлопа её влажный запах казался сладким.

Отплевавшись от листьев, девушка села и посмотрела перед собой.

С перехода она могла бы увидеть театр «Россия» и сквер на площади, скрывший памятник великому поэту; в Москве стоял погожий апрель, приодевший деревья в нежный лиственный пушок. Вместо этого Ева увидела лес – осенний, холодный, с узловатыми голыми ветвями – и темень, которая едва ли могла воцариться в три часа пополудни.

*Если это и памятник Пушкину, то разве что нерукотворный, сперва только и смогла подумать Ева.*

Серые стволы деревьев слегка светились во тьме. Потом она поняла – светятся не стволы, а проросший на них фиолетовый мох: он фосфоресцировал, как тропический прибор.

От удивления – а может, от шока – Ева даже не вспомнила о виолончели в футляре за спиной, хоть футляр и мешал ей выпрямиться. А ведь инструмент вряд ли мог не пострадать при досадных обстоятельствах, сопровождавших перемещение её хозяйки в лес. Ева и сама пострадала, но происходящее заставило забыть о ссадинах и ноющих ногах.

Мысль о сне или бреде она отмела моментально: промозглый холод, без труда проникший под лёгкую вельветовую куртку, был слишком убедительно промозглым. Гипотеза о загробном мире тоже выглядела сомнительно, пусть и напрашивалась: при всём уважении к Данте в его концепцию мироздания Ева категорически не верила.

Поскольку все свободные поверхности в квартире Евы оккупировало огромное количество книг, во многих из которых герои попадали в волшебную страну, она решила не следовать примеру большинства героев и, пропустив стадию отрицания, перескочить на стадию принятия.

Она в волшебной стране. В другом мире. Раз так, впереди её ждёт нечто удивительное: будь то курящие синие гусеницы, местный

тёмный властелин или гостеприимные люди в тюрбанах (с чашечкой чудесного напитка, который дома Ева безуспешно мешала из чая, кофе и шоколада). И конечно, по законам жанра Ева сыграет в судьбе этого мира некую важную роль. Возможно, ей суждена встреча с местным прекрасным принцем, но лучше сольное спасение мира от сил зла: не зря же феминистические тенденции пользовались у сказочных героинь всё большим успехом.

Не стоит ожидать, что путь её будет устлан розами. Даже если будет, не стоит забывать, что к розам обычно прилагаются шипы. Стало быть, сперва надо осторожно разведать, что это за лес и не граничит ли он с обителью того самого тёмного властелина: обидно будет попасть в лапы его прислужников, не успев даже как следует оглядеться. К тому же пока Ева не встретила ни одного из верных друзей, которыми наверняка здесь обзаведётся, а без верных друзей разобраться с силами зла будет проблемати...

...эти размышления заняли у Евы не больше двадцати секунд. Тех двадцати секунд, которые длилось её спокойное пребывание в этом мире, исполненное надежд, энтузиазма и веры в светлое будущее. Тех двадцати секунд, что миновали до мгновения, когда она поднялась с земли и обернулась.

В следующий миг её разогнавшуюся фантазию самым бесцеремонным образом оборвал арбалетный болт.

Боли Ева не почувствовала. Не успела. Просто увидела женщину в чёрном плаще, сжимавшую в руках арбалет. Он сиял, словно сотканный из ржавого огня. В воздухе мелькнул сверкающий росчерк, и что-то толкнуло Еву примерно там, где билось сердце.

Влажная листва устремилась ей навстречу.

Позже Ева сообразила: наверняка её держали на прицеле все двадцать секунд, но убийца целилась сзади, а виолончельный футляр надёжно прикрывал Еву спину и голову. А может, дело не в футляре – просто кошке забавно было дать мышке подышать перед смертью.

Простительная слабость. Учитывая, что результата охоты это не изменило.

Когда Ева кое-как подняла голову, женщина стояла над ней: темноволосая, с бледным узким лицом, подсвеченным пламенными сполохами арбалета. Если б острие следующего болта – огненного, как

и арбалет, – не было устремлено Еве в лоб, она бы подумала, что незнакомка красива.

Ей оказалось немножко не до того.

– Подожд... – начала Ева.

Женщина, не сказав ни слова, нажала на спусковой крючок.

На этом месте истории Евы суждено было бы бесславно закончиться. Вопреки всем законам жанра. Потому что догадки Евы касательно её Избранности были очень близки к истине, а Избранным не положено умирать в самом начале сказки. Особенно от рук главного злодея, не поддавшегося роковому искушению всех злодеев – перед убийством своего визави позлорадствовать и поболтать.

Как говорят англичане, желая смягчить данным эвфемизмом нецензурное, но очень меткое выражение, «*it happens*».

Однако, как уже было сказано, безжизненное тело Евы возникло на жизненном пути некоего молодого человека (учитывая, что жизненный путь Евы к тому моменту оборвался, выразиться «их пути пересеклись» было бы несколько некорректно). А молодой человек был очень заинтересован в том, чтобы её история продолжилась.

Именно поэтому часом позже Ева открыла глаза на алтаре.

Пробуждение чем-то напоминало побудку после вечеринок, которыми струнники их курса ознаменовывали окончание сессии. Разве что головная боль вкупе с тошнотой отсутствовала, а так – полный комплект: дезориентация, некая вялость в теле и полнейшее непонимание того, кто ты, где ты и как тут оказалась.

Некоторое время Ева смотрела в потолок, надеясь, что занятая готическая лепнина подскажет ей ответы на эти непростые вопросы. Не дождавшись, повернула голову – и встретила взгляд того, кому отныне была обязана не-жизнью.

– С восставанием, – сказал Гербеуэрт тир Рейоль: потомственный некромант, самый юный магистр за всю историю Керфианского Колдовского Ковена и обладатель весьма занятного генеалогического древа.

Конечно, в тот момент Ева не знала ни его имени, ни степени, ни рода занятий. Просто увидела белобрысого молодого человека в странном наряде, напомнившем то ли об аниме-фестивалях, то ли о сходках ролевиков: длинная рубашка с рюшами, перепоясанная на

талиии кожаным ремнём, чёрные штаны и порядком замызганные туфли.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

Некоторое время Ева созерцала, как вокруг его правой руки, паря в воздухе, сам собой наматывает круги марлевый бинт. Спустя пару секунд к бинту подлетели старинные ножницы с затейливыми завитушками на ручках – они аккуратно обрезали широкую ленту, тут же завязавшуюся бантом.

Следом Ева оглядела помещение, где оказалась: библиотека старинного замка, посреди коей водрузили большой чёрный камень, на котором девушка и покоилась.

Как ни странно, Ева не слишком удивилась. Все чувства казались словно приглушёнными, что она тоже отметила с отстранённостью естествоиспытателя.

– Как тебя зовут? – не дождавшись ответа, вновь спросил белобрысый.

Называть его «белобрысым» было не совсем верно: длинная, до плеч, шевелюра молодого человека щеголяла изысканным оттенком бледного золота. Но так Еве легче было его идентифицировать.

К ней урывками стали приходить ответы, которые минутой ранее она тщетно надеялась выведать у потолка.

Точно. Она – Ева Нельская. Семнадцать лет, виолончелистка, студентка третьего курса небезызвестного московского музыкального колледжа. И никакой попойки не было – до летней сессии ещё месяц с лишним. Были возвращение домой с пар и привычная дорога до метро, но до метро Ева не дошла, потому что...

Потому что...

– Если не можешь вспомнить, – неведомым образом угадав её мысли, сказал белобрысый, – это нормально. Я заживил раны, но при столь серьёзной травме головы полное восстановление может быть невозможным. К тому же твой мозг уже начал умирать, когда я остановил процесс. Частичная потеря памяти в твоём состоянии была бы естественным явлением.

К его ногам принялся ластиться откуда-то взявшийся белый кот. Без хвоста. И вместо того чтобы думать о прозвучавших словах (или хотя бы о том, как бинт может летать), Ева просто смотрела, как кот

трогательно бодается о щиколотки белобрысого. Это было проще: кот – он и в другом мире кот.

...точно. После наземного перехода был лес. Другой мир.

Женщина с огненным арбалетом.

Воспоминание заставило Еву сесть; тело подчинялось неохотно, будто чужое, однако в конце концов она всё же с ним поладила. Машинально коснулась лба там, куда вонзилась огненная стрела, а теперь не осталось даже шрама.

Стало быть, в этом мире есть маги. Белобрысый – один из них, о чём свидетельствуют оживший бинт и левитирующие ножницы. И вполне естественно, что маги умеют не только гостеприимно встречать иномирных гостей огненными стрелами, но и устранять последствия этого.

Размышления о том, с чего она удостоилась столь тёплой встречи, Ева решила оставить на потом.

– Я... мне в голову... ты меня спас?

Разлепить губы тоже удалось не без труда. Вопросы вышли не слишком вежливыми – особенно в свете того, что она так и не удостоила собеседника ответами, – но в данный момент на большее Еву не хватило.

Молодой человек улыбнулся:

– С технической точки зрения – нет.

Эта улыбка была немножко, самую капельку неприятной. И хотя до того Ева не видела в лице напротив ни намёка на беспокойство, ей показалось, что при звуке её голоса в его глазах – голубых и колючих, как льдинки, – мелькнуло облегчение.

– Но... Ты сказал, что заживил мои раны, и... Это ты принёс меня сюда?

Еве не давало покоя ощущение некоей неправильности. Она чувствовала себя очень, очень странно. Чего-то остро не хватало, но чего, понять она не могла. Даже то, как она говорила... Казалось, она забывает о какой-то важной детали, о которой раньше просто не задумывалась.

– Я не мог поднять тебя на месте. Чары, вернувшие тебя, весьма специфические, все необходимые процедуры я мог провести только здесь. К тому же для ювелирной работы алтарь лучше. Одна ошибка, и ты встала бы банальным мертвием, – буднично пояснил

белобрысый. – Я заживил твои раны – пока тело не остыло, это элементарно. Попытался тебя оживить. Когда понял, что уже поздно, погрузил в стазис, чтобы предотвратить смерть мозга, и перенёс сюда. Обмыл, провёл прочие подготовительные ритуалы. И потом уже спокойно поднял.

С восприятием слова «стазис» у Евы возникли некоторые сложности. Услышала она нечто совсем другое, но сознание само собой переправило услышанное на знакомый термин. Мельком скользнула мысль о том, что в ином мире и язык должен быть иной, и без помощи магии они с белобрысым вряд ли смогли бы спокойно общаться; однако сейчас ей подкинули куда более интересную информацию к размышлению.

– Поднял?

– А, вот мы и подошли к самому интересному. – Молодой человек лениво нагнулся, чтобы потрепать кота по голове. – Видишь ли, если ты ещё не заметила, ты не совсем жива.

...в этот миг Ева наконец поняла, чего ей не хватает. Дыхания. И запахов, обычно дорисовывавших картину мира. Она не дышала, пока не начинала говорить: лишь тогда на автомате хватала губами воздух, чтобы тот колебал голосовые связки.

Реакция, о которой она никогда даже не задумывалась. До сего момента.

– Я... мертва?

– Тоже не совсем. Если ты и этого не заметила, – иронично добавил белобрысый. – Ты находишься в том состоянии, которое позволит ограниченным умам наречь тебя «неуспокоённой».

Как ни странно, на этом месте Ева не впала в истерику. Лишь накрыла пальцами правой руки запястье левой, пытаясь прощупать пульс. Когда попытка не увенчалась успехом, уставилась на свои ладони, заботливо отмытые кем-то от лесной грязи.

Опустила взгляд на грудь, встретившую другую стрелу.

Вместо джинсового сарафана на ней красовалась такая же рубашка с рюшами, как у её собеседника. Кеды, колготки и нижнее бельё испарились – вместе с курткой и любимой футболкой; хорошо хоть рубашка, растёгнутая до живота, доставала почти до колен. От раны напротив сердца не осталось и следа, зато новый наряд открывал крупный рубин в каплевидной оправе, слегка мерцавший в ложбинке.

Наверное, Еве даже понравилось бы подобное украшение... если б камень висел на цепочке.

Рубин сиял прямо в коже. Вживлённый в неё, словно реактор в груди небезызвестного филантропа в летающем костюме.

– Он удерживает твоё тело от разложения, – любезно подсказал белобрысый, пока Ева смотрела на рубин. Белая кожа плотно льнула к серебряной оправе, испещрённой рунами; внутри камня клубился и пульсировал зловещий багряный свет. – А ещё упрощает процесс передачи энергии.

Ева подняла непонимающий взгляд.

– Даже умертвия не могут обходиться без внешней подпитки. Ты – тем более. При жизни ты расходовала энергию, чтобы переваривать пищу и обогревать тело. Чтобы дышать, гонять кровь и заставлять сердце биться. Смерть избавила тебя от всей этой рутины, однако мозг продолжает потреблять твои физические силы. Меньше, чем обычно, ведь теперь ему не надо поддерживать жизнедеятельность организма, но тем не менее. – Молодой человек отстранённо наглаживал кота, трущегося у его ног. – Кроме того, ты будешь двигаться и говорить. Ты тратишь энергию каждый раз, когда моргаешь или открываешь рот. Поскольку теперь ты не сможешь возмещать расход энергии посредством пищи, ты будешь получать её от меня.

Кот блаженно жмурился, но даже не думал мурлыкать. Или делал это так тихо, что Ева не могла расслышать.

– То есть ты некромант, – на удивление спокойно резюмировала Ева. – А я теперь твой зомби-слуга.

Вот, опять. Вместо «зомби» она явно произнесла что-то другое. Как, собственно, и вместо «некроманта». И вместо всех остальных слов.

– Понятливая. Возможно, с тобой будет проще, чем я думал, – задумчиво заметил белобрысый. – Как я уже сказал, ты не совсем зомби. Их, видишь ли, легко распознать по безмозглости, гниющим конечностям и желанию закусить чужими внутренностями. Тебя от живых отличает лишь то, что твоё сердце не бьётся... и ещё несколько приятных особенностей.

Ева снова посмотрела на рубин, пульсировавший вместо неподвижного сердца.

– Что в *этом* может быть приятного?

– Например, тебе не грозят ни разложение, ни старение. Кажется, девушек может порадовать известие, что им не суждено одним прекрасным утром увидеть в зеркале морщины. – Некромант слегка пожал плечами. – Пока действуют чары, ты останешься такой, как сейчас. Если они перестанут действовать, тебя уже ничего не будет волновать.

Ева потерянно моргнула.

Она в другом мире, и её убили. Она не жива. С другой стороны, и не мертва. Она не разлагающийся зомби, не ссыхающийся лич, не банальная, отвратительная и неэстетичная нежить.

Следовательно...

– Так я что-то вроде вампира, которому не надо пить кровь?

– Понятия не имею, что такое вампир. – Ласково почесав кота под подбородком, некромант неторопливо, с аристократическим достоинством выпрямился. – Так ты помнишь своё имя?

На этом месте Еве положено было бы наконец заплакать. А лучше забиться в истерику. Но Ева всегда предпочитала мыслить позитивно – иначе её не слишком весёлая жизнь была бы ещё менее весёлой. Вот и сейчас: вместо того чтобы плакать и производить на своего спасителя самое неблагоприятное впечатление (что-то ей подсказывало, что плаксивости некромант не оценит), Ева честно постаралась взглянуть на ситуацию оптимистично. Пусть по-хорошему ситуация и была весьма плачевной.

Хотя, скорее всего, она просто не могла плакать, потому что пребывала в шоке – но потребности оценить обстоятельства и хоть как-то разобрать бардак в голове это не отменяло.

Она в другом мире. Как ни крути, о таком приключении мечтают многие. Ева тоже мечтала – с тех пор, как в нежном возрасте семи лет прочла про страну, куда можно попасть через волшебный шкаф. И если здесь есть магия, которая позволила ей восстать из мёртвых... вернее, не стать окончательно и бесповоротно мёртвой... наверняка найдётся и магия, которая позволит по-настоящему её оживить.

Раз разложение ей не грозит, особых проблем с воскрешением быть не должно. Насколько Ева могла судить, её тело пребывало в отличном состоянии: внешне от живого не отличишь, да и по ощущениям не особо. По каким бы причинам некромант её ни спас (Ева была не столь наивна, чтобы обманываться надеждами на



альтруизм), на злодея он не походил. Парень, который любит котиков, просто не может быть таким уж плохим.

Значит, ничего страшного в сущности и не произошло, правда?..

– Ева, – мантрой твердя про себя последнюю мысль, дабы искренне в неё поверить, покорно озвучила она. – Где я? Как ты вообще меня нашёл? Просто гулял по лесу и наткнулся? С чего какая-то женщина с ходу решила меня застрелить? – И, оставив самый важный вопрос напоследок, сурово добавила: – И, надеюсь, моя виолончель тоже где-то тут?

Некромант, с каждым новым словом всё больше морщившийся, устало потёр пальцами переносицу.

– Какая ты шумная. – Тень, при движении залёгшая на его впалых щеках, ещё больше подчеркнула худобу длинного лица. – Я всё расскажу. Утром. Сейчас мне нужен отдых. – Он отвернулся. – Идём, отведу тебя в твою комнату.

– Мою комнату?

– А я только порадовался твоей понятливости. – Он утомлённо оглянулся через плечо. – Комнату, которую я тебе выделил, естественно.

Соскользнув с алтаря, Ева коснулась каменного пола босыми ногами. Ожидала, что камень будет ледяным, однако тот показался разве что слегка прохладным.

Секундой позже поняла: пол вполне может быть ледяным, но её ступни теперь немногим теплее.

Ева посмотрела на люстру – вместо свечей в ней ровным белым светом лучились длинные палочки полированного хрусталя. На деревянный столик неподалёку от алтаря – помимо уже знакомых ножниц и бинта, там на серебряном блюде лежали хирургические инструменты, иные из которых выпачкались в подозрительной алой субстанции.

Этот зловещий вид заставил Еву нервно поспешить за некромантом, уже выходящим из комнаты.

– Может, хотя бы представишься? – предложила она, босиком следуя за хозяином дома. Замковый коридор освещали те же хрустальные палочки в чугунных настенных подсвечниках; на улице было темно, и как бы старательно Ева ни косилась на высокие

стрельчатые окна, разглядеть за ними что-либо она не могла. – Раз уж я буду жить у тебя... То есть не жить.

– Моё имя Гербеуэрт. И как ты сама сказала, я некромант. Остальное тебе знать пока ни к чему. – Её подвели к широкой каменной лестнице с резными перилами, разбегавшейся пролётами вверх и вниз. – И так есть над чем подумать.

Действительно. В данный момент Ева как раз думала, как будет выговаривать совершенно несносное для выговора имя и как можно его сократить. Уэрт? Герб? Герр?.. Пожалуй, пристало ситуации – особенно если вспомнить тип прислужника «Игорь», пользовавшийся среди злодеев большой популярностью; но пламенного желания величать некроманта «мафтер», отращивать горб и шепелявить с немецким акцентом Ева не испытывала.

– Можно звать тебя Гербертом? – осторожно спросила она, вслед за некромантом поднимаясь на верхний этаж; судя по количеству пролётов, просматривавшихся в квадратном лестничном колодце, этажей в его обители было не меньше пяти-шести.

– Мне всё равно.

– Нет, если я должна называть тебя «хозяином», я переживу, но будет немножко непривыч...

– Мне всё равно.

Последнее он повторил с нажимом и сквозь зубы, так что оставшиеся ступеньки Ева предпочла преодолеть молча. Злить гостеприимного хозяина в её планы не входило, а плебейские манеры девочки-подростка, возвращенной в эпоху мемов и инстаграма, и без того наверняка коробили его чувствительную аристократическую душу.

В том, что некромант аристократ, сомнений не оставалось. Может, Ева пребывала в плену стереотипов о фэнтезийных мирах с их условным средневековьем, но что-то подсказывало ей: в этом мире подобный замок не выйдет просто купить.

– Мы ведь не на русском говорим, верно? – на всякий случай уточнила Ева, когда они достигли верхнего этажа и некромант повёл её длинным коридором, пестревшим витражными стёклышками в частых оконных переплётах.

– Руйский?

Понятно. Не на русском.

– Язык, – обречённо пояснила Ева.

– А. – Светильники на стенах вспыхивали при их приближении и гасли за спиной. – Значит, так называется язык того мира, откуда ты явилась.

– Да, именн... подожди, так ты знаешь, что я из другого мира?

Ева не видела его лица, но ей почудилось, что некромант презрительно хмыкнул.

– Даже если не учитывать всю подноготную, об этом было бы нетрудно догадаться.

Ах да. Одежда и всё такое.

– Какую подноготную?

Тот промолчал, остановившись перед высокой дверью с цветочным орнаментом, под его взглядом распахнувшейся.

– Твоя комната, – отступив в сторону, коротко сказал некромант. – И твоя... вийолончель, как я понимаю.

Комната оказалась небольшой. Бóльшую её часть занимала кровать – конечно же, с балдахином; конечно же, по стандартам замковых интерьеров присутствовал огромный камин. Кроме того, наличествовали окно с двумя створками и гардероб с резными дверцами – к нему прислонили знакомый футляр, обтянутый чёрным нейлоном.

Футляр заинтересовал Еву больше всего. Хотя бы потому, что о его судьбе она немало беспокоилась.

– Оденься, – сухо велел некромант, когда Ева прошла внутрь. На кровати и правда лежала одежда – чужая; от Евиного наряда остались лишь кеды, сиротливо пестревшие на полу розовыми шнурками. – Вряд ли тебе захочется спать, но убедительно прошу тебя никуда не выходить. Я пришлю за тобой утром.

Поколебавшись, Ева всё же обернулась, чтобы встретить его пронизывающий взгляд.

– Герберт, зачем ты меня спас? И с чего теперь проявляешь гостеприимство? Не пойми неправильно, я очень тебе благодарна, но вряд ли ты делаешь это по доброте душевной. Не обижайся, просто... некроманты редко бывают добрыми. В моём представлении.

– Утром. – Он отвернулся. Не оглядываясь, бросил через плечо: – У тебя были ссадины на ногах. И на голове. И лёгкое сотрясение мозга. Вдруг поможет освежить память.

Ева смотрела в его спину, пока за ним не закрылась дверь. Приблизилась к футляру.

Ещё не коснувшись чёрной крышки, вспомнила, почему всё-таки не дошла до метро.

Машина. Машина, которую Ева не заметила, перебегая дорогу. Последнее, что она помнила, прежде чем очутилась в лесу, – как бампер подсекает ей ноги, заставляя закатиться на капот... А следом – удар по затылку и жуткий треск.

Положив футляр на жёсткий светлый ковёр, Ева опустилась на колени. Взялась за застёжку молнии, почему-то медля.

Значит, она должна была умереть ещё в своём мире? Или всё-таки умерла? Кажется, машина успела притормозить – ей было не слишком больно. Или боль приглушил шок?.. Получается, она ударилась о лобовое стекло... вернее, должна была удариться. Да только между стеклом и её затылком, между капотом и её телом оказался футляр.

Её Дерозе – детище французского мастера Николя Дерозе, издавшее первый звук ещё в начале XIX века, – принял удар на себя. Удар, который должен был достаться ей.

Ева потянула застёжки в стороны, ощущая волнение куда большее, чем почувствовала при известии о собственной смерти.

У Дерозе хороший футляр. Немецкий, лёгкий, прочный. Дорогой: дешёвые были тяжёлыми, а ежедневно таскать за спиной десять килограмм Еве не хотелось. В своё время они с родителями решили, что носить такую виолончель в мягком чехле чревато – ремонт трещин и прочих радостей для подобного инструмента обошёлся бы не в копейки. И до сего дня футляр надёжно защищал своего обитателя.

Правда, до сего дня Ева не попадала под машину.

Она взялась за крышку, понимая, что боится её открыть. Воспоминание о родителях вдруг заставило её отчётливо понять, где она, как далеко от дома, и впервые за вечер Еве сделалось по-настоящему страшно. А может, тоскливо. Она сама пока не понимала.

Наверняка Дерозе целёхонек. По неосторожности футляр и толкали, и роняли, но инструмент не получал ни трещин, ни царапин. И сейчас всё должно быть в порядке.

Должно быть, должно...

Ева подняла крышку.

На красной бархатной обивке покоилась груда деревянных обломков.

## Глава 2

### Cantus firmus<sup>[2]</sup>



Ту часть ночи, что Ева не провела в плаче и прострации, она провела, нарушая прямую просьбу некроманта. А именно – исследуя замок.

Плакала Ева долго. С момента, как увидела разбитого Дерозе. Верхняя дека и бока почти полностью превратились в длинные тонкие щепки. Подставка сиротливо валялась посреди руин, накладка грифа раскололась. Более-менее уцелела шейка (её надёжно закреплял ремешок на липучке), но и та потрескалась. Лишь изящный завиток головки, покоившейся на подушечке, остался нетронутым и доверчиво тянулся к пальцам; когда Ева взяла его в руки – осторожно, будто прикасаясь к смертельной ране, – то увидела, как безвольно висит на струнах подгрифник. Струны не порвались, но свисали беспомощно, точно прядь серебряных волос.

От зрелища обломков навалилось запоздалое осознание – всего. Что произошло. Кто она теперь. И, как ребёнка обняв то, что осталось от грифа, Ева заплакала. Небьющееся сердце скручивало страхом и одиночеством, в уме крутилось нечто пафосное, что Дерозе разбился

совсем как её жизнь, что Дерозе спас её, но его жертва была напрасной...

Потом, спустя вечность холодной, мучительно безлюдной тишины, разбиваемой только всхлипами, безнадежно вымочив ворот рубашки, Ева бережно протёрла головку и колки от слёз. Уложив гриф обратно в футляр, закрыла тот до лучших времён.

Развела сырость... Она бы ещё лужу слёз наплакала, взяв пример с девочки, вместо флегматичного некроманта всё-таки встретившей курящую гусеницу (впрочем, флегматичностью некромант эту самую гусеницу Еве весьма напоминал; если он вдруг курит, сходство и вовсе будет поразительным). Она же в мире, где есть магия, а магия решает все проблемы! Не может у них тут не быть заклятий, которые воскрешают мертвецов и восстанавливают предметы. Значит, магия и Еву вернёт к жизни, и виолончель поможет отремонтировать.

Хотя вернее будет сказать «собрать»...

Вытерев щёки, Ева проверила то, что лежало во внешнем кармане футляра: кроме нот и тетрадки по гармонии, ожидаемо не пострадавших, в тот день она засунула туда планшет-трансформер.

Как ни странно, тот уцелел и даже работал. По экрану пролегла трещина, но в остальном всё было в порядке. Портативная зарядка и провода для гаджетов, судя по всему, тоже хорошо себя чувствовали, но планшет Ева всё равно выключила, чтобы не разрядился (помимо конспектов, там хранились фотографии, книги и любимые аниме, и пусть сейчас Еве было не до книг, позже ей наверняка придётся чем-то скрашивать своё существование). Карандаши в маленьком мягком пенальчике с Тоторо сломались, но там же лежала целёхонькая точилка, так что – невелика беда. Смартфон Ева носила в кармане сарафана; оставалось надеяться, что сейчас тот лежит где-то у некроманта, а не выброшен вместе с одеждой.

Полами рубашки промокнув щёки, на которых в процессе ревизии снова как-то незаметно пролегли влажные дорожки, Ева наконец застегнула пуговицы до самого горла. Помимо рубашки ей пожертвовали носки, затягивавшиеся хлопковыми шнурками на щиколотке, и бархатные штаны; одежда оказалась великовата, нижнее бельё отсутствовало, но ремень решил проблему с размером штанов, а Ева была благодарна и за это. Раз в её одежде теперь красуется выжженная дыра, на первое время этот наряд вполне сойдёт.

Спать действительно не хотелось – если зомби... да, она не совсем зомби, но так проще... и страдали от сонливости, то разве что от хронической. И хотя порядочным зомби-слугам не полагалось нарушать прямые просьбы господина, Ева сунула ноги в кеды и побрела к двери, чтобы осмотреться в новой обители.

Коротать время до утра в четырёх стенах, мыслями постоянно возвращаясь к случившемуся, она бы всё равно не смогла.

Не сказать, что перспектива быть зомби-служгой Еву устраивала. На веки вечные – точно нет. Однако без некроманта она бы сейчас потихоньку загнивала в лесу, и послужить ему до настоящего воскресения считала вполне приемлемой ценой за спасение. Только вот чего от неё хотят?.. Если Герберт велит ей драить горшки, Ева очень постарается не разбить все горшки в замке, пытаясь обучиться этому искусству. Хотя бы ночевать в золе не придётся – не только потому, что ей отвели комфортабельную спальню: зомби ведь нет нужды согреваться у камина...

Размышляя об этом, Ева скиталась по запутанным коридорам замка. Окружение напоминало странную помесь готики и рококо – сдержанность серо-бежевых тонов разбавлялась красочностью витражей, потолок покрывали ажурные орнаменты, стрельчатые арки перетекали в изящные пилястры с кокетливыми завитками.

Коленопреклонённый скелет в платье, намывавший каменный пол за очередным поворотом, вписался в интерьер как нельзя лучше.

Скелет был человеческий, беленький, чистенький и самый обычный, не считая длинного серого платья, похожего на наряд викторианской горничной, и внезапную подвижность. Вылитое наглядное пособие из кабинета биологии, вздумавшее принарядиться. На Еву он не обратил ни малейшего внимания – девушка отпрянула было за угол, но быстро оправилась от испуга. Издали понаблюдала, как скелет неуклонно продвигается вперёд, побрякивая костяными ступнями о камень и передвигая жестяное ведро с водой.

Когда Ева, осмелев, осторожно приблизилась, скелет моментально отполз к стене. Даже череп не поднял. Он не двигался, пока Ева не ушла с дороги, – а когда ушла, тут же вернулся на прежнее место, продолжив прерванное занятие. Видимо, его запрограммировали выполнять одно-единственное действие, при этом не мешая обитателям замка.



*Скелеты-горничные*, без особого удивления думала Ева, спускаясь на нижний этаж. *Чего ещё ожидать от некроманта*. Ясно теперь, почему её сочли «шумной»: похоже, новый знакомый жил в полном одиночестве, а скелеты не отличаются говорливостью...

Мысли неуклонно возвращались к горестям на повестке дня.

Интересно, как она вернётся домой? Нет, в том, что она *может* вернуться домой, Ева не сомневалась. Нисколько. Вопрос в том, каким образом. Правда, пока она не оживёт... а в том, что она в конце концов оживёт, Ева тоже нисколько не сомневалась – иначе это вышла бы какая-то слишком неправильная и злая история... об этом и думать нечего. Ева и без того периодически думала, насколько родителей устраивает её скромная персона; немёртвая дочка, которая без магической подпитки наверняка обратится в очень даже мёртвую, их точно не обрадует.

Впрочем, до возвращения домой Ева была не прочь устроить себе недолгую экскурсию по иномирию. В конце концов, такая возможность представляется не каждый день, к тому же по некоторым причинам Ева была даже рада на время сбежать от привычной жизни. Заодно представится шанс отыскать ту женщину, из-за которой она теперь бродила по этому замку, и обеспечить ей наглядное знакомство с методами испанской инквизиции, включая аутодафе.

Замок Еве нравился, но она предпочла бы бродить по нему в более живом состоянии.

Спустившись вниз, Ева забрела на кухню. Случайно – она удерживалась от искушения заглядывать за двери, опасаясь того, что обитель некроманта может за ними скрывать. Но дверь на нижнем этаже оказалась приоткрыта, а сквозь щель виднелась лестница, ведущая в некое подвальное помещение.

Ева честно колебалась, однако искушение взяло верх над здравым смыслом.

Лестница вела в просторный зал. Стоило девушке спуститься, и под потолком вспыхнула магическая люстра. Свет ровной белизной лёг на огромную печь, длинный стол и красноречивую экспозицию в виде кастрюль, поварёшек и прочей кухонной утвари, развешанной по стенам. Подле стола рядом выстроились пять скелетов в болотного цвета робах, бежевых фартуках и, подумать только, шапочках. Видимо,

поварских. Они стояли неподвижно, точно ожидая, пока хозяин позвонит в колокольчик.

Удивляясь то ли педантичности некроманта, то ли его специфическим способам развлечения (похоже, кто-то в детстве не наигрался в куклы), Ева рискнула заглянуть за двери. За одной притаилась судомойня: каменные раковины, немногочисленная деревянная мебель и ещё три скелета: два в платьях, один (к ужасу Евы, похожий на детский) в холщовой рубахе и бриджах. Другая комната представляла собой холодильник, где между ледяными стенами висели на крюках освежёванные туши. Третья оказалась кладовой, и на полках ждала своего часа всяческая снедь: огромные головки сыра, золотистые хлебные буханки, копчёные окорока, пестрядь баночек с вареньями и соленьями...

Там-то Ева и обнаружила призрака.

Сперва она увидела просто мужчину лет сорока, облачённого в щегольской наряд – синие парчовые бриджи и бархатный сюртук поверх золотистой шёлковой рубашки. Он увлечённо считал колбасы, толстой грифельной палочкой записывая результаты инспекции в тетрадь с жёлтыми страницами. Заметив, что дверь открылась, обернулся – и тут же расплылся в широкой, белозубой, очень располагающей улыбке.

– О, это вы! – Захлопнув тетрадь в твёрдой кожаной обложке, незнакомец сунул её под мышку. Каштановые локоны, прихваченные сзади атласной лентой, вились искусными завитками; губы обрамляли подкрученные усы и аккуратный треугольник бородки. – Я так вас ждал!

Лишь тогда Ева заметила: лучи волшебных кристаллов, сиявших на дальней стене кладовой, слегка просвечивают сквозь него. И когда мужчина перехватил её руку, чтобы прижаться к ней губами, поняла: его пальцы не теплее её, а касания пусть и ощутимы, но напоминают прикосновение к невесомой и слегка колючей ткани вроде органзы.

– Очаровательно. Прелестно, – резюмировал призрак, оглядев Еву с головы до ног. Достал из внутреннего кармана сюртука длинную ленту с делениями, похожую на портновский сантиметр: видимо, тоже призрачную. – Позвольте мне незамедлительно снять мерки. Поутру сразу же отправлюсь в город, к портным. Как жаль, что я не мог заранее знать ваших форм! Такая красота нуждается в достойном

обрамлении вместо этого... безобразия. – Морщась, он витиеватым жестом обвёл её наряд. – Что к лицу господину Уэрту, не подходит нежному созданию вроде вас. – Бесцеремонно развернув Еву за плечи, призрак слегка подтолкнул её к центру кухни. – Пойдёмте, пойдёмте, здесь слишком тесно!

– Вы ждали... меня? – обескураженно переспросила Ева, когда её принялись деловито и ловко обмерять сантиметром.

– Господин ещё месяц назад предупредил, что у нас будет гостя, – услужливо отрапортовал призрак, записывая цифры всё в ту же книжечку, уложенную на стол. – Как я рад! Не поймите неправильно, я обожаю господина Уэрта и предан ему всем своим существом, всей душой... собственно, ныне душа и есть всё моё существо... но он не особо разговорчив, да и со скелетами не перекинешься словечком. И тут вы! Точь-в-точь такая, какой я вас представлял, только ещё капельку прекраснее. Позволите? – Он невозмутимо обвил лентой её грудь, замеряя объём; рубашка под призрачным сантиметром промялась вполне убедительно. – В этих стенах так давно не звенел колокольчик девичьего голоса... Что подделаешь, господин такой нелюдимый. Правда, я ожидал, что вы будете немножко более живой. Уже запланировал перемены блюд для трапез на весь день, и какой бы вас ждал ужин, ах! – Призрак грустно оглянулся на открытую дверь кладовой. – Господин к пище равнодушен так же, как и к разговорам. Магия – единственная его страсть в последние годы, и я почти потерял надежду, что однажды вместо книг он снова изберёт объектом своей привязанности... нечто более одухотворённое. О, не подумайте, будто я на что-то намекал, нет, вовсе нет.

Всё же по поводу одиночества некроманта Ева немного ошиблась. Нет, похоже, из живых в замке и правда никого больше не было, но с таким словоохотливым призраком в прислужниках немудрено, что Герберт предпочитает общество скелетов.

– Вы меня представляли?..

– Жаль, что вы не сможете разделить его трапезу, – продолжал увлечённо убиваться призрак, добравшись лентой до бёдер. – Но, уверен, посидеть с ним за столом за завтраком не откажетесь... Ах, совсем забыл представиться! Как нелюбезно с моей стороны. Эльен, здешний дворецкий. К вашим услугам, милая лиоретта. Позволите? –

Закончив замерять длину её ног, он вытащил из-под стола небольшую скамью. Непринуждённо опустился на колени, чтобы расшнуровать Евины кеды. – Как ваше имя? Присядьте, прошу.

– Ева, – пробормотала она, опускаясь на скамью и чувствуя себя одним парнем на ледяной стене, который славился тем, что ничего не знал. – Почему лиоретта?..

– О, вы же явились издалека, – спохватился Эльен, стягивая с неё кеды и носки. – Пусть по вам и не скажешь. Такой безупречный, чистейший керфианский выговор, поразительно! Впрочем, для носителя языка он и правда *слишком* безупречен. Прежде я такой слышал только у шпионов. Хотя под этой крышей говорили они недолго. – Подняв глаза, призрак вновь обезоруживающе улыбнулся. – Лiorетта – так в нашем королевстве обращаются к незамужним девушкам. Вы ведь не замужем, правда? – вмиг посерьёзнев, строго спросил он.

– Нет, конечно. Мне всего семнадцать, – добавила Ева, оправдываясь непонятно за что.

– Как я и думал. – Призрак удовлетворённо замерил её ступню. – Два с половиной. Любая придворная красавица позавидует таким ножкам, – сворачивая ленту, невзначай заметил он. Облачил её ноги в кеды так бережно, точно на них примеряли хрустальные туфельки. – Некоторые, правда, начнут морщить носики от того, что вы такая худышка, но на мой взгляд – а он, поверьте, *очень* притязательный, – вы просто идеал. Будь я на сотню лет живее и на двадцать моложе, вам пришлось бы каждый вечер наглухо запирать окна своей спальни. Иначе мои фальшивые любовные рулады не дали бы вам сомкнуть глаз, пока вы не согласились бы более не быть незамужней.

Ева невольно улыбнулась. С момента выхода из комнаты она вообще воспринимала происходящее на диво спокойно – даже для неё, не склонной к истерикам.

С другой стороны, в замке она не видела ничего такого, чего не встречала в книжках или фильмах, а расхожее выражение про пульс покойника появилось не на ровном месте.

– Вы ведь призрак, – сказала она утвердительно.

– Совершенно верно.

*Хотя скорее полтергейст*, поправилась Ева про себя, учитывая взаимодействие с предметами.

– И вы дворецкий Герберта.

– Герберта? Как изобретательно вы его называете! – Восторженностью Эльена можно было поднять самооценку даже человеку, у которого она упала куда-то в Марианскую впадину. – Вам известно, чем занимается дворецкий?

– Смутно, – призналась Ева. Она и дома-то путалась в иерархии и обязанностях слуг, когда встречала в книжках всех этих мажордомов, камердинеров и лакеев, а что могло скрываться за этим словом в другом мире, понятия не имела. – Если честно, для начала я хотела бы узнать, где я, кто ваш хозяин и зачем я ему понадобилась.

Занеся последние цифры в свою книжечку, Эльен присел на скамью рядом с ней: вполоборота, небрежно и вальяжно облокотившись локтем на стол.

– Что именно он намерен с вами делать, я и сам не знаю. Честно. – Оглядевшись вокруг, точно опасаясь, что их может подслушать кто-то, помимо безучастных скелетов, призрак заговорщицки понизил голос: – Знаю только, что здесь замешано некое пророчество.

*Я же говорила*, отметила Ева удовлетворённо. *Вернее, думала.*

– Я что, должна спасти мир и всё такое?

– Почти. В нашей стране... непростая политическая обстановка, и, полагаю, вы поможете её исправить. Подробности вам лучше узнать не от меня. – Дворецкий покосился на люстру, точно надеялся разглядеть хозяина сквозь потолок. – Во время периодических вылазок в город я нередко выслушиваю интересные новости, домыслы и пересуды. Так вот, с некоторых пор в народе гуляют слухи о юной деве из иного мира, коей суждено явиться, дабы изменить существующее положение вещей. К сожалению, ничего большего мне вызнать не удалось – не та тема, на которую будут распространяться на каждом углу... особенно учитывая некоторые обстоятельства... а потому до поры до времени я считал это обычными сказками. Но после господин упомянул, что в канун Лёрина дня к нам пожалует иномирная дева, прелестная, как лето. Судя по тому, с каким сарказмом он это произнёс, цитата дословная – обычно его речи подобные эпитеты не свойственны.

– И по этому описанию вы представили меня?

Эльен взглянул на неё внимательно и капельку недоумённо.

– Волосы – пшеничный жемчуг, губы – лепестки пустынной розы, глаза – небо, выцветшее от зноя... О, я должен это записать! – Призрак вдохновенно схватился за грифель. – Я немного поэт, – скромно добавил он, мелким почерком выводя строчки в тетради. – А «розы» можно срифмовать с «летние грёзы», прекрасно... В общем, разве красота лета могла быть иной?

– Вы это всё точно обо мне?

Нет, Ева сама считала себя довольно милой, но не более. И регулярно вздыхала, тоскливо разглядывая в зеркале вздёрнутый нос.

– Вы в королевстве Керфи. – Последний вопрос Эльен то ли оставил без внимания, то ли не счёл достойным ответа. – Что же до хозяина... неужели он не представился?

– Он сказал только, что его имя Гербеуэрт.

– Ох уж эта его немногословность. – Призрак аккуратно отложил грифель в сторону. – На самом деле вас приютил... – Прокашлявшись, он торжественно, словно предваряя явление некроманта в бальном зале королевского дворца, объявил: – Гербеуэрт тир Рейоль, глава дома Рейоль, покровитель Шейнских земель, Избранник Великого Жнеца, магистр Керфианского Колдовского Ковена, Восьмая Звезда Венца Магистров, законный наследник престола Керфи.

*Да ему в коллекцию только титула Матери Драконов не хватает, отметила несколько ошарашенная Ева. Хотя этот было бы трудно заполнить по техническим причинам.*

– Будем считать, что я знаю некоторые из этих слов, – после секундного молчания изрекла она. – Как насчёт расшифровки по порядку?

– Не печальтесь, подобный титул может ввести в замешательство и гостей из иных стран, не говоря уже о вас, – любезно откликнулся Эльен. – Спрашивайте.

В процессе расспросов выяснилось следующее. Небольшое, но процветающее приморское королевство Керфи делилось на несколько «земель» (местный аналог областей), и некромант была кем-то вроде губернатора одной из них. «Дом Рейоль» служил синонимом «династии Рейоль», а поскольку родители Герберта почили, когда тому исполнилось пятнадцать, звание главы рода в юном возрасте досталось ему. Кроме того, Герберт фактически являлся принцем: правящая королева Айрес, незамужняя и бездетная, приходилась некроманту

тётей и назначила его своим преемником в обход всех других претендентов. В передаче трона ни порядок рождения, ни пол не играли определяющей роли – правители просто выбирали среди своих детей самого достойного (по крайней мере, так предписывалось в уставе о престолонаследии), не делая разницы между сыновьями и дочерьми. Бездетный король выбирал среди сестёр и братьев. Если тех не было, рассматривали кандидатуры ближайших родственников до определённой степени родства. Пол и старшинство также не имели значения; к примеру, Её Величество Айрес Первая выбирала между собственным кузеном, Гербертом и его двоюродным братом. Герберт не был первым претендентом по праву рождения, однако королева склонила чашу весов в его пользу.

Вопрос, отчего наследник престола обитает не во дворце, в окружении роскоши и раболепствующей свиты, и довольствуется обществом скелетов, Ева решила оставить до лучших времён. Пока нашлось много других.

– Избранник Великого Жнеца, – вспомнила Ева следующий титул. – Так у вас называют некромантов?

– Именно.

– И что за Великий Жнец?

Она догадывалась об ответе, но уточнить во избежание казусов было не лишним.

– Сын Творца Изначального. Бог смерти и жизни, приводящей к ней. – Призрак аккуратно закрыл тетрадь. – У Творца много детей: Садовод, Ворожея, Воитель, Заступница... мы чтим их всех, и их отца тоже. Но Жнец едва ли не самый сильный из всех, и культ его в Керфи, пожалуй, главенствующий.

– Значит, у вас... в Керфи... быть некромантом почётно?

– Маги других специализаций ценятся не меньше. Но учитывая, что во всём нашем мире некроманты рождаются лишь в Керфи и они не раз спасали страну от вторжения извне, можно сказать и так. – Эльен проникательно воззрелся на неё. – Вас это удивляет?

– Просто в нашем мире некромантов... не очень любят. И побаиваются. – Ева решила не добавлять «в книжках». – Всё же они оскверняют могилы, тревожат покой мертвецов, да и вообще... кхм... якшаются с трупами и взывают к тёмным силам. А это... кхм... вроде как не очень хорошо.

Призрак фыркнул.

– В других странах придают слишком большое значение бранным останкам. Да и жители Керфи, поклоняющиеся иным богам, сторонятся некромантов. Но для истинных керфианцев, последователей нашей религии... – Он рассеянно обвёл рукой скелеты поваров. – Все они принадлежат тем, кто когда-то служил здесь. Они умерли своей смертью и подняты исключительно с их предсмертного согласия. Для верного слуги завещать своё тело господину – естественно. Если ты всю жизнь провёл в стенах этого замка и умер здесь же, тебе не хочется его покидать. Если ты всю жизнь преданно служил кому-то, для тебя в радость послужить ему и в посмертии. И если господин найдёт достойное применение той пустой и жалкой оболочке, что остаётся, когда душа твоя отправляется за грань... или же, если господин не был избран Жнецом, это сделает его потомок... это честь. Иначе твоё тело обречено просто гнить на кладбище, принося пользу разве что червям.

– Вот почему они в одежде? – Ева снова посмотрела на скелеты: не сказать, что совсем другим взглядом, но определённо теплее, чем до того. – В смысле... они же вполне могут обойтись без неё, но...

– Живые тоже могут. Не всегда, но в очень многих случаях. Почему-то не обходятся, – усмехнулся Эльен. – Одежда – дань уважения, лиоретта. Эту одежду они носили при жизни. Было бы некрасиво лишить их её, когда жизнь закончилась. Уважающий себя некромант не делает с останками своих слуг того, что опорочило бы их достоинство, пока их сердца бились. О, не подумайте ничего неприличного, – добавил он, видимо, осознав некую двусмысленность фразы. – Ни один из Рейолей никогда не отличался... специфическими вкусами.

– А другие некроманты, стало быть, отличаются?

– Всякое бывает, – ответил призрак уклончиво.

Мысленно возблагодарив судьбу за то, что Герберту, судя по описанию Эльена, досталось разве что болезненное пристрастие к книгам, Ева приготовилась засыпать дворецкого ещё десятком вопросов, но в этот миг скелеты синхронно шевельнулись. Шагнув вперёд, они выжидающе уставились на призрака пустыми глазницами.

От их безглазого взгляда девушке, сидевшей рядом, сделалось немного не по себе.



– О, время готовить завтрак. – Схватившись за свою книжечку, Эльен пролистал несколько страниц и громко объявил: – Сегодня тосты, яйца по-лиорски, белые колбаски и фейр с меолой. Будьте добры.

Скелеты, невесть каким образом услышав, послушно побрели по своим делам: затапливать печь, доставать продукты из кладовой и бряцать посудой, снимаемой с полок и стен.

– Они вас понимают?

– Сам удивляюсь, поверьте, – развёл руками призрак. – У них не должно быть слуха, да и память, по идее, исчезает вместе с разумом и душой... Но они могут выполнить любой приказ и любое действие, которое выполняли при жизни. Вот велеть им приготовить нечто новое бесполезно, замрут истуканами, и всё. – Эльен горестно следил за передвижениями скелетов, один из которых удалялся в судомойню с большой кастрюлей. – Хорошо, что мы не даём званых обедов с тех пор, как господин распустил всю живую прислугу. Не приходится перед гостями стыдиться стола по моде тридцатилетней давности.

Еве хотелось сказать, что она бы с удовольствием попробовала иномирные блюда хоть позапрошлого века, но решила не сыпать соль на раны. Ни на свои, ни на Эльена, и без того огорчившегося, что не сможет накормить долгожданную гостью ужином. К тому же нечисть и нежить, каковой являлись они оба, с солью были не в ладах<sup>[3]</sup>.

Отступив к лестнице, чтобы не мешать скелетам, Ева переспросила:

– Герберт распустил всю прислугу?..

Призрачные пальцы Эльена рассеянно пробежались по обложке тетради, будто лежали на невидимых клавишах.

По отточенности движения, очень похожего на привычку бывалого пианиста, Ева заподозрила, что пассаж про фальшивые рулады не совсем соответствовал действительности.

– Это долгая история. И сейчас не лучшее время её рассказывать. – Призрак повернулся на каблуках, наблюдая за передвижениями костяных слуг. – Напоследок возвращаясь к моим обязанностям... При жизни я руководил мужской прислугой в доме и, кроме того, следил за гардеробом господина. Однако за последнюю сотню лет дворецкие стали намного более... универсальными, а превращаться в бесполезный реликт у меня нет ни малейшего

желания. К тому же потом у Рейолей начались... м... некоторые проблемы с финансами. Живую прислугу стали сокращать в пользу нежити, а скелеты неспособны мыслить или быть ответственными за что-либо. Так что я иду в ногу со временем и при отце господина Уэрта ко всему прочему заменял экономку, а также отвечал за винный погреб и организацию торжественных приёмов. Сейчас же всё хозяйство в замке, включая закупку еды, держится на мне.

В общем, если Ева правильно помнила исторические романы, вышла эдакая помесь вполне себе земного дворецкого с вполне себе земным камердинером и мажордомом. Что немудрено: в другом мире и уклад обязан быть немножко другой.

– Могу проводить вас в столовую, – завершая разговор, предложил Эльен, пока скелеты суетились вокруг. – Господин скоро спустится туда.

– А... нет, спасибо, я... мне вообще сказали оставаться в комнате. Я лучше вернусь к себе.

– О, молодость, молодость! Что ей чужие указы. – Призрак заговорщицки улыбнулся. – Не беспокойтесь, лиоретта. Для хозяина вы слишком ценная гостья, чтобы отдавать вам приказы или строго наказывать... Не говоря уже о том, что в моей голове не укладывается, как можно быть строгим с такой пленительной особой... но я не выдам вашего самовольства. На всякий случай. – Он изящно и учтиво шаркнул ножкой. – Найдёте сами обратную дорогу?

– Думаю, да. Если заблужусь, буду громко кричать. – От любезности призрака, искристым бисером рассыпавшейся в его словах и манерах, на губы сама собой вернулась улыбка. – Спасибо, Эльен.

– Счастлив быть вам полезен, но не спешите меня благодарить. Полагаю, нам предстоит ещё много бесед, и надеюсь, что в скором времени вы не вззоете от моего общества.

– Если нам и правда предстоит много бесед, ещё посмотрим, кто от кого вззоет.

Призрак коротко посмеялся, и на этой ободряющей ноте Ева покинула кухню – радуясь, что потрудилась запомнить путь к лестнице, по которой они с некромантом поднимались, когда её первая безумная ночь в иномирье только начиналась.

Ценная гостья, стало быть? Ну-ну. Понять бы ещё, за что её так ценят. И предстоящий завтрак – самый подходящий момент, чтобы это

узнать.

Некромант сдержал слово. Вскоре после того, как Ева вернулась в комнату, в дверь постучали: за порогом оказался ещё один скелет в платье, который (подумать только!) поклонился и жестом велел следовать за ним.

Столовая располагалась неподалёку от кухни. Такая, какой и положено быть замковой столовой – огромный камин, бесконечный стол и скамьи, длинные, как анаконда. Герберт ковырялся в тарелке, восседая в кресле с высокой бархатной спинкой; ковырялся не глядя – всё его внимание было приковано к книге, парившей над столом прямо напротив глаз, – и левой рукой, что ко всем прочим его примечательным чертам прибавляло диагноз «левша».

– Знакомься, Эльен, – услышав Евины шаги, сказал он. – Наша гостья. Тебе предстоит поведать ей об особенностях нашего мироустройства, обучить её тонкостям этикета и учесть, что ей предстоит произвести благоприятное впечатление не только на неотёсанных простолюдинов. Надеюсь, она не столь безнадёжна, как кажется. Это Эльен, мой дворецкий, и он будет учить тебя тому, на что я не собираюсь тратить силы и время. – Призрак, дежуривший неподалёку от стола, бесстрастно и чопорно поклонился, выдав их знакомство лишь сочувственно-ободряющим взглядом. – Садись.

Ева тихонько хмыкнула (очень хотелось фыркнуть, но фырканье вышло бы слишком выразительным и демонстративным, а злить того, от кого зависит твоя не-жизнь, она всё ещё считала не самым разумным поведением). Послушно села – вопреки законам комедийного жанра, не напротив некроманта, на другом конце бесконечного стола, а на скамью рядышком.

Разглядев, что лежит на столешнице, схватила знакомый телефон в сиреновом силиконовом чехле.

– Так и думал, что это твоё, – скучающе прокомментировал Герберт, пока Ева упоённо стучала кончиком пальца по сенсорному экрану. Телефон исправно работал, даже не вырубился: разве что сеть ожидаемо не ловил. – Нашёл это в твоём платье, решил, тебе это... что ты делаешь?

Последнее он уточнил, сощурившись от автоматической вспышки камеры – та запечатлела лик некроманта на фоне камина и на миг придала надменному голосу некое подобие человечности.

– Фото. На память, – пояснила Ева, демонстрируя Герберту картинку, прежде чем убрать телефон в карман штанов.

Пожалуй, потом надо будет сделать селфи. Много селфи, и с некромантом – украдкой – тоже. Поможет убедиться, что всё это ей не пригрезилось. Хотя если в какой-то момент Ева проснётся в своей постели, а фото в телефоне благополучно не окажется, это будет не худший вариант: при всех плюсах подобного приключения увидеть его во сне – тоже неплохо, а оказаться дома живой и с целёхоньким Дерозе в придачу – ещё лучше.

Впрочем, если это всё-таки не сон, хорошо, что сети нет. Не то Ева уже заспамила бы друзьям всю ленту инсты и твиттера, с хэштегом #мирдолжензнатьчтоязомби.

– В следующий раз убедительная просьба предупреждать, – сказал Герберт холодно. – Могу случайно решить, что ты пытаешься ослепить меня и убежать, и сделаю что-нибудь, вследствие чего ты попросишься либо с сознанием – временно, либо со своей игрушкой – навсегда.

Вопреки Евиным ожиданиям, столкновение с технологиями не только не заставило некроманта испытать священный трепет, но как будто ни капельки не удивило. Впрочем, отбросив идеи ещё для пары твитов, девушка сконцентрировалась на том, что было действительно важно:

– А у меня есть причины убежать?

– Полагаю, появятся, когда я введу тебя в курс дела. Если я ошибаюсь, это окажется приятным сюрпризом. Жаль, что ошибаюсь я крайне редко. – Щелчком пальцев некромант призвал из ниоткуда большой пергаментный свиток. – Проясню лишь самое необходимое, остальное расскажет Эльен. Итак. – Отправив в рот кусок чего-то похожего на яичницу-болтушку под зелёным соусом, Герберт чуть взмахнул серебряной трехзубой вилкой: пергамент, послушно развернувшись, лёг на стол перед Евой. – Это Тофрахеим. Так называется наш мир. Мы в Керфи, ты смотришь прямо на него.

Она воззрилась на карту, являвшуюся взгляду архипелаг с тремя крупными островами. Надпись «Керфи», начертанная затейливым шрифтом (нечто вроде латиницы, скрещенной с кельтскими рунами и гордившейся дальним родством с алхимическими символами),

красовалась на левой части нижнего из них, желтевшей между горной грядой и извилистыми морскими берегами.

Язык надписи был Еве незнаком, но значение читаемого всплыло в сознании само собой, точно кто-то втайне от неё записал перевод на подкорке.

– Если есть вопросы, задавай.

Предложение некроманта можно было бы назвать великодушным, если б не тон, которым его озвучили. Поэтому Ева довольно долго выбирала из всех своих вопросов самый уместный и актуальный – но не была уверена, что в конечном счёте сделала правильный выбор.

– Почему я тебя понимаю? Почему понимаю, что здесь написано? Почему сама говорю на вашем языке, если не знаю его?

Ева так и не подняла взгляд, изучая карту, но отчётливо поняла, что его поднял некромант – возведя очи к потолку.

– Ты всерьёз спрашиваешь об этом, пребывая в мире, пронизанном магией? Мне казалось, факт наличия магии во всём, что тебя окружает, не столь незаметен.

– Хочешь сказать, это какое-то переводческое волшебство?

– Некая разновидность ментального колдовства, полагаю. Магическое усовершенствование мозга, свойственное подобным тебе. Прилагается к магическому дару, который достаётся вам при переходе в другой мир. Грустно только, что оно делает вас гениальными лингвистами, не затрагивая общий уровень интеллекта. – Краем глаза Ева заметила, как некромант аккуратно отложил вилку в сторону. – Насколько могу судить, для каждого моего слова эти чары подыскивают в твоём мозгу максимально близкий смысловой аналог, известный тебе. Если он есть, конечно: понятия, которых в твоём мире не существует, для тебя так и прозвучат на керфианском. – На секунду Ева задумалась, почему чары не подыскали аналог для «лиоретты», но потом сообразила – в её голове и так живут «мадемуазель», «мадам», «леди», «сеньорита» и прочее, и ещё одно иностран... иномирное обращение погоды не делало. – Когда ты открываешь рот, чары преобразуют твою речь в слова языка, родного для твоего собеседника. Попади ты в Риджию, сейчас столь же прекрасно говорила бы на риджийском. – Герберт едва заметно покачал головой. – Если б эти чары ещё прививали вашей речи и вульгарным манерам культуру, а поведению – этические нормы, цены бы им не было.

Сказанное объясняло не только отсутствие языкового барьера, но и то, что речь аборигенов не изобиловала незнакомыми терминами... и, запоздало осознав полный смысл услышанного, Ева ухватилась за интересную информацию:

– Магический дар? Ты сказал, у меня есть магический дар?!

– Он был у всех тебе подобных. Учитывая все детали, ты не могла стать исключением.

– Так я что, не первая?..

– Конечно, нет. Такие, как ты, регулярно валятся нам на голову. Раз в несколько лет появляются в той или иной стране. – Некромант кивнул на карту. – К слову, тебе повезло, что ты не вывалилась в Риджии. Там тебе пришлось бы хуже, чем здесь.

Ева посмотрела на соседнюю страну – та занимала оставшуюся, большую часть острова, отделённую от Керфи горным хребтом.

– Ещё хуже, чем быть убитой немедленно по прибытии? Звучит интригующе.

– Риджия – отсталая страна, населённая отсталой нелюдью. Лепреконы, друу, эльфы. Люди и маги тоже есть, но я им не завидую. Неоднократно пытались нас завоевать. Последние триста лет провели в междоусобных войнах. Пока весь мир развивался и шёл в ногу со временем, чтобы ступить в нынешнюю просвещённую эпоху, они вырезали друг друга. Только недавно наконец объединились под эгидой вроде бы толкового правителя и его вроде бы толковых советников, но и в этом им немало помогло вмешательство такой же пришлой девчонки, как ты. Подумать только. – Смерив её внимательным взглядом, Герберт вновь покачал головой, выразив таким образом всё, что думает по поводу этих самых пришлых девчонок. – Насколько мне известно, там женщин ни в грош не ставят.

– А в вашей... продвинутой стране, значит, ставят.

На «продвинутой» Евины пальцы, которыми под столешницей она вцепилась в коленки, самопроизвольно дёрнулись изобразить кавычки.

– У нас женщины наравне с мужчинами получают высшее образование в университетах. Имеют полное право наследовать имущество, титулы и престол. Там дочь Повелителя может сесть на трон лишь в случае, если нет наследников мужского пола, а после смерти мужа женщина с юридической точки зрения становится приживалкой у собственных сыновей. Становилась бы, если б

риджийцам знакомо было понятие «юрист», – поправился некромант едко. – Университетов в Риджии нет, простолюдины остаются с пятью классами школы, знатные девушки получают образование на дому. Если они не колдуньи, изучают только то, что позволит им быть красивыми куклами при достойном муже. Делай выводы, если умеешь.

Ева глубоко вдохнула, набираясь бесконечного терпения для того, что ей предстояло сказать.

Она была крайне необидчивым человеком. По очень простой причине – на тех, чьё мнение о твоей персоне тебе абсолютно неинтересно, обижаться глупо; людей, чьё мнение Еву действительно интересовало, нашлось бы немного, и им обижать её было не свойственно. Динка, старшее чадо четы Нельских и Евина сестра, утверждала, что вести себя так – всё равно что ходить в футболке с надписью «вытрите об меня ноги, пожалуйста», и на это Ева тоже не обижалась. Некоторые хотят, чтобы ты защищался, ибо привыкли выставлять против чужих колкостей щит сарказма и ответных колкостей, но иногда проще пропустить колкости мимо ушей: жалящей льдинкой сквозь невесомый туман души, не позволяя обидным словам задержаться внутри и задеть нервные струны.

Это не значило, что Ева не умела защищаться. Или мстить. Просто вещи, вынуждавшие её бить в ответ, были *действительно* весомыми. К примеру, она легко прощала оскорбление в свою сторону, но никогда не прощала оскорбление тех, кого любила. И даму, застрелившую её, прощать была не намерена. И всячески подчёркиваемое презрение некроманта к её персоне начинало её раздражать.

Отчасти потому, что такое поведение человека, упрекавшего её в вульгарности, она склонна была назвать не менее вульгарным.

– Послушай, Герберт, – произнесла Ева как можно мягче. – Зачем ты мне помог, если ты явно... м... не питаешь ко мне тёплых чувств? Не подумай, я всё понимаю – в конце концов, я тебе никто и звать меня никак... но всё-таки.

Герберт посмотрел на неё почти страдальчески.

– Не знай я, что с предсказаниями лучше не шутить, я бы и не стал. К сожалению, я это знаю. Тебе суждено воплотить одно важное пророчество, и здесь ты именно за этим.

Ева очень постаралась изобразить удивление.

– Что за пророчество?

– *Когда на троне воссядет та, чьё сердце холодно и черно, и ужаса шёпот звучать будет не громче, чем шорох листвы, в год двух лун придёт чудище с Шейнских земель, всем и каждому гибель неся. И в день, осени смерти предшествующий, явится юная дева из мира иного, как лето прелестная, и чёрной королевы правлению конец положит; венец обручальный на чело её король истинный возложит, и сердца огнём и клинком чудище дева сразит, и жизнью своею заплатит, мир ею купив.*

Герберт отчеканил это без заминки. Явно приготовившись к вопросу задолго до того, как тот прозвучал. И пару секунд Ева сидела, осмысливая то, что услышала, и даже не зная, что в услышанном пугает её больше: чудище или некий обручальный венец.

– О, так пророчество пера Лоурэн? Узнаю её слог, – воодушевлённо откликнулся Эльен, до сего момента молчавший в углу. – Сейчас её склонность к инверсиям, порой решительно путающим смысл фраз, кажется немного архаичной... но её творчество без сомнения является образцом высокой поэзии в прозе и истинным литературным памятником эпохи Империи. Простите, господин, не удержался, – добавил призрак под тяжёлым взглядом Герберта. – Вы ведь знаете, как высоко я ценю писателей той эпохи. Лоурэн в особенности.

– Если всё это обо мне, – выдавила Ева, наконец определившись, что пугает её больше всего, – пункт про «заплатит жизнью» мне не слишком нравится.

– В том вся и прелесть, – заметил Герберт с пугающей иронией. – Ты *уже* ею заплатила. При всех неудобствах это также даёт тебе некоторые преимущества. Стать мёртвой, будучи живой, довольно легко. Стать ещё мертвее, будучи мёртвой, куда труднее.

Резон в словах присутствовал, но Ева всё равно нервно сомкнула ладони в замок.

– Можешь повторить, но перевести с поэтического на человеческий? Смысл, *так* умело завёрнутый в высокую поэзию, на слух воспринимать трудно.

– Всё элементарно. Ты свергнешь правящую королеву Айрес. Не беспокойся, она злая, всё как в старинных легендах, – саркастично добавил Герберт. – Убьёшь дракона. Во всяком случае, у меня есть все



основания полагать, что «чудище с Шейнских земель» – дракон: лишь эту зверюгу ни мне, ни отцу так и не удалось приструнить. Обручишься с тем, кто взойдёт на престол после отречения королевы. Это будет вопиющий мезальянс, но, учитывая, что большая часть керфианцев не одобряет политику королевы и ждёт твоего прихода, полагаю, это нам простят.

Меньше вопросов у Евы не стало. Даже наоборот. И испуг возрос прямо пропорционально вопросам.

– Королева. Твоя тётя, – машинально озвучила она. – Ты хочешь, чтобы я свергла твою тётю?

Некромант бросил уничижительный взгляд на Эльена.

– Не буду спрашивать, откуда тебе это известно, ибо догадаться нетрудно, но да: я хочу, чтобы ты *помогла мне* свергнуть мою тётю.

– И убила дракона. Настоящего.

– Нет, кукольного.

Ева обладала достаточно чутким слухом и развитой сообразительностью, чтобы различить маячащую за этими словами табличку «сарказм».

– Огромного, огнедышащего и с крыльями.

– Какого же ещё.

– И в человека он, конечно, не превращается.

– В человека? – В голосе некроманта скользнуло раздражение, лёгкое и шелестящее, как стрекозиное крыло. – Ваша фантазия и до такой ерунды дойти может?

Совсем плохо дело. Справиться с драконом в человеческом обличье – куда ни шло, особенно если б это был дракон в *симпатичном* человеческом обличье. Тем приятнее было бы склонять его на свою сторону – исключительно из деловых соображений, дабы разрешить конфликт дипломатическим путём (в конце концов, пророчествам часто присуща возможность вольных трактовок, а сразить кого-то – и даже наповал – можно без варварского кровопролития). Но легендарная зверюга с клыками...

– А меня точно ни с кем не перепутали? Я не особо похожа на драконоборца. Сам видишь.

– Исключено. Пророчество обозначило точную дату. В этот день возникла единственная прореха между мирами, и из неё вышел единственный человек – ты. Прореха всегда бывает только одна. –

Невозмутимостью тон Герберта напоминал лекторский. – Я уже сказал, что у тебя есть магический дар, и поверь: дар, который ты получила при переходе сюда, способен на многое. Вы, иномирцы, всегда... почти всегда... становитесь возмутительно сильными колдунами. И возмутительно удачливыми – в рамках здравого смысла, конечно. Увернёшься от смертельного выстрела судьбы там, где он настиг бы тысячи других людей, но не когда остриё стрелы приставлено вам ко лбу.

– В этом я уже убедилась, – бесцветным голосом подтвердила Ева.

– Так что ты свергнешь королеву после победы над драконом, – закончил некромант.

– Зачем?

– Таково твоё предназначение.

– А кроме этого?

Герберт воззрился на неё с искренним недоумением.

– Должно быть что-то кроме?

– Я так поняла, твоя тётушка – злобный тиран. От тиранов лучше держаться подальше. Они обычно живучие, зато те, кто на них покушается, в большинстве случаев плохо кончают. Я не ассасин и не испытываю особого энтузиазма при мысли о том, что мне придётся кого-то убить. Иногда хочется, – вспомнив недавнее желание освоить методы инквизиции, честно признала Ева, – но не думаю, что у меня хватило бы духа, когда дело... дошло бы до дела. Извиняюсь за тавтологию.

– Об убийстве никто не говорит! – В голосе её собеседника прорезались нотки, режущие слух ледяной крошкой. – Айрес – моя семья. Моя кровь. Я хочу, чтобы она оставила трон, не более.

– Прости, но ваши трогательные семейные взаимоотношения меня всё равно не вдохновляют.

Взгляд Герберта, задумчиво щёлкавшего костяшками длинных пальцев, сделался почти оценивающим.

– Она знает, как оживить тебя. И как вернуть домой.

Ева внимательно посмотрела на него.

– Знаешь, почему-то я тебе не верю, – с сомнением произнесла она пару секунд спустя.

– Жаль, – откликнулся некромант без всякого сожаления. – Согласись, это стало бы для тебя хорошей мотивацией.

– Лживой мотивацией.

– Попытаться стоило. – Он откинулся на спинку кресла. – Я не знаю, известно ли ей это. Но если кому-то в Керфи это известно, то ей.

– Знаешь, я лучше поищу способ ожить в других источниках. Без такого риска. Наверняка где-нибудь в библиотеках есть магические талмуды, в которых...

– И раз уж более цивилизованные мотивы не являются для тебя достойными, возможно, тебя порадует шанс отомстить.

– Отомстить? За...

Ева осеклась, когда разрозненные мысли, фразы и факты вдруг сложились в единый пазл.

– Она убила меня. Королева. Твоя тётя. – Произнести это вслух оказалось крайне странно. – Она знала о пророчестве. Знала, когда я приду. И убила меня, чтобы оно не воплотилось.

– А в отместку ты свергнешь её. Так гласит пророчество, и, поверь мне, так будет, – непререкаемо закончил Герберт. – Надеюсь, *это* тебя мотивирует?

Ева посмотрела на него исподлобья.

Пазл в голове продолжал собираться, и кое-какие выводы её совершенно не радовали.

– Согласно пророчеству я стану невестой истинного короля, – сказала она, озвучивая простую логическую цепочку. – Ты – наследник королевы. Наследник, который хочет её свергнуть. Не с тобой ли случайно я должна обручиться?

Эльен, до того очень успешно изображавший просто тень у камина, как-то странно кашлянул.

– Я понимаю, что тема свадьбы начинает волновать девочек, как только они обретают способность волноваться и познают значение слова «свадьба», но об этом тебе пока беспокоиться не стоит. – Сухой, как старый пергамент, голос некроманта очень ясно подсказал: развитие темы его не порадует. – Перед всей этой свадебной ерундой у нас будет много других хлопот.

Возможно, в иной ситуации Еву смягчил бы факт, что тема помолвки явно воодушевляет Герберта не больше неё самой. Может, даже насторожил бы.

Однако сейчас о его чувствах Ева склонна была думать в последнюю очередь.

– Так это ты! – Опершись ладонями на стол, она гневно вскочила на ноги. – Ты... ты хочешь сесть на престол, хочешь править сам! Вот зачем я тебе нужна! Я для тебя – Экскалибур на ножках! – *Или это не его Артур вытащил из камня?* Ева внезапно задумалась. *Там же ещё была какая-то озёрная дева с каким-то мечом...* Впрочем, сейчас это определённо было не самым актуальным вопросом. – Народ знает о пророчестве и ждёт моего прихода, так? И если я свергну королеву и убью дракона, а потом обручусь с тобой, никто не посмеет усомниться, что ты и есть тот самый «истинный король»!

– Надо же, – протянул некромант. – Быстро поняла. – Он вновь взялся за вилку. – Похоже, ты всё-таки умнее, чем кажешься. Но позволь узнать, что вызвало в тебе такое возмущение?

Ева стояла, удерживая на языке всё, что ей хотелось высказать по этому поводу. Посмотрела на Эльена, взор которого был почти страдальческим.

Опустила взгляд на свои ладони, произвольно сжавшиеся в кулаки.

– Я не хочу во всём этом участвовать, – произнесла она наконец.

– Ожидаемо. Но видишь ли, я тебя поднял, и ты исполнишь любой приказ, который я тебе отдам, – сказал Герберт прохладно. – Учитывая то, что тебе предстоит, я не хочу превращать тебя в зомбированную куклу. Нам и без того придётся скрывать факт твоей смерти: мёртвая спасительница может вызвать... предубеждение. Однако суть в том, что ты исполнишь предназначение и ты будешь сотрудничать со мной, и я рассчитываю, что ты окажешься достаточно благоразумной, чтобы сделать это добровольно. Потому что иначе ты всё равно это сделаешь, просто с лишней морокой для меня и страданиями для себя. – Он отстранённо подцепил серебряными зубчиками кусок безнадежно остывшей колбаски. – Так что мы изменим мир. Ты и я.

– И выбора у меня нет.

– Никакого.

Глядя, как некромант безразлично дожёвывает свой завтрак, Ева подумала. Ещё подумала.

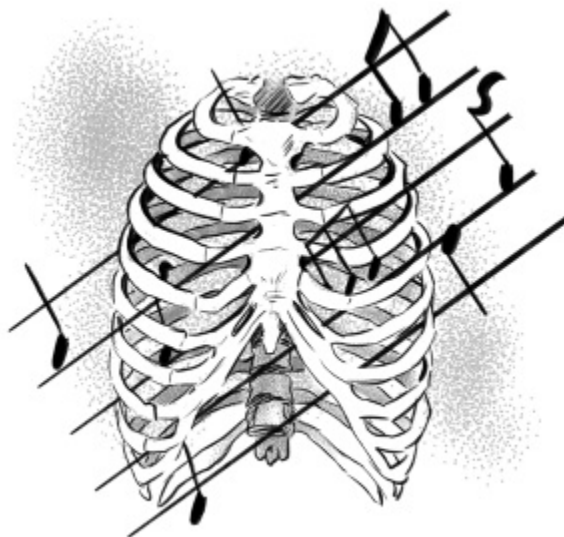
Разжала кулаки, вонзив ногти в пергамент старой карты.

Очень мило улыбнулась.

– Ладно, – сказала она. – Думаю, мы поладим.

## Глава 3

### Infurianto <sup>[4]</sup>



Следующей ночью Ева впервые попыталась убежать.

На успех она не рассчитывала, но Дерозе и прочие пожитки на всякий случай прихватила. В шкафу нашёлся плащ, окутавший её фигурку с головы до ног (нечего смущать местных странным нарядом, а людей королевы – потенциально подозрительным лицом). Там же обнаружилась просторная замшевая сумка на длинном ремне: в неё отправился серебряный подсвечник, который Ева надеялась заложить в ближайшем ломбарде, если в этом мире они существовали.

Тихо спустившись на первый этаж, девушка проследовала к выходу из замка. Пройдя через внутренний двор – брусчатую площадь с колодцем посередине, – сквозь каменную арку вышла в крайне запущенный сад.

Вглядываясь в непроглядную тьму, резко взмахнула правой рукой, точно отражая невидимый удар.

Ничего.

– Ну давай!

Вторая попытка призвать необходимое тоже не увенчалась успехом.

Покосившись на освещённые окна, горевшие за спиной тревожными сигналами, Ева досадливо сжала пальцы.

– Если ты считаешь, что сейчас мне не надо себя защищать, ты неправ, – сказала она, увещевая пустоту. – Я собираюсь спуститься к воротам через очень тёмное место, которое прежде видела только из окна. При таком раскладе споткнуться и свернуть себе шею – раз плюнуть. Я, конечно, и так почти мертва, но быть мертвецом со свёрнутой шеей определённо печальнее, чем с целой. Творить какие-нибудь волшебные фонарики, если они и есть, я пока не умею. Так что ты мне очень нужен. Появись, ладно?

Сосредоточилась, махнула рукой в третий раз... и удовлетворённо воззрилась на то, что появилось в ладони, разогнав тьму ровным голубоватым светом.

К сожалению или к счастью, но ночи предшествовал долгий день, а на пути к желанной короне некромант не желал терять ни минуты, так что после завтрака немедленно принялся лепить из Евы спасительницу всея Керфи.

– Для нормального обучения магии времени слишком мало. Придётся не учить тебя, а натаскивать, – с привычной брезгливостью и брюзгливостью бросил Герберт, приведя её в зал, отведённый для магических тренировок. – Освоишь владение стихийным оружием, пару щитов, несколько боевых заклинаний – тебе этого хватит.

– Стихийное оружие?..

Впоследствии уроки венценосного сноба Ева собиралась по возможности саботировать. Но поскольку магический дар – штука, с которой сталкиваешься не каждый день, и довольно полезная, азам она решила научиться у профессионала.

– Любой маг может призывать стихийное проявление колдовского Дара. – Вид Герберта ярко демонстрировал, что некромант далёк от любви к преподаванию примерно так же, как Ева – от дома. – Он воплощается оружием, наиболее близким сути мага, и являет собой чистый сгусток маны.

– Маны? – В памяти всплыл арбалет, огнём пылавший в руках королевы. – Что, как в компьютерных играх?

– Не знаю, о чём ты, но рад, что в вашем мире есть понятия, которые позволят мне не разжёвывать элементарное. – Герберт воздел руки к расписному потолку, где по нежной майской зелени вились цветочные узоры. – Начнём.

Когда тень в углу зала шевельнулась, Ева решила, что ей мерещится.

Когда тень сгустилась, приобретя примерно человеческие очертания – если б люди могли быть с щупальцами вместо рук и клубами бесформенного чёрного дыма вместо лица, – лишь утвердилась в этой догадке.

Когда тень оказалась рядом и рука, похожая на сгусток темноты, потянулась к Еве, поняла: если ей и мерещится, стоять и ждать, пока выдуманный монстр сделает её ещё мертвее, не стоит.

Ева кинулась бежать. Что-то обвило её лодыжку, заставило рухнуть на пол; девушка заскребла ногтями по пошарпанному паркету, но щупальце за ногу тащило её обратно. Рывком перевернувшись на спину, Ева вскинула руку... и чудище над ней разорвало вспышкой голубого света – так, точно его полоснули сияющим хлыстом.

Сгущённая тьма рассыпалась клочками, таявшими в воздухе.

Когда Ева встретила глазами с некромантом, тот сверлил её таким взглядом, будто это она натравила на него тентаклевого монстра.

Еве хотелось сказать ему многое. Но поскольку громкому бунту она предпочла тихий, то вымолвила лишь:

– За что?!

– Оружие материализуется, когда магу нужно защищать себя. – Герберт кивнул на её правую руку, бессильно упавшую на каменный пол. – Скажи на милость, что *это*?

Ева проследила за его взглядом.

В пальцах переливался аквамариновыми отблесками виолончельный смычок.

Он лежал в руке как влитой. Вместо волоса – тончайшие лучики василькового света, слегка изогнутую трость словно соткали из мерцающего хрустала. Секунду спустя Ева поняла: нет, не хрусталь. Вода. Текучая вода, принявшая форму смычка, точно сымитировав трость и невысокую колодку. Даже обмотка под указательным пальцем присутствовала – из тонкого, как проволока, белого света.

– Смычок, – удивлённо и радостно констатировала Ева.

– Вижу, что смычок, – раздражённо сказал некромант. – *«Сердца огнём и клинком чудище дева сразит»*, сказано в пророчестве. У тебя должен быть огненный меч. Маги обычно призывают или меч, или лук, или арбалет – оружие, в общем. А это что за ерунда?

Ева повертела смычок в руке.

Баланс был идеальный. Волшебная вода – твёрдая, как стекло, – на ощупь казалась шелковистой. Можно ли этим смычком действительно играть?.. Едва ли вода способна резонировать в ответ звуку виолончели. Скорее, служить глушителем.

– Там сказано, что дева сразит чудище огнём сердца. И клинком, – переведя строку с поэтического на человеческий, справедливо возразила она. – Про то, что клинок будет огненным, ни слова.

Ева не стала предполагать вслух, что произошла ошибка и она вовсе не та дева. Даже если не та, королева убила её в любом случае, а Герберт оживил только из-за пророчества. И Ева не сомневалась: если надобность в ней отпадёт, некромант без особых раздумий поможет ей упокоиться окончательно.

– К сожалению, не все в народе хорошо разбираются в тонкостях строения фраз. Народ ждёт спасительницу с пылающим мечом. А это в любом случае не меч. – Герберт устало прижал пальцы к вискам. – Ладно, давай проверим, на что он годен.

Следующую пару часов Ева отбивалась от теневых монстров, которых некромант исправно призывал на её голову. В процессе выяснилось, что смычок, как ни странно, и правда похож на магический хлыст. Как скупое пояснил Герберт, управление им базировалось на концентрации, силе воли и мысленном приказе; самого «кнута» видно не было, и к необычному оружию надо было приспособиться, но по действию Ева представила нечто вроде длинной упругой струны из чистого света.

Как выяснилось, хлыст рассекал врагов не хуже меча, отбрасывал их или связывал – в зависимости от желания владелицы. Последнее пришлось Еве по душе: наблюдать, как чудище скрючивает невидимой верёвкой, надёжно приматывая руки-щупальца к телу, было даже забавно. Правда, удержать врага в путах требовало немалых усилий – смычок рвался из пальцев, точно Ева сжимала удочку, на которую подцепила акулу.



– Достаточно, – махнул рукой Герберт, когда очередная тень скорчилась в волшебных путах. – Я понял.

Монстр растаял в воздухе моментально. Ева, напряжённо сжимавшая смычок, чуть не упала, когда противоборствующая сила вдруг испарилась.

– Что это за штуки? – спросила она, неловко восстановив равновесие.

К концу урока она немного привыкла к чёрным тварям, но лишь немного. И даже не знала, что пугало больше: их непохожесть на людей или сходство. В туманных фигурах порой угадывались привычные человеческие одеяния (если делать скидку на фэнтезийный мир), шляпы, капюшоны, кудри на голове, под которыми на миг как будто проступали мужские черты... чтобы тут же быть съеденными чернотой, скрадывавшей всё, обезличивающей их до манекена, сотворённого тёмной магией.

– Тени людей, которых я убил, – откликнулся Герберт с восхитительным равнодушием. – Умершие от руки некроманта обретают покой, лишь если он того хочет. Иначе их души остаются навеки привязанными к этому миру, и некромант может в любой момент призвать их для защиты. Своей воли они лишены, ослушаться, разумеется, не могут.

Ева уставилась туда, где совсем недавно туманная фигура дёргалась в незримой петле.

– И я что... уничтожала их? С концами?

– Нет, конечно. Уничтожить их невозможно – лишь убить некроманта, к которому они привязаны. Или полностью истощить его силы. Тени временно развеиваются, потом, подпитываясь моей энергией, воплощаются снова. Ты могла бы заметить сходство между противниками, не будь слишком занята тем, чтобы трястись от страха и жалеть себя.

Ева посмотрела на него.

Атаку Герберт отразил без малейшего труда: невидимая струна с негромким, бархатистым и очень мелодичным «*дзинь*» (ля малой октавы, как определил Евин абсолютный слух) отскочила от прозрачного купола, накрывшего некроманта огромным пузырьём преломлённого воздуха. От столкновения с преградой смычок возмущённо завибрировал в пальцах.

– И что это было? – прохладно поинтересовался оппонент.

– Тренировка, – откликнулась Ева, невинно сложив руки за спиной. – Мне же надо знать, как эта штука сработает на людях.

– Вот как. – Герберт склонил голову с видом, ясно говорившим «будем считать, я тебе поверил». – Все мои тени – наёмные убийцы. Которые очень хотели убить меня, а до того убивали по-настоящему хороших людей. Плохих тоже, но хороших, полагаю, было больше. Если тебя это успокоит. – Он небрежно отвернулся. – Мне нет никакого дела до того, что ты обо мне думаешь, но вряд ли наши занятия будут продуктивными, если ты продолжишь смотреть на меня как телёнок на мясника.

Ева промолчала.

...парень, который любит котиков, не может быть таким уж плохим. Парень, которому служит – и которого любит – такой милый призрак, как Эльен, тоже. И пусть некромант порой ведёт себя откровенно по-скотски, на серийного убийцу он не похож.

Ох, остаётся надеяться, что её вечное стремление верить в людей (даже в некромантов, которые ведут себя откровенно по-скотски) не подведёт.

– За мной, – велел Герберт, устремляясь к выходу из зала. Купол исчез, стоило ему сделать шаг, но Ева не сомневалась, что при необходимости так же быстро появится вновь. – У тебя на сегодня есть формулы, которые надо выучить. Потом урок с Эльеном и со мной.

Она воззрилась на смычок, мирно мерцавший в ладони:

– А что делать...

– Разожми пальцы и отпусти его. Исчезнет сам. Призывать по собственному желанию научу завтра.

Ева послушалась. С некоторым сожалением узрев, как смычок растворяется в пустоте, поторопилась за новообретённым учителем.

– А у тебя какое магическое оружие? – осторожно поинтересовалась она, пока они шли по коридорам, где на полу дрожал пёстрый свет дня, просеянный сквозь витражи.

– Некромантия. Либо некромантия, либо стихийный Дар. Вместе они не уживаются.

– Вот как. Поэтому вместо волшебного меча ты призываешь персональную свиту из теней отца Гамлета?

На сей раз ответом её не удостоили, и до знакомой библиотеки с алтарём они шли молча.

Разглядывая её сейчас в не столь ошеломлённом состоянии, Ева признала, что библиотека впечатляет. Даже если не учитывать алтарь, украшавший далеко не все библиотеки, и разлётшегося на нём кота. Книжные шкафы пестрели по всем стенам и виселись до потолка – примерно в три Евы высотой; к одному из шкафов прислонили передвижную лестницу, скользившую по приделанной над полками рельсе.

Стремительно вскарабкавшись по ступенькам, некромант ловко проехался вдоль всей стены. Позволив лестнице переместиться по изогнутой направляющей на следующую, он резко затормозил у шкафа прямо напротив входа, чтобы вытащить с верхней полки толстый том в кожаном переплёте.

– Вычишь это. – Открыв книгу где-то в начале, Герберт бесцеремонно загнул уголок страницы. Кинул талмуд в направлении Евы: плавно спланировав вниз, книга перелетела через просторную комнату прямо в девичьи руки. – Последовательность слов и рун. Нужно место я пометил.

Она открыла ветхий фолиант, почти кричавший «я магическая книга».

Помимо строчек на керфианском, вещавших что-то о сотворении щита, там обнаружили строки, которых Ева не понимала, но знала, как их читать. Должно быть, заклятие. Затем следовала череда символов, смахивающих на плод греховного союза скандинавских рун и японских иероглифов.

– Это простейший защитный купол. А это, – Герберт послал в полёт ещё одну книгу, – усыпляющее заклятие. Чертить руны без меня не пробуй. Вечером покажу, как надо.

– Это ведь заклятия, да? – поймав второй магический кирпич, понимающе уточнила Ева. – Что они значат? Все эти слова и символы? Как переводятся?

– За такое короткое время ты всё равно не разберёшься. – Поразмыслив, некромант неохотно проехался до соседнего шкафа. – Если тебе интересно, можешь прочесть это. Но лучше просто заучи формулы наизусть.

Два других талмуда Ева перехватила уже с трудом.

– Как я люблю учителей, которые вместо объяснений предлагают почитать учебник и заняться зубрёжкой, – кое-как сложив книги в оттянувшую руки стопку, заметила она с не особо скрываемым сарказмом. – Лучшие учителя в мире.

Не утруждая себя спуском, Герберт спрыгнул вниз, легко приземлившись на каменный пол и тут же выпрямившись; кажется, у самой земли некромант слегка притормозил, словно его встретила воздушная подушка.

– Будь в своей комнате. Урок с Эльеном через час. Он сам к тебе придёт.

Скрепя небьющееся сердце Ева безмолвно выполнила приказ: до намеченного бунта она решила вести себя паинькой.

Две дарованные некромантом книги оказались чем-то вроде словарей, озаглавленных «Ансиентские руны» и «Язык Изнанки». Страницы первой исписали рунными иероглифами с переводом их значения на керфианском. Страницы второй – словами на неведомом Еве языке. Слова были самыми простыми, всегда односложными: «Пламя», «Тишина», «Свет», «Сон», «Падение» et cetera. Ни предисловий, ни пояснений не прилагалось.

Примеры в книгах заклинаний подтвердили, что на языке Изнанки творили заклятия, которые подкрепляли цепочкой рун. Цепочку требовалось выписывать в воздухе то ли пальцами, то ли смычком, и пока Ева не совсем представляла, как при таком раскладе магии вообще выживали – проткнуть тебя мечом или подстрелить, пока ты вырисовываешь витиеватые вензеля, было проще простого. То ли дело смычок, который будто сам знал, что надо делать. За минувшую тренировку Ева не раз замечала, что волшебное оружие тянет руку в нужном направлении: им следовало не столько управлять, сколько не мешать ему управлять тобой.

С другой стороны, Герберт призвал магический щит почти мгновенно. А человек, впервые взявший в руки виолончель, тоже вряд ли поймёт, как можно сыграть на ней «Танец эльфов» Поппера...

Тяжело вздохнув, Ева достала нотную тетрадку и карандаш.

От одного слова «формулы» ей делалось тоскливо. Физику и математику она ненавидела со школы. Вернее, не ненавидела, просто считала невероятно скучными. С другой стороны, это ведь настоящая боевая магия. И если она поможет в один прекрасный момент

*приструнить* одного венценосного сноба, который потенциально может оказаться ещё и серийным убийцей...

К моменту, когда в комнату постучал Эльен (Ева отметила деликатность призрака, который наверняка мог просто проплыть сквозь дверь), она худо-бедно расшифровала две заданные последовательности и старательно их заучивала. Заклятие – выписав возникшую в голове транскрипцию на манер стишка. Рунную формулу – расположив на нотных строчках извращённой формой музыкальной нотации и повторяя снова и снова, как пропись. Первую руну карандашом на бумаге Ева вырисовывала с большой опаской, но та не возымела никакой силы.

– *Тэкми франаллэ хелл хёлден*, – расхаживая взад-вперёд по спальне, нараспев повторяла она, словно заучивая номер по сольфеджио. – Свет, воздух, помощь, щи-ит... Войдите!

– Как вы прилежны! – с привычной восторженностью воскликнул призрак, из приличия даже открыв дверь. – Господин не мог заполучить более старательную ученицу.

Ева промолчала. Тоскливо посмотрела в окно, за которым облезлый осенний сад ярусами спускался к мощным крепостным стенам.

Вид из окна открывался воистину потрясающий. Также этот вид открывал, что обитель некроманта располагалась на вершине невысокой горы посреди леса и ее обвивала серебряная ленточка узкой реки. Подобраться к замку можно было либо по единственному мосту, перекинутому над рекой, либо по крутому склону лесистой горы, где в конце концов тебя встречали отвесные каменные стены и высокие башни.

Пробраться в это место было очень непросто. Сбежать, как Ева подозревала, тоже.

– Эльен, – бросив тетрадь на кровать, решила спросить она, – с чего ваш господин вообще взял, что я – дева из пророчества? Там было сказано, когда я приду, но не было сказано, где я появляюсь. Даже дату указали весьма расплывчатую.

– Нисколько, – спокойно сказал Эльен. Прикрыв дверь, прошёл к постели; жестом предложив ей сесть, опустился рядом – покрывало под ним ожидаемо не промялось. – Год двух лун случается раз в столетие. Сейчас – именно он. День, предшествующий смерти осени, –

последний день осени, как легко догадаться. Сегодня наступил первый день зимы. Пусть отсутствие снега вас не смущает, он выпал пару недель назад, но весь растаял. Думаю, вскоре выпадет снова, чтобы остаться с нами до весны.

– Но у меня нет волшебного клинка. Только смычок... не очень полезный, судя по всему.

– О, так ваш Дар – музыкальная магия? И вы зовёте его «не очень полезным»? – Призрак качнул головой почти возмущённо. – Я понимаю, отчего господин мог счесть так, но поверьте, лиоретта: музыкальный дар на этом континенте почти не встретить, а способен он на многое. Клинком можно защититься или убить. Музыкой – исцелить, подчинить, сотворить иллюзию, управлять пространством, внушить свою волю, подселить фальшивые воспоминания и стереть настоящие... Кажется, где-то в библиотеке была нужная книга. Лиэр Кейлус дарил господину Рейолю, когда они ещё общались. Позже принесу её вам. – Рассеянный взгляд устремился куда-то мимо её плеча: то ли Эльен пытался вспомнить нужную полку, то ли окунулся в очень далёкие и не слишком приятные воспоминания. – Конечно, дабы овладеть всем этим в совершенстве, необходимы немалый самоконтроль, должный уровень одарённости и время, но...

– А вдруг вчера где-то вывалилась ещё одна девушка и она-то вам и нужна? И... как королева вообще знала, где меня найти?

– Прорехи – таинственная и плохо изученная область магии, и ваш покорный слуга слишком несведущ в ней, чтобы дать точный ответ. Известно, что они появляются там, где истончаются грани между мирами. Некоторые полагают, что людей из вашего мира затягивает к нам с некоей целью – не раз и не два случалось, что иномиряне меняли судьбы целых королевств. Те из них, что не умирали прежде, чем добирались до королевского двора, – добавил призрак. – И, поверьте, прореха всегда открывается лишь одна. Вторая не может возникнуть в тот же день. А самые могущественные и сведущие колдуны, ориентируясь на возмущения магического поля, способны производить вычисления, кои указывают им время и место открытия следующей прорехи.

– Так королева – могущественная колдунья?

– Наверное, самая могущественная в Керфи. Колдунья, но не некромант, – уточнил Эльен.

Удручённо грызя карандаш, Ева добавила к портрету своей убийцы немаловажный штришок, что делало потенциальное сражение с королевой ещё менее приятной перспективой.

Спрашивать, можно ли не только провалиться в прореху, но и вернуться обратно, она не стала. Во-первых, потому что до воскрешения говорить об этом нечего, во-вторых, потому что больше всего на свете она боялась услышать «нет». Лучше уж думать, что всё возможно: просто с проблемами нужно разбираться по мере поступления.

– Откуда вообще взялось это пророчество?

– Из Книги Лоурэн. – Зеленоватые глаза призрака воодушевлённо заблестели. – Это предсказательница... Служила придворным астрономом в Айдене, столице Керфи, чуть больше трёх веков назад. Помимо четырёх сборников стихов и шести поэм, послуживших её литературным наследием, Лоурэн вела дневник, куда за свою жизнь успела записать восемьсот шестьдесят три предсказания. Ещё пару она изрекла посмертно, выйдя на связь с некромантами, но не суть важно. Пророчества эти всегда сбывались. Быть упомянутым в них – великая честь. – Эльен мечтательно воззрился куда-то в окно. – Маги озаглавили дневник «Книгой Лоурэн». Она традиционно хранится в королевской сокровищнице, ибо пророчества – великая тайна, ведомая лишь самой верхушке власти. Видимо, господин как-то получил к нему доступ... Хотя, учитывая, что ему предстоит наследовать престол, немудрено.

– Судя по тому, что народ ждёт спасительницу с огненным мечом, не только он.

– Возможно, кто-то из политических оппонентов Её Величества постарался. Достаточно пустить слух, и он разойдётся очень быстро... Впрочем, довольно лирики. Уверен, вам не терпится приступить к обучению.

Ева не решилась разочаровывать того единственного, к кому в этом мире испытывала искреннюю симпатию, и урок начался.

Ей сжато поведали историю Керфи, прояснив его роль на мировой политической арене. Изложили нормы поведения в тех или иных слоях общества. Научили исполнять весьма сносные реверансы различной степени раболепства. У Эльена, в отличие от его господина, задатки преподавателя явно были в крови – обучение проходило в

непринуждённой разговорной форме, с шутками и неизменными словесными поощрениями после успеха (и даже после неудачи).

Как выяснилось, давным-давно Керфи завоевал император воинственной страны Ильден, расположенной на соседнем континенте. Керфи вошло в состав Великой Ильденской Империи и пробыло в ней двести лет, пока великому некроманту по имени Берндетт не удалось сплотить народ и сбросить пяту захватчиков. Вскоре Ильденская Империя и вовсе развалилась, и ныне Ильден – скромная маленькая страна, тогда как Керфи – процветающее и просвещённое государство, сила, с которой считаются... и которой опасаются. Внешняя политика королевы Айрес была довольно агрессивной, внутренняя – попахивала террором. За последние годы королева провела множество экономических и военных реформ, и всё указывало на то, что страну готовят к войне. Видимо, завоевательной.

Урок прервало появление Герберта: тот всё же соизволил постучаться, но вступил в комнату миг спустя, не дожидаясь ответа. Бесцеремонно выставив Эльена за дверь, он принялся учить Еву чертить руны – один раз демонстрировал, как надо, после чего требовал повторить.

Руны действительно рисовались в воздухе кончиками пальцев.левой рукой: в правой надлежало держать смычок. Сама по себе рунная цепочка не имела силы – лишь подкреплённая заклятием, которое требовалось выговорить вслух. Таким образом Ева могла тренироваться, не опасаясь что-нибудь взорвать. Но поскольку некромант возжелал, чтобы она тренировалась при нём, и висел над душой, пока Ева не выдала обе цепочки без ошибок и в удовлетворительном темпе... А Ева нет-нет да и вспоминала про его невидимую свиту...

В общем, когда Герберт милостиво оставил её в покое, девушка поняла, что за сегодняшний день ролью Избранной сыта по горло, и теперь шагала по ровной брусчатке, озаряя путь смычком.

Скелеты облетелых деревьев тянули к гостье тощие ветви. Сквозь тёмный сад дорога круто спускалась к мосту через реку, каменным замковым стенам и воротам – они, естественно, оказались заперты, как и врезанная в одну из створок небольшая дверь. Прежде чем схватиться за тяжёлый засов, Ева осторожно коснулась его смычком, но никакими подозрительными чарами тот не отбросило.



Она уже тянула к засову руку, когда услышала голос:

*«Ко мне».*

Приказ Герберта раздался прямо в голове, звеня колокольчиком из бархатистого льда.

Ноги тут же развернулись, чтобы нести свою владелицу обратно в замок. Все попытки противиться оказались тщетными – тело обернулось шарнирной куклой, которую кто-то волок за ниточку.

Перед глазами в обратном порядке проплыл только что проделанный путь: дорога через сад, каменная арка, внутренний двор с колодцем, двустворчатые двери в замок, лестница, по которой Ева совсем недавно спускалась. В конце концов ноги внесли её в библиотеку и приблизили к столу неподалёку от алтаря. Герберт сидел там: в удобном мягком кресле, закинув ноги на стол, с книгой в руках, закрывавшей его лицо.

Опустил её, лишь когда Ева беспомощно замерла напротив.

– И куда это мы собрались?

Его глаза походили на голубые льдинки, как никогда раньше.

Колдовские ниточки, проникшие под кожу и распорядившиеся телом вместо неё, стали ослабевать – и Ева широко улыбнулась:

– Прогуляться.

В её улыбке не было ни раздражения, ни злости. Она не рассчитывала на успех: за годы обучения привыкла, что на пути к одной-единственной удаче нужно перешагнуть через сотни неудач. Изодня в день, часами, плавно переходящими в сутки, отрабатывать один и тот же недающийся пассаж, чтобы однажды, порой за минуты до выступления, он всё же тебе дался – занятие не для тех, кто не готов к неудачам.

Чтобы в один прекрасный день побег увенчался успехом, она обязана была предпринять провальную попытку. Показавшую многое.

– Ты всерьёз считаешь, что избежешь предназначения, если сбежишь? – спросил некромант пренебрежительно. – Что сможешь обойтись без меня?

– Попытаться стоило.

Судя по лицу Герберта, цитату из себя любимого тот вспомнил.

– Любишь эксперименты, я вижу. Ну-ну. – Он вскинул книгу, закрыв скучающую гримасу, скривившую его губы. – Иди в свою комнату. В наказание не выйдешь оттуда, пока я не скажу. Это приказ.

Прежде чем ноги понесли её прочь из библиотеки, Ева всё же успела отвесить некроманту поклон. Со всей иронией, какую можно было выразить в одном изящном, годами натренированном движении.

В ответ её проводили долгим пристальным взглядом поверх потрёпанного книжного корешка.

*Ничего*, думала Ева, возвращаясь в спальню – по приказу, полностью согласовавшемуся с её намерениями. *Ещё посмотрим, кто кого.*

Эльен тоже сдержал слово: на кровати ждал небольшой томик в лаконичной чёрной коже с дарственной надписью «*Эдрилину от Кейлуса в доказательство, что мои слова о величии музыки имеют под собой основание*». Почерк подписи был тонким, витиеватым, колючим – и после первых же страниц Ева прониклась к его обладателю сердечной благодарностью. Судя по гладкости и девственной чистоте плотной бумаги, книгу так ни разу и не открыли, и к лучшему: если некромант не знал того, что теперь стремительно узнавала Ева, это было ей только на руку.

Хотя магические экзерсисы и прочие события минувшего дня здорово её утомили, спать девушке по-прежнему не хотелось, а бесполезному бодрствованию она предпочитала полезное.

К моменту, как за окном посветлело, а голос Герберта велел ей спускаться в тренировочный зал, у Евы появилось вполне ясное представление, на что *действительно* способен её Дар, и смутное – как сопротивляться приказам некроманта. Впрочем, проверку всех её бредовых идей пришлось отложить. Пока же Ева отправилась на новый урок, радуясь, что в нынешнем состоянии после бессонной ночи ей не грозит вырубиться на парте или смотреть на учителя мутными красными глазами человека, способного думать лишь о двенадцатичасовом свидании с подушкой.

Тренировка была долгой, упорной и, надо признать, плодотворной. После тридцати-сорока попыток смычок наконец перестал капризничать, когда Ева его призывала. Вернее, Ева наконец поймала нужное ментальное состояние, поверив, что смычок не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда – он часть её самой, и достать его так же просто, как если б он был привязан к её пальцам. Требовалась лишь капля концентрации, чтобы ощутить его в

ладони за миг до того, как он действительно появится. Затем некромант велел воплотить на практике те заклинания, что вчера Ева заучила в теории. Получилось не с первого раза: одновременно проговаривать заклятие и выплетать пальцами руны – задачка не для дилетантов. Но потом Еву осенило, что это как двухголосные номера по сольфеджио – петь одну мелодию, играя на фортепиано другую...

Хотя скорость оставляла желать лучшего, а десяток неудачных попыток стоил и без того потрёпанному зальчику ещё пары подпалин на потолке и трещин на стенах, выкрашенных в весенние тона, Ева всё же сотворила оба заклинания (координация и натренированные пальцы музыканта помогли). Мерцающий пузырь щита успешно отразил заклятия Герберта, бессильно танцевавшие в воздухе разноцветными искрами, и удержал тени, которые очень старались прорваться внутрь. Усыпляющие чары отлично сочетались со смычком: обезвредив врага магическими путями, можно было без труда его вырубить. Призрачные оппоненты под действием заклятия не засыпали, а развоплощались, но сути упражнения это не меняло.

Закончили они, когда в саду уже смеркалось. Еву снова повели в библиотеку, дабы выдать пару новых книжек; карабкаясь по лестнице к верхним полкам, Герберт застыл на полпути, вглядываясь в окно.

Пакостно усмехнувшись чему-то, продолжил восхождение.

Последней ступеньки он достиг одновременно с тем, как в библиотеку прямо сквозь пол влетел Эльен.

– Лиоретта, – не замедлил учтиво поклониться он. Тут же повернулся к Герберту. – Господин, у нас...

– Проникновение. Я заметил. – Безразличным взмахом руки он отправил лестницу в стремительную поездку вдоль шкафов. – Охранный контур замкнут на мне, если ты забыл.

– Кто-то пробрался в замок? – спросила Ева, пока некромант скользил мимо книжных полок.

– Полагаю, очередной наёмный убийца.

– Убийца?!

– Кажется, вчера я уже о них упоминал. Дорогой дядя Кейлус регулярно пытается расчистить дорогу к трону. – Наконец остановившись, некромант с тем же восхитительным безразличием приласкал пальцами книжные корешки, всматриваясь в названия. – А я

на днях вспоминал, что в последний раз меня пробовали отравить целых три месяца назад...

Прильнув к окну, Ева всмотрелась в сад: заросли голых кустов мокли под морозящим дождём, на лестницах между ярусами гнила пожухлая листва. В круглом каменном бассейне далёкого фонтана, не думающего работать, застойная вода ожидала зимних заморозков.

Она никого не заметила. Впрочем, наёмного убийцу, призванного прикончить наследника престола, вряд ли было бы просто заметить.

– Прошлый добрался почти до фонтана, – листая пухлый том, заметил Герберт. – Интересно, как далеко зайдёт этот.

В саду сверкнул изумрудный всполох. Вокруг самого заурядного куста кольцом взвилось зелёное пламя.

На его фоне Ева на миг различила некую фигуру, тут же слившуюся с темнотой.

– Первый ярус есть, – констатировал Эльен, наблюдавший поверх Евиного плеча.

– До третьего не доживёт, – качнул головой некромант. – Срезаться на капкане Белларда – выдаёт посредственность. Дядя мог найти кого-то получше.

– У тебя в саду расставлены ловушки?..

– Естественно, у меня в саду расставлены ловушки. – Герберт посмотрел на неё как на слабоумную. – Сад и ворота – единственное уязвимое место. С других сторон сквозь мою защиту не пробиться. – Отыскав нужную страницу, он аккуратно загнул уголок. – То, что я живу без охраны, значит лишь то, что сам себя я охраняю куда успешнее.

– Принимая во внимание характер достопочтенного лиэра Кейлуса, – добавил Эльен, – со стороны господина было бы самоубийством не защититься от... О, смотрите-ка, он решил перебраться поближе к главной дороге!

– Неужели надеется, что там ловушек меньше? – Герберт отправил книгу по направлению к Еве. – Как скучно.

Поймав толстый фолиант, Ева попыталась снова разглядеть в сумерках чужой силуэт. Не получилось; зато отблески заклятий, отмечавших путь убийцы к дороге до моста, виделись без труда.

Уточнять, действительно ли кровожадный дядя Кейлус и Кейлус, чьими стараниями замковую библиотеку пополнил труд по

музыкальной магии, – одно лицо, девушка не стала. Хотя бы потому, что о её знакомстве с этим трудом некроманту знать совершенно ни к чему.

И если подумать, желание прикончить венценосного племянника с таким ангельским характером, как у Герберта, можно понять.

– Кажется, он решил ретироваться, – когда вспышки удалились по направлению к воротам, резюмировал Эльен.

– Вот как. – За следующую книгу Герберт взялся со зловещим удовлетворением. – Удачи.

В саду полыхнула последняя вспышка. Сквозь приоткрытые окна снаружи пробилился душераздирающий вопль.

Некромант даже не удостоил его вниманием – просто перелистнул страницу.

– Теперь ты достанешь его оттуда, куда он угодил? – мрачно спросила Ева, когда стало ясно, что дальше продвинуться убийце не суждено. – И допросишь?

– Допрашивать их бесполезно. Все они при заключении контракта дают клятву Эйф. Умирают прежде, чем смогут рассказать о заказчике хоть что-то. – Пометив нужное место, Герберт спрыгнул на пол. – Нет, теперь я прикажу прислуге его закопать. Мои ловушки срабатывают без осечек, а рассчитанных на пленение я не ставлю.

Ева лишь сдавленно кашлянула, пока некромант шёл к ней, слегка помахивая книгой в опущенной руке.

Ещё одной тенью в его призрачной свите стало больше... Что ж, хоть насчёт происхождения этой свиты ей не соврали. А защитные ловушки – всё же не хладнокровное убийство собственными руками.

– И ловушки срабатывают на всех посторонних? – слабым голосом поинтересовалась девушка, вспоминая вчерашнюю прогулку.

– На всех, включая нежить и прочие подозрительные объекты. Кроме названных мною исключений. – Герберт вручил ей очередной потрёпанный талмуд. – Но поскольку ты моё создание, для моих ловушек ты и я – одно лицо. Если тебя интересует, почему твоя жалкая пародия на побег не окончилась повторным пробуждением на алтаре. – Ева постаралась скрыть облегчение, но по взгляду некроманта поняла, что ей это плохо удалось. – Выучишь список и историю великих домов Керфи. Эльен тебе поможет. Во второй книге – ещё одно боевое заклятие. Завтра меня не будет до вечера – отработывай старое и

разучивай новое самостоятельно. Если решишь лениться, узнаю. И не вздумай покинуть замок, пока меня нет. Это приказ.

Запомнив формулировку, Ева прижала книги к груди. Отвесила разученный вчера реверанс, предназначенный для приветствия и прощания с принцем: правая рука напротив сердца, левая придерживает несуществующую юбку, голова опущена, приседание почти до пола – в процессе обучения она не раз чуть не падала.

– Что вы, *господин*, – вымолвила она, прежде чем выпрямиться. – Ваше отсутствие лишь придаст мне рвения и сил. И я знаю, что вы будете безмерно беспокоиться о «своём создании» каждую секунду, что проведёте вне этих стен, но если будет возможность задержаться, не беспокойтесь. Без вас я не пережила бы этих нескольких часов – однако поскольку я уже не живу, задерживайтесь смело.

Эльен быстро отвернулся, и плечи призрака подозрительно дрогнули.

Герберт устремил на Еву взор, исполненный почти кристаллизованного внимания, – но лицо девушки было непроницаемо в своей полнейшей, абсолютной покорности судьбе.

– Я учту, – бесстрастно пообещал он. – Но если захочешь снова *прогуляться*, помни одно. Первое предупреждение ты получила вчера. После второго твои перемещения ограничатся несколькими маршрутами, одобренными лично мной. – Отвернувшись, Герберт двинулся к выходу. – Книги оставь на столе, Эльен их тебе принесёт. Идём.

– Куда?

– Принимать ванну. И спать. – Заметив опасливое непонимание в её лице, Герберт скривился. – Не беспокойся: если думаешь, что меня волнуют твои немёртвые прелести, вынужден разочаровать. Даже если б меня интересовала подобная ерунда, твою кандидатуру на эту роль я бы в любом случае не рассматривал.

– Надменные женоподобные нарциссы, знаешь ли, тоже не в моём вкусе, – буркнула Ева. Немного успокоившись, опустила книги на стол, чтобы выйти за некромантом в коридор. – Зачем тогда?

Ванную комнату на её этаже Эльен показал ещё вчера, после урока с Гербертом. Та оказалась куда лучше Евиных ожиданий: просторное помещение с белёнными извёсткой стенами, сносной каменной раковиной и небольшим бассейном, выложенным

разноцветной мозаикой. Даже смеситель был, с двумя вентилями, как дома. Умылась Ева с комфортом и помыться тоже думала – но сомневалась, что некромант помешан на чужой чистоте.

– Для нормальной работы твоему мозгу требуется множество веществ, которых теперь ты не получаешь. Я создал раствор, который компенсирует это. Слуги всё приготовили. – Герберт шёл к лестнице вверх не оглядываясь. – По той же причине время от времени тебе требуется сон. Твоё тело его не требует, но мозг без него придёт в негодность. Кроме того, сон помогает закрепить новые навыки. Считай это частью обучения.

Ева живо представила себе бассейн, полный мерзкой зелёной субстанции с запахом формалина, отчего её слегка передёрнуло.

– Значит, я буду лежать в каком-то растворе? – Поднимаясь по гулким ступенькам, она вела рукой по каменным перилам. – И долго?

– До утра. Ты будешь *спать* в этом растворе. Совместишь два полезных занятия. Если ты забыла, ты теперь не дышишь, так что для тебя это не проблема.

Ева вдруг отчётливо вспомнила о своём плачевном состоянии. Она приняла его, даже шутила о нём, но за уроками магии и мыслями о бунте почти забыла о его истинной плачевности.

Промолчав, она обречённо побрела за Гербертом.

В конце концов, в некромантии он точно разбирается лучше неё. Раз сейчас Ева мыслит и, следовательно, существует (и даже сомневается – всё по Декарту), своё дело он знает. Значит, к этому надо относиться как к лечебным процедурам; а возраст, когда ты бьёшься в истерику у кабинета зубного, услышав визг бормашины, Ева переросла лет двенадцать назад.

Они вошли в ванную, заставив хрустальные свечи по стенам вспыхнуть. Раствор ждал в бассейне, заполненном наполовину. К облегчению Евы – прозрачный, золотистый, подрагивавший, как самая обыкновенная вода. На вид ничуть не противный. Вдохнув, следов мерзкого характерного запаха девушка тоже не ощутила.

Кажется, всё было не так плохо.

Кажется.

Герберт присел на одно колено рядом с бассейном. Старое, пожелтевшее от времени зеркало на стене подле маленького окошка отразило его движение. Вчера это зеркало подтвердило Еве, что смерть

ей даже к лицу: во всяком случае, выглядела она лишь чуточку бледнее обычного.

Одной ладонью коснувшись воды, другой Герберт выплел в воздухе рунную цепочку.

– И как часто мне нужно это делать? – спросила Ева, следя за его движениями.

Некромант не ответил. Не сразу. Его пальцы чертили руны так быстро, что различить знакомые Ева не смогла.

– Раз в два-три дня, – наконец откликнулся Герберт. Когда он выпрямился, золотистая вода мерцала. – Сколько ты протянешь без этого, не знаю. Прежде на людях не экспериментировал... Полагаю, не больше недели. Это оптимистичный прогноз. Раздевайся.

Вода отливала перламутром, искрясь, будто в ней растворили сияющие пылинки. Это было даже красиво.

Залюбовавшись, Ева не сразу услышала последнее слово.

Когда услышала, посмотрела на некроманта: тот стоял подле бассейна, выжидающе скрестив руки на груди.

– Может, выйдешь? Не знаю, как принято в вашем мире, но у нас девушки не привыкли при посторонних...

– Мне нужно контролировать процесс, – сказал Герберт невозмутимо. – Как я уже говорил, прежде на людях я не экспериментировал. Что-то может пойти не так. Состав может оказаться неверным. Если я допустил ошибку, то должен выявить её как можно раньше.

Он будет следить, как она спит?..

– Тогда, может, я останусь в одежде?

– Нет. Она будет мешать.

В его взгляде не было ни злорадства, ни голода, ни предвкушения. Одно лишь раздражение – от того, что глупая девчонка снова проявляет свою глупость.

Это явно не было ни мезтью, ни извращённой прихотью.

– Отвернись хотя бы, – попросила Ева. Уже тише. Понимая, что это глупо: даже если она разденется и залезет в ванну не на его глазах, потом ей всё равно предстоит несколько часов пролежать под его наблюдением в прозрачной воде. Но там золотое мерцание хоть чуточку прикроет...

Герберт лишь усмехнулся пренебрежительно.



– Я готовил тебя к ритуалу. Мыл тебя. Исцелял твои раны. Вживлял тебе в грудь энергетический проводник. Ты всерьёз считаешь, что под твоей одеждой скрыто нечто, чего я ещё не видел?

Терпение лопнуло перетянутой струной.

– Ладно. – Резко отвернувшись, Ева направилась к двери. – Тогда выйду я.

– Никуда ты не пойдёшь. Это нерационально. – Дверь, которую она успела рвануть на себя, захлопнулась. Круглая ручка потянула Еву за собой, едва не заставив впечататься носом в дерево. – Я могу отдать приказ, но от рвения скорее его исполнить ты раздерёшь на себе рубашку. В вашем мире, кажется, есть лекари? Относись ко мне как к лекарю... в данный момент. Не знаю, как принято в вашем мире, но у нас девушкам, как и мужчинам, порой приходится раздеваться перед лекарями. Непосредственно от процесса разоблачения вроде никто не умирал. Хотя тебе это в любом случае не грозит, – добавил он.

Ева стояла, почти уткнувшись лбом в запертую дверь. Понимая, что рациональное зерно в его словах есть. Что они насмешливо подражают тому, о чём она думала совсем недавно.

Но то, что он ни на йоту не собирался считаться с её чувствами, вызывало смутное желание призвать смычок и вмазать ему как следует – попутно разнеся всю ванную к чертям.

– Повернись. – Слово подкрепила магия. Ева развернулась на пятках помимо воли. – Чтобы закрыть этот вопрос раз и навсегда. – Глаза, светлые и холодные, как горное небо, бесстрастно встретили её взгляд. – Ты. Меня. Не интересуешь. Не в том плане, в каком тебе, возможно, хотелось бы. Меня не интересуют женщины. И мужчины. И животные. Я равнодушен к этой стороне жизни, потому что считаю постель переоценённым источником удовольствия. Я равнодушен к каким-либо отношениям, потому что считаю людей неблагодарным объектом для преданности. Магия – вот достойный объект. Моя наука. Моя цель. Никак не ты. Надеюсь, я достаточно доступно объяснил? А теперь – раздевайся.

Ева, не ответив, вновь отвернулась.

Очень, очень медленно присела, чтобы снять кеды.

Если б ей нужно было дышать, её дыхание было тяжёлым. Если б её сердце билось, оно заставило кровь гневно колотиться в висках. Но Ева не дышала, и сердце хранило неподвижность; и только мысли

бушевали в голове, сплетаясь контрапунктом, певшим о долгой и мучительной смерти одного венценосного сноба.

*Однажды ты мне за это ответишь, сволочь, думала она, с ненавистью стягивая штаны. Ох ответишь.*

Яростно потоптавшись на нижней части своего облачения, Ева расстегнула пару пуговиц верхней: длинную рубашку она оставила напоследок. Стянув её через голову, швырнула себе под ноги.

Глядя ровно перед собой, чтобы не встретиться глазами с тем, кому в мечтах она сворачивала шею, нырнула в бассейн.

*«Перевернись».*

Приказ прозвучал в голове, вновь подкреплённый рывком за колдовские ниточки. Можно было бы проверить догадку, родившуюся ночью, о том, как их перерезать, – но теперь Еве как никогда не хотелось пробуждать в некроманте ненужные подозрения; так что она просто позволила телу перевернуться и всплыть и, злобно жмурясь, ощутила, как чужая ладонь накрыла камень в её груди.

По алому сиянию, пробившемуся сквозь закрытые веки, поняла, как ярко вспыхнул сейчас колдовской рубин.

– Выдохни, чтобы погрузиться.

Это велели уже без магии. Но Ева всё равно послушалась: ей самой хотелось скорее скрыться под водой.

*Ладно, Гербеуэрт тир Рейоль, сказала она неслышно, утонув в прохладной вуали водной тишины. Посмотрим, как ты запоёшь завтра.*

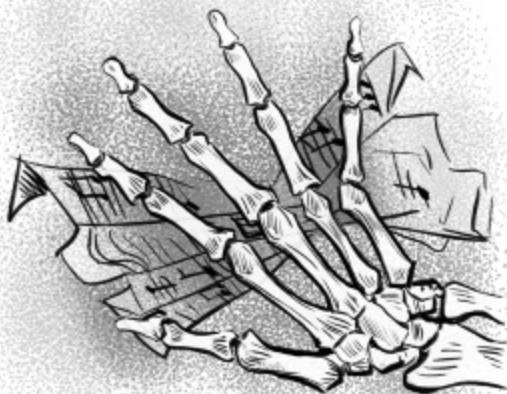
Если, конечно, у неё всё получится...

*«А теперь спи».*

Заснула она мгновенно. Ей снились Динка, лупящая некроманта тяжёлым томом сонат Бетховена, мама, болтающая с Эльеном на маленькой кухоньке их родной квартиры, и прекрасное спокойное лицо королевы за миг до того, как та пустила стрелу Еве в лоб.

## Глава 4

### Imperioso [5]



Проснувшись Ева от того, что ей (чёрт возьми) это приказали. И, проснувшись, обнаружила, что над ней (чёрт возьми!) нависло самое ненавистное в мире лицо.

– Встань и начерти рунную формулу Элььо, – сказал Герберт вместо приветствия.

Ева лежала на полу подле бассейна, закутанная в льняное полотенце. Сквозь маленькое окошко в ванную пробивались солнечные лучи; некромант сидел на коленях рядом – с засученными, но всё равно намокшими рукавами. Сзади маячило кресло, которое Ева привыкла видеть в библиотеке: видимо, оттуда его и призвали, дабы с комфортом скоротать ночь, и посреди ванной оно смотрелось как минимум забавно.

Когда Ева вспомнила, что предшествовало её пробуждению – от того, чтобы вмазать некроманту по носу сжатым кулаком (или пощёчиной по высокой скуле, соблазнительно маячившей рядом), её удержало лишь воспоминание: скоро он уйдёт, и нарываться на заключение под замком в своей комнате никак нельзя.

Поэтому девушка призвала на помощь другое воспоминание – что чарами Элььо именовали усыпляющее заклинание, которое она

успешно практиковала вчера.

Одной рукой прижав к груди полотенце (на краешке сознания родилась мысль, что стоит поблагодарить некроманта за него, и тут же ретировалась, встретившись с отголосками вчерашнего гнева), Ева кое-как выплела цепочку символов.

– Ты в порядке. Отлично. – Герберт поднялся с колен; штаны он тоже засучил, оголив смешные худые ноги с узкими щиколотками и ступнями, напоминавшими об утятах. – К слову, я бы успел убить тебя три раза. Надеюсь, к моему возвращению ты поработаешь над скоростью плетения.

– Конечно, *господин*, – процедила Ева, вложив в последнее слово всё презрение, на какое была способна.

Некромант махнул рукой, заставив кресло исчезнуть, и, не попрощавшись, был таков.

Оставшись одна, Ева вытерла мокрые волосы. На полке под зеркалом ждала щётка для волос, на раковине – зубная. К её удивлению, в иномирье имелись и щётки (с резными костяными ручками, очень мягкие, но всё-таки), и зубной порошок в расписной керамической банке, и приличное кусковое мыло, пахнущее лавандой. Хотя должны же керфианцы как-то чистить зубы, да и если Ева не первая гостья с Земли...

Ева старательно тёрла зубы деликатной щетиной, обваленной в мятном порошке.

Она не была уверена, что ей вообще это требовалось. Ещё в первый день в замке она подышала в ладошку, подозрительно принюхиваясь, но не уловила ни намёка на неприятный запах. Логично, учитывая, что она теперь не ела, а стазис препятствовал размножению каких-либо бактерий. Аромат пота ей тоже не грозил, несмотря на отсутствие дезодоранта, Евина одежда благоухала разве что той же цитрусовой отдушкой, какой веяло из шкафа в её спальне (логично, учитывая, что она теперь не потела). Но пренебрегать гигиеной только потому, что та ей не требовалась, Ева не собиралась.

Интересно, сколько девушек согласились бы отдать жизнь за то, чтобы в любых обстоятельствах пахнуть разве что ромашкой, которую некромант явно подмешивал в чудо-раствор?..

К моменту, когда Ева облачилась в сваленную на полу одежду и покинула ванную, мысли упорядочились настолько, что сложили план

действий. Даже несколько его вариантов – на случай, если один из элементов вдруг не сработает.

Известие Эльена, ждавшего под дверью, вписалось в эти варианты как нельзя лучше.

– Да благословят боги ваш день, лиоретта, – учтиво пропел призрак, улыбаясь даже лучезарнее обычного. – Часть вашего нового гардероба готова. Я распорядился, чтобы его разместили в вашем шкафу взамен того убожества, что занимало его раньше.

– Доброе утро, Эльен. – Ева очень старалась выглядеть безмятежной. – Прекрасно. Поспешу его примерить. Герберт уже ушёл?

– Да. Господин и без того едва не опоздал, но...

– Но ты, полагаю, будешь неподалёку.

– Конечно. Господин велел приглядывать за вами. Только не воспринимайте меня как надзирателя... я просто ваш помощник на случай, если что-то понадобится. Магия господина Уэрта – сторож куда лучше меня. Покидать замок для вас опасно, и поверьте: хозяин печётся о вашем благополучии в той же мере, что и о своих интересах.

Под взглядом лучистых глаз, исполненных бесконечного дружелюбия, Еве сделалось совестливо – от мыслей, что ей так или иначе придётся его обмануть.

– Лiorетта, прошу вас. – В голосе Эльена прорезались неожиданно проникновенные нотки. – Я понимаю, что господин... что вам с ним нелегко. Увы, судьба и воспитание наложили неизгладимый отпечаток на его личность. Вы пробыли у нас так мало, а я уже вижу в нём... изменения. Даже не помню, когда он в последний раз так охотно завязывал диалог. – *Если наши препирательства можно назвать диалогом*, подумала Ева скептически. – Потерпите немного. Уверен, очень скоро он разглядит в вас то, чем вы являетесь, не просто «своё создание». И тогда... – Эльен отвернулся, как-то потерянно глядя на одну из стрельчатых арок, дробивших длинный коридор, – я надеюсь, что ещё увижу его таким, каким он может быть. Каким был когда-то.

Еве сделалось лишь более совестливо.

Ещё вчера она потратила бы этот день на то, чтобы спокойно покопаться в библиотеке. Поискать необходимую информацию – о стране, куда она угодила, ритуале, которым её подняли, и возможных способах воскрешения. Тихо проверила все свои догадки, всласть

поэкспериментировала. Сейчас она собиралась действовать наспех, наобум и с дичайшими рисками.

Но кто знает, представится ли другая возможность для побега.

Может, у венценосного сноба и правда было тяжёлое детство (как водится у злодеев). Может, его ледяное сердце и правда нужно было растопить любовью и лаской. Однако Ева работать эмоциональным кочегаром категорически отказывалась.

– Конечно, Эльен. Я потерплю, – соврала она, устремляясь навстречу приличной одежде и сборам перед дорогой.

В шкафу обнаружили несколько вариантов облачения, включая платья, но Ева выбрала самый практичный: длинные обтягивающие штаны, замшевые полусапожки, перепоясанная на талии рубашка – такая же, как у некроманта, но с бóльшим количеством рюш. Всё в тёмных тонах. Способность мёрзнуть Ева потеряла вместе с потребностью дышать, но всё равно заприметила бархатную куртку и тёплый шерстяной плащ.

Провела ладонью по карбоновому футляру, грустившему у шкафа.

Наивно было брать с собой Дерозе в прошлый раз. Насовсем сбежать не получится: слишком много препятствий, слишком много «но», слишком сильна зависимость от некроманта. А вот устроить себе небольшую экскурсию, наглядно продемонстрировать кое-что мальчику, который в детстве не наигрался в куклы...

Давно вошедшим в привычку движением вытерев ладони о полы рубашки, Ева села на кровать. Вытащив из-под подушки книгу по музыкальной магии, пролиставла её до нужной страницы.

Дома в редкие моменты, когда ей хотелось на кого-нибудь орать и бить посуду, Ева убегала на улицу. Остыть на свежем воздухе, даже в полночь. Район у них тихий, и домашние к этому привыкли – требовали только, чтобы она брала с собой мобильник. Однокурсники-пианисты, когда занятия не ладились, лупили кулаком по клавишам или избивали фортепиано ногами; Ева скорее отпилила бы себе палец, чем ударила Дерозе, и к музыкальным экзерсисам подходила по-другому, но подобное состояние было ей знакомо. И теперь ей отчаянно хотелось выбраться из этого треклятого замка. *Нужно* было выбраться.

Нервно облизнув губы, Ева призвала смычок.

После ванны и сна она действительно чувствовала себя лучше – насколько это возможно, будучи почти мёртвой и очень, очень злой. В сознании прояснилось, мысли разложились по невидимым полочкам. На свежую голову уверенность в своих действиях исчезла – лишь недосып делает всё возможным, – но попытаться всё равно стоило.

Прикрыв глаза, Ева вскинула левую руку туда, где привыкла ощущать гриф.

Использовать смычок как хлыст?.. Ха. Хорошо, что фантазии некроманта хватало только на это. Но Ева, как и автор книги, строчки которой теперь служили ей инструкцией, как-никак была музыкантом и прекрасно понимала, что *действительно* должен делать смычок.

Где-то часом позже девушка выглянула в коридор, огласив его робким, просящим «Эльен!».

Спустя пять минут она уже спускалась к массивным дверям во двор: с сумкой через плечо, в плаще с капюшоном, прятавшим лицо и волосы. Притормозила, когда ноги отказались переступить порог – в голове эхом зазвенело «*не вздумай покинуть замок, пока меня нет*».

Ещё чуть позже Ева подходила к воротам, которые так и не преодолела позавчера. На мотив битловских «*Here comes the sun*» напевая «*Я Мэри Сью*», с трудом подняла тяжёлый засов.

Надо же. Получилось. Остаётся надеяться, что Эльен не очнётся в самый неподходящий момент... и действительно сделает всё, что ему велели.

Кое-как приоткрыв обитую медью дверь, Ева поборолась с собственными ногами, порывавшимися бегом рвануть обратно в замок. Когда твердимая в уме мантра отбила у них это желание, ступила на мост: тот каменной лентой бежал между шепчущей рекой и глубоким холодным небом. Мох, зеленивший древний парапет, переползал на ровную мелкую брусчатку, что на том берегу обращалась дорогой через неприветливый лес.

Тщательно прикрыв врезанную в ворота дверь, Ева двинулась вперёд, прочь от замка, вздымавшего ввысь треугольные крыши пристроек и башен. День улыбался солнечной синью и барашками облаков; настроение не портили даже мысли, что она поступила с милым призраком почти так же, как Герберт – с ней.

Венценосного сноба нужно проучить. Монстр Франкенштейна не заслуживал от создателя того отношения, что в итоге получил. Она –

тем более, и некромант ей не создатель. Так что Герберту предстоит усвоить один простой урок: всякое действие рождает противодействие.

Ну, может, ещё один: у неё, в отличие от скелетов, есть и чувства, и мозги.

Поправив ремень сумки, Ева двинулась к лесу, качавшему голые ветви на промозглом ветру.

Интересно, и чем некромант сейчас занят?..

\*\*\*

– Мы выступим на Риджию, – поднеся к губам чашку из фарфора тонкого, как лепесток лилии, произнесла королева. – Сразу после дня Жнеца Милосердного.

Присутствующие воззрились на неё. Все, кроме Гербеуэрта. Наследник престола бесстрастно смотрел перед собой, сложив руки на коленях. К фейру он не притрагивался.

Кроме них с королевой, за столом присутствовали двое. Её Величество Айрес Первая любила пить фейр в узком семейном кругу – несмотря на то, что ей было прекрасно известно, какие чувства питают друг к другу представители королевской семьи. *Особенно* потому, что ей было известно, какие чувства питают друг к другу представители королевской семьи.

– Айри, – сказал лиэр Кейлус, кузен и ровесник королевы, – не хочу подвергать сомнению твой блестящий ум, но ты уверена в успехе этой затеи?

– Это безумие, – сказал лиэр Ми́ракл, кузен и ровесник Гербеуэрта. – Риджия – тролль с бочкой пороха, которого лучше не трогать. Сейчас, когда эльфы и люди примирились с дроу, тем более.

Лазурный напиток поднимал над чашками травянистый дымок. Гостиная обволакивала изысканной роскошью алого шёлка, позолоты, изящных завитков на розовом дереве. Пахло пряностями, духами и ненавистью.

Чуть улыбнувшись, королева коснулась фарфора узкими, искусно подкрашенными губами.

Из присутствующих только наследник престола не носил королевскую фамилию Тибель, и с фамилией отца Гербеуэрту досталась златовласая порода Рейолей. Кейлус Тибель щеголял локонами цвета тёмного дуба. Чистый лик Ми́ракла Тибеля обрамляли каштановые кудри; он взирал на мир ореховым взором, за смехом



прятавшим несвойственную юности цепкость. Очи темновласой королевы были даже не карими – бурыми: такими становятся иногда засушенные цветы.

Лишь Гербеуэрт унаследовал от матери, урождённой Тибель, тонкую кость и черты лица, но не окрас.

– Когда эльфы и люди примирились с дроу, – повторила королева; казалось, она пробует каждое слово на вкус, как только что пробовала фейр. – Мирк, дорогой, в том-то и дело. – Располагающе улыбнувшись племяннику, она вновь поднесла чашку к губам. – Риджия была и будет для Керфи угрозой. Она пыталась завоевать нас до того, как мы стали частью Империи. Она пыталась завоевать нас после того, как благодаря нам Империя развалилась. Пока длилась война с дроу, Риджии было не до внешних сражений, но теперь, когда её народы наконец заключили мир... – Айрес качнула головой. – Можно было бы надеяться, что они не решат взяться за старое и тронуть нас. Но я полагаю, что в действительности это лишь вопрос времени – когда их воины снова пересекут горы и вторгнутся в Керфи.

Миракл дёрнул уголком губ. В жесте этом отчётливо читалось: в правдивости данного предлога Её Величество может убеждать кого угодно, кроме него.

– С дроу воевать непросто. С эльфами, впрочем, тоже, – задумчиво заметил лиэр Кейлус. – Особенно на их территории... Пусть и весьма заманчивой, наверное. Не могу судить наверняка – не король.

Кейлус Тибель всегда говорил так, словно в словах его крылась одному ему понятная шутка. Он часто улыбался, но это не делало его красивый лик ни привлекательным, ни дружелюбным. В этом году лиэр Кейлус отпраздновал сорок третий день рождения, однако маги старятся медленнее обычных людей: если бы не цвет волос, его можно было бы принять за старшего брата Гербеуэрта. Они были очень похожи – и оба худы той благородной аристократической худобой, когда впалые щёки придают лицу загадочную усталость, а не вульгарную измождённость бедняка.

– Сейчас Риджия слаба, как никогда за последний век, – сказала королева. – На престолах трёх её королевств сидят дети. Эльфами правит наивный мальчишка, людьми – взбалмошная девчонка, Повелитель дроу тоже юн. Многие среди эльфов и людей далеко не в восторге от мира с дроу. Пускай они примирились, на деле между

ними – пропасть. Память о трёхсотлетней вражде, которую не сотрёшь просто так.

– Но они объединятся против внешнего врага, – возразил Миракл.

– Я слышал, на стороне дроу некая дева из иномирья, получившая невероятной силы магический дар, и наследник легендарного Ильхта Злобного. И оба они умны как вороны, хладнокровны как змеи и коварны как драконы, – заметил Кейлус. Глаза под тёмными ресницами блеснули: карие радужки отливали старой бронзой. – Они нашёптывают советы на ушко Повелителю дроу. А тот напевает их правителю эльфов, любящему его как брата, и правительнице людей, уединяясь с ней для приятных бесед, что ведут от заката до рассвета.

– Превосходно осведомлён, – любезно откликнулась королева, когда её брат потянулся двузубой вилкой к блюду с фруктами. – До меня тоже дошли слухи об этом.

– Когда риджийские правители соизволят прибыть в Керфи для знакомства и переговоров с тобой, мы сможем убедиться в их правдивости.

– Или в их лживости. – Королева сделала ещё глоток. Крылья её точёного носа чуть дрогнули. – Народы Риджии не смогут выступить по-настоящему единым фронтом. Армия, в сердце которой кроется червоточина недоверия и раздора, не сумеет дать достойный отпор. Особенно если армия противника уверена, что боги на её стороне.

Усмехнувшись, Миракл провёл пальцем по краю своей чашки:

– Представить завоевательный поход актом защиты, не нападения? Люди в это не поверят.

– Во всяком случае, далеко не все. И чтобы сплотить наш народ, этого недостаточно. – Макнув крупную жёлтую ягоду в сладкий соус, белевший в хрустальной розетке, Кейлус поглядел на сестру с сочувствием. – Осмелюсь напомнить, Айри, что в народе зреет недовольство твоими... методами. Арест той бедной художницы был определён лишним. Да ещё эти разговоры... О том, что настал год двух лун, о пришествии некоей девы, что свергнет тебя... Ох уж эта презренная чернь: кто бы ни выдал ей содержание семьсот тридцатого пророчества Лоурэн, он достоин долгой и мучительной смерти. Так подрывать власть нашей возлюбленной королевы!

Гербеуэрт бесстрастно взялся за чашку с фейром. Миракл украдкой поднял глаза, следя за лицом Айрес.

Её Величество одарила брата благосклонной улыбкой.

– Боги на нашей стороне. С нашей семьёй. После дня Жнеца Милосердного у народа не останется в этом сомнений. – Она выдержала короткую паузу, накалившую тишину в комнате тщательно подогретым любопытством. – Уэрт намерен повторить величайшее деяние Берндетта.

Двое мужчин единодушно уставились на наследника престола, чопорно и отстранённо распивавшего фейр.

Казалось, разговор ему абсолютно не интересен. И никак его не касается.

– Уэрт, скажи, что это шутка, – вымолвил Миракл Тибель.

– Он не сможет, – вымолвил Кейлус Тибель.

– Уэрт уверен в обратном. А я уверена в нём, – сказала Айрес тирин Тибель. – После этого каждый в Керфи склонится перед ним. Пойдёт за ним. И перед силой того, кто способен свершить такое, падут ниц все наши враги.

Гербеуэрт тир Рейоль молчал, не глядя ни на кого.

В тишине, свинцом повисшей в комнате, королева обвела взглядом собеседников.

– К слову, нам как раз пора приступать к уроку, – добавила Её Величество – так небрежно, будто и правда вспомнила об этом только что и всё предыдущее не было продуманной прелюдией к эффектному окончанию беседы. – Ритуал, как вы понимаете, требует сотен часов подготовки, отработки каждой мелочи... Заканчивайте без нас. – Она поднялась из-за стола одновременно с тем, как согласно этикету со своих мест поднялись остальные. – Уэрт, ты готов? Как я вижу, сласти всё равно тебе не по вкусу.

Когда тот безмолвно подчинился, ладонь Миракла дрогнула: младший из трёх Тибелей словно хотел поймать кузена за рукав, удержать, остановить, но в последний момент сдержал порыв.

Как бы там ни было, скоро он остался в гостиной наедине с дядей, – который, впрочем, тоже не задержался там надолго.

В экипаже, готовом везти Кейлуса Тибеля из королевского дворца в загородную резиденцию, его уже ждали.

– Вижу, сегодня прошло ещё хуже обычного, – констатировал его секретарь, когда скелеты-лакеи захлопнули золочёную дверцу, а

копыта запряжённой вороной двойки застучали по брусчатке.

Тим не церемонился со своим господином – во всяком случае, не на людях, – и Кейлус всецело это одобрял. Кузен Её Величества ненавидел свою семью и в общей массе презирал народ, но к верным слугам относился с уважением. К тому же для разнообразия ему требовалось хоть одно живое существо, к которому он испытывал бы искреннюю привязанность, и он обрёл таковое в лице мальчишки, задолжавшего ему нечто большее, чем жизнь. Двадцатилетний Тим был предан Кейлусу, как умертвие, прекрасен, как статуи богов, и связан с ним слишком тесными отношениями, чтобы церемониться.

Кейлус молчал, глядя в окно: на костяные башенки дворца, сиявшие под бледным зимним солнцем, на фонтан, бывший среди огромной площади, на вездесущих людей и дома вокруг, украшенные куполами и лепниной, как торты украшают кремом.

Уголок его губ дёрнулся, точно в тике, – за миг до того, как холёные пальцы, сжатые в кулак, в бешенстве стукнули по бархатной обивке кареты.

– Сука, – выплюнул Кейлус. – Она же знает, чем я должен ответить на это известие!

– Какое известие?

Выждав с минуту, чтобы дыхание выровнялось, а в голос вернулось спокойствие, Кейлус рассказал.

Тим слушал молча. Лишь лицо его по мере рассказа немножко бледнело.

– И на что она рассчитывает? – закончил Кейлус почти страдальческим вопросом. – Обретя такую силу, обретя такую власть над умами и сердцами керфианцев, свергнуть её для мальчишки будет проще простого. Так любит его? Так верит в его любовь? Дура! – Холодное бешенство на сестрицу вынудило его вновь ударить ни в чём не повинную дверь. – Она смеялась надо мной, Тим. Я видел этот смех в её глазах. Она хочет, чтобы я потерял голову, чтобы пошёл на всё, дабы прикончить её любимого Уэрти. Чтобы наконец дал повод себя уничтожить. Но неужели мальчишка и правда сможет... сколько сильнейших некромантов погибло, пытаюсь... и всё же, если ему удастся...

Тим не произнёс ни слова, и, осознав, что речь его скатывается в бессвязное бормотание, Кейлус осёкся.

– Что с девчонкой? – сухо, деловито спросил он пару мгновений спустя.

– Её ищут, – тут же откликнулся секретарь. – По всей стране. Пока никаких следов.

– Они появятся. – Кейлус помолчал. – Если, конечно, она ещё жива.

Он посмотрел на столицу, готовую к приходу зимы, ждущую снега и настоящих холодов.

...нет, она должна быть жива. Что напророчено Лоурэн, невозможно предотвратить. И она нужна ему: девушка, явления которой ждут многие. Способная одолеть ненавистную кузину.

Девушка, наречённый которой станет королём...

– Часы тикают, Тим. Если её не найдём мы, найдёт Айри. И если малыш Уэрти не отдаст душу богам до или во время ритуала, после Жнеца Милосердного всё станет куда сложнее. – Заставив себя расслабиться, Кейлус Тибель откинулся на мягкую спинку сиденья. – Доставь мне девчонку. Скорее. Живой. – На губы его вернулась улыбка, яд которой прикончил бы любую змею. – Сделать её мёртвой я предпочту сам.

## Глава 5

### Ritornello [\[6\]](#)



Дорога через лес заняла немало времени, но миновала без особых приключений. Разве что на полпути Ева засмотрелась по сторонам, споткнулась о булыжник на мощёной лесной тропе и упала, ободрав ладони – с довольно интересными последствиями.

В конце концов она вышла к городу.

С места, где расступился лес, дорога круто спускалась к домам в предместье, белевшим среди выцветших полей. Торопиться туда Ева не стала: сперва осмотрелась с холма, тщетно гревшегося под лучами холодного солнца.

Город не окружали рвы или крепостные стены – их роль выполняла река; он раскинулся на огромном острове, со всех сторон огороженный узкой полоской пронзительно-синих вод. С суши к нему тянулись три моста: один – со стороны, откуда подходила Ева, два – с противоположной. Если лесная дорога пустовала, то предместье было вполне оживлённым местом, как и дороги на том берегу, вившиеся через поля серыми лентами. Оно и верно: судя по всему, за лесом ждал только замок, и если Герберт вёл исключительно уединённый образ жизни...

Мысленно перекрестившись, Ева двинулась вниз.

Когда ей попались первые прохожие, девушка была уже достаточно далеко от окраины, чтобы жители предместья не обратили внимания на одинокую фигурку, бредущую от обители владыки их земель. Так что Ева беспрепятственно двинулась вперёд по чистым брусчатым улочкам, мимо невысоких домов с треугольными черепичными крышами: в толпе затеряться проще, а в самом городе всяко должно бытьлюднее, чем здесь.

Людно оказалось уже на широком каменном мосту с фигурным парапетом. Пешеходы торопились в город и из него, крытые повозки везли всякую снедь. Потом Ева долго бродила по улицам, неуловимо напомнившим Бремен, где ей довелось однажды побывать; чтобы не заблудиться, шла преимущественно вперёд, запоминая каждый поворот, если упиралась в тупик.

Дома строили без зазоров, и одно жилище лепилось к другому. Улицы с узкими домишками, словно втиснутыми в щели между соседними – два этажа да высокая мансардная крыша, соседствовали с площадями, окружёнными величественными зданиями в пять-шесть этажей. Жизнерадостно-рыжая черепица, жизнерадостно-рыжий кирпич, тут и там скрытый под жёлтой или красной извёсткой. Много цветов, сейчас увядших, но радовавших глаз летом. Ажурные кованые фонари на ножках, деревянные таблички над обычными для города заведениями: булочная, кондитерская, ателье, зеленщик, ювелирка, книжная лавка. По дорогам, которые обрамляли цивильные каменные тротуары, грохотали кареты, похожие на кэбы времён Шерлока Холмса.

И шло очень много людей, которые отнюдь не выглядели несчастными или затравленными.

Керфи – во всяком случае, крупные его города – явно перерос период дремучего средневековья и нежился в эпохе, аналогичной викторианской Англии. Учитывая некоторые нюансы, даже более просвещённой. Мужские наряды не слишком отличались от женских – представительницы прекрасного пола преспокойно расхаживали в штанах, сюртуках и стильных пальто с меховой опушкой. Судя по всему, на каждом шагу некроманты здесь не встречались, но и никого не удивляли: один раз навстречу Еве прошла дама в шубке, торжественно плывшая впереди пары скелетов в платьях – они

волокли хозяйкины коробки и картонные пакеты. Никто от них не шарахался, разве что с любопытством глядели вслед.

Естественно, бродила Ева не просто так. Она смотрела. И слушала. И запоминала. Поразительно, сколько полезного можно вынести, если наблюдать за людьми, а не просто проходить мимо. Она старалась смотреть и слушать незаметно – и ни в коем случае не показывать, что она впервые здесь. Она не позволяла себе ни восторженно вертеться по сторонам, ни сверлить кого-то глазами. Неторопливым, но неотступным призраком Ева проводила пару весело болтающих девушек чуть младше неё, которые возвращались домой из школы; притормозила у прозрачной витрины кондитерской, чтобы послушать мужчин у входа; подметила людей в чёрных мундирах, то и дело встречавшихся на углу или патрулировавших улицы, с мечами на поясах или арбалетами в руках; провожала встречных косыми взглядами из-под капюшона...

К моменту, когда Ева решилась заговорить с милой женщиной с мелкой собачкой на поводке, она узнала много интересного, поняла, как нужно себя держать, и придумала вполне сносную легенду на случай расспросов. Поэтому милая женщина любезно подсказала ей, как пройти к ломбарду (Ева и сама обнаружила его улицей раньше, но перед беседой с продавцом решила поупражняться). А пронырливый старичок в ломбарде без проблем купил у неё серебряный подсвечник – и остался очень доволен тем, что наивная юная покупательница не стала торговаться. А в булочной, куда Ева заглянула для эксперимента, ей спокойно продали пирожок с мясом. К счастью, на местных монетах чеканили не только профиль красивого женского лица, которое Еве не посчастливилось увидеть по прибытии, но и номинал.

*Всё же магический переводчик – великая вещь, подумала Ева, скармливая ненужный пирожок лохматому бродячему псу: пёс увязался за ней в подворотне, куда вели указания добродушной дамы, подсказавшей дорогу к следующему пункту назначения. И даже один урок местного мироустройства, который ты действительно слушаешь. И манеры, привитые обитанием с ранних лет среди культурных, интеллигентных людей.*

*Ну, по крайней мере, часть из них точно интеллигенты.*

Отряхнув руки, Ева оглянулась на ажурную каменную башенку, что украшала дом на оставшейся позади улице. Там сиял часовой



циферблат – с десятью делениями вместо двенадцати, подтягивавший единственную стрелку к седьмому из них.

Времени ещё достаточно.

Устремившись к финальной цели своей вылазки, Ева наконец увидела вывеску «Книжное колдовство» и поднялась на крыльцо, чтобы толкнуть звякнувшую колокольчиком дверь.

Внутри небольшой лавки, как и ожидалось, оказались книги. Не так много, как в замке, но вполне приличное количество, пылившееся на деревянных стеллажах. Ева не удержалась от того, чтобы осторожно вдохнуть, ощутив хорошо знакомый запах – сродни тому, что царил в нотной библиотеке родного колледжа.

– Доброго дня, лиоретта, – поприветствовал её молодой человек за прилавком: кудрявый, со смешной рыжей щетиной на щеках и синяками под добрыми глазами, живо напомнившими о пандах.

Проницательный абориген при длительном общении расколол бы её вмиг. И если б за прилавком её поджидал кто-то, хоть отдалённо похожий на проницательного человека, Ева бы напоказ покрутила носиком и, изобразив разочарование, ушла.

Поскольку этот милый продавец не особо такового напоминал, она решила рискнуть.

– Доброго дня, лиэр, – пропела Ева, учтиво кивнув в знак приветствия. Приподняв капюшон, явила взору молодого человека подкупающе голубоглазое личико. – У вас есть книги по некромантии? Желательно попроще. – Она старательно приняла смущённый вид. – Я не некромант, мне... для общего сведения.

Мотивы её были просты. Если её и можно воскресить, на месте Герберта она бы припрятала всю информацию об этом. Или оставила на полках лишь те книги, из которых пленница усвоит: связь с некромантом разрушить невозможно, остаётся покориться. В таком случае Ева может хоть месяц просидеть в библиотеке, но не найти ничего полезного.

Зато информации, полученной из независимого источника, вполне можно доверять.

– Стихийный маг? – понимающе спросил продавец, облачённый в нечто подозрительно похожее на синюю мантию. – Через год-другой поступление?

Только бы этот милый парень не решил поболтать с ней о своём, о магическом. Впрочем, в ненавязчивом уводе от темы Еве не было равных...<sup>[7]</sup> однако сейчас не обязательно было прибегать к тонкому искусству болтологии.

В конце концов, она покупатель и явилась сюда за товаром, а не за разговорами.

– Да, – кратко откликнулась Ева. – И знаете, мне бы ещё... – следующий вопрос был рискованным, но отступить сейчас казалось глупым, – что-нибудь о воскрешении. Настоящем. Не поднятии мёртвых.

В глубине души она надеялась, что молодой человек как ни в чём не бывало ответит: *«Да, конечно, есть у нас пара книг, сейчас принесу»*. Или хотя бы: *«К сожалению, у нас такого нет, поищите в лавке через две улицы отсюда»*. Хоть и понимала, что это слишком радужные ожидания.

Когда тёмные глаза продавца изумлённо расширились, это было ожидаемо, – но Еве всё равно сделалось тоскливо.

– Воскрешение? – Парень озадаченно почесал щетинистый подбородок. – Лиоретта, вы шутите? С таким запросом разве что в королевскую библиотеку, никак не ко мне. Хотя сомневаюсь, что даже Её Величество вам в этом поможет.

К счастью, Ева предусмотрела подобный расклад.

– Вот и я то же самое Кейлу говорила! – подбавив в голос торжествующей беззаботности, воскликнула Ева. Выдумывать имя она не рискнула: предпочла сократить одно из местных, что точно знала. – Видите ли, один мой знакомый... он даже не маг, совершенно в этом не разбирается... вбил себе в голову, что некроманты открыли способ настоящего воскрешения. Просто молчат об этом. Обожает теории заговора, глупый. – Она шумно вздохнула, надеясь, что вышло не слишком театрально. – Хочу, чтобы он выбросил эту идею из головы. Раз не верит мне и другим умным людям, надеюсь, поверит хотя бы умным книгам.

Молодой человек усмехнулся с оттенком снисходительного презрения:

– Некроманты? Тайн они вокруг себя нагнетают, это верно. Но они даже разумные умертвия сотворить уже который век не могут, как вы могли заметить... Что говорить об истинном воскрешении. Я бы,

скорее, поставил на то, что воскрешать однажды смогут целители. Стихийные маги. Такие, как мы с вами. – По интимно-свойской интонации Ева поняла, что приподнимание капюшона возымело действие. – Но увы, пока это во власти одного лишь Жнеца. – Парень задумчиво потёр щеку: широкий рукав мантии сбился, демонстрируя курчавую рыжую поросль на руках. – Кажется, есть у меня вещь, которая убедит вашего приятеля. «Смертные Рассуждения» Гедемииона. Если он её ещё не читал, это то, что нужно. Вы ведь слышали о Гедемиионе?

– Сама не читала, – уклончиво ответила Ева, пытаясь не выказывать, что ею всё больше овладевает тоска. – Мне рассказывали, но помню смутно.

– Он десять лет потратил на попытки вернуть свою жену, – охотно пояснил парень, вылезая из-за прилавка, чтобы подойти к одному из стеллажей. – Вернуть ей память. Превратить из безмозглого умертвия в разумное создание. В итоге он превратил её в монстра, и слуги обнаружили её закусывающей внутренностями супруга. – Достав с полки тоненькую книжечку в синем тканевом переплётё, продавец протянул её Еве. – «Рассуждения» – записи, которые Гедемиион вёл на протяжении всех этих лет. Новое издание, в предисловии пересказана его поучительная история... Думаю, вашего приятеля это убедит.

– Ах, *эта* история, – сказала она, открывая титульный лист. – Конечно. Вспомнила.

– Такое трудно забыть. Если будете брать, с вас тридцать вуленов.

Думая о следующем вопросе, Ева посмотрела на год издания. Он красовался примерно там, где и у многих земных книг, и гласил: «872».

Знать бы ещё, какой год сейчас – не считая того, что его обозвали «годом двух лун». Хотя если с тех пор успели напечатать книгу, да ещё переиздать...

– Это точно убедит Кейла? А если он возразит, что с тех пор некромантия могла продвинуться вперёд? Всё же со смерти Гедемииона прошло... некоторое время.

– Пять лет – не срок. Уж кое-что в некромантии я смыслю, – проговорил парень проникновенно, – и в одном она схожа с нашей специализацией. А именно – развивается весьма неторопливо. Если б кто-то действительно сделал настолько фундаментальное... не побоюсь этого слова... открытие, мы с вами точно бы об этом знали. К

тому же для такого нужно обладать силой большей, чем у Берндетта, а даже равных ему не рождалось со дня его гибели. Не считая тир Гербеуэрта, – добавил продавец почтительно. – Но он ещё юн, в полную силу войдёт, дай боги, лет через двадцать.

– Гербеуэрта тир Рейоля? – безнадёжно уточнила Ева.

– Кого ж ещё.

Грустно отложив книгу на прилавок, девушка полезла в сумку за монетами.

Нет, это не означало полного отказа от побега и потери всех надежд на воскрешение. В конце концов, этот парень явно не знал о силах Герберта – значит, мог не знать и других вещей. Ясно одно: такие, как Ева, в этом мире случай беспрецедентный.

И это наводило на неутешительные мысли, что ей действительно может понадобиться королева с её библиотекой.

Выискивая среди монет три серебряных кругляшка с подписью «10 вуленов», Ева размышляла над тем, что бы ещё выпытать у словоохотливого аборигена. Из разговоров местных стало ясно, что с девяти в стране наступал комендантский час, но часы на башенке намекали, что до этого было ещё далеко. Так что параллельно с монетами Ева перебирала назревшие вопросы, выбирая наиболее актуальные, как вдруг её самым бесцеремонным образом схватили за плечи.

– Ты... – парень почти хрипел, – ты что, мертвие?!

Монеты, выпав из пальцев, звонко запрыгали по полу.

Когда Ева подняла взгляд, продавец с растерянной пытливостью всматривался в её лицо.

– Твоя аура, – ладони на её плечах стиснули сильнее, – я не вижу твоего роборэ! Но мертвия не могут быть такими... такими...

Она среагировала не думая. Просто подняла руки, собираясь оттолкнуть его.

Смычок, сам возникший в пальцах, лучше хозяйки понял, что нужно делать.

Слабый толчок отшвырнул парня к стене. Ударившись головой о стеллаж, он безвольно сполз на пол; выпавшие с полок книги щедро присыпали его сверху.

Ева уставилась на смычок, безбидно искрившийся в ладони. На продавца, потерявшего сознание – если не хуже.

Аура. Чёрт. Так здешние колдуны могут видеть ауру? И по ауре определить, что она...

– Дубль дизел! – досадливо выругалась Ева<sup>[8]</sup>, метнувшись к двери.

Опустив плотную тканевую шторку на окне, она задвинула засов. Опасливо вернувшись к продавцу, опустилась на колени рядом. Тот дышал – и вместе с облегчением это принесло озабоченность, потому что теперь милый молодой человек превратился в ненужного свидетеля.

Умница, Ева. Выбралась на прогулку за информацией. А ведь про ауру наверняка можно было прочесть в книгах из замка... Повезло ещё, что этот парень не вырубил её сразу – и что её не заметили милые люди в чёрном, патрулирующие улицы.

На миг внутри всколыхнулось жгучее желание убежать сломя голову. Потом Ева вспомнила, какие форсмажоры случались на концертах и зачётах. На сцене, когда волнение холодит руки и растекается в крови, может произойти что угодно – и она всегда выходила из этого с честью: даже если ты забыл текст, даже если запорол пассаж, главное – не останавливаться, а доковылять до момента, с которого твои пальцы и мысли вновь обретут уверенность.

*Ладно, подумала Ева, скидывая руку со смычком и второй раз за утро вспоминая нужные строчки из «Трактата о музыкальных чарах». Я импульсивная дура. Я налажала. По-крупному.*

*Но сейчас важнее всё исправить, чем сокрушаться по этому поводу.*

Ева закрыла глаза.

*«Услышать песнь повелевающую в ушах своих и исполнить, будто не воздух под ладонью, а живые струны...»* Цитата, возможно, неточная, но допустим. Представить гриф, ощутить под пальцами... вот забавно, наверное, она со стороны смотрится – пытается играть на невидимой виолончели... нет, сейчас не об этом. Сосредоточиться на том, что делаешь, на музыке, поющей в голове, готовой запеть...

Первые звуки, раздавшиеся в тишине, рождённые из ниоткуда, были неуверенными, как у плохой школьницы. Робкими, дрожащими. Но даже когда они осмелели, было в них нечто странное. Они больше походили на звучание синтезатора, имитирующего виолончель, чем на настоящую виолончель, и для Евиных ушей всё равно звучали слаще трелей райских птиц.

Для ушей тех, кто их слышал, тоже.

Когда Ева, доведя музыкальное предложение до конца, решилась посмотреть на жертву смычка, та по-прежнему пребывала в блаженном забытии.

*«...затем отдать приказ, какой пожелаешь...»*

– Когда я досчитаю до трёх, ты проснёшься, – робко велела она. – Раз... два... три.

Никакой реакции не последовало. Может, из-за обморока?.. С Эльеном ведь фокус сработал блестяще. Пусть Ева сперва сомневалась, выйдет ли у неё – раз и получится ли повернуть такое с призраком – два.

*«Эльен, – заискивающе произнесла она, когда дворецкий откликнулся на зов и вошёл в комнату, – знаете, я потихоньку читаю «Музыкальные чары». Хочу освоить исцеление, удивить Герберта однажды... доказать ему, что мой смычок не бесполезный. Можете... побыть тут? Пока рядом никого нет, у меня вроде получается играть без инструмента, но я боюсь, что в присутствии посторонних сразу перестанет получаться, а если потом мне предстоит показывать это Герберту...»*

Тот, не заподозрив подвоха, согласился – и одобрительно следил, как смычок скользит по воздуху, извлекая звуки из невидимых струн. Наверное, милый призрак просто не мог предположить, что гостя солжёт – и будет практиковать при нём вовсе не трюк с исцелением. А, может, не верил, что любые трюки могут получиться у неё так быстро. Ева тоже ничего не теряла: если б её силёнок не хватило, чтобы довести дело до конца, для Эльена это так и осталось бы относительно удачной тренировкой.

Но она смогла. Пусть и не с первого раза.

Даже обычная музыка заставляет улыбаться и плакать, даже обычный смычок способен унести в грёзы или погрузить в тоску; естественно, волшебный просто обязан делать нечто похожее – и большее. И когда Эльен говорил про «подчинить» и «внушить свою волю», он не лгал.

Глядя на спящего продавца, Ева извлекла из пустоты первое соль «Пробуждения» Форе. Звуки разлились в воздухе мелодией: печальной, щемящей, зовущей за собой.

Всё получится, она не напортачит, она всё сможет, она...

– Когда я досчитаю до трёх, ты проснёшься, – велела Ева, прежде чем угас последний звук: уже не робко – властно, не терпя возражений, не рассматривая возможность неудачи. – Раз, два, три!

Встретила ошеломленный взгляд продавца, глядящего на неё снизу вверх.

*«...и если память чужую желаешь заморочить или сделать заставить то, что ты хочешь...»*

– Ты слышишь меня? – требовательно спросила Ева, опустив смычок. – Отвечай!

– Да, – не моргая, глухо откликнулся тот.

– Ты не вспомнишь обо мне. Ты забудешь всё, что случилось с момента, как я открыла дверь твоей лавки, и до того, как ты проснёшься. Ты не будешь тревожиться о провале в памяти и никому о нём не расскажешь. А теперь на счёт «три» ты закроешь глаза и уснёшь. Раз, два...

Продавец послушно смежил веки.

Совестливо коснувшись его плеча, Ева принялась убирать с него книжки: благо на полках те были расставлены по алфавиту.

*А теперь быстро в замок, мрачно подумала она, избавившись от некупленных «Размышлений» и оттащив жертву музыкального произвола за прилавок. На первый взгляд с затылком парнишки всё было в порядке, разве что небольшая ссадина осталась. И удивительно, что тот же трюк действительно сработал с Эльеном.*

Потыкавшись в кнопки и рычажки, Ева открыла старинный кассовый аппарат. Подмешала туда большую часть оставшихся денег (на лечение, которое молодому человеку наверняка понадобится). Тщательно смешала монеты с остальными – мало ли что.

Напоследок ещё раз оглядев лавку, открыла шторку на окне, выглянула в пустой переулок и, отперев замок, выскользнула наружу.

Если фокус сработает, парень решит, что просто потерял сознание. Упал на пол, ударился головой. Раз ничего не пропало, тревожиться ему не с чего. Конечно, загадочный обморок и лишние деньги в кассе – тоже повод для тревоги, но последнему он должен только порадоваться. Правда, если маги вдруг умеют не просто видеть ауру, но и отслеживать её следы... Она ведь здорово наследила в этой проклятой лавчонке: и присутствием, и монетами, и тем, что касалась

книг... Почти выйдя на людную улицу, Ева помедлила. Присев рядом со знакомым псом, приветливо махавшим хвостом, потрепала его по холке, собираясь с мыслями.

Как теперь возвращаться? Зная, что любой встречный маг может тебя разоблачить? По пути сюда ей повезло, но вдруг сейчас не повезёт? Разве что пробираться окольными путями, где поменьше народу, но она совсем не знает город, и может заблудиться, и...

Сзади послышался шорох.

Обернувшись, даже с такого расстояния Ева легко узнала Герберта, застывшего на другом конце переулочка, – и поняла, что впервые за всё время знакомства рада его видеть.

– А, вот и... – начала она.

Вскинув руку, некромант резко сжал кулак.

Мир утонул во тьме.

Очнулась Ева на алтаре посреди библиотеки. С чувством лёгкого дежа вю: пробуждение до жути напоминало то, что случилось на этом же алтаре в первый раз.

Не просто пробуждение – возвращение из пустой, всепоглощающей, страшной черноты небытия.

– Вот что случится с тобой, если я отрежу тебе доступ к моей энергии. А я могу сделать это в любой момент. С любого расстояния. Убегая ты хоть на другой конец страны. – Голос Герберта, звучавший откуда-то сбоку, был на диво спокоен. – Ты погрузишься в стазис. Станешь просто телом. Не разлагающимся, но безжизненным. А разбудить тебя вновь смогу только я. Потому что ты думаешь, говоришь и двигаешься за счёт моей энергии. Потому что ты магически привязана ко мне. Навсегда.

Ева села. Повернула голову: некромант стоял неподалёку от алтаря, заматывая руку летающим бинтом. Лицо его было не выразительнее фарфоровой маски.

Вот, значит, как. Теперь она питается от него, как от... розетки. А Герберт может просто включить и выключить её, как электроприбор. Как вещь. Что не постеснялся продемонстрировать.

Впрочем, его можно понять.

– Ты внушила Эльену отпустить тебя. Ты стёрла ему память об этом, – сказал некромант, неотрывно глядя на неё, пока ножницы сами



собой перерезали бинт. – Как ты это сделала? Как преодолела мой приказ?

*Значит, сработало*, удовлетворённо отметила Ева, спустив ноги с гладкого камня.

– Что ты делала в городе?

*И, видимо, следы ауры отследить нельзя*, добавила Ева про себя, коснувшись пола подошвами сапог. *Иначе тебе уже был бы известен весь мой маршрут. Или хотя бы то, что я заходила в лавку.*

– А ты не знаешь? – выпрямившись рядом с алтарём, на всякий случай уточнила она.

Герберт шагнул вперёд.

Того, что за этим последовало, Ева не ожидала – и поэтому не успела увернуться от ладони, хлестнувшей её по щеке.

– Безмозглая кукла. – Последнее слово выплюнули так, что самое забористое ругательство не прозвучало бы непристойнее. – Ты действительно настолько глупа? Тебе не приходило в голову, что случится, если кто-то из моей семьи узнает о твоём существовании? Что Айрес сделает с тобой и со мной?

Машинально прижав пальцы к ушибленной скуле, Ева молча смотрела на некроманта.

Больно не было. Не потому, что венценосный сноб сдерживался – от силы удара голова её мотнулась, заставив отшатнуться и почти упасть обратно на алтарь, – но по другим причинам, выявленным за время прогулки. Было неожиданно. И очень, очень обидно.

Ева улыбнулась. Резко развернувшись, направилась к выходу из библиотеки.

– Я тебя никуда не отпускал! – Слова обжигали слух, как лёд обжигает кожу. – Ко мне. И отвечай на вопросы.

Колдовской приказ захлестнул, лишил воли, потянул назад... и Ева зажмурилась.

Что есть приказ? Слова. Не более. Слова, предполагающие огромное количество смыслов и трактовок. Сознание человека – на беду – склонно истолковывать их прискорбно однозначно; но человеку мыслящему нетрудно вывернуть наизнанку любой смысл и любые слова.

*Я обязательно подойду к тебе*, очень убедительно проговорила Ева. Про себя, больше себе, чем тому, кто остался за её спиной. *И на*

*вопросы отвечу.*

*Позже. Неправду.*

Тело, уже пытавшееся развернуться, замерло – и, ощутив, как возвращается к ней утраченный контроль, Ева шагнула вперёд.

– Подойди ко мне!

В голосе некроманта прорезалось удивление.

Улыбаясь всё так же широко и безумно, Ева продолжила путь к двери.

...забавно, до чего может довести софистика. Как просто извратить даже простое предложение, убедив себя в том, что ты ничего не нарушаешь. Если ты не бестолковый зомби, которыми венценосный сноб привык управлять. Взять хоть вчерашний его приказ: «*Не вздумай покинуть замок, пока меня нет*». Что значит «пока меня нет»? Ведь где-то там, куда бы некромант ни отлучался по своим делам, он всё равно есть. Если б он умер, тогда смело можно было бы утверждать, что «его нет», а раз где-то он есть, пусть даже не в замке, Ева имеет полное право этот замок покидать, верно?..

– Сию секунду! Подойди! Ко мне!

Миг Ева прикидывала, что можно этому противопоставить. Повернула обратно, не особо расстроившись – придумает на досуге.

Мучительное размышление, читавшееся во взгляде венценосного сноба, разлило в душе жгучее удовлетворение.

– Ты сопротивлялась мне.

Из тихого голоса Герберта уже ушли яростные, кричащие нотки.

– Разве? Я и не заметила.

– Как ты можешь мне сопротивляться? Отвечай!

*Неправду*, повторила Ева, когда магия удавкой сдавила горло.

– Говорю же, не заметила. – Она пожала плечами с насмешливой, издевательской невинностью. – Ты сам обмолвился, что из иномирян получают могущественные маги. Может, моё колдунство сильнее твоего? И у тебя просто силёнок не хватает держать меня в узде?

Не отводя немигающего взора, Герберт склонил голову набок.

– Формулировки, – медленно проговорил он. – Слабость формулировок. Ты разумна, в отличие от обычной нежити. Ты способна трактовать приказы, как тебе угодно. – Он помолчал. – Ясно. Приказываю тебе... – Вдруг осёкся. – Ты ведь не перестанешь искать лазейки, да?

– Не-а, – подтвердила Ева весело.

– И делать всякую ерунду мне назло. Пользуясь тем, что ты нужна мне.

– О чём ты? Мною движет элементарный научный интерес. Это ведь так здорово, раздвигать границы своих возможностей!

Герберт тоже улыбнулся.

Какой бы зловещей ни была эта улыбка, она не заставила Еву опустить глаза.

– Я ведь и разозлиться могу, – это прозвучало мягко, почти вкрадчиво. – А когда я злюсь, я становлюсь... неприятным.

Ева вспомнила пощёчину: она бы наверняка жгла щёку, не препятствуя этому технические причины. Протянула руку к столику, где некромант держал свёрток с инструментами. Рядом с ножницами лежал ланцет. Сияющее лезвие резало даже взгляд.

– Не советую покушаться на мою жизнь, – следя за ней без малейшего страха, сказал Герберт. – Сама понимаешь почему.

Выдернув ланцет из кожаной петли, Ева сжала серебристую рукоять. Развернула левую руку ладонью вверх. Когда блестящий металл полоснул по коже, рассекая её глубокой кривой раной, лезвие окрасилось алым, но крови почти не было.

Боли не было вовсе.

Ева проследила, как свежий порез на ладони тут же заживает, оставляя узкую красную полоску, – чувствуя лишь, как стягивается заново срастающаяся кожа. Это было странно: сохранить чувствительность, но не ощущать боли. Как была странной регенерация уже неживых тканей.

Впрочем, Герберт ведь обещал – она всегда останется такой, как сейчас.

Тогда Ева не до конца поняла значение этих слов.

– Даже такая рана быстро затягивается. Надо же. – Она подняла глаза на некроманта, неотрывно наблюдавшего за её действиями. – Я не чувствую боли. Я не дышу. Я не живу – я существую. Как ты любезно сообщил, за твой счёт. Что ещё ты можешь со мной сделать?

Она могла понять и раньше. Например, когда царапала ногтями пол, пытаясь вырваться из лап его теней. Но поняла лишь сегодня: когда упала в лесу, ободрав ладони о булыжник и не почувствовав ничего. Ни когда упала, ни когда ссадины на глазах исчезли.

– Боль бывает не только физической.

В словах Герберта тоже послышалось раздумье.

– И что ты сделаешь? Уничтожишь мои вещи? Отнимешь у меня последнее, что я могу потерять? Переломаете пальцы, которые тут же заживут? Прибегнешь к насилию? – Ева бросила ланцет обратно на стол. – Если готов унизиться до моих «немёртвых прелестей», вперёд. Сделай это, сделай что угодно из того, о чём я говорила, – и тебе проще будет меня упокоить, потому что я буду сопротивляться каждую секунду. Но ты не можешь меня покалечить. Калека королеву не свергнет. И не можешь меня упокоить. Не навсегда. И контролировать, держа в клетке, не сумеешь. Не постоянно. В конце концов, моё предназначение не в этом. Ты же сам говорил что-то о предназначении, правда? – Она смотрела на него: прямо, борясь с желанием привстать на цыпочки, чтобы можно было делать это не снизу вверх. – Ты бесчувственный расчётливый лицемер. Ты считаешь королеву своей семьёй, но это не мешает тебе строить козни за её спиной. Чем тогда ты лучше неё? – Губы её презрительно дрогнули. – У меня нет ни малейшего желания тебе помочь.

– Неудивительно, – довольно-таки равнодушно откликнулся некромант. – Я слышал, что иномиряне – неблагодарные создания.

– *Неблагодарные?* – Ева скрестила руки на груди, судорожно вцепившись пальцами в предплечья. – Я убита твоей драгоценной тётушкой. Раз ты нашёл меня прежде, чем умер мой мозг, то наверняка был неподалёку, когда она меня убивала. Просто не решился связываться с ней. Не решился вступить в открытый бой, чтобы спасти глупую пришлую девчонку. Положился на то, что пророчество не может лгать – а раз так, у тебя наверняка получится вернуть меня. Ведь управлять неживой мной... привязанной к тебе, зависящей от тебя... куда проще, чем живой. Не будь я тебе нужна, чтобы заполучить трон, ты просто оставил бы меня гнить в том лесу. Как только я перестану быть нужной, наверняка и оставишь. Скажешь, неправда? – Не в силах выносить спокойствие в его лице, Ева отвернулась, чтобы не начать кричать – или в свою очередь его не ударить. – Я хотела относиться к тебе по-хорошему, Герберт. Правда хотела. Я была искренне благодарна за то, что ты меня ожи... поднял. Но я не твоя вещь. И не твоя служанка. Я могу помочь тебе, могу даже услужить, но не когда ты считаешь меня пустоголовой марионеткой,

которую можно облить помоями, а потом заставить плясать или спрятать в сундук по своему усмотрению. Не когда ты считаешь себя вправе меня унижать. Потому что я свободный человек со свободной волей. С характером, с которым надо считаться, с желаниями, которые надо учитывать, с интеллектом, который не стоит принижать, и с чувствами, которые можно задеть. – Не дожидаясь и не желая слышать ответ, она зашагала к выходу. – Когда ты это усвоишь, тогда и поговорим.

Она ожидала, что Герберт снова её остановит. Ожидала, что тот попытается ответить на её тираду. Может, отвесить ещё одну оплеуху.

Не попытался.

– Тебе не победить меня, – сказал он негромко, когда Ева почти приблизилась к двери.

– Мне и не нужно, – бросила она через плечо. – Но поверь, мои бесконечные проигрыши тоже доставят тебе немало проблем.

Покинув треклятую библиотеку (наконец – беспрепятственно), пошла вверх: к Дерозе и тому, что должно было ждать её спрятанным в платяном шкафу.

*Куклы ожили, милый принц, думала Ева, поднимаясь по лестнице. Ты привык властвовать в безмозгом кукольном царстве. Привык отдавать приказы, которые выполняют без раздумий. Но раз ты решился обзавестись другой игрушкой, изволь платить.*

*Тем, что отныне правила игр устанавливают обе стороны.*

## Глава 6

### Trille du diable<sup>[9]</sup>



Их война с Гербертом продлилась неделю.

На другой день Ева попросила прощения у Эльена. Призрак не злился, ни в чём её не винил, но смотрел так печально, что сердце девушки обливалось бы кровью, если б та только могла его облить.

– Я не сержусь на вас, лиоретта. Что вы, – грустно проговорил дворецкий, явившись для несостоявшегося накануне урока. – Представляю, каково вам... тонкому, одухотворённому, свободолюбивому существу, рождённому в мире, где царят совсем иные порядки и нравы... Я на вашем месте наверняка бы тоже пытался сбежать. – Призрачные руки невесомо накрыли Евины ладони. – Прошу, не держите зла на господина. В его отношении к вам нет ничего личного. Он в принципе недолюбливает женщин.

– У меня сложилось ощущение, что мужчин он тоже не особо жалует. И всё живое. И мёртвое, – не удержавшись, заметила Ева.

– На то есть причины. Как и на всё остальное. – Призрак вздохнул. – Его первая и единственная пассия оставила у него... не самые приятные воспоминания. После этого он решил, что магия лучше людей.

– Так у Герберта была пассия?..

– Ещё до гибели его родителей. Господин Уэрт тогда был совсем юн. И пока не провозглашён наследником престола – но уже, конечно, считался завидной партией. Кровь Тибелей в жилах, дивной красоты лик, явное благоволение королевы... Айрес с детства привечала его, а в итоге стала ему ближе родной матери. Многие тогда зашептались, что вот он – самый очевидный кандидат на роль будущего властителя Керфи. А одна из королевских фрейлин... – Даже сейчас, много лет спустя, в прищуренных глазах призрака сверкнули чувства, которых прежде Ева в них никогда не видела. – Та недостойная прелестница была на пару лет старше Уэрта, однако для юнца, опьянённого сладостью первой любви, то не имело значения. Их отношения успели зайти весьма далеко, но потом... Когда его родителей объявили изменниками, от него многие отвернулись. И предположить не могли, что сын изменников в конце концов всё же будет избран наследником престола. Тогда господин Уэрт и узнал истинную цену дружбы придворных льстецов. Как и их любви.

Всё страньше и страньше.

– Изменниками?..

– Когда Уэрту было пятнадцать, его родители нанесли очередной визит в королевский дворец. Для семейного ужина с Её Величеством. Обычное дело. Но в тот вечер они попытались убить королеву. – Эльен отвечал отстранённо, точно музейный смотритель. – Стражники услышали отзвуки голосов – кажется, Айрес и Рейоли повздорили. Как бы там ни было, они напали на королеву, и та, защищаясь, случайно умертвила обоих. Когда стражники ворвались в комнату, Айрес плакала над телом сестры. – Призрак сцепил ладони в замок; голос его сделался сухим и невыразительным, как высохший до серости древесный лист. – Рейолей окрестили предателями короны. Их имущество было арестовано, все ждали, что их сын со дня на день отправится в ссылку. Пассия Уэрта, как и большинство его приятелей при дворе, тут же открестилась от него. Полгода спустя Айрес не только передала ему все земли Рейолей и положенный по крови титул главы Шейнских земель, но и объявила своим наследником. Фрейлина взмолилась о прощении, придворные сплетники залебезили перед ним пуще прежнего, но Уэрт был непреклонен. Он не умеет прощать, – добавил дворецкий со странной смесью гордости и осуждения.

– Так мать Герберта...  
– Младшая сестра Айрес. Верно.  
– Полагаю, королевские слёзы были немножко крокодильими. Или множко.

Ева не была уверена, водятся ли в этом мире крокодилы, но переводческая магия наверняка подобрала выражению достойный синоним. А история со «случайным» убийством в целях самообороны, подтверждённая лишь дворцовыми стражниками, выглядела крайне подозрительно.

– О, нет, нет. Маги Ковена провели расследование и постановили, что господин Рейоль действительно атаковал Её Величество. Он тоже был магом, а следы заклятий остаются надолго... Их трудно рассеять и невозможно изменить, и почерк мага распознать несложно. Госпожа Рейоль сжимала в руке нож – один из тех, которыми сервировали стол. Айрес души не чаяла в сестре. Может, потому так и привязалась к Уэрту. Хотя... госпожа Рейоль была... не самой лучшей матерью, – высказать это далось призраку мучительно трудно. – Светские развлечения интересовали её больше семьи. В некотором смысле Айрес компенсировала племяннику то, что не давали ему родные родители.

– Так отец Герберта тоже был светским щёголем?

– Нет. Но он был главой дома Рейоль. В первую очередь. И отчаянно желал возвеличить семью. – Призрак вдруг схватился за книгу, ждавшую на кровати подле них. – Простите старого болтуна, лиоретта. Пора начинать урок.

– Эльен, что вы имели в...

– Мне не должно обсуждать и осуждать хозяев. Особенно умершего главу того дома, которому я верой и правдой служу уже полтора века. – Решительно открыв книгу, дворецкий продемонстрировал схему какого-то родового древа. – Итак, лиоретта. В Керфи десять великих домов, и каждый из них...

Позже Ева поняла, что Эльену пришлось нелегко. Долг слуги Герберта, пытавшегося вызвать в ценной гостье сочувствие к нему, вступил в противоречие с долгом слуги рода Рейоль, не дозволявшего честить хозяев. Даже бывших и почивших – особенно учитывая, что в этой стране мёртвые порой ходили среди живых.



Но тяжёлое прошлое, каким бы оно ни было, не оправдывало омерзительного поведения в настоящем. По крайней мере, не полностью.

Каждую тренировку Ева старательно доводила венценосного нарцисса до белого каления, саботируя уроки, позволяя теням сколько угодно сдавливать её в щупальцах и швырять об пол (хвала регенерации и отсутствию боли). Применять против некроманта музыкальный гипноз Ева пока не решалась – ждала момента, когда тот не будет готов к атаке. Герберт, конечно, выпытал у Эльена, каким образом мерзкой пришедшей девчонке удалось заморочить ему голову, и по возвращении с очередной тренировки Ева уже не нашла «Музыкальные чары» под подушкой. Подробности некромант пытался разузнать у самой Евы, но даже когда ей велели немедленно сказать правду, та ответила, что взмахнула смычком и приказала призраку отпустить её, а потом забыть об этом.

Герберт ведь не уточнил, сколько раз она взмахнула смычком. Что именно при этом делала. И что ещё приказала.

Каждый приказ венценосного сноба Ева старательно извращала: либо не выполняя, либо делая не то, что требовалось, пока Герберт наконец не подбирал формулировку, которой невозможно противиться. Взять хотя бы следующую ванну, что Еве пришлось принять. Ей велели раздеться, но девушка тут же скакнула в бассейн – в одежде, «бомбочкой», с головы до ног окатив некроманта волной золотистой воды.

Герберт ведь не уточнил, когда именно ей нужно раздеться. Может, на следующий день. Или вообще через год.

Каждую ночь Ева коротала в библиотеке. Перед побегом она велела зачарованному Эльену выписать названия и расположение книг, где можно почитать про воскрешение и чары, поднявшие её, а после спрятать список в платяной шкаф, чтобы некромант не добрался. Теперь под покровом темноты Ева пробиралась в библиотеку, проводя ночные часы в чтении при хрустальных свечах; Герберт по вечерам исправно запрещал ей выходить из комнаты, пока поутру не явится служанка-скелет, но с этим приказом Ева расправилась даже легче, чем с остальными.

Герберт ведь не уточнил, что ей также нельзя из комнаты выбегать. Или выползать. Или выпрыгивать.

Увы, ничего принципиально нового о воскрешении вызнать не удалось. Должно быть, всё важное Герберт хранил в личных журналах, которые где-то прятал. Книги лишь подтвердили, что обычно умертвия представляли собой безмозглых гниющих зомби (отчего из соображений эстетики и санитарии тела предпочитали доводить до состояния скелетов), ни капли не напоминавших себя при жизни. Если поднимали магов, то после смерти они теряли дар, покидавший их вместе с разумом и душой. Ева же не столько умерла и поднялась, сколько зависла в пограничном состоянии, близком к клинической смерти.

Весь вопрос в том, как – и можно ли – её реанимировать.

Что ж, изучая книжные полки и слушая уроки Эльена (их Ева не саботировала хотя бы из уважения к милому призраку), она всё равно узнала многое. Что каждое существо, живое и неживое, обладает аурой. Что свершённее колдовство оставляет следы в воздухе и на зачарованных предметах. Что маги видят ауру особым зрением, которое развивали, как музыкальный слух. Что маги делят человеческую энергию на три типа: роборэ – жизненная сила, сидис – магическая и амант – кхм, сексуальная. Что умертвия существуют, подпитываясь сидисом поднявшего их некроманта. Хотя Эльену, к примеру, подпитка не требовалась, а скелеты достаточно было «подзарядить» пару раз в месяц, редкие некроманты могли содержать больше десятка мёртвых слуг.

Учитывая, что Ева потребляла сидис Герберта постоянно, а тот этого будто не замечал – венценосный сноб отличался не только умом и сообразительностью, но и поразительной силой. Эльен и вовсе гордо обмолвился, что «такие, как он, рождаются раз в несколько сот лет».

Надо сказать, Евины выходки некромант терпел с куда большим достоинством, чем она ожидала. Не срывался, не кричал и не бил, и общение их свелось к приказам, которые он отдавал неизменно прохладным тоном, и её невинным ответам – изредка. Хотя после выходки с бассейном Еве всё равно пришлось раздеться, а перед сном в золотистом растворе выслушать приказ, велевший ей с этого момента ходить голой круглосуточно.

Поутру Ева спокойно облачилась в подсохшую одежду, справедливо считая, что под ней-то она всё равно голая. Ожидала, что некромант в ответ придумает наказание поинтереснее, но тот

очередную акцию протеста проигнорировал: то ли подустал воевать, то ли за ночь остыл и понял, что погорячился.

А ещё каждый свободный вечер Ева тренировала владение смычком. И заклятие, что восстанавливало целостность вещей, раскопанное в тех же библиотечных книгах. Упражняться сразу на Дерозе она не рискнула: предпочла разбить один из осветительных кристаллов (заодно и пар выпустила) и сращивать хрустальные осколки.

Увы, здесь не вышло бы просто наставить палочку на груды обломков и произнести заклятие, чтобы те собрались воедино. Заклинание работало скорее как магический клей: осколки следовало разложить и соединить, как пазл, после чего произносить волшебные слова, левой рукой выплетая руны, а правой накрывая трещину – или сжимая пальцами обломки. Если ты всё делал правильно, ладонь излучала голубой свет, под которым трещина срасталась, исчезая без следа. Если нет – в лучшем случае не происходило ничего, в худшем осколки разбивались на кусочки помельче. Пока делать правильно у Евы скорее не получалось, чем получалось: в музыкальной магии у неё было подспорье в виде десяти лет нежной дружбы с виолончелью, но в обычной приходилось мучительно начинать с нуля. Впрочем, она не сдавалась.

За этим занятием её и застал Герберт, когда спустя неделю войны без стука вошёл в пожалованную гостье комнату.

Ева сидела на полу, сжимая кулак, – она пыталась срастить два мелких хрустальных куска. Она не стала ни прерываться, ни скрывать, чем занимается; даже не взглянула на некроманта, пока тот прикрывал дверь и опускался на кровать.

– Должен признать, ты действовала аккуратно. Когда выбралась из замка, – произнёс Герберт небрежно. Бросил на кровать «Трактат о музыкальных чарах», что лучше любых слов намекнуло на цель визита. – В городе тебя никто не заметил.

Ева не ответила. Она безостановочно шептала слова заклятия, пытаясь сосредоточиться, – сквозь сжатые пальцы пробивались слабые пульсирующие отблески, левая рука упрямо вычерчивала руны.

Свет, воздух, помощь, возвращение, утрата, целостность... Почувствовать, как сила течёт по руке, по ладони...

– Ты много читаешь, я заметил. Любознательная. Эльен говорит, ты всё схватываешь на лету. И то, как легко тебе дались музыкальные чары... – Некромант закинул ногу на ногу; даже сейчас он выглядел так, словно это Ева заявила к нему в покои, и теперь он лениво поддерживает неинтересную ему беседу. – Представь, чего ты могла бы достичь, если б не упрячилась. Если бы позволила мне нормально тебя обучать.

Волшебные слова срывались с губ осенним шелестом. *Льюс о люфт, хьелмитт отер штелл флуред интигрети, льюс о люфт, хьелмитт отер...*

– С чего ты взяла, что я избавлюсь от тебя?

Ева кожей ощутила, как треснули в ладони осколки кристалла.

Разжав кулак, уставилась на пять кусочков, возникших там вместо двух.

– Ты не знаешь, как вернуть меня к жизни. Я тебе отвратительна. Ты видишь во мне врага, безмозглую куклу. Не человека. – Она не смотрела на того, к кому обращалась, но чувствовала его внимательный взгляд. – Даже симпатичная немёртвая жена никому не нужна. В пророчестве не сказано, что я должна править вместе с будущим королём. Раз так, устрой мне «несчастный случай» после обручения, и дело с концом. Так?

– Насчёт «никому» я бы поспорил, но не суть. – С губ Герберта сорвался терпеливый вздох. – Не скажу, что не рассматривал этот вариант. И что порой он не казался мне довольно удобным. Особенно последнюю неделю. – Он помолчал. – У нас есть общее дело. Мы должны довести его до конца. Можешь считать меня жестоким, можешь честить меня лицемером, можешь ненавидеть меня, но поверь: если мне представится случай вернуть тебя к жизни, я им воспользуюсь.

– По доброте душевной?

– Нет. По долгу чести. – Ответ был на диво серьёзным. – Ты права. Моя семья отняла у тебя жизнь. Королевский род... мой род... у тебя в долгу. То, что я поднял тебя, искупает твою помощь мне, если ты соизволишь её оказать, но не искупает сделанного Айрес. Помоги свергнуть её – отдашь долг мне. Я же сделаю всё, чтобы отдать долг тебе.

– Да ну?

– Рейоли не обманывают тех, с кем сражаются бок о бок. – Краем глаза Ева заметила, как некромант подался вперёд. – Исполнить предназначение в твоих же интересах. Когда Айрес лишится власти, я смогу надавить на неё. Чтобы она помогла оживить тебя. Сейчас я бессилён, магия исцеления – не моя специализация. Пусть тебя не обманывает, что я смог заживить твои раны. Мои силы в другом. – Его рука лежала на колене, указательный палец нетерпеливо стучал по ноге. – Айрес сильнее всех обычных магов, которых я знаю. Уверен, она сможет тебе помочь.

– Уверен?

– Возможность ошибки ничтожна.

Ева смотрела на колючие осколки: они сверкали в ладони, ловя отблески кристальных свечей. Наклонив руку, она позволила им сыпаться на плотный светлый ковёр, похожий на джутовый.

– Я соглашусь, если сделаешь кое-что ещё.

– Что?

– Ты умный, Герберт. Догадайся сам.

Ева неотрывно смотрела на прозрачные кристаллы, рассыпанные по полу, пока огонь в камине смаковал дрова, глодая их с уютным треском.

– Извини, что ударил.

Он выдавил это сквозь зубы. С таким трудом, что сразу стало ясно – извиняться Гербеуэрт тир Рейоль не привык.

Ева промолчала.

– И заставлял тебя... делать разные вещи против воли.

Ева промолчала.

– Я был неправ. Я вёл себя... недостойно.

Ева промолчала.

– Больше этого не повторится. Ну? – Раздражение, что тщательно скрывалось в предыдущих репликах, прорвалось вновь. – Ты этого хотела?

– Именно. – Наконец повернув голову, Ева чуть улыбнулась. – Раз не повторится, извинения приняты. – Легко поднявшись, она отряхнула брюки: на тёмной ткани светлели ворсинки ковра. – Значит, спасаем мир от злой королевы?

Герберт улыбнулся в ответ, но улыбка эта была кривой.

– Полагаю, тебе удобнее жить наивными сказками, так что да.

Выпрямившись, Ева грустно посмотрела на него:

– А на пару секунд ты даже показался мне почти нормальным человеком...

– У меня есть все основания полагать, что наши с тобой понятия о норме сильно различаются, – сказал Герберт. – Я не человек. Не совсем человек. И даже не совсем маг. Я некромант, Избранник Великого Жнеца. Если не будешь об этом забывать, всё станет куда проще. Для нас обоих.

Он говорил без гордыни, без желания унижить. С оттенком усталой констатации давно известных фактов, не приносящей ему особого удовольствия.

Но Ева всё же не удержалась.

– И почему в твоей интонации сквозит «больше, чем человек»?

Герберт на шпильку не ответил.

– За каждый успешный урок я буду чинить какую-то часть твоей любимой игрушки. – Он сухо кивнул на футляр с Дерозе. – В качестве дополнительного стимула. Будешь вести себя хорошо, скоро она снова окажется у тебя. – Удовлетворившись радостным удивлением в её глазах, некромант поднялся с постели. – Раз мы пришли к согласию, идём. Пора вызывать демона.

– И зачем нам демон? – спросила Ева, пока Герберт выводил цепочки рун, оставлявшие в пыльном воздухе библиотеки вязь золотых линий.

– Народ ждёт спасительницу с огненным мечом. Водяной смычок может их... разочаровать. – Он сосредоточенно расчерчивал пустоту у алтаря кончиками пальцев; мерцающие линии оседали на каменный пол, образуя шестиконечную звезду в круге. – Ты – символ грядущего восстания. Чтобы люди поверили в тебя, пошли за тобой, нужен огненный меч. Волшебный, потому что времени обучать тебя фехтованию нет.

– А как нам поможет демон?

– Волшебные мечи ковали гномы. Предки лепреконов, живущих в Риджии. Они обитали в горах между Риджией и Керфи, но давно покинули наш мир. Ушли в другой мир – мы зовём его Потусторонье. Клинков их работы осталось немного, и владельцы хранят их как зеницу ока. Пропажу любого мгновенно обнаружат... И, конечно,

узнают оружие, если увидят его у тебя в руках. – Герберт на миг сверился с книгой на алтаре. – Я спрошу у демона, где проход в Потусторонье и как связаться с гномами.

– Больше спросить не у кого?

– Увы. Местоположение прохода нельзя нанести на карту. О нём невозможно рассказать никому из тех, кто не знает о нём. Древние охранные чары. Все источники сходятся в одном – спрашивайте у демонов из Межгранья.

Ева качнула головой.

– Лепреконы произошли от гномов? – недоверчиво спросила она пару секунд спустя.

– А ещё гоблины. Жили на другом континенте, вымерли лет пятьсот назад. Пакостные были твари. И пикси, но они ушли из Тофраheyма вместе с гномами... как и тролли.

– И почему они ушли?

– Не смогли приспособиться к переменам. Не пожелали соседствовать с людьми, захватившими господство. – Герберт критично оглядел фигурное переплетение. Взял книгу в руки. – Насколько я слышал, в вашем мире случилась похожая история. С фейри.

– Фейри? Но их же не существует!

– Кажется, в существование некромантов у вас тоже не верят.

Ева не нашлась что ответить.

– И всё-таки, – сказала она, пока Герберт сверял рисунок в книге с тем, что мерцал у его ног, – чем тебя не устраивает твоя тётушка на престоле?

Тот не откликнулся.

– Эльен говорил, страна при ней процветает. Я прогулялась по вашему городу. Я думала, тираны устраивают показательные казни на улицах, но у вас всё выглядит вполне цивилизованно.

– Комендантский час для тебя тоже является нормальным признаком цивилизации? – не отрывая взгляда от гексаграммы, уточнил некромант.

– А кроме комендантского часа?

– Кумовство. Высокомерие. Жестокость. – Наконец удовлетворившись результатом, Герберт бросил книгу на алтарь. – Она возвращает аристократам утраченные привилегии, но упразднила

Большой Совет, куда входили представители всех сословий. Она безжалостно расправляется с теми, кто не одобряет её действия, но закрывает глаза на воровство своих ставленников. До тех пор, пока они не переходят границу, конечно. До тех пор, пока не пробуют её обмануть.

– Там, откуда я пришла, ты сильно удивляешься, встретив чиновника, который не ворует и не берёт взятки.

– Когда люди собрались на площади перед дворцом, требуя арестовать проворовавшегося министра, в темницы бросили их самих.

– У нас на митингах заодно арестовывали тех, кто просто шёл мимо.

– Айрес заточила и сослала на рудники тысячи людей, недовольных её правлением. Те, кого подозревают в заговоре против короны, и вовсе исчезают среди ночи в неизвестном направлении.

– А, вот *это* ошибка, – высказала Ева умудрённо. – В моём мире тоже много недовольных. И они не молчат, но правительству глубоко на это наплевать. Когда кто-то пытается обличить их в отмывании денег и прочих шалостях, они просто смеются врагам в лицо. А в крайнем случае их враги почти умирают от отравления, но только почти, чтобы из них не сделали мучеников.

Герберт воззрился на неё – так пристально и долго, что Еве сделалось не по себе.

– А я-то считал, что в Керфи дела плохи, – сказал он наконец. – И тебе *нравилось* там жить?

Ева пожала плечами:

– Ну, я была от всего этого не в восторге. Но меня это особо не касалось, а сделать я всё равно ничего не могла.

Некромант вздохнул.

– Такие, как ты, и населяют мой счастливый город, – произнёс он устало, прежде чем отвернуться. – И из-за таких, как ты, я теперь и вызываю тварь из Межгранья. Потому что кто, если не я?

Ева следила, как Герберт берёт нож, чтобы взрезать себе ладонь.

– Это из-за твоих родителей, верно? Из-за того, что королева убила их? Ты не можешь её простить?

Герберт выдохнул: сквозь зубы, коротко и шумно. Явно не от боли.



– Смерть моих родителей тут ни при чём. Я благодарен Айрес за всё, что она делала для меня. До поры до времени политика, которую она вела, казалась мне допустимой. Она добилась для Керфи величия, но ей недостаточно Керфи. Она хочет войны. Хочет создать новую Империю. А все империи, какими бы великим они ни были, кончают одинаково: падением и крахом. И все построены на костях, даже если их вообще удаётся построить. – Он резко встряхнул рукой, щедро окропив магический рисунок кровью. – В большинстве случаев не удаётся.

– Герберт, ты ведь не можешь не понимать, что всё не будет так легко. Нельзя просто взять и свергнуть королеву, сказать: «Теперь правлю я», а потом щёлкнуть пальцами и изменить всё так, как ты хочешь. Тебе нужна поддержка, нужно...

– Да что ты говоришь! А я и не догадывался. Спасибо за бесценный совет, открывший мне глаза на то, как я наивен и глуп! – Язвительность в его голосе перехлёстывала через край. – Помолчи, будь добра.

Уступив, Ева смотрела, как он по книге, одними губами зачитывает заклинание призыва. Перевела опасливый взгляд на гексаграмму, когда жёлтое золото линий обернулось белым, вспыхнув ярче хрустальных свечей.

Пыльный воздух над рисунком пошёл извилистыми трещинами искривлённого пространства – казалось, кто-то ударил кулаком по невидимому стеклу. Трещины паутинкой ползли в стороны, пока не образовали овал прозрачного марева с Еву высотой, клубившийся невысоко над полом. Значит, так выглядит прореха между мирами? Немудрено, что на переходе Ева её не заметила: если она возникла на секунду или даже меньше...

Из прорехи медленно, вкрадчиво, словно просачиваясь в щель приоткрытой двери, выползло *нечто*.

У него не было даже щупалец. Оно было полностью, абсолютно бесформенным. Полностью, абсолютно чёрным. То была не чернота тени или чёрного предмета, но глубокая тьма бездонного провала – объёмного, похожего на громадную кляксу. Она перемещалась и дрожала, словно приносящийся хищник с раздувающимися боками; потом растеклась ввысь, вширь – и, приняв человеческие очертания, за секунду обрела внешность и цвет.

Демона можно было назвать милым голубоглазым блондином. *Очень* голубоглазым блондином. В глазах, очерченных тёмными ресницами, отсутствовали белки и радужки: они целиком были пронзительно-васильковыми, с щелями кошачьих зрачков и слегка светились. Ершистые вихры мерцали бледным золотом над треугольным личиком мальчишки-подростка – не старше пятнадцати, с лисьим носиком, белой кожей и широкой улыбкой. Ева думала, зубы будут острыми, но нет: обычные зубы, ровные и мелкие, как у ласки. Одевание гостя походило одновременно на сюртук и наряд монаха, если б монахи облачались в сгущённую мерцающую синеву, сотканную из звёздного неба. Щегольские лаковые туфли не касались пола.

Он не слишком походил на демона. Так мог бы выглядеть Лёшка, реши он закосить под персонажа аниме.

Останься он жив.

Воспоминание о брате заставило Еву сердито тряхнуть головой – и демон, улыбнувшись ещё шире, скрестил руки на груди.

– Привет, детишки, – проговорил он весело. Не двигая ногами, подлетел к границе гексаграммы; трещина в пространстве маревом густела за его спиной. – Звали?

Голос был странным. Высоким, как положено мальчишке, но немножко механическим. Его окутывали отзвуки эха: будто в действительности голосов было несколько, но они накладывались друг на друга. Почти идеально.

Это завораживало.

– Он точно не выйдет из круга? – спросила Ева с нотками лёгкой паники.

– Даже если бы мог, он из Межгранья. В нашем мире он бессилён. Все ему подобные бессильны. – Герберт не отрывал взгляд от демона, дружелюбно созерцавшего их из-за золотой черты. – Он нематериален. Его видим и слышим только мы, потому что мы его призвали. А призвать его может только некромант.

– Зато я обрету материальность, если кто-то из вас будет так любезен впустить меня в своё тело, – подсказал тот.

– Даже не мечтай.

– Значит, кровавый бал отменяется? Жаль, жаль. – Посмотрев на Еву, демон свойски ей подмигнул. – Не волнуйся, златовласка. Я бы

тебя и пальцем не тронул, даже если б мог. Слишком любопытный экземпляр, жаль будет так бездарно загубить.

Подмигивание было озорным, мальчишеским, вполне невинным, – но Еву всё равно передёрнуло.

– Мэтласс. Так меня называют. Можно Мэт, – поклонившись, представился демон. – Что угодно? А, погодите... Совсем забыл. Где мои манеры. – Он взмахнул рукой. – Подарок даме.

Ева воззрилась на букет роз, возникший в её ладони. Алых роз без упаковки, перевязанных красной лентой. Потом розы открыли зубастые пасти, и вместо цветочных головок Ева увидела крохотные головы мерзких склизких существ: будто на зелёных стеблях росли новорождённые крысята.

Вскрикнув, девушка отшвырнула букет – тот исчез, не долетев до земли.

– Всё, что он создаёт, существует лишь в твоей голове, – под звонкий хохот демона сказал Герберт. Голос некроманта почти успокаивал. – Эти твари – мастера проникать в сознание. Творить иллюзии. Морочить людям головы.

– Чокнутый психопат, – выплюнула Ева в сердцах.

– Конечно, психопат, – согласился демон. Встретился с ней взглядом: в расширившихся зрачках открывалась бездонная тьма. – Знаешь, девочка, каково это – видеть всё? Ведать всё? Для вас звёзды – искры серебра на черноте. Я вижу сгустки испепеляющей мощи среди безжизненной бесконечности. Вам кажется долгой ваша жизнь – я вижу, как исчезают горы и цивилизации обращаются в прах. Вы думаете, что мир вертится вокруг вас – я вижу, что целые планеты суть ничто в сравнении с Вселенной. Вы прячетесь от осознания своей ничтожности в уютных скорлупках собственного эго. Мне такой роскоши не дано. – В его глазах темнела мёртвая пустота: та, что в космосе разделяет звёзды. Из тона ушло веселье, многоголосье, пробившись отчётливее прежнего, звенело в воздухе холодной жутью. – Как думаешь, велика вероятность при таком раскладе остаться в здравом уме? В установленной вами степени здравости?

Ева попятилась за спину Герберта.

– Мне кажется, вы двое друг друга поймёте, – переведя взгляд на затылок некроманта, слабо пробормотала она.

Тварь в круге улыбнулась.

– Так зачем звали? – спросил демон, в один миг вернув маску безобидного мальчишки.

– Получить ответ на вопрос, – сказал Герберт. – Как связаться с гномами и заполучить у них волшебный меч. Если нас устроит цена.

– А чем готов заплатить?

– Скажи, что хочешь.

Демон посмотрел на него. На Еву.

– Ты выпустишь меня отсюда. До конца зимы. Позволишь болтать с вами час в день. В остальное время вы не будете ни видеть, ни слышать меня.

Шестиконечная звезда сменила цвет на голубой, но некромант лишь сверлил гостя взглядом.

– Ну же. Что вы теряете? – Улыбка твари сделалась обезоруживающей. – Ты сам сказал, без тела я бессилён.

– Если не считать иллюзий, способных заставить нас свихнуться.

– Хорошо, – демон патетично вскинул руку к потолку, – никто из вас не пострадает из-за меня. Отделаетесь разве что лёгким испугом. – Круг призыва окрасили синие всполохи – пятнами насыщенной лазури, возникшей среди блеклой васильковости. – Нет, совсем без иллюзий обойтись не проси. Иначе никакого веселья.

– В чём твоя выгода?

– Скучно сидеть там, где я сижу. Жажда человеческого общества.

– Врёт, – уверенно вставила Ева. – Всё врёт.

– Он не может лгать, – возразил Герберт, не оглядываясь. – Круг не позволяет. Наши слова сразу складывают условия сделки.

– Зато он может талантливо недоговаривать. – Ева обвиняющим перстом устремила на демона указательный палец. – Что тебе нужно на самом деле? Отвечай. Правду. Немедленно!

– Ты забавная, златовласка, – прошелестел тот. – Не доверяем людям?

– Демонам. Говори.

– Хочу развлечься, только и всего.

Евины подозрения ответ ни капельки не развеял. Понятие «развлечение» каждый трактует по-своему, а судя по букету, представления Мэтласса о развлечениях были весьма специфическими.

Герберт задумчиво созерцал невинное лицо под золотыми кудрями; с пальцев некроманта на пол капала кровь.

– Гарант нашей абсолютной безопасности, – сказал он наконец. – Формулировка «не пострадаем» меня не устраивает.

– Вы двое не получите по моей вине никаких физических, душевных и моральных травм, – легко согласился демон, пока в цвет круга добавлялись новые оттенки синего.

– Как и никто другой.

– Этого обещать не могу. Знания, что я тебе открою, помогут вам заполучить волшебный клинок и совершить государственный переворот. Вряд ли при таком раскладе обойдётся без пострадавших, а расплачиваться расторжением контракта за их страдания я не хочу. К слову, если вы со златовлаской случайно порежетесь этим клинком либо в ходе переворота и подготовки к нему пострадаете от посторонних – это не моя вина. Договор разрывается, лишь если вы получите травму при моём непосредственном участии. Если я подтолкну вас к этому словом или делом.

– Или иллюзией, – кивнул Герберт, не удивившись, что твари всё известно. – Справедливо.

Несмотря на внешнее спокойствие, в голосе некроманта мелькнуло нечто, отчего Ева поняла: этот пункт был ловушкой. С его стороны. Тем самым, что в договорах обычно пишут мелким шрифтом. И Герберт не слишком доволен тем, что демон её разглядел.

– Ты не будешь настраивать нас друг против друга, – продолжил некромант. – И не заставишь нас, иллюзиями или чем-то иным, друг другу навредить.

– Это предполагает пункт про травмы, но без проблем.

– Появляться, как и творить иллюзии, ты будешь исключительно в нашем присутствии. Не при посторонних.

– Посторонние и так не смогут увидеть ни меня, ни мои фокусы.

– Зато увидим мы. Не хочу принять невинного гостя за чудище или наёмного убийцу. Или чтобы твои фокусы сорвали мне важные переговоры.

– Умный мальчик, – поощрительно заметил Мэт. – Договорились.

– И я согласен выпустить тебя только на неделю, – добавил Герберт, когда в линии примешались сливовые проблески.

– До конца зимы.

– Две недели.  
– До конца зимы.  
– Убирайся, откуда пришёл. Я призову кого-нибудь поговорчивее.  
– Месяц. Предложишь меньше, уберусь с превеликим удовольствием.

– Герберт, может, не стоит...

– Я заключаю магический договор не в первый раз. И о подвохах осведомлён получше твоего. Не надо меня учить. – Некромант даже не взглянул в её сторону. – Ладно. Месяц. – Он протянул демону окровавленную ладонь: через сияющую границу, навстречу другой, готовой для рукопожатия ладони. – Я, Гербеуэрт тир Рейоль, позволю тебе пребывать в этом мире до назначенного срока, если исполнишь свою часть сделки и покуда соблюдаются её оговорённые условия. Нарушение договора повлечёт за собой его расторжение и твоё немедленное возвращение в Межгранье.

Когда их пальцы соприкоснулись, линии на полу окрасились зловещим багрянцем.

Мэт улыбнулся так широко, что Еве сделалось жутко.

– Проход в Потусторонье в каменном круге у разрушенного храма близ истока реки Лидемаль, – сказал демон удовлетворённо. – Если сумеете увидеть его и постучаться, оттуда выйдут и спросят, зачем пришли. Предложите сыграть в загадки: гномы любят игры и сделки немногим меньше нашего. Договориться будет несложно.

– Если сумеем увидеть? Нужно особое заклинание?

– Нужно лишь не принимать за истину то, что видите. – Фосфоресцирующие глаза демона полыхнули ярче. – Я исполнил свою часть сделки. Исполни и ты свою.

Разорвав рукопожатие, Герберт без лишних слов взмахнул кистью.

Алое сияние звезды перетекло в слабое мерцание. Мэтласс переплыл границу круга, пока разрыв между мирами исчезал за его спиной.

– Это будет весёлый месяц, – глядя на Еву, мечтательно пообещал он, прежде чем раствориться в воздухе. Лишь волшебные линии, мерцавшие на полу, остались – залогом соблюдения оговорённых условий, который исчезнет, когда демон благополучно вернётся в Межгранье.

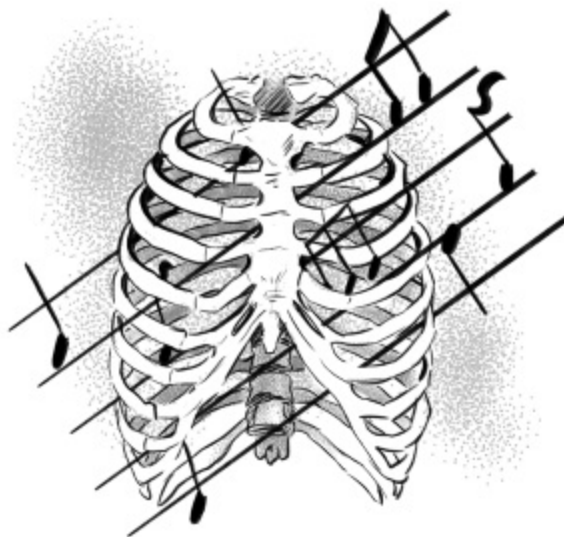
*Ни на йоту ему не верю, мрачно думала Ева, пока Герберт вёл её в ванну для очередного купания в чудо-растворе, стараясь не вспоминать, что Мэт может незримо следовать за ними. И теперь злую королеву свергают некромант-революционер, виолончелистка-зомби, куртуазный призрак и чокнутый демон.*

*Команда мечты.*

Когда в ванной Ева взялась за верхнюю пуговицу рубашки и устремила на некроманта выразительный взгляд — тот нехотя, всем своим видом выражая нелестное мнение о глупости подобных условностей, отвернулся.

## Глава 7

### Scherzando [\[10\]](#)



Практическая польза от демона обнаружилась уже следующим утром.

– Магия, – сказал Мэт, когда Ева сидела в своей комнате и грустно вертела в руках мобильник.

Учитывая, что голос прозвучал прежде, чем из воздуха проявился его обладатель, телефон выпал из непроизвольно дрогнувших пальцев.

– Что тебе надо? – нервно осведомилась Ева.

До этой секунды она размышляла, стоит ли прихватить смартфон на вылазку к гномам: едва ли ей будет часто представляться возможность запечатлеть на фото мир за пределами замка. Конечно, портативный зарядник ждал своего часа, да и бóльшую часть минувших дней смартфон провёл выключенным, экономя батарейку, но...

– Хотел подсказать, как можно зарядить твои игрушки. Магией. – Демон непринуждённо сидел в воздухе, устроившись в позе лотоса. – Одно из боевых заклятий здешних магов – электрический разряд. Генерировать молнии им тоже под силу. Они могут управлять



электрическим полем – следовательно, могут этим же полем повлиять на движение электронов в проводнике. Мощность придётся подбирать экспериментальным путём, но в теории зарядить аккумулятор возможно.

Ева поймала себя на том, что изумлённо приоткрыла рот.

– Откуда тебе известно?

– Я говорил, златовласка. Я знаю всё. Если не всё, то очень многое. – Мэт растворился в воздухе, и лишь высокий голос ещё звенел в комнате улыбкой чеширского кота. – Удачного похода.

– Подожди! Откуда ты знаешь, как работают аккумуляторы?!

Ответа не последовало.

Ева досадливо подобрала телефон с покрывала.

...впрочем, демон явился из некоего Межгранья. Если отталкиваться от названия, это место, расположенное между гранями. Гранями миров. И если обычно Мэт обитает где-то между этим миром и её, Евиным, и имеет возможность подсматривать в щёлочку...

Задумчиво постучав пальцем по экрану, Ева всё же нажала на кнопку включения.

Это были крайне любопытные известия. Ведущие к крайне любопытным выводам. И поскольку Ева была достаточно умна, чтобы не только сделать выводы, но и понять, какие последствия повлечёт за собой их претворение в жизнь, она предпочла выкинуть их из головы.

Сунув телефон в карман штанов, она поспешила вниз, во двор замка, где ждал Герберт.

– Долго, – сухо бросил некромант. – Идём.

Он резко отвернулся, взметнув тяжёлым шерстяным плащом, и зашагал по дороге к воротам.

Ночью наконец выпал снег – но уже таял, как и льдистая корка, лёгшая на лужи пластинками бесцветной карамели. Впрочем, Ева не преминула достать телефон из кармана и, задержавшись на дороге, сфотографировать припорошенный белизной сад.

– Что ты делаешь? – досадливо спросил Герберт, когда девушка его нагнала.

– Хочу запечатлеть твою обитель, – безмятежно пояснила та. – На память. И встречу с гномами.

– Карты, на которые пытались нанести расположение прохода в Потусторонье, тут же обращались в прах. Прими к сведению.

Поразмыслив, Ева разочарованно спрятала мобильник в карман:

– Тогда, пожалуй, поостерегусь. А можно я отнесу его обрат...

– Я и так долго ждал, пока ты соберёшься. Потеряешь свою игрушку – будешь виновата сама.

Фыркнув, но признав справедливость высказывания, Ева последовала за ним.

– Это точно безопасно – брать меня туда? – глядя, как следы некроманта тёмными пятнами прошивают нетронутый мокрый снег, осторожно спросила она. – Я читала, что ваши маги умеют видеть ауру. Если я выйду из-под защиты, которой ты окружил замок, вдруг...

– Не хочу тебя разочаровывать, но если думаешь, что твоя исключительная аура воссияет для всех здешних магов путеводной звездой, ты прискорбно высокого мнения о себе. Даже Айрес смогла бы отследить тебя по ауре лишь в одном случае: если б у неё в руках оказался зачарованный тобой предмет и она задалась целью найти того, кто наложил на него заклятие. – Герберт стремительно направлялся к мосту, над которым ворочало низкие облака белёсое небо. – Аура – не маяк, чтобы подавать сигнал о тебе на расстоянии. Отследить мага постфактум по следам мощного заклятия – можно. Почувствовать выплеск энергии издали, в момент сотворения этого заклятия – нет. Никто не узнает о тебе, пока ты сама не попадёшься им на глаза. И раз меч будут делать для тебя, твоё присутствие необходимо.

– А почему мы не можем телепортироваться в нужное место прямо из замка?

– Мои охранные чары не позволяют. Самый надёжный запрет телепортации работает в обе стороны. Никто не может неожиданно переместиться ко мне, но и я могу творить перенос лишь там, где защита ослаблена. – Замерев перед замковыми воротами, некромант повернулся к ней. – Обними меня.

Успев затормозить, прежде чем они столкнулись лбами, Ева попятилась:

– Поскольку я никогда не поверю, что ты внезапно проникся ко мне тёплыми чувствами или захотел повысить настроение обнимательной терапией, позволь узнать зачем?

– Это самый простой способ переместить тебя. Вместе со мной. В твоих интересах держаться крепче: потеряться в пространстве на

полдороге – неприятная вещь.

Угрюмо подступив ближе, Ева обвила руками его талию, почти ткнувшись носом в плащ на плече.

Подозрительно приняхавшись, вскинула голову.

– Нет, ты точно не романтический герой, – констатировала она с облегчением.

Непонимание Герберта было таким же искренним, как её мстительное удовольствие от выражения его лица.

– Ты ничем не пахнешь, – невозмутимо пояснила Ева. – Все уважающие себя мужчины, которым уготована роль романтического интереса героини, должны фантастически пахнуть. Желательно – земляникой, корицей, яблоками и другими фантазиями на тему кондитерской, хотя сойдут и brutальные ароматы с примесью мускуса. Если б мне суждено было в тебя влюбиться, сейчас я вдохнула бы твой соблазнительный запах, который напомнил бы мне о самых любимых вещах, и по мне пробежал бы табун мурашек, и мне смело можно было бы вешаться, дабы предотвратить шаблонное развитие сюжета... Пусть даже в моём случае от повешения было бы мало прока.

– Ха-ха. Умираю от смеха. Жаль, должность придворного шута давно упразднили, – откликнулся Герберт сухо. – К слову, искренне не советую проникаться ко мне какими-либо чувствами, кроме неприязни. Разве что уважением, но я не столь идеалистичен, чтобы на это рассчитывать.

– Боже упаси. Я просто решила убедиться, что не паду жертвой законов жанра. А то в книжках вынужденная помолвка, сопровождаемая игрой в Бенедикта и Беатриче, прискорбно часто заканчивается «и жили они долго и счастливо», а это в мои планы касательно нашей истории совершенно не вписывается.

Герберт, не ответив (ожидаемо, учитывая его незнакомство с Шекспиром), вцепился пальцами в её предплечья. Земля рывком ушла из-под ног, закружив их в карусели взвихрившегося пространства, заставив зажмуриться.

К моменту, когда Ева вновь ощутила землю под ногами, Герберт уже отпустил её.

Девушка услышала песнь близкой воды. Осторожно открыла глаза – некромант стоял у ручейка, журчащего по камням в низине, рассекавшей редкий хвойный лес. Тихо подождала, пока Герберт

оглядится; последовала за ним, когда тот стал подниматься по крутому склону оврага, усыпанному длинными рыжими иглами.

– Это исток реки, верно? – Ева оглянулась на воду, прозрачной вуалью обволакивавшую мшистые валуны. – Реки Лиде... как её там?

Некромант, словно не слыша, сосредоточенно карабкался наверх. Склон был так крут, что время от времени руками в перчатках Герберту приходилось касаться земли.

– Послушай, я могу отвлекать тебя вопросами до бесконечности, – заметила Ева невзначай. Она забиралась следом, цепляясь за корявые узлы еловых корней, прошившие склон насквозь. – И если поблизости нет затаившихся врагов, в чём я сильно сомневаюсь, проще ответить.

– Да, это исток реки Лидемаль, – нехотя бросил Герберт. – А наверху – древний храм Четверых.

– Четверых?

– Стихийные боги. Керфианцы верили в них, пока это верование не вытеснил культ Жнеца и прочих. Но Четверых до сих пор чтят в Риджии. И в других странах тоже. – Он пренебрежительно мотнул головой. – Глупцы.

Они наконец выбрались из оврага. Взору Евы предстал остов стен некоего здания, сложенного из грубых булыжников. Расцветенные сиреневым мхом, мерцавшим в лесной полутьме, камни серели среди золотистых древесных стволов: у здешних хвойников они были абсолютно гладкими, раскидывавшими ветви высоко над землёй.

– Дай-ка угадаю, – произнесла Ева. – Храм разрушили последователи вашей веры, так?

Вновь проигнорировав её слова, Герберт двинулся в глубь леса вдоль одной из стен.

За развалинами храма ждал круг из восьми больших, с Герберта высотой, стоячих камней. Двух красных, словно марсианские скалы, двух синих, как лазурит, двух малахитово-зелёных и двух безупречно белых, не тронутых веками, не перекрашенных течением времени.

– Я чувствую... возмущения. – Некромант прошёл в круг, выстланный колючим хвойным ковром. – Должно быть, жрецы Четверых тоже их чувствовали. Потому и построили здесь храм... не подозревая о стыке между мирами. Вопрос в том, как увидеть проход. – Он обвёл камни оценивающим взглядом, точно присматриваясь к врагу. – Ну-ка...

Ева смотрела, как Герберт вычерчивает руны. Вспомнила слова демона.

– Заклинания тут не помогут, – произнесла она уверенно.

Герберт не ответил, и ещё минут пять Ева терпеливо следила, как он плетёт заклятие за заклятием: если некромант и досадовал от того, что ни одно из них не приносит результата, то ничем этого не выдавал.

– Я же говорила, – пожала плечами девушка, когда Герберт опустил руки.

– Рад, что за неполные две недели пребывания в Керфи ты успела стать экспертом в области магии, – ядовито откликнулся тот.

– «Если сумеете постучаться». Так сказал Мэт. Что нужно не принимать за истину то, что мы видим. – Тихо ступая по ковру из игл, Ева подошла ближе. – Где возмущения сильнее всего?

– Наверное, я не случайно творю заклятия именно здесь?

Встав бок о бок с некромантом, Ева прикрыла глаза.

Она не могла быть уверена в своей догадке. О том, что именно нужно делать. С другой стороны, она верила в волшебство задолго до того, как столкнулась с ним здесь – и точно знала: если ты чего-то не видишь, это вовсе не означает, что этого не существует. А глаза, навязывающие тебе исключительно материальную картинку мира, порой только мешают.

К примеру, когда ты пытаешься играть на невидимой виолончели.

Она протянула руку, но ладонь ушла в пустоту. Нет... неправильно. Она не сосредоточилась как должно. Совсем как с музыкальной магией или призывом смычка. Нужно представить дверь, перед которой она стоит, всей душой поверить в то, что она там есть, и тогда...

Ева вскинула руку. Осторожно двинула её вперёд.

Уткнулась кончиками пальцев в нечто, очень похожее на холодный шершавый камень.

Сжав ладонь в кулак, девушка уверенно постучала – и, открыв глаза, увидела двустворчатые двери в каменной арке, украшенной затейливой растительной резьбой.

– Ты только что постучала по пустоте?

– По двери, – поправила Ева.

– Хочешь сказать, ты её видишь?

– В моём мире говорят: «Увидеть – значит поверить». Но иногда нужно поверить, чтобы увидеть. – Она отступила на шаг. Взяв некроманта за рукав, потянула его за собой. – Если я правильно помню инструкции Мэта, сейчас нам должны...

Дрогнув, двери медленно и совершенно беззвучно отворились.

– ...открыть, – закончила Ева.

За каменной аркой переливалось прозрачное марево изломанного пространства. То же, что Ева видела в гексаграмме, откуда явился демон.

Миг спустя оттуда вышел гном.

Ростом он доходил Еве примерно до груди. Если облачение в виде бархатного зелёного камзола было вполне ожидаемым, то отсутствие бороды и пивного животика оказалось неожиданным. Гном был маленьким и щуплым, с острыми ушами под огненно-рыжими кудряшками; его можно было бы принять за ребёнка, если б не лицо – гладкое, юное, но определённо не ребяческое.

Красивым назвать его было трудно. Слишком много неправильности сквозило в острых чертах. Зато странно притягательным – вполне.

– Приветствую, смертные, сумевшие узреть проход в Потусторонье, – мелодично проговорил гном. Его глаза в лесной полутьме мерцали мхом и золотом, тёмными изумрудами, вобравшими в грани весеннее солнце. – Что нужно вам от маленького народа?

Глаза принадлежали очень древнему, очень нечеловеческому существу. Как и голос. И пугали в той же мере, что завораживали.

Возможно, поэтому Герберт так ретиво склонил голову.

Еве не потребовалось указаний, чтобы последовать его примеру.

– Мы потревожили тебя, о обитатель Потусторонья, дабы осуществить то, что было предсказано величайшей пророчицей рода людского, – с почтительностью, которой Ева никак не ожидала услышать в его голосе, проговорил некромант. Неизвестно, увидел ли он в конце концов дверь, но того, кто вышел из неё, узрел определённо. – Этой деве суждено свершить то, что было предречено задолго до её рождения. Свергнуть тирана, предотвратить страшные разрушения, вернуть свет на наши земли. Для этих великих деяний ей нужен пламенеющий клинок, что могут выковать лишь ваши непревзойдённые кузнецы.

Гном смерил Еву оценивающим взглядом – и у неё возникло ощущение, будто из них двоих вовсе не она смотрит на своего визави сверху вниз.

– Я сам кузнец. Но не вижу для себя интереса, – сказал гном, отворачиваясь.

– Мы щедро заплатим. А если вы не нуждаетесь в золоте, можешь доказать превосходство вашего народа в интеллектуальном поединке.

– Если ты о замшелой традиции под названием «игра в загадки», нам нет нужды что-либо доказывать.

– И не хотите развеять скуку? – невинно осведомилась Ева. – Или просто боитесь проиграть?

Гном, почти шагнувший в арку, оглянулся.

– О, простите. Я из другого мира, где ваш народ считают выдумкой, – добавила Ева под пристальным взглядом гнома и уничижительным – некроманта. – Так что я определённо заслужила того, чтобы меня щёлкнули по носу и поучили уважать старших. А сокрушительный проигрыш, который вынудит нас удалиться отсюда несолоно хлебавши, подходит для этого как нельзя лучше, верно?

В тишине слышны были отголоски журчащего вдалеке ручья.

– А ты забавная, девочка, – наконец задумчиво констатировал гном.

– Ага, – смиренно согласилась Ева (кажется, в этом мире ей предстояло часто это выслушивать).

– И не думай, что тебе удалось меня провести, изображая неразумную особу. Но сыграть с тобой будет... любопытно. – Развернувшись к ней лицом, маленький собеседник скрестил руки на груди. – Играем, пока один из нас не ошибётся с ответом. Выиграете – будет вам меч. Без платы.

– А если проиграем?

– Уйдёте несолоно хлебавши, как ты и сказала. – Зелень в его глазах сверкнула насмешливым золотом. – И я заберу рубин из твоей груди.

Ева опустила растерянный взгляд вниз.

Рубин надёжно прикрывали три слоя одежды.

– Нам не нужно видеть золото или камни, чтобы ощутить их близость, – безошибочно расшифровав этот жест, сказал гном. – Мы чувствуем их. Мы слышим их, как ты слышишь человеческий голос.

Камень зовёт меня. А чары, которыми он опутан, силы, которыми он напитан... делают его весьма любопытным экземпляром. – Он улыбнулся, и улыбка эта не сулила ничего хорошего. – Загадываем по одной, поочерёдно. Начинаю я.

Ева коротко оглянулась на Герберта: тот едва заметно кивнул, из чего можно было сделать вывод, что заменить рубин не будет проблемой.

Она искренне надеялась, что не будет.

– Отгадываем вместе. И загадывать буду я, – сказал некромант.

– О нет, мальчик. Меч нужен ей. Я принял её вызов, не твой. Я играю с ней. – Глядя на Еву, гном предвкушающе качнулся с мысков на пятки. Свет бликами соскользнул с острых носов его щегольских лаковых ботинок. – *Я благо для тех, кто меня не познал, мученье тем, кто в мои сети попал, и если ты тот, кто мечтал обо мне, поверь, что порою блаженство – во тьме.*

Не выдержав его взгляда, Ева потупилась. Ковырнула мыском сапога хвою под ногами, удерживаясь от искушения посмотреть на Герберта в поисках подсказки.

В загадках она никогда не была сильна.

Ладно. Надо успокоиться и рассуждать логически. Речь явно о каком-то явлении, и вряд ли гном стал бы загадывать элементарщину в духе «два кольца, два конца». Значит, это нечто хорошее для тех, кто с этим незнаком, но познакомиться с ним явно несладко, и... и...

– Попытка всего одна? – спросила Ева.

– Да.

– А повторить загадку можно?

Гном повторил.

Ева задумалась.

Боль? Нет, едва ли в данном контексте она может быть благом. Смерть? В тему, учитывая засилье некромантов в окрестностях. Но едва ли смерть может быть продолжающимся явлением, на что намекали сети, да и смысл последних строчек в таком случае не вяжется с посылом первых. Любовь? Мрачновато, даже если учесть специфическую персону загадывающего.

К слову о персоне...

Ева посмотрела на представителя маленького народца. Тот невозмутимо наблюдал, заложив руки за спину.



*Он знает, что я из другого мира, подумала она, краем глаза заметив мучительное нетерпение в лице Герберта. Как проще всего меня подловить? Загадать что-то, чего я просто не могу знать. Или что-то, не столь очевидное для иномирян, в отличие от аборигенов.*

*Впрочем, в этом он может заблуждаться. Человеческая фантазия способна загулять в такие дали, что наши представления о некромантах, магии и прочем пока несильно отличались от настоящих некромантов, магии и прочего.*

*Следовательно...*

– Бессмертие, – осторожно предположила Ева.

Шумный выдох облегчения из уст Герберта подтвердил её правоту ещё прежде, чем гном одобрительно кивнул.

– Твой черёд, – кратко бросил её противник, не сочтя нужным подкрепить кивок словами.

Её черёд. Хорошо сказано. И что загадывать? Вряд ли «зимой и летом одним цветом». С таким гном точно справится на раз, а каждая следующая загадка от него – немалый риск проигрыша. Жаль, она не помнит каких-нибудь загадок про машины, самолёт и прочие чудеса техники: вот что гном в жизни бы не...

В этот миг Ева вспомнила, как ребёнком сидела под яблоней на даче с потрёпанной библиотечной книжкой, глотая страницу за страницей, стараясь не заляпать страницы соком вымытых мамой персиков, которые уминала за чтением.

Затем вспомнила, что Герберт так и не разрешил ей вернуться в замок и оставить там телефон.

– Что у меня в кармане? – вскинув голову, торжественно продекламировала она.

Гном и Герберт уставились на неё в одинаковой растерянности.

– Это что, загадка? – холодно осведомился представитель волшебного народа.

– Одна из самых легендарных загадок в моём мире. Которая однажды спасла жизнь известнейшему герою. У тебя три попытки.

Гном раздражённо мотнул головой – и Ева истолковала это признанием поражения.

– Ничего, – вымолвил он после недолгих раздумий.

– Не-а.

– Кольцо.

*Будь это другая история, тут бы меня и съели, с облегчением подумала Ева.*

– Тоже неверно.

Над последним ответом гном раздумывал долго.

– Зеркало, – почти безнадежно произнёс он.

– И снова не угадал. – Ева с готовностью запустила руку в карман штанов. Продемонстрировала оппоненту то, что и правда напоминало зеркало – к счастью, только напоминало. – Мобильный телефон. – Для пущей убедительности она нажала на кнопку блокировки, высветив на дисплее картинку анимешной заставки; с неё на гнома повелительно взглянул британский принц с сиреневыми очами<sup>[11]</sup>. – Вернее, смартфон, но не суть важно.

– Это нечто свойственное лишь твоему миру. Я не мог этого знать. Ты сжульничала.

– Ты не ставил ограничений «загадки лишь о местных предметах и явлениях». Что не запрещено, то разрешено.

Коварная усмешка, исказившая лицо побеждённого противника, очень её встревожила.

– Хорошо. Будет тебе меч, – подозрительно легко согласился гном. Отвернулся. – Возвращайтесь лет через пятьдесят. Как раз к тому времени управлюсь.

– Пятьдесят?!

– О сроках мы не договаривались. Как ты сама подметила, что не запрещено, то разрешено. – Сделав шаг к открытой двери, гном лениво оглянулся. – Впрочем, я мог бы управиться за вашу неделю... в обмен на плату.

– Рубин? – безнадежно вымолвила Ева.

– Нет, теперь мне интереснее другое. Отдашь ту диковинку, что лежала у тебя в кармане, – получишь меч через неделю.

Мстительная и непреклонная любезность его голоса вынудила Еву обескураженно опустить руки.

– Мы согласны, – быстро произнёс Герберт.

– Говори за себя!

– Что тебе важнее, твоя игрушка или твоя жизнь?

Вспомнив свою основную мотивацию в нелёгком деле свержения королевы, Ева скрепя сердце и скрипя зубами решительно вернула мобильник в карман:

– Я заплачу, когда получу меч. Не раньше.

– Меня это устраивает, – равнодушно откликнулся гном. – Через семь дней, здесь же, в это же время.

Наконец переступив порог Потусторонья, он исчез. Дверь – миг спусться.

– Ты была неплоха, – снисходительно заметил Герберт, возвращаясь к оврагу.

– Не могу вернуть комплимент при всём желании, – буркнула Ева, угрюмо плетясь за ним. В мыслях она прощалась с любимым телефоном. – Интересно, как ты собираешься управлять страной, если дипломат из тебя никакой. Когда король только и может, что королить путём красивого сидения на троне, ничем хорошим это не заканчивается.

Некромант высказывание проигнорировал, и оставшуюся часть пути проделали молча.

Почему они не телепортировались от храма, Ева спрашивать не стала. Наверное, возмущения от прохода в Потусторонье рождали побочные эффекты, которые могли пагубно отразиться на телепортирующихся. Просто добрела вместе с Гербертом до ручья; когда некромант замер, выжидающе глядя на неё, вдохнула полной грудью, желая напоследок ощутить аромат воды и хвойного леса.

Вдохнула ещё раз: с недоверчивым изумлением.

– Мне кажется или здесь правда пахнет корицей?

Сомнение во взгляде Герберта – касательно здравости её рассудка – послужило Еве ответом.

– Откуда-то точно пахнет корицей, – приняв хавшись, добавила она в своё оправдание. – Я чувствую.

Сомнение сменилось озабоченностью.

– Дома проведу кое-какие процедуры. Проверим, всё ли с тобой в порядке. Вдруг обонятельные нервы начали отказывать... или один из центров в мозгу. – Пробившееся в голосе Герберта беспокойство было почти трогательным. – Давай, не стоит тут задерживаться.

Пытаясь не думать, насколько тонкая грань отделяла её не-жизнь от настоящей смерти, Ева обняла Герберта за пояс. Коротко вдохнула, надеясь, что ей померещилось и что привкус навязчивого аромата уже исчез.

Охнула от концентрации пряности, ударившей в нос.

– Ты... – невольно отшатнувшись, выдавила она, – это ты! Ты пахнешь корицей! Но почему... как...

Осеклась, вспомнив, кто всё это время мог незримо следовать за ними по пятам. Одновременно с Гербертом огляделась вокруг.

Следующее – один короткий возмущённый слог – они тоже выпалили вместе.

– Мэт?!

## Глава 8

### Idée fixe [\[12\]](#)



– Такой шум подняли из-за маленькой шутки, – заметил демон беззаботно, соизволив проявиться из воздуха, когда вечером они собрались в гостиной. – Видели бы вы свои лица...

– А советовать мне прихватить телефон к воротам в Потусторонье, чтобы он сгорел, – тоже смешно, по-твоему? – Открыв футляр с Дерозе, Ева сосредоточенно собирала разрозненные деревянные осколки, пазлом складывая их на полу. – И не говори, что ты не знал об уничтоженных картах. Ты у нас вроде бы знаешь всё.

В лесу демон так и не соизволил показаться, и остаток дня прошёл за учёбой и тренировкой – первой после их с Гербертом примирения. Мечтая скорее получить в руки воскрешённого Дерозе, Ева решила побыть послушной, и её усилия вознаградили: после урока с Эльеном, где девушка изучила историю Тибелей и Рейолей, некромант соизволил лично заглянуть за ней в комнату и препроводить в гостиную.

Теперь Ева собирала разбитую виолончель (целиком, чтобы точно ничего не перепутать), Герберт ждал, сидя перед камином с резным бокалом чего-то высокоградусного, а Мэт наблюдал, зависнув над каминной полкой.

– Я просто подтолкнул тебя потакать своим желаниям, златовласка. Этим демоны обычно и занимаются. Неужели ты не злилась, когда наш мальчик подрезал тебе крылья?

– Нет. Потому что вы оба успешно доказали: кнут порой полезнее пряника, а последний могут подсунуть отравленным. – Собрав верхнюю деку, Ева удовлетворённо кивнула. – Твой совет о подзарядке телефона из того же разряда?

– Проверь, если сомневаешься. Твой телефон всё равно уже принадлежит гному. А о том, что его приз будет в рабочем состоянии, вы не договаривались.

– Проверю. Может быть. В другой раз.

В гостиной, расположенной неподалёку от библиотеки, Ева оказалась впервые. В небольшой комнате преобладали бежевый и голубой; мебель украшали серебристые завитушки, кресла вокруг низкого чайного столика были обиты золотым шёлком. Сидеть на пушистом аквамариновом ковре оказалось куда удобнее, чем на том, что положили в Евиной спальне.

Ева не знала, что в этом замке – суровом и сдержанном, как его хозяин, – может быть так уютно.

– Для чего тебе нужен этот маленький штык? – спросил Герберт неожиданно.

Ева проследила за его взглядом. Осознала, что речь о лежащем подле футляра шпиле.

– Подожди, я не ослышалась? – Театральным жестом она приставила ладонь к уху. – Ты правда хочешь послушать меня? Поговорить со мной? Сам, о чём-то, кроме дела?

Некромант ответил одним лишь льдистым взглядом – и Ева, хмыкнув, взяла в пальцы металлическую деталь.

– Это шпиль. Виолончелисту без него никак, ведь самооборона – святое. – Она сняла резиновый наконечник, демонстрируя блестящее железное остриё. – У нас нет волшебных смычков, так что от врагов приходится защищаться другими средствами. Скрипачи и альтисты могут отбиться метким ударом футляра по голове оппонента. Виолончели и контрабасы, увы, более громоздкие. Вот и обходимся шпилем.

Некромант воззрился на серебристый штырь почти с уважением.

– Ваш мир настолько опасен? Или в нём так не любят музыкантов?

– Конечно, не любят. От игры плохих музыкантов меня посещает чувство, что вот-вот прольётся кровь. Из ушей. Можно не ходить на концерты, но на улице от них не спрячешься, а люди часто переносят недостатки отдельных представителей профессии на всю профессию. – Ева непринуждённо подкинула шпиль на ладони. – Впрочем, конкуренты куда опаснее простых обывателей. Мир музыки суров: либо ты, либо тебя.

Пару секунд Герберт всматривался в её серьёзное, абсолютно честное лицо.

Перевёл взгляд на Мэта, насвистывавшего незатейливый мотивчик.

– Что-то мне подсказывает, что ты меня обманываешь, – поднеся бокал к губам, бесстрастно заметил некромант.

– Ты прав. Я шучу. Шпиль нужен, чтобы сверлить дырки в паркете.

– И снова лжёшь.

– Ладно, ладно. Он нужен для опоры инструмента во время игры. Дырки – уже следствие.

– Вот это больше похоже на правду. – Сделав глоток и оставив бокал на стол, Герберт посмотрел на собранную деку. – Ты закончила с этим?

Ева помедлила, прежде чем кивнуть.

Поднявшись с кресла, некромант присел подле деки. Расправил ладонь; Ева затаила дыхание, когда крупные щепки озарило голубое сияние, заставив осколки плотно прильнуть друг к другу.

– Это было несложно, – сказал некромант, как только рука его перестала светиться.

На ковре лежала целёхонькая дека.

Пока Ева благоговейно скользила кончиками пальцев по сросшемуся дереву, Герберт уже вернулся в кресло.

– Я думала, ты склеишь всего пару кусков, – тихо произнесла девушка, уверившись, что от трещин не осталось и следа.

– Считай это подарком в честь примирения. Или наградой за смекалку. Оставь всё здесь, где лежит, – добавил некромант, когда Ева потянулась убрать осколки в футляр. – Никто их не тронет, а лишний

раз перекладывать их туда-сюда ни к чему. Будем просто приходить в эту комнату каждый вечер.

Ева помолчала, обводя пальцами завиток эфы на спасённом виолончельном «лице».

– Я изучила историю твоего рода. И Тибелей, и Рейолей, – вспомнив сегодняшний урок с Эльеном, произнесла она. – Значит, первым королём правящей династии был тот самый некромант Берндетт?

*«Он положил основание династии Тибелей, – вещал призрак какой-то час назад, – объединив народ Керфи и свергнув иноземных захватчиков. Ведь после того, что он сделал...»*

Тут Эльен осёкся – и Ева, скрупулёзно конспектировавшая лекцию в нотную тетрадь, наострила ушки:

*«Что такое?»*

*«Я... простите, лиоретта, – призрак растерянно повёл рукой. – О деянии Берндетта вам лучше спросить господина. Если он сочтёт нужным, то расскажет сам».*

*«Но почему вы...»*

*«Мне не слишком легко об этом говорить. Это успело стать... личным. Боюсь, я могу сболтнуть лишнего. – Призрачный учитель непреклонно захлопнул книгу с родовым древом Тибелей, которую держал на коленях. – Продолжим с момента коронации Берндетта. Вскоре после восхождения на трон он женился на представительнице великого дома Ирн, и...»*

– Эльен обмолвился, что Берндетт совершил некое великое деяние. После которого весь народ Керфи пошёл за ним. А потом свернул разговор и сказал, что об этом деянии лучше спросить у тебя, – продолжила Ева, когда некромант кивнул. – Может, поведаешь, что такого великого совершил твой предок и почему твой дворецкий опасается об этом говорить?

Герберт не ответил. Лишь качнул бокалом – жидкий янтарь лизнул хрустальные стенки.

– Народ Керфи пошёл за Берндеттом Тибелем, когда узрел, как тот призвал в своё тело Великого Жнеца, – интонируя слова, точно выводя задорную песенку, сказал Мэт. – И наш мальчик намерен это повторить.



Герберт на кляузничество отреагировал лишь другим глотком из бокала; грани резного хрусталя искрились в отблесках огня, плясавшего на поленьях.

Наверное, будь Ева жива, следующие слова прозвучали бы с придыханием:

– Ты правда собираешься призвать... бога? Настоящего?

– Сильный некромант может это сделать. Призвать Жнеца. Стать его аватаром, – буднично откликнулся Герберт. – На пару минут, не дольше. Но и этого хватит, чтобы войти в века. Чтобы все уверились: ты отмечен особым благословением величайшего из богов. И равному тебе среди живущих нет.

– Что является истинной правдой, ибо предприятие донельзя опасное, – поддакнул Мэт. – После Берндетта многие пытались его повторить. Никому не удалось. А неудача, увы, обычно влекла за собой летальный исход. Но наш малыш уверен, что ему всё удастся. В конце концов, для того его и растили, верно?

Поверх бокала Герберт посмотрел на лицо под золотыми кудряшками, сделавшееся странно, до жути сочувственным.

– Замолчи.

– Славный господин Рейоль, так гордившийся необычайным даром сына. Уже третий некромант из Рейолей, даже магистром стать не сумевший. Он так жаждал вернуть былое величие своему дому, так хотел прославить своё имя... И будущим главой рода видел исключительно нового Берндетта. Никак не очередное ничтожество, коим был сам. А маленький Уэрти думал, что это нормально: когда отец порет тебя за каждый промах, когда любимый родитель видит в тебе лишь инструмент для воплощения собственных амбиций...

– Замолчи, – повторил Герберт.

– ...когда ты растёшь в убеждении, что магия – единственный смысл твоего существования, что ты обязан стать великим – или твоя жизнь не стоит и гроша, ведь если твой дорогой папаша зачал тупоумного бездаря, лучше было бы придушить тебя сразу после рождения...

– Замолчи, – это некромант почти прошипел. – Или я расторгаю контракт.

– На каком основании? – Улыбка демона чужеродно смотрелась на лице, воплощавшем оскорблённую невинность. – О, я причиняю тебе

душевные страдания? Прости, малыш, не думал, что это так тебя заденет. Констатировал факты.

Скупым жестом Герберт поднёс бокал ко рту. Похоже, умудрился даже сделать глоток, хотя Ева не знала, как это можно осуществить сжатыми в нитку губами. Как не знала – не думала, – что сможет испытать к венценосному снобу сочувствие.

Что между ними всё же есть нечто общее.

– Ты знаешь, что это неправда, Герберт, – произнесла она. Очень мягко. Неожиданно даже для себя. – Ты...

– Мне не нужна твоя жалость. – Рука с бокалом метнулась в сторону; янтарь, заключенный в хрустале, взвихрился так, что пара капель пролилась на ковёр. – Мой отец был прав. Без моей магии, без моего дара я – ничто. Один из миллиона тех, кто обречён на забвение. Я не собираюсь присоединяться к ним. – Колючий взгляд почти вынудил Еву опустить глаза, но она не опустила. – Я прослаблю имя Рейолей. Я стану бессмертным и подарю бессмертие тем, кто в меня верил. Я войду в историю. В конце концов, одно великое деяние я уже совершил. – Улыбка над бокалом была кривой. – Я создал тебя. Разве ты, моё творение... Разве ты не прекрасна?

Его взгляд и правда был почти любовным. Только романтики в этом не было ни капли. Так коллекционер любит мёртвой бабочкой, бережно распятой под стеклом.

– Если меня кто и создал, то не ты. Но я благодарна, что твоими усилиями сейчас мыслю и разговариваю, – сказала Ева. – Ты – это ты. Не твоя магия. Не то, чем ты занимаешься. Пусть люди часто об этом забывают... Особенно такие, как ты. Одержимые своим делом. Иногда они и правда обречены стать великими, и это здорово...

Перед глазами встало лицо брата, дрожащей рукой сжимающего смычок, в который раз пытающегося извлечь из скрипки своё прежнее «ля», уверенное и чистое, как горный ручей.

Лицо, отмеченное терминальной стадией отчаяния, несовместимого с жизнью.

– ...но я не считаю это нормальным. Хотя когда-то считала.

– Ты-то что об этом знаешь?

Ева смотрела на его пальцы, лежащие на резном подлокотнике. Ей пришло в голову, что в окружающей обстановке чувствуется женская рука. Вполне возможно, это была любимая гостиня матери Герберта:

здесь наследник Рейолей виделся с ней... В те редкие часы, что она не тратила на светскую жизнь. А может, во время очередного великосветского сборища, что тут проводили.

Даже при живых родителях можешь чувствовать себя сиротой. Одиноким, ненужным, произведённым на свет вследствие ошибки в небесной канцелярии.

Она это знала лучше кого бы то ни было.

– Нас у родителей было трое. Я, моя сестра и брат. Все трое – музыканты. – Она не стала вдаваться в подробности в духе «Динка пианистка, Лёшка скрипач». Это было не важно, и кто знает, существуют ли в Керфи подобные инструменты и профессии. – Но только я получилась случайно. Родители планировали двоих детей, мальчика и девочку. Я родилась третьей и была лишней. Чувствовала себя лишней.

Она сама не знала, зачем это говорит. Зачем пытается убедить того, к кому даже симпатии особой не испытывала. Наверное, это естественное свойство струн человеческой души: резонировать в ответ на знакомую боль, пытаясь её умирить. Делиться опытом, давшимся дорогой ценой.

Странно, что говорить с ним об этом было легко. Удивительно легко для разговора с человеком, тебе далеко не близким. Хотя, может, в том и дело... Эффект попутчика в поезде, незнакомца, с которым вскоре вы расстанетесь навсегда. С таким можно делиться секретами, не опасаясь, что это выйдет тебе боком. А в том, что они с Гербертом расстанутся, и скоро, Ева была уверена.

С близкими она как раз об этом не говорила. Никогда. Поэтому теперь это очень просилось быть выговоренным.

– Все надежды возлагались на них. На старших. Всё время уделяли им. Мама сама закончила музыкальную школу, но музыкантом не стала. Предпочла получить *нормальную* профессию, чтобы зарабатывать нормальные деньги и обеспечить себе нормальную жизнь. Потом захотела, чтобы дети воплотили её несбывшиеся мечты. Мои брат и сестра были гениями, а я... так себе. Середнячок. И только меня в музыку не толкали, я захотела заниматься сама. – Ева сцепила ладони в замок: память об их разбитом трио неизменно сопровождала печаль, рождённая из умершей боли. – И на меня обратили внимание лишь тогда, когда вместо трёх детей-музыкантов в семье остался один.

Печаль дрожала в сердце надорванной струной. Dolce, sotto voce<sup>[13]</sup>. Вспомнились уроки сольфеджио с репетитором в седьмом классе школы – те, на которых Ева всё же развила себе абсолютный слух. Может, дремавший: кто-то говорил, что развить его невозможно, только пробудить. Часами, бесконечными упражнениями, титаническими усилиями.

Вплоть до выпускного экзамена младшая Нельская ни разу не получала за музыкальный диктант ничего выше четвёрки. Динка с Лёшкой, треклятые «абсолютники», с первого класса приносили неизменные пятёрки. Они сразу определяли высоту любого берущегося звука, и когда учительница играла мелодию диктанта на стареньком разбитом рояле, им оставалось лишь записать её с правильной нотацией. Но то, что почти ничего не стоило им, Еве давалось потом и кровью. И вокруг могли сколько угодно твердить, что абсолютный слух для хорошего музыканта необязателен: у родителей было другое мнение.

– Предыдущие иномиряне рассказывали о машинах? – не дождавшись реакции от Герберта, спросила Ева. – Тех, которые автомобили?

Тот склонил голову даже как-то пренебрежительно:

– Железные повозки? Конечно.

Девушка покосилась на Мэта. Демон следил за разговором так тихо, что можно было забыть о его присутствии; кажется, даже поблёк и выцвел немного, чтобы слиться с лежавшей над камином тенью.

– Однажды мы ехали на машине в магазин. Папа и мы трое. И в нас въехал грузовик. – Ева прикрыла глаза – даже сейчас, шесть лет спустя. – Это... очень большая машина. От нашей в итоге не осталось ничего целого.

Грузовик занесло на снегу. Их изящный французский хетчбэк от столкновения сложился в гармошку, зажатую между кузовом взбесившейся машины и разделительным ограждением. А Ева была достаточно взрослой, чтобы всё осознать – и до сих пор помнить мгновения, замороженные неверием и ужасом. Хотя ужас пришёл потом, вместе с болью; тогда, в первые моменты, были просто удар и скрежет, тянувшийся ту бесконечность, в которую разлились секунды. И странно равнодушная, любопытная мысль, что успела пронестись в

голове, пока искорёженное железо не заключило её, живую, в металлический саркофаг.

*«Я что, сейчас умру?..»*

– Все говорили, это чудо, что никто не погиб, – голос сделался отстранённым и далёким, словно собственный рассказ она слушала со стороны. – Грузовик въехал в правый бок. Туда, где была моя сестра – впереди – и брат, на заднем сиденье. Мы с папой сидели слева. Пострадали сильно, но не настолько. А они... им в руки вставляли металлические спицы, им делали операции, но это не помогло. Их пальцы покалечило слишком сильно. Они больше не могли играть. Оба. Потеряли то, что было смыслом их жизни. – В памяти в который раз всплыло то, что Ева так старалась забыть; она давно приняла это, но вспоминать всё равно было несладко. – Моя сестра нашла другой смысл. Брат не смог. Он подсел на наркотики. Умер от передозировки год спустя.

Она вдруг поняла, что забылась. Забыла, кому всё это рассказывает. Что говорит больше для себя, чем для того, кто сидел напротив, глядя в её лицо с непривычной мягкостью – словно тоже увидел то, что так отчётливо встало у неё перед глазами.

Лицо Лёшки, каким она видела его в последний раз. В гробу.

– Ты понял, что это значит?

– Не волнуйся, – откликнулся Герберт тихо. – В нашем мире тоже есть наркотики.

– Ему было всего пятнадцать. Четырнадцать, когда случилась авария. А сестре – семнадцать. – Ева всё же отвела взгляд. – Вот тогда мама вспомнила, что у неё есть ещё одна дочь. Взялась делать из меня то, чем должны были стать они. А я не могла. Они были виртуозами, на конкурсах всегда первые премии брали... Я – нет.

Без конкурсов построить карьеру исполнителя трудно. А техника, виртуозность, безупречная аккуратность, то, что на конкурсах ценят превыше всего, – это не было её сильной стороной. Ева раз за разом подбиралась к пьедесталу, но редко становилась первой. Зато на концертах срывала овации – потому что вкладывала в музыку душу. Все свои чувства, все светлые и горькие мысли; то, ради чего нужны живые исполнители, ведь чисто и бездушно с успехом сыграет механическое пианино. И получала похвалы – что в её игре слышны

неподдельная боль, настоящая доброта, мудрость взрослого человека...

Как часто она с горечью думала, что даже этим обязана трагедии, отнявшей музыку у Динки, а Лёшку – у них обеих. Как часто, лёжа в постели, чувствуя на щеке призрачное жжение маминых пощёчин, думала: своих желаний стоит бояться. Когда-то ей хотелось, чтобы с ней носились так же, как со старшими. Чтобы родителей волновало не только то, одета ли она, сыта и здорова. Чтобы их общение не сводилось к формальному вечернему вопросу «как прошёл день?», ответ на который мало кого-то интересовал. Стоило пожаловаться на обидчиков в школе, на проваленную контрольную, на строгих учителей, как папа уходил отдыхать после тяжёлого рабочего дня, а мама – заниматься с другими, желанными детьми, готовя их к очередному концерту, зачёту, конкурсу...

Настоящей мамой Евы была как раз Динка. Понимающей, сочувствующей, выслушивающей, воспитывающей.

Но Динке нельзя было жаловаться на то, что разъедало душу больше всего.

– Знаешь, иногда я ненавидела всё это. Музыка, которую когда-то любила. Музыка, которая убила моего брата. Бесконечные ожидания, которые на меня взвалили и которые я не могла оправдать. И думала – зачем всё это, если великим музыкантом я всё равно не стану, зачем мне жить, если... А потом поняла одну простую вещь. То, чего так и не понял мой брат. – Она вскинула голову. – Я не обязана им становиться. Великим музыкантом. Могу вообще бросить музыку, если она мне осточертеет. Потому что я – это я, и я останусь личностью, даже если музыку у меня отнимут. Мир прекрасен. Жизнь прекрасна. В ней так много всего, что ни одна великая цель не затмит всё это. Никакие неудачи не стоят того, чтобы с этим расстаться.

Усмешка Герберта была столь же саркастичной, сколь снисходительной, но Еву это не задело.

– И что же в ней есть? К чему стремиться, если не к величию? Обрести любовь? Продолжить род? – Он небрежно щёлкнул пальцами по бокалу, всем своим видом выражая презрение к вышеупомянутой ерунде; хрусталь отозвался болезненным звоном. – Это могут делать и животные. Людей боги создали для другого.

– Ты кидаешься в крайности. Я могу встретить хорошего парня и выйти за него замуж, если захочу. А могу остаться одна. И жить для себя. Если захочу. Любовь, дети – не цель. Ставить что-то во главу угла, заикливаться на чём-то одном неправильно. – Ева провела пальцем по виолончельной деке с рассеянной лаской. – Нужно жить и наслаждаться жизнью. Не забывать о том, сколько в ней граней. Сколько в ней хорошего. И наше предназначение – не родить детей, не остаться в веках... куда важнее понять, кто ты на самом деле. Чего хочешь. Что делает тебя по-настоящему счастливым. Быть собой, не изменять себе... Если, конечно, твоим заветным желанием не являются семь жён, повешенных в кладовке. – Поймав на себе взгляд Герберта, в котором внимание мешалось с недоумением, она чуть улыбнулась. – Мы слишком часто живём навязанной нам жизнью. Считаем своим счастьем то, о чём твердят другие. Но люди разные, и твои ценности могут кардинально отличаться от того, что важно твоим родителям. Или друзьям. И это не значит, что твои правильные, а их – нет. Просто тебе они не подходят. А другим не подходят твои. Понимаешь?

Герберт поболтал бокалом, обдумывая услышанное.

– Это мышление неудачника. Человека, который ищет оправдания тому, что ничего не добился.

– Может быть. Но неудачника, который не будет заниматься напрасным саморазрушением. Тем, что убило моего брата. Чем когда-то занималась я. Чем занимаешься ты.

Некромант долго молчал, глядя на огонь.

– Мёртвая девочка учит меня жизни, – изрёк он со смешком, прозвучавшим слегка неестественно, будто он старался высмеять то, что на деле смешным не являлось. – Иронично.

Ева поднялась с пола, ощущая дикую, чудовищную усталость – не телом, душой.

– Да. Учю. Потому что ты, может, и знаешь всё о смерти, но о жизни не знаешь ни черта.

Посмотрела туда, где недавно был Мэт, растаявший в бежевой полутьме, и, не прощаясь, вышла, оставив некроманта смотреть в проём замкового коридора, ещё долго перекатывавшего звонкое эхо её шагов.

## Глава 9

### Fieramente [\[14\]](#)



Следующие дни прошли по расписанию, к которому Ева успела привыкнуть. Утром – тренировка с Гербертом, потом урок с Эльеном, следом – свободное время, которое Ева распределяла между досугом и обучением. К этому прибавились вечерние визиты в гостиную, где Герберт чинил Дерозе: теперь – по паре осколков, как и обещал. Но поскольку сильнее всего пострадала восстановленная верхняя дека, Ева не жаловалась.

По самым пессимистичным прогнозам виолончель должна была вернуться к ней в ближайшую пару недель. Это её вполне устраивало.

К разговорам по душам они больше не возвращались. Да Еве и не хотелось. Общение исключительно на деловые темы её даже радовало – как и прогресс на уроках. Когда её не обливали презрением, они с Гербертом работали куда продуктивнее: теперь Ева могла почти мгновенно сотворить простой защитный купол (не впускавший и не выпускавший заклятия и предметы) и чуть медленнее – барьер Берроля (заклятия не впускавший, но успешно выпускавший). Атакующие заклинания давались хуже: достать Герберта ей не удалось ни разу, но Ева не унывала. В конце концов, для атаки у неё всегда оставался смычок, и им порой получалось обезвредить сразу три тени, атакующие с разных сторон...



На самом деле Ева не понимала, как минимальный набор заклинаний, смычок и будущий меч, функции которого явно сведутся к бутафорским, помогут ей победить самую могущественную чародейку страны. Но полагала, что у Герберта есть некий хитрый план. Пару раз пробовала невзначай расспросить об этом, однако некромант столь убедительно изобразил бессловесный камень, что его расколот бы только допрос с пристрастием – и то не факт.

В общем и целом не-жизнь налаживалась. Эльен взялся учить её танцам («Столь прелестное создание, избранное невестой будущего монарха, просто обязано блистать на балах!»), так что надоедавшее порой конспектирование сменилось заучиванием па и поворотов. Да и Мэт скучать не давал – в своей манере.

– Опять эти треклятые бабочки в животе, – тоскливо проговорила Ева как-то вечером, по дороге в гостиную вглядываясь в экран смартфона.

Герберт, шествовавший впереди, обратил на неё непонимающий взгляд.

– Я читаю. Роман. Любовный, – устало пояснила Ева. Памятуя о скором расставании, заряд телефона она теперь тратила без опаски, на ходу глотая строки популярного молодёжного фэнтези. – И почему в книжках у влюблённых девушек вечно селятся бабочки в животе? Никогда подобного не испытывала. Даже интересно, что имеется в виду.

Сзади прошелестел голос того, о чьём незримом присутствии Ева, конечно, успела забыть:

– Если хочешь узнать, могу помочь...

Вообще Ева очень не хотела выказывать перед демоном свою слабость. Но тогда всё-таки закричала. И кричала ещё какое-то время после того, как иллюзия исчезла, а Герберт, проявив чуждую ему человечность, обнял её за плечи и настойчиво напомнил, что это не по-настоящему.

Когда ты чувствуешь, как нечто чужеродное мечется по твоему желудку, а потом опускаешь взгляд и видишь, как из живота, едва прикрытого разодранной в клочья рубашкой, вылезают здоровенные мотыльки со слипшимися от крови крыльями, – не закричать трудно.

Хоть больно не было. Мэт очень старался не нарушить условий контракта.

Об этом Ева и вспоминала вечером третьего дня, недобро глядя на демона, по-хозяйски развалившегося в кресле, пока они с Гербертом сидели на полу гостиной, сращивая воедино пару мелких боковых щепок.

– Значит, своих любовников ты не любила? – неожиданно уточнил некромант, точно не возвращаясь к оборванному несколько дней назад разговору.

Немного ошалев от вопроса, Ева проследила, как Герберт откладывает кусок лакированного дерева, минутой назад бывший двумя кусками.

– С чего такой вывод?

– Твой амант выдаёт, что первый... опыт у тебя уже состоялся. Но ты сказала, что никогда не любила. – В голосе некроманта скользнула едкость, необычная даже для него. – Твои обожатели об этом знали?

Ах да. Амант... Местные книги утверждали, что эта часть ауры меняется после потери девственности. Вернее, менялся тип энергии, наполняющий «любовный резерв», и влёт за собой изменение ауры.

Естественно, для Герберта незамеченным это не осталось. Для его большой мозоли, натёртой предательством любимой, – видимо, тоже.

– Я сказала, что не испытывала глупых ощущений вроде бабочек в животе. К любви это не относилось. – Ева сердито дёрнула прядь светлых волос, выбившуюся из-за уха. – А моя личная жизнь – не твоё дело.

«Обожателей» у неё было двое. Один в девятом, последнем для неё классе общеобразовательной школы. Другой в колледже, на втором курсе. С обоими Ева порвала сама, когда осознала, что чужие претензии и истерики успели выжечь чувство дотла, и потому особо не страдала. Первый никак не мог понять, почему его девушка предпочитает его обществу виолончель; все объяснения, что такова её судьба – большую часть своей жизни проводить за инструментом, ради занятий отказываясь от кино, развлечений, свиданий, прогулок с друзьями, – не помогали. Второму – пианисту, с которым Ева играла в камерном ансамбле, – не терпелось от платонических отношений перейти к другим, и Ева уступила. Потом, вспоминая неловкий торопливый секс в классе, где они репетировали, немного жалела: о том, что поддалась любопытству, желанию попробовать, что это, а результат ожиданий не оправдал. Впечатления от нескольких

«репетиций» у Евы колебались от «противно» до «забавно», так и не добравшись до отметки «приятно».

Разошлись они не поэтому. В какой-то момент Ева устала чувствовать себя рыцарем рядом с капризной принцессой – по части истерик и тонкости душевной организации мальчишки-музыканты могли дать девочкам фору. А ей самой не хватало рыцаря, с которым можно забыть о проблемах и холоде.

– Пожалуй, не моё, – на диво спокойно согласился Герберт. Встал. – Завтра меня не будет целый день. Надеюсь, на сей раз ты не вытворишь глупостей.

– Я за ней присмотрю, – жизнерадостно пообещал Мэт.

– Если я буду полагаться на то, что ты за ней присмотришь, могу уже считать её сидящей в темнице. Отдать тебе тщательно продуманный приказ? На всякий случай?

– Не надо, – сказала Ева, всем своим видом выражая послушание. – У меня своя голова на плечах есть.

– Рад, если так. – Некромант пристально взирал на неё сверху вниз. – Не покидай замок. Урок с Эльеном не отменяется. Можешь идти.

Ева думала, что он сядет у огня, но Герберт направился к выходу.

– А куда ты завтра?..

– Есть дела. Вечером в столице проходит турнир по немагическому фехтованию. Весь столичный свет собирается там, мой брат выступает.

– Твой брат? Тот, который тоже претендовал на престол? – Услышать о нём от Герберта оказалось неожиданно. – Он фехтует?

– Лучше всех в Керфи. Надеюсь, завтра он это подтвердит.

Не считая нужным прощаться, некромант прикрыл за собой дверь.

– Тоже хочешь на турнир, златовласка?

– Хочу. Но не пойду. Даже не намекай. – Ева состроила демону насмешливую гримаску. – Герберт большой мальчик, как-нибудь справится без меня.

*В конце концов, развеяться и прогуляться я могу и в саду, думала она, возвращаясь в спальню. Там-то меня никто не увидит. И ничего мне не грозит. Верно?*

Как оказалось впоследствии, это было не совсем верно. Зато Еве представилась уникальная возможность опровергнуть

распространённое мнение о том, что не ошибаются только покойники.

Как выяснилось, и им это вполне под силу.

\*\*\*

Вечер следующего дня Гербеуэрт тир Рейоль встречал в ложе на трибуне Королевской арены.

Подходил к концу последний этап командной игры. На ярко освещённой арене проросли деревья, воздвигли скалы, фонтаны, лабиринты из зелёных кустов и две каменные башни; изумрудный газон наискось рассекли рекой – прозрачные воды исчезали прямо под резной оградой трибун. Большая часть декораций была иллюзией, но крайне искусной. В команды собирали пятерых, каждого защищал зачарованный костюм, временно парализовавший игрока при точном попадании в сердце и определённом числе «мелких ранений». Игра заканчивалась, когда кто-то добирался до знамени вражеской команды: пёстрые флаги, раздуваемые волшебным ветром, гордо реяли на верхушках башен.

В этой дисциплине турнира, особенно любимой публикой по причине зрелищности, участие принимали не все. Берегли силы для одиночной борьбы – да и не каждый способен был действовать в согласии с теми, с кем уже завтра придётся соперничать. Но Миракл Тибель участвовал; трибуны взревели, когда он в очередной раз подоспел на помощь товарищу, попавшему в окружение, и, отчаянно рискуя, отбил его от трёх противников разом. Спас соратника в ситуации, которую многие сочли безнадёжной, где почти все предпочли бы «продать» товарища, но не подставляться самому.

– Они так любят его, – сказал Кейлус Тибель, глядя в бинокль на ликующих зрителей, которые скандировали имя представителя королевской семьи. – Мальчишку, даже командовать неспособного.

Миракл отсалютовал трибунам, расчеркнув воздух кончиком шпаги. Сцену от остальной арены отделял звуконепроницаемый барьер, но отзвуки рёва пробились даже сквозь него. Тёмно-синий костюм за сегодня встретил лишь пару лёгких ударов, в спокойном лице не было ни торжества, ни насмешки – одно удовольствие от игры, идущей по твоим правилам.

– Трудно совмещать роль капитана с ролью лучшего бойца, – бесстрастно заметил Герберт. – Командиру пристало координировать действия остальных, не рискуя собой. Мирк не из таких.

Ложа, где они сидели, предназначалась только для светлейшей семьи. Открытую арену, которую в дождливую погоду закрывали магическим куполом, окольцовывали ряды сидений: жёстких – на местах подешевле, мягких – там, где за представлением наблюдали состоятельные зрители. Королевскую ложу, отделанную алым бархатом (её полукругом огораживала прозрачная плёнка колдовского щита), обставили пышными удобными креслами. На почтительном отдалении от гостей дежурили бдительные стражники. В воздухе стыл металлический запах снега, таявшего на крыше, мирры и лилий – духов королевы – и кедра с горьким цитрусом, шлейфом овевавших лиэра Кейлуса.

– Он мог бы командовать, но ему хватает мудрости распорядиться своими силами наилучшим образом. Умерить амбиции, прислушиваться к чужим советам. Играть в команде, когда ты сильнее многих и мог бы довольствоваться участью блестящего одиночки. – Голос королевы звучал благодушно, но задумчивость, скользнувшая за этим благодушием, напугала бы кого угодно. – Нетрудно понять, почему им восхищаются.

Подвеска на груди Миракла (такие использовали для связи на расстоянии) полыхнула колдовской синевой. Не дожидаясь указаний командира, он побежал к реке: и без указаний знал, что ему прикажут – атаковать святилище соперника, белевшее на том берегу. Его уничтожение открывало двери вражеской башни. Всё равно защитники обездвижены на ближайшие минуты.

Настоящие каменные храмы можно было бы колупать шпагами хоть до Жнеца Милосердного, но эти, сотворённые магами, рассыпались в пыль от нескольких точных ударов.

– Как это печально, Айри, – заметил Кейлус, наблюдая, как Миракл рассекает мелкие речные воды. – Толпа покупается на внешний блеск, на смелость и доброе сердце. Ты, которая хочет привести их к величию, сделать их жителями страны, властвующей над целым континентом, а после – над миром, для них словно злая мачеха из сказок. Зато юнец, не чурающийся тешить народ, как балаганный фокусник... – Сочувствием в его вздохе можно было бы отравить лошадь. – А ты что думаешь, Уэрти? Многие на трибуне предпочли бы, чтобы титул наследника достался твоему брату. Многие были разочарованы, когда не достался.

Тот промолчал, следя, как серебристое лезвие в руках Миракла рубит тонкие белые колонны – святилище походило на мраморную беседку.

Под цепким взглядом кузена королева склонилась к Герберту.

– Ты выше его, Уэрт. Выше всех, кого сейчас видишь. Не забывай. – Ласковые пальцы огладили некроманта по волосам одновременно с тем, как ласковый шёпот коснулся его уха. – Нет ничего выше и важнее тебя и твоей задачи. Наша цель – Керфианская империя, и мы достигнем её... Ты и я.

Тот не шелохнулся. Даже не подал вида, что услышал, неотрывно наблюдая за тем, как святилище взрывается облаком белой пыли.

Миракл кинулся наперерез противнику, запоздало вынырнувшему из-за деревьев. Закружился вокруг соперника на светлой песочной дорожке, прикрывая отступление товарища по команде – изящно, будто в танце, заложив свободную руку за спину и сплетая в воздухе вязь серебристых вензелей поющей стали. Он уворачивался от ответных атак легко, точно смеясь, но это было не так: над врагами, даже поверженными, Миракл Тибель не смеялся. Никогда. И предпочитал считать не врагами, а оппонентами.

Ещё одна черта, за которую его так любили.

– Должен сказать кое-что, Айри, – понизив голос, изрёк Кейлус с тщательно дозированной озабоченностью. – До меня дошли весьма неприятные слухи. О некоем заговоре... Как раз в пользу нашего дорогого Мирка.

Королева рассмеялась. Тихо, очень мелодично, словно мягко зазвенел колокольчик, выкованный из звёздного серебра – или из колкого света бриллиантов, усыпавших бордовый бархат её платья.

– Плохой же это заговор, если о нём ходят слухи. – Она улыбнулась, наблюдая, как стягиваются для финальной атаки маленькие фигурки бойцов, разбросанных по арене. – Я знаю, Кейл, ты всегда заботишься обо мне, но можешь не волноваться. Все слухи, что расходятся по моему королевству, прежде всего приходят ко мне.

– Нисколько не сомневался в бдительности твоих осведомителей. И всё же. Не думаешь ли ты, что наш Мирк... под самым нашим носом... сошёлся с той самой обещанной девой?..

Толпа сопровождала начало последнего боя ликующими криками.

– Забудь о заговоре, Кейл. И о пророчестве. Надеюсь, мы все вскоре о нём забудем. Пророчества – вещь зыбкая и опасная. Иные из записей Лоурэн уже не сбывались...

– Или мы просто об этом не знаем.

– ...но даже если эта правдива, ничто в ней не указывает на моё правление. – Когда Айрес посмотрела на брата, ресницы её очертили намёк на холодный прищур. – Или ты решишься это оспорить?

Любой другой человек, причастный к королевскому двору и хорошо знакомый с повадками Её Величества, под этим прищуром в мыслях уже собирал вещи для скорого переселения в каменоломни. Но не Кейлус Тибель.

– Что ты. И не думал. – Глаза под лениво прикрытыми веками блеснули: словно лунные блики дрогнули на тёмных водах зимнего озера. – Чтобы твоё сердце было... как там сказано... «холодно и черно»? Мы с тобой были некогда слишком близки, чтобы я мог в такое поверить, и одного взгляда на ваши нежные отношения с Уэрти хватит, чтобы это опровергнуть. При всём уважении к светлой памяти наших общих родственников – и родная мать не относилась бы лучше к тому, на ком лежит клеймо сына изменников.

Герберт не ответил на укол ни словами, ни взглядом. Как ничем не выдал мнения о предыдущей гипотезе дорогого дядюшки.

– Дети не в ответе за грехи отцов. – Королева следила, как Миракл теснит противников паутиной текучих непрерывных движений, слитых в единое кружево ударов. – И я буду скучать по сестре, пока живу.

Зрители не сразу осознали, что на арене против пятерых сражаются четверо. И поняли это лишь тогда, когда пятый, в пылу битвы незаметно скользнувший в двери вражеской башни, появился на её верхушке.

Подняв флаг, капитан команды окончил игру звуком горна, разнёсшимся из ниоткуда над ареной и беснующимися трибунами.

– Bravo, – сердечно улыбаясь, Айрес зааплодировала слегка вскинутыми руками. – Имя Тибелей не посрамлено.

– И в моём кошельке прибавилось золота, – добавил Кейлус. – Ставил на то, что Мирк закончит игру без смертей.

– Ставишь на родственников?

– Когда среди родственников главный чемпион арены, соображениям этики и неудобства свойственно отходить на второй план. – Прищёлкнув каблуками, Кейлус неторопливо поднялся с места. – Разрешите? Поспешу забрать свой выигрыш, пока есть возможность не проталкиваться через толпу.

Проследив, как он покидает ложу, Айрес воззрилась туда, где медленно таяли и река, и деревья, и башни. Остался лишь зелёный газон, среди которого сам собой выдвинулся помост – там золотился трофейный кубок, сиявший ярче, чем венец в тёмных волосах королевы, на висках чуть тронутых сединой.

Легко взбежав по ступеням, Миракл замер в шаге от желанного приза, позволив своему командиру первым взять его, чтобы в жесте безусловного торжества вскинуть над головой.

– Ты же знаешь, Уэрт, – проговорила Айрес, пока усталые победители пытались обнять разом кубок и друг друга. – Твои родители сами избрали свою дорогу. Но боль, поселившаяся во мне в день их гибели, не уходит до сих пор. – Она накрыла руку Герберта своей. – Ты ведь не оступишься? Не забудешь об узах крови, не предашь меня?

Тот встал, не отнимая руки. Нагнувшись над креслом тёти, легонько поцеловал её в чистую, без следа пудры или румян щёку.

– Ты сделала для меня больше, чем мама. Я никогда этого не забуду. – Герберт выпрямился. – Мне пора. Нужно поздравить Мирка.

Айрес вновь рассмеялась:

– Так хочешь испортить ему настроение?

– За эти годы он должен был привыкнуть.

Герберт отвернулся, но королева, удержав его ладонь, вынудила племянника вновь склониться над креслом.

– Твой брат меня беспокоит. Последние месяцы он тесно общается со многими влиятельными людьми, которые не относятся к числу наших друзей. Слишком многими, пожалуй. – В глазах королевы таяла печаль – каплей живой росы на сухих лепестках бордовых роз. – Боюсь, он никогда не примет моих планов. Не смирится с тем, что однажды я выбрала тебя. – Айрес на миг вскинула указательный палец, его подушечкой предостерегающе стукнув руку племянника. – Я люблю Мирка, но он может стать угрозой... тебе и мне. Будь с ним осторожнее, ладно?



Не ответив, Герберт бережно высвободил кисть из нежной хватки. Коротко кивнув, направился к дверям ложи: слуги поспешили распахнуть их прежде, чем наследник приблизится.

Вышагивая по гулкой галерее Арены, отделанной мрамором и позолотой, за поворотом Герберт столкнулся с маленьким человечком в широкополой шляпе, вылетевшим навстречу.

– Ох, тир Гербеуэрт! – Человечек поклонился так ретиво, что едва не согнулся пополам. – Простите меня, я не видел...

– Всё в порядке, – сухо бросил Герберт, продолжая путь к служебной лестнице – кратчайшему пути за кулисы. Дежурившие подле стражники тут же расступились, не забыв открыть проход венценосному гостю.

Проводив наследника взглядом, человечек тоже продолжил путь. Лишь на ступеньках, уводящих на нижние этажи, неуверенность ушла из его походки и его глаз, в один момент уступив место абсолютной невыразительности и экономной скупости каждого движения.

Спустившись на этаж ниже, человечек, пробираясь сквозь столпотворение расходящихся зрителей, оказался рядом с представительным мужчиной в чёрном. Притормозив на пару мгновений, бросил тому несколько слов и, не теряя ни секунды, продолжил путь. Его собеседник тоже не задержался на месте: пиратским бригом рассекая людское море, он подошёл к длинному столу – там пестрели закуски и журчали миниатюрные фонтаны, переливая между серебряными чашами напитки различной степени благородства, примешивая к окружающей духоте острые хмельные нотки.

Взяв один из бокалов, наполненных розовым игристым, мужчина в чёрном перешёл к окну, за которым сияла огнями просторная площадь. Прислонился спиной к широкому каменному подоконнику – в шаге от лиэра Кейлуса, пересчитывавшего свой выигрыш.

– Сделано, – глядя в сторону, сказал незнакомец. – Мой маг прицепил заклинание-маячок.

– Вы уверены, что это сработает? – Кейлус для вида передвигал из одной кучки в другую монеты, рассыпанные по белому мрамору. На самом деле деньги были ему не слишком-то важны: не при том состоянии, что он унаследовал от отца. – Все предыдущие маячки,

которые пытались к нему крепить, разрушали защитные чары его замка.

– Этот открыли совсем недавно, и пока о нём известно лишь в очень узких кругах. Методов нейтрализации ещё не существует. – Глава некоей организации, о которой тоже было известно лишь в очень узких кругах, поднёс бокал к губам и глотнул – так, словно вместо фужера держал пивную кружку. – Маячок незаметен для носителя. Успешно преодолевает все существующие типы магической защиты, неуязвим для охранных чар. Как только жертва покинет замок, мы об этом узнаем. Если место, куда он направится, мы сочтём подходящим, мои люди будут там же через пару минут.

– Лучшие люди, надеюсь?

– Я осознаю, с кем им предстоит иметь дело. Но даже если зверь сильнее всех в лесу, когда он одинок, умелым охотникам затравить его нетрудно.

Лиэр Кейлус усмехнулся: он ценил метафоры и изящные формулировки.

– Последнюю часть задатка передам завтра утром, – сказал он. Вместо ответа человек в чёрном отставил бокал на подоконник – и, таким лаконичным образом попрощавшись, удалился.

Кейлус Тибель смотрел, как за окном мешают друг другу экипажи, ждущие хозяев на площади перед Ареной. Счастье, что малыш Уэрти так самоуверен и всюду ходит без охраны. И так любит быть один. А ещё это будет *чрезвычайно* забавно: заплатить за убийство одного племянника выигрышем, полученным за победу другого.

Посмеиваясь, лиэр Кейлус сгрёб монеты в бархатный кошель, вместо напитков смакуя собственные мысли.

«Коршуны» лиэра Дэйлиона своё дело знают. В этом сходились все, у кого возникала печальная необходимость прибегнуть к их услугам. И пусть в качестве задатка с него потребовали стоимость хорошего трёхэтажного особняка, цель стоит любых средств, а часть этих денег он сегодня уже отбил (спасибо племянничку, шедшему в списке на устранение под номером два). Вот бы ещё появились вести о девчонке... Будь она в его распоряжении, сестру можно – и нужно – убирать со спокойной совестью. Но иномирная гостья будто в Межгранье канула. Или и вовсе из него не выныривала.

Вспомнив нечто очень тревожное, Кейлус спрятал кошель во внутренний карман парчового жилета.

Может, хоть Тиму улыбнётся удача? А то надоело выслушивать от шпионов «нигде никаких следов». Как известно, хочешь сделать что-то хорошо – сделай это сам; хотя ему очень не хотелось отпускать своего золотого мальчика туда, где уже сгинули многие тренированные бойцы, лишь в нём Кейлус Тибель был уверен как в самом себе. Так что, можно считать, сегодня он лично отправился в Шейн. Проверить, не потерялась ли обещанная Лоурэн спасительница на землях наследника престола или, помилуй Жнец, в его замке.

Если малыш Уэрти заполучит ещё и её...

Непроизвольно сжав губы, Кейлус Тибель всё же направился к столу. Он не то чтобы волновался (Тим ведь клятвенно пообещал, что не полезет в глубь сада), но мысль о том, что его золотой мальчик сейчас штурмует стены ненавистного замка Рейолей, вызывала у него острое желание выпить.

*Вернись с новостями, Тим,* думал он, пока впереди шипели и пенились хмельные струи. *Какими угодно. Всё лучше, чем их отсутствие.*

*Но сперва просто – вернись.*

## Глава 10

### Agitato [\[15\]](#)



Начался Евин день пусть и увлекательно, но куда скучнее, чем закончился.

Выглянув в окно с утра, она увидела, как Эльен возвращается из города с покупками. Призрак восседал на облучке большой крытой телеги, которую тянула по мосту пара конских скелетов. Сперва Еву это немного ошеломило – и скелеты, и тот факт, что Эльен покидал пределы замка. Затем пришло логичное объяснение, что мёртвые лошади доставляют хлопот куда меньше живых, а скелетам было бы трудновато договариваться с продавцами.

Поразмыслив, Ева быстро сбежала по ступенькам во двор – как раз к моменту, когда копыта коней неторопливо застучали по брусчатке.

– О, лиоретта! – Завидев её, Эльен натянул удила и поприветствовал гостью куртуазным поклоном и витиеватым росчерком полупрозрачной руки. – Ваш призрачный рыцарь вернулся к вам на белых конях!

Ловко запрыгнув на облучок (благо телега для этого достаточно притормозила), Ева улыбнулась:

– Эльен, вы уже определитесь, сватать меня вашему господину или кокетничать со мной самому.

– Не смею даже предположить, какие из моих слов подтолкнули вас к столь ошибочным выводам. Я направляюсь на задний двор, присоединитесь?

Ева, поразмыслив, кивнула, и мёртвые кони процокали мимо колодца к арке на другой стороне внутреннего двора – туда, где девушка ещё не бывала.

– Герберт рассказал мне о ритуале. О том, что он собирается призвать Жнеца, – без обиняков сообщила Ева. – Почему же для вас это личное?

– Все, кто пробовал призвать Жнеца, погибали. Или сходили с ума. Все, кроме Берндетта. Человек не предназначен быть вместилищем бога. – Телега медленно ехала под серыми сводами длинной арки: гулкий камень насмешливо отражал все звуки, но голос призрака эхо игнорировало. – Уэрт не обязан делать это, чтобы войти в историю. Он принесёт Керфи куда больше пользы и славы, если проживёт долгую жизнь и совершит те магические открытия, на кои способен его блестящий ум. Как те чары, которые подняли вас... А он и слышать об этом не хочет. Либо всё, либо ничего. Либо призыв Жнеца, либо смерть. – Эльен отстранённо смотрел прямо перед собой. – Я верю в его могущество, но не хочу, чтобы он умирал.

За аркой Ева ожидала увидеть двор, но там расположился целый каскад дворов. Выстроенные высокими ярусами позади замка, они примыкали к хозяйственным пристройкам – отдельным домикам в два-три этажа. Отсюда, с самого верхнего яруса, прекрасно просматривались остальные: и неприступные стены, высившиеся над отвесными обрывами каменной кладки, и окружавший замок бурый лес, и оголённый зимой холм, подножие которого окольцовывали сумрачные речные воды.

– Берндетт ведь призвал бога публично, верно? Если Жнец может вселиться в тебя всего на пару минут, а люди это видели...

– Все, кто призывал его, делали это публично. На Дворцовой площади. Во время празднования дня Жнеца Милосердного. Наш величайший праздник, с которого идёт отсчёт нового года, и единственный день в году, когда ритуал можно осуществить. – Призрак уверенно направлял лошадей по дороге, вившейся между

ярусами знаком глоссандо. – Я понимаю, зачем этого хотел покойный господин Рейоль, и понимаю, зачем хочет королева. Если Уэрту всё удастся, керфианцы узреют новое пришествие бога на землю и ни у кого не останется сомнений в величии дома Рейоль. Ни у кого не останется сомнений, что великий бог благоволит королевской семье. Никто не осмелится идти против наследника, сумевшего призвать Жнеца, и королевы, воспитавшей его. Учитывая политическую обстановку в стране, это будет для Айрес спасением. – Эльен помолчал. – Но если Уэрту это не удастся, керфианцы узреют, как он умрёт.

Ева искренне пожалела призрака. Печаль в голосе выдавала, как страстно он хотел бы что-то изменить – и не мог.

Стоит только представить, как он просит Герберта не делать чего-то столь важного...

– И Айрес не боится этого? Его смерти? Тогда её власть пошатнётся ещё больше.

– Вряд ли. Уэрт... не пользуется особой любовью среди народа, – признать это верному слуге далось не слишком легко. – Айрес любит его, но она в первую очередь правительница. Жестокая и дальновидная. Подозреваю, что она просчитала этот вариант. – Призрак подвёл коней к маленькой дверке у подножия замковых стен, отсюда казавшихся особенно колоссальными: видимо, они подъехали ко входу в подвальное помещение. – Если Уэрт умрёт, она наверняка назначит наследником его брата. Это нарушит многие её планы, но успокоит людей. Народ любит Миракла Тибеля.

– А Герберт?

– У них... сложные отношения. – Неслышно спрыгнув с облучка, Эльен подал девушке призрачную руку, помогая спуститься. – Они были лучшими друзьями когда-то. Затем случилось много событий, которые развели их по разные стороны баррикад.

Ева, для которой эта новость была в новинку, выжидающе промолчала.

– Миракл не простил брату... один поступок. Которого господин Уэрт не совершал, – деликатно откликнулся Эльен, подступив к двери, которая распахнулась при его приближении. – А Уэрт не простил ему этого непорочения. Тому, что Миракл поверил, что он способен предать своего друга и брата.

– И о поступке, полагаю, мне снова лучше спросить у самого Герберта, – закончила Ева, из предыдущих бесед с призраком сделавшая определённые выводы.

– Есть вещи, о которых я не имею права рассказывать. Но могу на них намекнуть, – почти скрыв лукавство за чопорностью, отвечивал Эльен.

– И чем же этот Миракл хорош, что все его так любят?

Они вступили в длинный узкий коридор, где тут же вспыхнули волшебные кристаллы. Скелеты, неподвижно ждавшие у стен, повернули черепа.

– Телега у входа. Разгрузите её, всё несите на кухню, – коротко велел Эльен. Дождавшись, пока неживые слуги зацокают костяными пятками по камню, вновь повернулся к Еве: – Откуда столь скептические нотки в вашем голосе?

– Просто народ глуп, если думает, что хороший фехтовальщик обязательно станет хорошим королём.

– Неужели вам обидно за господина Уэрта?

Под хитрым взглядом призрака Ева буркнула что-то неразборчивое на мотив «ничего подобного».

– Миракл красив, отважен, умён, талантлив, – не решившись на допрос, проговорил Эльен, выведя её обратно во двор: здесь они не мешали скелетам, деловито уносившим в недра замка коробки и пакеты со всяческой снедью. – Добр, но не мягок. Не силён в плетении интриг, но достаточно проницателен, чтобы их разгадывать, и обладает отличным чутьём на людей.

– Однако он не понял, что на самом деле Герберт его не предавал.

– В его положении лучше быть чересчур подозрительным, чем недостаточно, – мягко заметил призрак. – Уверен, с достойными советниками он и правда стал бы хорошим правителем. Если Уэрта воспитывали учёным, его брата воспитывали королём. – Эльен задумчиво качнулся на каблуках. – Характер у него для этого не самый подходящий, но со своим характером он прекрасно справляется.

– И в чём же его недостатки?

– Бесшабашность. Любовь к риску. Он из тех людей, которые живут здесь и сейчас, наслаждаясь моментом. И он мог бы просто жить так, как ему хочется, прожигая отцовское состояние, но вместо этого пошёл на арену. Там он даёт выход той стороне своей натуры,

которой хочется не думать о завтрашнем дне. Там есть только он и бой, и решения, что надо принимать за долю секунды... Но его недостатки влекут за собой его же достоинства. Он всегда полностью отдаётся тому, что сейчас делает. – Дворецкий внимательно следил за скелетами: те несли плетёные корзины так легко, точно их груз ничего не весил. – Его уровень концентрации, его чутьё и интеллект невероятны. Экономика, языки, дипломатия, стратегия, тактика... он становился лучшим во всём, за что брался. Даже если это было не тем, что ему искренне нравилось. Просто потому, что привык полностью отдаваться делу и делать его превосходнейшим образом.

Ева недоверчиво хмыкнула – сама не понимая, почему внутренне протестует против этих хвалебных од.

– И неужели он спокойно отнёсся к тому, что Айрес назначила наследником не его? Может, потому они с Гербертом и поругались?

– О нет. Вовсе нет. Миракл знал, что Уэрт этого не хотел. И никогда не желал дорваться до власти, переступив через головы близких. Хотя... Порой мне кажется, Айрес и правда сделала это, чтобы их рассорить. – Эльен обвёл рассеянным взглядом острые крыши замка, рассекавшие небо на высоте, которая отсюда казалась безумной. – Всё, что она делала... Мне хочется верить, что ею двигала любовь. Что она заставила её объявить Уэрта наследником, несмотря на измену его родителей. Но любовь такого человека, как Айрес Тибель, не может быть жертвенной. Иногда я думаю, что она избрала Уэрта наследником, чтобы ещё больше отдалить от всех. Заставить понять, что он неоспоримо выше других, заставить ощутить, что он абсолютно один. Что у него есть только она. Но я могу ошибаться, – тут же добавил призрак. Заглянув в хмурое лицо Евы, прервал её размышления мягким, почти неощутимым прикосновением к плечу. – Вам лучше пойти позаниматься, лиоретта. Не думайте, что я принуждаю вас или не желаю давать вам отдыха, но к моменту встречи с Айрес вы должны быть во всеоружии. Иначе это закончится плохо для всех нас. – Дворецкий слегка улыбнулся неохотному признанию, читавшемуся в её кивке. – Найдёте обратную дорогу?

– Учитывая, что она тут вроде одна, это нетрудно.

– Я скоро к вам присоединюсь.

И присоединился – спустя пару часов, которые Ева честно скоротала за отработкой заклятий. Особенно неподдающегося барьера



Берроля. А потом были танцы, и этикет, и чтение, и снова тренировка...

К моменту, когда Ева наконец выбралась в сад на долгожданную прогулку, уже смеркалось, – и глаза Мэта, материализовавшегося подле неработающего фонтана на её пути, вспыхнули в этих сумерках особенно жутко.

– Напугал? – спросил он, когда Ева отшатнулась.

– Нет, я всегда отшатываюсь, когда рада кого-то видеть. – Ева резким жестом одёрнула плащ. – Откуда мне ждать бабочек на этот раз?

– Не волнуйся, я не люблю повторяться. Да и если тебя постоянно пугать, ты сойдёшь с ума куда быстрее, чем мне бы хотелось.

– И на том спасибо. – Обогнув фонтан, Ева принялась спускаться по лестнице на нижний ярус сада, примыкавший к замковой стене. – Зачем явился?

Мокрый сад тоскливо ждал, когда ляжет снег. Промозглый ветер срывал с деревьев и кустовых зарослей последние лохмотья их побуревшего осеннего одеяния, прикрывал пожухлую траву тлеющей листвой, придавая и без того неуютным окрестностям ещё более мрачный вид. Впрочем, Ева находила в этом некий шарм: прогуливаться по такому саду с демоном, будучи немёртвой, было куда более уместным, чем если б вокруг летали бабочки и благоухали розы.

– Меня так тронула твоя пылкая речь о жизни. Проникновенно, убедительно, складно. – Мэт парил рядом, над дорожкой, с обеих сторон ограждённой корявыми запущенными кустами; за привычным весельем его интонаций трудно было понять, насколько демон серьёзен. – Теперь ясно, как ты со всем этим справляешься.

– С чем?

– Ты потеряла жизнь. Инструмент. Дом. Но не потеряла себя. Потому что когда-то потрудились себя найти. – Мэт летел спиной вперёд в ритме её шагов. Глаза без белков мерцали жуткой потусторонней синью. – Ты мне нравишься, златовласка. Хочу тебе помочь.

Ева знала, что он ждёт от неё вопроса. Знала, что он замолчал специально, чтобы она его задала. И знала, что никакую помощь от демона, не оговорённую контрактом, принимать нельзя, а значит, и спрашивать о ней тоже.

И всё же, кляня себя за слабость, спросила:

– Это как же?

– Вернуть тебе жизнь, которую ты так любишь, конечно.

Ева замерла.

Долго медлила с ответом.

Верить Мэту было бы идиотизмом. Любые его услуги чертовски (в прямом смысле) дорого ей обойдутся. Но если он и правда способен вернуть её к жизни...

...избавить от необходимости сражаться с той, с кем ей совсем не хочется сражаться, обручаться с тем, с кем обручаться она решительно не желает, ради призрачного шанса, что это поможет не только Герберту, но и ей...

– Предположим, ты меня заинтересовал.

– В моём измерении я всемогущ. Если отправишься со мной туда, там я смогу тебя воскресить.

Осознав, к чему была вся предыдущая лесть, Ева устало рассмеялась.

– Мэт, – она вновь зашагала по дорожке, и сердитость ускорила темп её шагов из *andante* в *allegro*, – если ты считаешь меня дурой, способной на это согласиться, мне почти обидно.

– Я понимаю, ты мне не доверяешь. Но всё было бы честно. Мы заключили бы официальную сделку. Я не мог бы нарушить её условий.

– Не ври. Если в своём измерении ты всемогущ, полагаю, возвращение туда разом снимет с тебя все ограничения. И как только я окажусь в твоём мире, тут вы с дружками-демонами меня и сожрёте. Или сначала поиграетесь... пару-тройку сотен лет... а потом сожрёте. Скажешь, не права?

Не дождавшись реакции, она насмешливо повернула голову, но демона уже не было рядом.

– Не думала, что ты уйдёшь от ответа столь топорным образом, – бросила Ева пренебрежительно.

– Я сам не думал, – прошелестело над самым ухом. – Я не хотел исчезать. Но исчез.

Ева раздражённо дёрнула плечом:

– Мэт, хватит...

– Златовласка, поверь. Это правда. А теперь вспомни условия нашего контракта с малышом Уэрти и говори немножко тише.

Ева невольно замедлила шаг.

Что там было... не причинять им боли, не настраивать друг против друга, не появляться в присутствии посторонних...

*Ага.*

После она сама не понимала, как сумела не сбиться с шага и подавить в себе желание судорожно оглядеться.

– Мы здесь не одни! – Ева почти шептала. – Поэтому контракт заставил тебя исчезнуть!

– Я в тебя верил, – великодушно откликнулся демон. – Хорошо хоть ты можешь слышать меня.

– Кто здесь? Где он? Наёмный убийца?

– Милый молодой человек, притаившийся вон у того дерева.

Немного жалея, что её не колотит от страха, всплеснувшегося внутри (то была прерогатива живых), Ева заставила себя вздрогнуть. Демонстративно потёрла ладони друг о дружку, изобразив холодную дрожь.

Быстро накинув капюшон, притормозила – сделав вид, что заинтересовалась засохшими цветами у обочины дорожки.

– Что за дерево?

– Впереди и справа. Одинокое, почти у стены.

Ева украдкой оглядела сад из-под ткани, скрывшей её лицо. Всмотрелась в узловатый ствол раскидистого дерева, похожего на дуб.

– Я никого не вижу.

– При нём маскирующий артефакт. Он прижался к стволу. Смотрит прямо на тебя.

И правда... Приглядевшись, Ева различила очертания человеческой фигуры, хамелеоном слившейся с корой. Если не знать, что там кто-то есть, ни за что не заметишь.

Она прикинула расстояние. Смычок отсюда не достанет, усыпляющее и парализующее заклятие – едва ли. Придётся подобраться ближе. Незаметно этого сделать не получится: как назло, дуб рос вдали от всех изгибов садовой дорожки.

А как бы Еве ни хотелось просто развернуться и побежать, подобраться придётся.

Он видел её. Видел её светлые волосы, видел её лицо. Может, видел и то, что изо рта у неё не идёт пар. Это слишком много, чтобы она могла его отпустить. Даже если перед ней наёмный убийца.

С другой стороны, если это и правда человек, явившийся сюда по душу Герберта, – её-то ему не убить, верно?..

Выпрямившись, Ева непринуждённо шагнула на ковёр выцветшей нестриженной травы. На дуб она не глядела, делая вид, что просто продолжает прогулку.

Радуюсь, что руки не дрожат, призвала магический щит.

Как только её окружил пузырь волшебного барьера, слившаяся с деревом фигура рванула от дуба к стене – но Ева уже взмахивала смычком, концентрируясь на цели, споткнувшейся на ровном месте. Теперь пальцами левой руки вывести рунное плетение, глотнуть воздуха...

– *Мьёркйет лоттхоном соува!*

Человек, дёргавшийся на траве в тесных объятиях волшебного хлыста, затих.

Ещё с минуту Ева стояла, не решаясь опустить смычок, обвивший пленника незримой струной.

– Что нас не убивает, тому лучше от нас бежать, – с насмешливым одобрением констатировал невидимый Мэт. – Да спит он, спит.

Расслабив руку, Ева опасно приблизилась, держа смычок наготове, не веря в то, что всё получилось. Волнение слегка путало мысли, но более ничем себя не проявляло – преимущество бытия неживой.

Она посмотрела на парнишку, беспомощно сопящего на мёрзлой земле, разметав по ней полы тёмного плаща.

– Ух ты, – изрекла Ева с невольной гордостью. – Боевое крещение.

Предполагаемый убийца оказался совсем молод. На вид – младше Герберта, несильно старше неё. И не очень-то похож на убийцу.

– Жаль, жаль. Если б не контракт, этот милый мальчик у меня запел так, что певчие пташки позавидовали бы, – протянул Мэт. – Не одолжишь ненадолго тело, златовласка? Верну с доплатой в виде полезной информации.

– Даже не думай. – В мечтах Ева уже рисовала радужные картинки того, как утрёт нос венценосному снобу, предъявив пленённого шпиона.

– Думаешь, малыш Уэрти допросит его мягче, чем я?

Слова отозвались в мыслях щелчком... и сменили все радужные картинки другой: могилы в саду, где покоился предыдущий убийца.

Которую Ева не видела, но которая определённо где-то была.

– Герберт же его убьёт, – осознала Ева.

– Конечно, убьёт. Что же ещё с ним делать. – В словах Мэта скользнула озадаченность. – Ты против?

Ева беспомощно взглянула на лицо незваного гостя под волнами недлинных русых прядей, озарённое топазовыми отблесками смычка. Бледное, точёное. Очень безобидное.

– Он ничего мне не сделал. Даже оружие не достал, просто убежал. – Ева указала на кинжал, рукоять которого выглядывала у незнакомца из-за пояса: умеренно позолоченную, как и щегольская бархатная куртка со стоячим воротником, облегавшая худощавое тело над узкими штанами. – А ведь оружие у него было.

– Если он и не убийца, то шпион. Он видел тебя. Ты правда думаешь, что можешь просто погладить его по головке и отпустить домой?

– Нет. – Приняв решение, Ева прикрыла глаза. – Но могу сделать другое.

Вскинула левую руку, нащупывая незримые струны.

\*\*\*

Гербеуэрт тир Рейоль вошёл в комнату победителей, когда те пытались откупорить бутылки с игристым амелье<sup>[16]</sup>.

Руки у усталых чемпионов слегка дрожали, так что пробки сопротивлялись и поддаваться не желали. Слуг не звали: собственноручно откупорить амелье после победы – старая добрая традиция, как и сражение с неподатливыми бутылками. После победителей ждал официальный пир в гостинице от организаторов турнира, но пока они пользовались короткой передышкой, чтобы расслабиться вдали от толпы поздравителей, обожателей и других игроков, сегодня оставшихся ни с чем.

В углу покоев, осыпанных конфетти и убранных праздничным красным шёлком, Миракл шутливо прятался за кубком, опасаясь пробки, которая в любую секунду могла выстрелить в самом неожиданном направлении. Остальные подначивали капитана открывать скорее, но когда тихо скрипнувшая дверь впустила внутрь наследника престола, замерли.

– Хорошая игра, – сдержанно проговорил Герберт. – Поздравляю.

Тишину нарушил громкий хлопок, с которым стукнулась о потолок пробка, обдав руки капитана пенной струёй.

Цветочная сладость разбавила запах пота и напряжения.

Склонившись перед принцем в коротких поклонах, чемпионы принялись разливать напиток по бокалам.

– Ваша ловушка во втором матче – нечто, – сказал Герберт, пожимая залитые амелье руки капитана – Кроу Сомитта, младшего сына владельца торговой империи Сомиттов, крупнейшего производителя осветительных кристаллов. – Обманули Драконов, как детей. Просчитано до мелочей.

Тот сердечно поблагодарил, не трепеща перед наследником, которого знал ещё со школьной скамьи. Не стесняясь, предложил гостю бокал, и тот отказываться не стал.

– Мне казалось, на пьедестале ты прослезился, – глотнув, заметил Герберт, пока другие посмеивались о своём.

– А, видел, как Миракл утешал меня в объятиях? – Кроу хохотнул. – Участвую седьмой год подряд, а кубок поднял только сейчас. Спасибо ребятам. – Он обвёл взглядом троих, которых привёл к победе, и Миракла, следившего за беседой из своего угла. – В этом году мы собрали славную команду.

– Может, хоть теперь перестанешь придавать игре такое значение?

Тот лишь плечами пожал:

– Каждый из нас придаёт чему-то большое значение. Делает что-то главной своей целью. Я счастливчик, раз могу концентрироваться на этом. Вам с братом такого не дано.

Герберт кивнул, соглашаясь. Просто, ни капельки не надменно хлопнул бывшего одноклассника по плечу.

Подошёл к кузену, ждавшему этого с бокалом в руках.

– Поздравляю, – сказал Герберт после пары секунд тягучего молчания. – Снова чемпион.

– Спасибо, – откликнулся Миракл довольно сухо.

Они смотрели друг на друга. Разные даже внешне: золото волос против каштана, холодная синь во взгляде – против тёплого ореха. И оба вспоминали двух мальчишек, сидевших когда-то на крепостной стене замка Рейолей, пока будущий владелец этого замка опаздывал на назначенный ему урок.

Покойный господин Рейоль не отменял уроки сына даже в честь приезда гостей.

*«Отец тебя наверняка уже потерял»*, – говорил двенадцатилетний Миракл, пытаюсь добросить до реки скорлупки орехов, надранных в саду.

*«С другом можно и потеряться»*, – беззаботно отвечал двенадцатилетний Уэрт, болтая ногами над высотой, тогда казавшейся им огромной.

– Имя семьи не посрамлено. – Не оглядываясь на других игроков, Герберт протянул кузену руку. – Айрес тоже тобой гордится.

В жесте, которым Миракл пожал его пальцы, читалась почти брезгливость:

– Я не уронил бы честь Тибелей.

*«Мой брат – грёбанный гений арены!»* – кричал пятнадцатилетний Уэрт, обнимаясь с кузеном в этой самой комнате после первого его турнира.

*«А мой брат просто грёбанный гений!»* – кричал пятнадцатилетний Миракл, в счастливом экстазе и опьянении первой победы тоже напрочь забыв о манерах.

– Её Величество, стало быть, сомневалась? – заметил Миракл с усмешкой, чуть приподнявшей уголок узкого рта.

– У тебя бывали и неудачные годы, – откликнулся Герберт равнодушно. – Лично я никогда не сомневаюсь. «Победа превыше всего» – девиз Тибелей как-никак.

Он вдруг подался вперёд – и, пока лица окружающих окрашивало удивление, крепко обнял брата. Впрочем, удивление это было приятным: никто не знал, почему кузены начали враждовать, но все присутствующие считали, что эту вражду следует прекратить.

– В кармане найдёшь записку. От меня, – под одобрительные смешки игроков похлопав Миракла по спине, проговорил Герберт. Едва слышно, почти не разжимая губ, так, чтобы его расслышал только брат. – Прочтёшь, когда за тобой никто не будет следить. Она сгорит через час.

Резко отстранившись, напоследок снова поздравил всех – и оставил чемпионов наедине с трофеем, предлагая кузену провожать непонимающим взглядом его спину. Так же, как когда-то наследник престола провожал взглядом его самого.

«Ненавижу тебя», – выплёвывал через плечо шестнадцатилетний Миракл вместо прощания.

«Не позволяй Айрес так поступить с нами, – молил шестнадцатилетний Уэрт, глядя ему вслед. – Пожалуйста. У меня нет никого, кроме тебя».

Поднявшись по той же служебной лестнице, вскоре Герберт уже спускался по крыльцу главного входа Арены. Оказавшись на людной площади, за пределами охранных чар, беспрепятственно переместился домой: в сад, на хорошо знакомую дорогу по ту сторону надёжно запертых ворот.

В сад, где обнаружилось бы нечто крайне интересное... переместись он буквально минутой раньше.

\*\*\*

– Забавный фокус, – прокомментировал Мэт, когда сизые сумерки напоились бархатистыми звуками.

– Помолчи, будь добр, – процедила Ева, извлекая мелодию из пустоты.

– Да ладно тебе, златовласка. Не утруждай себя. Малыш разговорит его куда успешнее, так зачем...

– Помолчи! – Струны взвизгнули, срывая пение потусторонней виолончели в досадливое молчание. – Я пытаюсь сосредоточиться!

– Что ты хочешь сделать?

– Ты же вроде знаешь всё.

– Считай, иногда я прикрываю глаза на определённые вещи. Иначе было бы ужасно скучно.

– Тогда заткнись, будь добр, и смотри.

Ответа не последовало, и Ева с облегчением вывела первую ноту бессмертного Форе. Всё того же «Пробуждения»: жутко хотелось исполнить что-то другое, но сейчас был неподходящий момент для экспериментов. Хотя мелодия, как утверждал «Трактат о музыкальных чарах», не важна – главное, что в неё вкладываешь, а в этот раз музыка не столько подчиняла, сколько просила довериться ей.

В любом случае Ева играла не для удовольствия. И что-то внутри неё, если подумать, находило волшебную музыку до жути неестественной.

– Когда я досчитаю до трёх, ты проснёшься, – велела Ева, как только в саду вновь воцарилась тишина. – Раз, два, три!



Молодой человек открыл глаза. Светлые. Точнее сказать было трудно: вечер обесцвечивал их, а колдовской свет окрашивал бирюзой.

– Отвечай мне. Правду. Кто ты и зачем явился?

– Тиммир Лейд. Я секретарь Кейлуса Тибеля. – Мелодичный тенор незваного гостя не портила даже зачарованная монотонность. – Я искал девушку из пророчества Лоурэн. И нашёл.

Ева вспомнила семейное древо Тибелей, которое она стараниями Эльена вызубрила наизусть до пятого колена. *Кейлус Тибель. Кровожадный кузен королевы*, сообщила она. *Тот, чей посланец похоронен в саду и наверняка не в одиночестве.*

*Вот же назойливый тип, маркато ему в задницу!*<sup>[17]</sup>

– Ты хотел убить меня? – мрачно спросила она, глядя в затуманенные магией глаза.

– Нет. Я хотел узнать, здесь ли ты. Ты нужна Кейлу живой.

– Зачем?

Ева догадывалась об ответе, но уточнить было не лишним.

– Он женится на тебе и станет королём.

Ожидаемо. Может, сыграть в игру «собери всех претендентов на престол»? Осталось узнать, что Миракл «Ясамосовершенство» Тибель (а что, чудный никнейм) тоже её разыскивает, дабы подкрепить народную любовь подходящей невестой – и, как сказала бы Динка, *achievement unlocked*.

Жаль только, поддаваться законам жанра и складываться к её ногам штабелями представители светлейшего семейства едва ли собираются. Судя по тому, что Ева успела узнать о Кейлусе Тибеле, разве что сложить невесту к своим – по частям.

– С чего ты решил, что я девушка из пророчества? – Она разглядывала монокль на длинной цепочке, висевший у юноши на куртке. Стекло странно мерцало – должно быть, безделушку зачаровали для слежки. Магический вариант бинокля? Или чтобы видеть ловушки?..

– Внешность подходит. Ты гуляла по саду как у себя дома. Ловушки были активны – значит, наследник изменил заклинания, чтобы обезопасить тебя. О любовнице пошли бы слухи, но о тебе никто ничего не слышал. Ни одну другую девушку не стали бы прятать у себя в замке и так тщательно скрывать ото всех.

Учитывая характер Герберта (и его очевидную страсть к хиккованию<sup>[18]</sup>), доводы звучали убедительно. Насчёт ловушек мальчик ошибся, но дела это не меняло.

– И ты пришёл только разведать обстановку? Не собирался никого убивать?

– Нет. Я не убийца.

И правда, безобидный. Повезло ещё, что не забрался в глубь сада, где его наверняка прикончили бы ловушки. Впрочем, незваный гость о подвохах на вражеской территории явно был осведомлён – и слишком умён, чтобы испытывать удачу, пробираясь далеко внутрь. Даже если этот его монокль и правда позволял их видеть. Хотя... наверняка увидеть можно было не все, иначе опытные убийцы, обязанные иметь целый арсенал полезных штучек для подобных случаев, преодолели бы западни без труда. А что, остроумно: заманить незваных гостей в глубь сада, купив на то, что ловушки можно разглядеть и обойти, – а затем прикончить теми, что замаскировали *действительно* хорошо.

Понятно, почему парнишка решил остаться на нижнем ярусе, у самой стены. И ещё вопрос, кому повезло. Если бы не Мэт, лазутчик покинул бы замок с весьма интересной информацией – а то и с обездвиженной Евой на руках.

– Почему ты искал меня здесь?

– Мы ищем тебя по всему Керфи. Я нанял для Кейла лучших охотников за головами, но без толку. Сегодня решил лично навеститься в Шейн и в замок принца. Кейл боялся, что Уэрт нашёл тебя первым.

– Не зря, – прокомментировал Мэт.

– И много твой господин знает обо мне? – уточнила Ева, отметив это фамильярное «Кейл».

– Он знает о пророчестве. Знает, что ты должна прийти. Больше ничего. До этого момента у нас не было ни единой зацепки. – Даже в плену зачарованности, глядя перед собой невидящими глазами, юноша улыбнулся. – Я расскажу ему, что нашёл тебя. Он будет счастлив.

– И щедро вознаградит тебя, конечно.

– Его счастье – моё лучшее вознаграждение.

– Как трогательно, – умилился Мэт. – Интересно, а если счастье почтенного лиэра Кейлуса заключалось бы в том, что этого милого мальчика заживо...

– Молчи. И слышать не хочу. – Присев на корточки, Ева оценивающе всмотрелась в лазутчика, созерцавшего тёмное небо. – Кейлус хочет убить Герб... Уэрта, верно?

– Да.

– Ты знаешь что-нибудь о следующем покушении?

– Кейл хочет убить наследника прежде, чем тот призовет Жнеца.

Он нанял лучших убийц, которых смог отыскать.

– И всё?

– Это всё, что мне известно. Мне это не нравится, Кейл это знает, – добавил юноша печально. – И не говорит мне лишнего.

– Что тебе не нравится?

– Что он хочет убить наследника.

– Почему?

– Я не считаю, что Гербеуэрт заслуживает смерти.

– Но он стоит на пути твоего господина к престолу!

– Я думаю, пророчество сбудется и без крови на его руках. Поэтому хотел скорее отыскать настоящую девушку. Чтобы убедить его, что убийства ни к чему.

Опершись локтями на колени, пытаясь не терять равновесия, Ева озадаченно воззрилась на вражеского секретаря.

– Что значит «настоящую девушку»?

– Кейл подыскал подходящую актрису. На случай, если бы мы тебя не нашли или если бы тебя убили. Она должна была сыграть обещанную деву, когда настанет время. Но это всё усложнит. Мы верили, что найдём настоящую девушку, а если Кейл обручится с ней, трон будет его и ему не придётся никого убивать. Даже королеву. Судьба сама сложит всё так, как нужно, ведь пророчества Лоурэн всегда сбываются.

Ева помолчала. Сжав губы, стиснула в пальцах волшебный смычок.

...за время, проведённое в этом мире, она уяснила одно: музыкальный гипноз был единственным в своём роде. С ментальными манипуляциями у здешних магов дела обстояли туго. Они могли прочесть мысли (это было болезненно и зачастую опасно), могли поставить в памяти блок, могли опоить зельем, рождавшим ложные воспоминания, – не более. Существовали заколдованные ошейники, позволявшие брать человека под контроль, но на них

специализировались риджийские маги, и в Керфи они были не в ходу. Не стоило забывать об элементарном подкупе, однако этот метод во всех мирах представлялся Еве не самым надёжным.

И все эти вещи были слишком заметными и рискованными, чтобы Герберт мог предпочесть их убийству.

– Слушай меня, Тиммир, – сказала Ева, решившись. – Ты не вспомнишь обо мне. Ты будешь помнить только, как проник в сад Рейолей, разведал обстановку и ушёл, не увидев никого и ничего подозрительного. Ты не будешь тревожиться, если осознаешь провал в памяти, и никому о нём не расскажешь. Никому, и в особенности Кейлусу Тибелю. Ты понял меня?

Она могла дожидаться возвращения Герберта. Показать ему всю силу смычка (это необходимо, раз теперь они играют на одной стороне). Убедить, что по многим соображениям лучше поступить так. Но какова вероятность, что некромант понадеется на музыкальный гипноз – вместо могилы, которая гарантированно заткнёт рот дядюшкиному секретарю? Ведь это так просто: толкнуть Тиммира Лейда в одну из ловушек, а когда его хватятся, заявить, что тот сам виноват. Полез без спросу в сад, полный охранных чар, вот и поджарился. А чего дорогой лиэр Кейлус ожидал, посылая секретаря шпионить за племянником?

...он просто секретарь. Не головорез – мальчишка, возящийся с бумажками. И он молод. И он не убийца.

Значит, и Ева ею не станет.

– На счёт «три» ты встанешь, покинешь сад так же, как залез в него, и вернёшься в город, – закончила Ева, когда ей ответили «да». – Ты очнёшься от наваждения на мосту и забудешь меня сразу, как очнёшься. Раз, два...

Она следила, как молодой человек сомнамбулой поднимается с земли и бредёт к стене. Затем ловко, точно кошка, цепляется за незаметные глазу выемки, карабкаясь к вершине: наводя на интересные мысли о том, что милый мальчик-секретарь всё же умел куда больше, чем просто возиться с бумажками.

– Сердобольная дурочка. – Голосок Мэта был странно задумчивым. – Надо же. Так не хочешь марать руки?

– Его хозяин знал, куда он отправился. Он искал бы его. С ним не сработал бы фокус «зарыть и забыть». Так пусть лучше вернётся и

доложит, что ничего не видел. – Ева поспешила к замковым воротам. Несколькими метрами выше Тиммир Лейд, раскинув руки, с ловкостью канатоходца ступал по широкому гребню неприступного на вид ограждения. – Это отведёт от нас подозрения успешнее, чем если б он пропал.

– Говори это себе. Думаю, малыша Уэрти *безумно* порадует известие, что ты отпустила восвояси столь ценного врага.

Не сбавляя шага, Ева подняла очень злые и очень холодные глаза.

– Слушай меня, клякса. – Достигнув ворот, она приоткрыла смотровое окошко в боковой дверце: освобождённый пленник как раз сел на стене, готовясь к спуску. – Скажешь Герберту хоть слово и пулей вылетишь обратно в Межгранье.

– С чего бы?

Прильнув глазом к щелке, Ева проследила, как лазутчик спрыгивает на мост. Выпрямившись, замирает там же, где спрыгнул; растерянно оглядывается – движениями, из которых пропала медлительная плавность лунатика... но Еву он увидеть не мог.

Она даже смычок заставила исчезнуть, чтобы не выдать себя отблесками.

– Ты прав, – прошептала девушка, как только Тиммир Лейд торопливо направился прочь от замка Рейолей. – Думаю, Герберт *очень* разозлится. А ты клялся не настраивать нас друг против друга. Чем же будет твоя ябеда, если не разжиганием вражды? – Она оглянулась на демона: тот проявился во мраке, отнюдь не фигурально сверкая недобрыми глазищами. – Я сама ему расскажу.

– Неужели?

– Да. – Удостоверившись, что неприятеля поглотила темнота, клубившаяся по ту сторону моста, Ева захлопнула окошко. – Как только пойму, что к этому готова.

Когда секундой позже Герберт материализовался в метре от них – в бархатном вихре, которым взметнулся тяжёлый выходной плащ, – ей очень захотелось выдохнуть от облегчения.

Заметив её, некромант обескураженно опустил руки.

– Поверить не могу, – почти простонал он. – Снова ты за своё?

– Нет. Просто гуляю, – не моргнув глазом мирно отрапортовала Ева. – Если б хотела сбежать, занялась этим с утра, не думаешь?

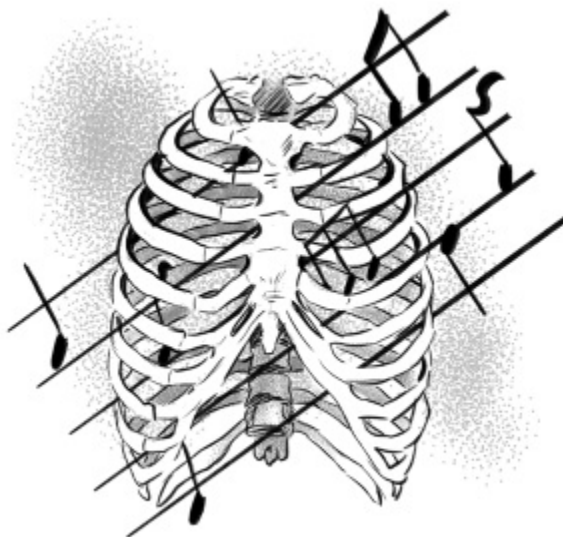
Герберт раздражённо и недвусмысленно указал на замок.

– Я же говорил тебе не выходить, – ворчал он, пока они рассекали шагами прозрачную тьму зимнего вечера. – На нижних ярусах сада защита слабее. Тебя могут увидеть, что было бы совсем... А *ты* чему смеёшься?

– Ты же знаешь этих демонов, – сказала Ева под мерзкое хихиканье Мэта. – У них чертовски странное чувство юмора.

## Глава 11

### Repente<sup>[19]</sup>



Ева поняла, что готова, накануне второй вылазки за мечом.

– Я должна тебе кое-что рассказать, – произнесла она, когда Герберт закончил колдовать над новой порцией драгоценных щепок. – Только пообещай, что не будешь бушевать и ничего не сделаешь Дерозе.

То был очередной вечер в гостинной: награда за спокойный день и хороший урок. И Еве очень хотелось отложить разговор до момента, когда у неё в руках окажется целая виолончель, но завтра им предстояло покинуть территорию замка. Учитывая убийц, где-то выжидающих удобный момент для нападения...

...И то, что чем больше она думала о сделанном, тем меньше ей это нравилось...

...И то, что магией она владела без году неделя и не могла быть уверена в успехе, особенно если их враг вдруг располагал способом снять гипноз...

...И пусть знание дядюшки Герберта о её местоположении особо ничего не меняло (жаловаться королеве он не побежит, а скрываться от

одного врага или от двух – особой разницы нет), но...

– Мне есть из-за чего бушевать?

– Да. – Стараясь выглядеть не слишком несчастной, Ева указала на Дерозе, преданно ждавшего излечения. – Так ты обещаешь не трогать мой инструмент?

Помедлив, Герберт кивнул – под огласивший гостиную аппетитный хруст.

– Что ещё ты натворила? – утомлённо спросил некромант. Повернулся к демону, зависшему над столом в стороне. – А ты можешь не шуметь, ради Жнеца? Что это вообще за гадость?

– О, не обращай внимания. Лакомство из мира златовласки, – откликнулся Мэт, сотворивший весьма убедительную иллюзию ведёрка с попкорном. – Вы продолжайте, продолжайте... Считайте, меня здесь нет.

Сидя на коленях подле Герберта, Ева сжала кулаки.

Глотнув воздуха, почти на одном дыхании выложила сперва все подробности своего побега, а после – встречи с вражеским секретарём.

– ...я ещё думала завербовать его в наши шпионы, загипнотизировать так, чтобы он докладывал нам о действиях Кейлуса, но не была уверена, что справлюсь, поэтому ограничилась тем, что уже делала и что точно работает, и завтра нам стоит быть осторожнее, потому что тебя ищут убийцы, а меня охотники за головами. Вот, – не глядя на Герберта, неловко закончила она.

Ответную тишину нарушало лишь похрустывание, с которым Мэт демонстративно уничтожал попкорн.

– Значит, ты его загипнотизировала, – проговорил Герберт наконец. – И отпустила.

Абсолютная невыразительность его голоса – какая-то отрицательная степень страсти – не предвещала ничего хорошего.

– Да, – подтвердила Ева, пересчитывая ворсинки на ковре.

– И сбежала, заколдовав Эльена.

– Да.

Когда Герберт подался вперёд, она непроизвольно дёрнулась, заслоняя руками гриф, покоившийся на полу между ними, а телом – корпус. Но некромант всего-навсего встал с колен.

– Жди здесь, – сказал он, прежде чем удалиться, хлопнув дверью.



Переборов желание убежать и забаррикадироваться в спальне, Ева нервно переложила разрозненные части виолончели в футляр. Закрыла тот на молнию: на всякий случай.

– Я бы сказал, что вскоре кого-то будут убивать, – заметил Мэт, методично поедая хрустящие шарики – без намёка на специфический выговор, свойственный людям с набитым ртом, – но поскольку убийство с тобой уже приключилось, тебе это не грозит.

– А ты лучше молчи. Не то расскажу Герберту о твоём непристойном предложении касательно моего воскрешения.

– Трепещу от ужаса. Рассказывай, если хочешь, мне скрывать нечего.

– Да ну? Чего ж ты тогда ждал, пока он оставит меня одну?

Демон рассмеялся. Смех у него был звонкий, сумасшедший – и дьявольски заразительный: он оседал где-то за барабанными перепонками, раскатываясь в сознании многоголосым эхом.

– Не понимаю причин твоего недоверия, златовласка. Если б не я, ты бы уже сидела в плену у человека, в сравнении с которым наш малыш – пушистый ласковый щеночек. Завтра ты получишь свой меч – благодаря мне. И пока ещё можешь получить заряженный телефон, если соизволишь воспользоваться моим советом.

– Сама я магией разве что подорвать его смогу. Никак не подзарядить, – мрачно откликнулась Ева, нехотя признав его правоту, но к доверию отнюдь не расположенная. – А Герберт, боюсь, будет не в самом подходящем настроении, чтобы мне помогать.

Лёгкий на помине некромант вернулся секунду спустя. Навис над Евой с Дерозе: девушка так и не решилась встать, защищая собой футляр.

– Помни, что нам как-никак ещё сотрудничать. И ты обещал, так что не делай глупостей, – глядя в отрешённое лицо Герберта, быстро напомнила она. – Давай лучше...

– Молодец.

Слово было коротким и сухим, словно шелест бумаги в миг, когда её комкают в руке.

Ева неверяще моргнула.

– Это сарказм?

– Нет. Ты и правда молодец. – Тон некроманта ясно выдавал: признать это вслух стоило ему немалых усилий. – Я поговорил с

Эльеном. Он не помнит ничего из рассказанного тобой. Твой гипноз работает. Ты успешно снабдила врага дезинформацией.

Ева снова моргнула.

Герберт. Признал. Её. Молодцом.

Герберт. *Её*. После того, что она сделала.

– Ты не злишься, что я не сказала тебе?

– Злюсь. И это не отменяет того, что ты молодец.

– И ты не собираешься на меня орать? Отдавать идиотские приказы в качестве наказания? Лишать сладкого, ставить в угол?

– Чтобы в следующий раз ты молчала, когда совершишь настоящую глупость? – Герберт устало протянул ей ладонь, предлагая встать. – Ты нашла наилучший выход из ситуации. Однако впредь убедительно прошу не покидать замок, пока меня нет, и не принимать подобные решения без меня. На самом деле это приказ, но поскольку ты не любишь приказы, считай это просьбой.

Не смея поверить приятному удивлению, Ева уставилась на линии его руки, перечёркнутые вязью старых шрамов. Белых, тонких. При ней для ритуалов он взрезал правую ладонь – но, видимо, порой незажившие раны не оставляли места для свежих, и тогда приходилось резать левую. О том, сколько раз Герберт резал себя за жизнь, лучше было не думать.

– И ты не злишься, что я скрывала, на что действительно способна?

– Я не дурак. Я понимаю, почему ты это скрывала. Я сам дал тебе повод. И рад, что теперь между нами нет секретов. Если, конечно, это все твои секреты, – протянул некромант, проникновенно заглянув ей в глаза.

– Все, – честно ответила Ева, вложив свою ладонь в его. – По крайней мере, из тех, что тебя интересуют.

Герберт рывком помог ей подняться. Тут же отдернул пальцы, точно Евины, неизменно холодные, могли его обжечь.

– Ты не можешь знать, что меня интересует.

Покладисто кивнув, Ева сцепила руки в замок:

– А мой гипноз не могли нейтрализовать? То есть... я читала, есть предметы и заклинания, которые помогают защитить сознание, а при нашем лазутчике точно были артефакты, но...

– Ментальные чары – одна из самых сложных и неизученных областей магии. Если на нём и была защита, тебе удалось её пробить. Постфактум блок либо спадает сам, либо разрушается ментальным взломом, что зачастую ведёт к смерти подопытного. Даже если Кейлус что-то заподозрит, менталист из него ещё хуже меня, посторонних к такому делу привлекать опасно и рисковать жизнью своего мальчика он вряд ли решится. Так что нет.

Произнесённые слова подтвердили прочитанные, и успокоенная Ева разжала пальцы. Хорошо хоть волнение свелось к одним тревожным мыслям: никаких тебе комьев в желудке или рваного сердцебиения – в неживом состоянии были свои преимущества.

– К слову, – Герберт сузил глаза, – если однажды попробуешь использовать свои трюки против меня...

– Не попробую. Если не вынудишь, – колко пообещала Ева.

– Я уже говорил. Больше никакого принуждения. – Некромант помолчал. – Хочу посмотреть, как ты это делаешь. Загипнотизируй его.

Оба оглянулись на демона, меланхолично жевавшего попкорн из радужно-полосатого ведёрка, по-прежнему полнёхонького.

– Откровенно говоря, я рассчитывал на кровавый триллер, но у мелодрам свои прелести и поклонники, а о вкусах не спорят, – резюмировал Мэт. Шумно разжевал очередной кукурузный шарик. – Я весь внимание. Доставай смычок.

– И ты не против гипноза? – нахмурилась Ева.

– Это должно быть весело.

Стараясь не робеть под надзором Герберта, она призвала смычок.

Возможно, этот надзор послужил причиной того, что колдовская мелодия прозвучала даже страннее обычного. Ещё ближе к механическому звучанию музыкальной шкатулки. Забавно... Как Ева радовалась, услышав её впервые, и как отчётливо сейчас осознавала тоску по *настоящим* звукам.

Когда стихла завершающая нота, на мальчишеском личике Мэта слыла заворожённая отстранённость.

– Да ладно, – сказала Ева недоверчиво. – Не может быть.

Тот не шевельнулся. Отсутствующий взгляд пульсировал васильковым мерцанием.

– Хорошо. Когда я досчитаю до трёх, ты сотворишь иллюзию, которая заставит меня на секунду испытать мучительную боль, после

чего тут же развеешь её и отбудешь в Межгранье из-за нарушения условий контракта. – Ева театрально скрестила руки на груди. – Раз, два...

– А если бы я не притворился? – укоризненно поинтересовался Мэт, скосив глаза.

– Невелика потеря. Демон сделал своё дело, демон может уходить.

– Вот и верь после этого женщинам. – Мэт без особого огорчения отправил в рот ещё попкорна. – Как я и думал, ничего не вышло.

– И как я и думал, ничего не слышно, – добавил Герберт, направившись к своему креслу.

Ева растерянно возрилась на смычок, который по-прежнему сжимала в руке:

– Как не слышно?..

– Эта музыка звучит только для тебя. И для того, кого ты хочешь заколдовать, полагаю. – Некромант сел: привычную непроницаемость его лица сменила тень удовлетворённой улыбки. – Наверняка можно воздействовать на нескольких противников разом, но это требует тренировок. Странно, что ты и это освоила так быстро... хотя нет. Стихийный дар предназначен для того, чтобы владелец освоил его легко. Интуитивно. У тебя всё в порядке не только с интуицией, но и с интеллектом, к тому же владение инструментом – твой конёк, как я понял. – Он расслабленно откинулся на спинку. – Не огорчайся, что не сработало. На тварей из Межгранья людская магия не действует... Пока они нематериальны, по крайней мере.

Внезапное благодушие Еву несколько смущало – и радовало, конечно. Всё лучше того, к чему она уже успела привыкнуть.

– Мэт слышал меня, – сказала она недоверчиво, будто оправдываясь. – Когда я гипнотизировала лазутчика в саду. Клякса, ты же слышал?..

– Он слышал не музыку, а её проекцию в твоём сознании. Демоны читают мысли. Полагаю, это основное объяснение их хвалёного всеведения.

– Если не учитывать советы по нахождению гномов и магической подзарядке, которые этим вряд ли объяснишь, – парировал Мэт.

– Какой-какой зарядке?

Пользуясь тем, что Герберт проявил несвойственное ему любопытство, Ева изложила суть проблемы. Как могла и как

запомнила. Учитывая, что мобильник благополучно разрядился ещё позавчера, а завтра ему предстояло сменить владельца, экспериментировать можно было безнаказанно.

Вскоре, снабжённая демоническими инструкциями, Ева уже бежала в спальню за телефоном и зарядкой. Ещё чуть позже наблюдала, как Герберт, разворошив провод и добыв оттуда тонкую стальную проволоку, присоединяет её к клеммам аккумулятора.

– Таким образом у нас есть электрическая цепь. Осталось намагичить электрическое поле, которое создаст в цепи ток, – продолжил инструктаж Мэт, оставив попкорн, зато обзаведясь очками и указкой. – С вольтами и амперами ты незнаком, так что мощность поля подбирай экспериментально. Постепенно усиливай от меньшего к большему.

– А если переборщу, что случится?

– Эта штука взорвётся, конечно. Не волнуйся, замок не рухнет, но в руках её лучше не держать. И провода, естественно, не касаться. – Демон указал Еве на парившее рядом ведёрко. – Угощайся.

– Мне нельзя есть.

– Это иллюзия, тебе можно.

– А когда съем, оно прорастёт у меня из желудка кукурузным стеблем?

– Отличная идея. Я до такого не додумался. – Мэт поправил очки краем указки, с насмешливой строгостью глядя на неё поверх стёкол-половинок: ни дать ни взять профессор с полувековым стажем обучения нерадивых студентов. – В Межгранье ты бы прижилась.

– А до чего додумался? Хотя нет. – Ева решительно отодвинула ведёрко в сторону. – Даже знать не хочу.

Воззрилась на батарейку, повисшую в метре над ковром, на проволоку, волшебным образом прилипшую к клеммам, и на Герберта, терпеливо ждавшего, пока они с демоном закончат препираться.

– Точно готова рискнуть? – спросил некромант, сидя на полу напротив.

– Всё ценное на карте памяти. Карту я вытащила. Если сейчас спалим батарейку, но поймём принцип, потом хотя бы сможем заряжать планшет. – Ева страдальчески повертела телефон в руках. – И раз это всё равно уже не моё...

Герберт без лишних слов направил прямые ладони на стальной проводок.

Ева ожидала сияния, вспышек и треска, но по серебристой проволоке лишь пробежала пара искр. С минуту в гостиной не происходило ничего: некромант напряжённо смотрел на батарейку, Ева – на него, Мэт – на всё и всех сразу.

Потом аккумулятор издал громкий треск, зашипел белым дымом – и выплюнул длинный язык пламени, лизнувший Герберту лоб.

– Вот и предел, – заключил тот, затушив огонь резким движением пальцев. – Занятный вышел эксперимент.

Ева угрюмо глядела на печально дымящуюся батарейку:

– Надеюсь, хоть не напрасный.

– Я знаю границу допустимой мощности. В следующий раз я её не превышу. – Некромант деловито ощупывал слегка подкопченные, но не пострадавшие брови. – Если хочешь, можем хоть сейчас попробовать зарядить твой... что там тебе нужно зарядить.

– Пока планшет у меня должен быть живой, так что с риском повременю. Но спасибо.

– Живой?

Глядя в его непонимающее лицо, Ева невольно улыбнулась.

– Не волнуйся, он не дышит и не бегает. Это просто... выражение. Означает, что он ещё работает. – Закрыв крышку полегчавшего мобильного, Ева кивнула на остывающий аккумулятор. – А с этим что будем делать?

– Я уберу. – Уверившись в целостности своей драгоценной персоны, Герберт встал. – Тебе пора спать. Завтра важный день, восстановиться перед ним не помешает.

На этом Мэт, огорчённый завершением игры в сапёров, откланялся и удалился в невидимость, а призадумавшаяся Ева проследовала за некромантом в ванную.

– Когда ты такой, с тобой куда приятнее иметь дело, – сказала она, пока Герберт заканчивал возиться с волшебным раствором.

– Не понимаю, о чём ты.

Убедившись, что он смотрит в маленькое окошко, темневшее подле зеркала на стене, Ева через голову стянула рубашку. Очень желая прервать этот разговор – и понимая, что прервать его будет глупо.

Рано или поздно им придётся об этом поговорить. И лучше рано.

– Мне хочется поднимать этот вопрос не больше твоего. Но если дело всё-таки дойдёт до помолвки, сделай мне подарок: будь человечным почаще. – Ева сложила одежду на стуле, давно занявшем место в углу. – И нет, не беспокойся. Капелька человечности с твоей стороны не заставит меня проникнуться к тебе ужасными человеческими чувствами, которых ты так боишься. Это останется исключительно деловым союзом, но отношения между деловыми партнёрами не обязаны быть такими... *никакими*.

Герберт молчал. Слушал, как она заходит в воду, с негромким всплеском погружаясь в прозрачную жидкую вуаль. Сейчас всё это давалось Еве куда легче, чем в первый раз: и вправду превратилось в обычную лечебную процедуру.

Впрочем, ей всё равно не хотелось, чтобы Герберт на неё смотрел.

– Вопрос о помолвке мы поднимем завтра. Вечером, – произнёс он. – Надеюсь.

Вытянувшись в искристой воде, мерцающей золотом и перламутром, Ева недоумённым взглядом изучила его спину.

– А почему не сейчас? Раз уж ты собираешься...

– Завтра, – непреклонно повторил Герберт. – После того, как получим меч. – Он странно, шумно, тяжело выдохнул. – А теперь ныряй.

подавив желание подискутировать, Ева выпустила воздух из лёгких. Опустившись на дно, ощутила в гулкой тишине прикосновение чужой ладони: в тот же миг как перед закрытыми веками заплясали алые отблески.

*Будь по-твоему, смирилась она, прежде чем тихий приказ погрузил её в черноту, что была глубже и глуше воды. Может, ты и прав. Пока тебе нужно пережить грядущий день.*

*Иначе мы оба станем несколько мертвее, чем нам хотелось бы.*

\*\*\*

У разрушенного храма они были точно в назначенный час.

Земля всё ещё тосковала по снегу, в этом году безнадежно запаздывавшему, так что под ногами хрустела только хвоя. Пока они пробирались через лес, Ева тревожно вглядывалась в таящиеся вокруг тени.

В то, что могло бы таиться в них.

– Можешь поставить магический контур? – на подступах к храму решила она.

– Ночи в библиотеке приносят плоды? – В голосе Герберта полутонем скользнуло поощрение. – Ты всерьёз думаешь, что здесь кто-то может нас найти?

– Поставь. На всякий случай.

Притормозив у круга разноцветных камней, некромант нехотя вскинул руки – и с минуту Ева наблюдала, как Герберт выплетает в воздухе руны, вспыхивавшие зелёной филигранью.

Об этом заклинании она действительно прочла в библиотеке: место окружалось чем-то вроде магической сигнализации, извещавшей владельца, когда контур пересекали незваные гости.

– Всё. Незамеченными к нам не подберутся. – Закончив, некромант шагнул в круг. – Надеюсь, это тебя успокоит.

– А тебя?

– Здесь нас могут выследить, лишь если кто-то озаботился заранее прицепить к нам поисковый маячок. – В движениях некроманта, замершего среди кружева лесных теней, читалось раздражение. – Ты не выходила из замка. Если б его прицепили ко мне, я бы заметил. Не говоря уже о том, что защита замка нейтрализует все маячки, как только переступаешь его порог.

– И обойти это никак нельзя?

– Мне способы неизвестны, во всяком случае. Айрес когда-то хотела нацепить маячок на меня. Чтобы я вплёл в защиту исключение для него. Я отказался. Не желал, чтобы она всегда знала о моём местонахождении. – Герберт выразительно огляделся. – И где наш кузнец?

На сей раз Ева даже не успела увидеть дверь: просто гном вдруг вынырнул прямо из пустоты.

– Пунктуальны, – заметил он с прохладным одобрением. – Взяли мою плату?

Ева с готовностью вытаскала из кармана мобильник, надеясь, что на лице не проявится пристыженное выражение.

– Приветствую тебя, о обитатель Потусторонья, – сказал Герберт, пока она демонстративно вертела телефон в руках. – Плату мы отдадим после того, как получим меч... который я не вижу.

Самоцветы гномьих глаз недобро блеснули в полумраке:



– Я не жулик, мальчик. Обкрадывать вас никто не собирается.

Кукольные пальцы сжались на пустоте, потянули её вверх – и Ева с восторженным удивлением проследила, как в воздухе проявляется сияющий клинок.

Это была скорее рапира, чем меч. Тонкая, не слишком длинная, сотканная из золотистого металла, искристого и переливчатого, точно сгущённый свет. Рукоять обвивало плетение ажурной гарды, окутанное песочным мерцанием.

Смертоносная, хрупкая на вид красота.

– Пока она в ножнах, её не увидит никто, кроме кузнеца. И законного владельца, которого у неё ещё нет. – Перехватив рапиру за лезвие, гном протянул её Еве рукоятью вперёд. – Прошу.

Она положила пальцы на светлую кожу, обтягивавшую металл над шариком навершия. Тёплую, точно клинок был живым, точно под кожаной отделкой таился притихший пульс.

Ева знала, что настоящий меч должен быть тяжёлым, но этот казался не тяжелее смычка.

– Она работает так же, как любое стихийное оружие. Подчиняется намерению, сама делает что нужно. Главное – довериться ей. – Гном любовно смотрел на клинок; колдовское сияние отблесками отражалось в его мшистых глазах. – Попробуй.

Ева вспомнила ощущения во время тренировок. Присмотрелась к стволу ближайшего дерева, светлевшего вне каменного круга.

Рапира взметнулась в воздух. Рукоять потянула за собой пальцы – те сами перехватили её как нужно – и тело, подчинившееся невидимым нитям под кожей.

Спустя пару секунд Ева взирала на скрипичный ключ, вырезанный на коре несколькими ловкими движениями.

– Она не должна покидать ножны дольше, чем на сутки. Иначе чары иссякнут, – сказал гном, пока девушка замороженно изучала клинок. – Они с ножнами – единое целое, ни одни другие ей не подойдут.

Вернувшись в круг, Ева приняла из маленьких рук те самые ножны: узкие, на длинном ремне, в бежевой коже под стать мечу.

– Может, они ещё и исцеляют? – не удержалась Ева, закидывая их за спину (во всяком случае, Ведьмак на постерах носил мечи именно так).

– Полагаю, ты в этом не нуждаешься. – Гном указал на рапиру одними глазами. – Дай ей имя, и она станет твоей.

Ева думала недолго.

– Люче<sup>[20]</sup>.

Клинок откликнулся мягким мерцанием, волной пробежавшим от рукояти до кончика лезвия. Пальцы кольнуло тепло.

– Отныне её невозможно украсть или отобрать, – изрёк гном торжественно. – Она не признает никакого другого владельца. Ты можешь призвать её к себе, где бы ни была, – просто позови её по имени. Пока она в ножнах, её видишь только ты, и обнажить её может лишь твоя рука.

– Проверь, – велел Герберт.

Неловко оглядываясь через плечо, Ева убрала рапиру в ножны. Опасалась порезаться, но на полпути клинок сам мягко потянул руку, чтобы скользнуть в законноеместище.

– И правда исчезла, – резюмировал некромант. – Ты её видишь?

Ева, косившаяся за спину, подтвердила – видит.

Следующую минуту она наблюдала, как Герберт, нащупав невидимую рукоять, под насмешливым взглядом гнома пытается вытащить её из ножен. Сдавшись, отступает на шаг:

– Попробуй теперь ты.

Рукоять скользнула в пальцы почти сама.

Неуловимым движением Ева рассекла воздух перед собой – невольно встав в фехтовальную позицию, которая наверняка имела какое-нибудь красивое название. Кажется, она видела такую в фильмах про мушкетёров: тело вполоборота, свободная рука упёрта в бок, ноги чуть согнуты в коленях, а лезвие рапиры сияет под углом в сорок пять градусов, готовое отразить атаку.

Герберт на редкость довольно кивнул.

– Убирай. И расплатись.

Зачехлив клинок, Ева протянула гному телефон. С ужасом увидела, как тот с видом заправского хипстера жмёт на кнопку включения и блокировки.

– В прошлый раз здесь появилась картинка. – Не дождавшись реакции, представитель маленького народца постучал пальцем по тёмному экрану. – Как ты это сделала?

– Руководство пользователя в условия сделки не входило, – парировала Ева с максимальным достоинством, которое ей оставила не до конца усыплённая совесть.

– О. – Гном подозрительно равнодушно отвернулся. – В таком случае, полагаю, в снятии с ножен чар трёхкратного обнажения вы не нуждаетесь.

– Каких чар?

Вопрос прозвучал стройным дуэтом: унисон удивлённого сопрано Евы с серебристым некромантовским тенором.

Гном остановился – улыбка, растягивавшая его губы, лучше слов подсказала о подвохе.

– Никто, кроме меня, не может достать клинок из ножен больше трёх раз. – Он выразительно кивнул на рукоять за Евиным плечом. – К слову, отсчёт уже пошёл, так что осталось два.

Ева растерянно уставилась на мобильник, темневший мёртвым экраном.

Чёрт. Как они были самонадеянны – оба. И что делать? Чем расплачиваться теперь? У неё есть ещё планшет, но...

– Два? Нам хватит.

Ева неверяще воззрилась на Герберта.

– Нам хватит, – повторил он с нажимом. – Благодарю, о обитатель Потусторонья. Мы не могли мечтать заполучить изделие более прекрасное, чем твоя изумительная работа.

В лице гнома не было ни досады, ни разочарования. Один лишь искренний интерес.

– Как знаете. – Ответ приправили щепоткой насмешки. – Как исчерпаете оставшиеся попытки, возвращайтесь. Всегда готов к сотрудничеству.

Ева всё же сумела увидеть дверь в Потусторонье. За секунду до того, как гном зашёл в неё, – и за две до того, как она исчезла, растворившись за гранью видимого так надёжно, что разглядеть её было уже невозможно.

Несговорчивых покупателей недвусмысленно попросили маленький народец больше не беспокоить. По крайней мере, пока.

– Две попытки, – сказала Ева. – Одна на королеву. Одна на дракона. По-твоему, я смогу...

– Если всё пойдёт по плану, меч всё равно послужит бутафорией. – Герберт направился к выходу из каменного круга. – Как и ты.

– Знаешь ли, даже с бутафорией нужно...

Где-то крикнула встревоженная птица. Странное ощущение царапнуло спину – ощущение, которое рождает устремлённый на тебя пристальный взгляд.

Осекшись, Ева обернулась.

Вокруг спокойной тишиной молчала лесная чаща. Очень убедительно.

Куда более убедительно, чем если бы в ней действительно никого не было.

Догнав некроманта, Ева резко потянула его за рукав:

– Твой контур на месте?

Услышав её шёпот, тот остановился, недоумённо вздёрнув брови.

– Что с тобой?

– Давай перенесёмся в замок прямо отсюда. Не возвращаясь к ручью.

Он раздражённо выдернул рукав из её пальцев:

– Рядом с проходом сильные пространственные искажения. От ручья безопаснее. Успокойся, контур никто не пересекал.

– Я... мне не по себе. Что-то не так. Я чувствую. – Ева вновь удержала его – уже за руку. – За нами кто-то следит, Герберт, пожалуйста!

Гнев в его взгляде сменило сомнение.

– Я не трусиха. Я не стала бы напрасно паниковать. Ты же знаешь. – В её шёпоте скользнула почти мольба. – И сам говорил, что с интуицией у меня всё в порядке.

Герберт стоял, колеблясь.

– Ладно, – помедлив, всё же согласился он. – Иди сюда.

Позволил обнять себя... и, отпрянув, с силой оттолкнул – за миг до того, как место, где они стояли, полыхнуло ядовитым салатовым пламенем.

– Щит! – только и успел выкрикнуть Герберт.

Ева всё же сотворила простейший купол, прежде чем из лесной полутьмы соткалась дюжина человеческих фигур. В тёмной одежде, в чёрных масках с загнутыми птичьими клювами. Двое моментально

окружили её, оттеснив от Герберта, остальные двинулись к некроманту, но за их спинами поднялись колдовские тени, простирая руки-щупальца. Убийцы тут же призвали магическое оружие, рассекая им тёмные отростки – двуручники, сотканые текучим пламенем, шпаги, блестящие водными бликами, хлысты из сгущённого воздуха. Кто-то пропустил атаку: пробившись сквозь вражеский барьер, щупальце мгновенно обвилось вокруг убийцы, пригвоздив руки к телу. Ева рывком отвернулась, когда ещё одно скользнуло противнику в рот, обагрываясь хлынувшей из-под маски кровью.

Впрочем, в следующий момент ей всё равно стало не до наблюдения.

Один из убийц подступил к её куполу. Клинок в его руках – каменный, окутанный терракотовой дымкой, – светился прожилками колдовской зелени на тонком тёмном лезвии. Оружие земли... очередной стихийный Дар, о которых Ева немало прочла за свои библиотечные ночи.

К сожалению, из всех полученных сведений сейчас ей могло пригодиться лишь одно: то, что в ближнем бою это оружие пробивало любой защитный купол.

Каменное, но возмутительно острое лезвие пересекло границу щита одновременно с тем, как на купол обрушилось чьё-то заклятие. Вражеский меч Ева кое-как приняла на смычок, вражеское заклинание, отразившись о прозрачную стенку, рассыпалось снопом танцующих синих искр, но за первой атакой последовала новая, а за той ещё одна. Заклинания били в купол один за другим, смычок раз за разом встречал меч убийцы – и Ева очень старалась довериться смычку, позволить ему управлять собой, защитить себя, но каждый удар заставлял её руку вздрагивать, и удары были так сильны...

...И она никогда не сражалась смычком в ближнем бою, и колдовать научилась так недавно, и...

Мигнув, исчез барьер. Убийца выкрутил клинок из-под смычка – легко, точно от котёнка отбиваясь, – и кинулся вперёд.

Секундой позже его вытянутая рука уже держала Еву за горло.

– Да примет Жнец срезанный колос, – сказал он, прежде чем вогнать лезвие ей в сердце.

Каменный меч пронзил плоть не хуже стального. Гладко, точно масло, с омерзительно органическим звуком разрезаемого мяса и

ломающихся костей. Пусть Еве не было больно – ощущение того, как тебя протыкают насквозь, тоже оказалось малоприятным.

Размышления, как на это реагировать, заняли у неё ровно те секунды, пока убийца не выдернул клинок из её груди. Девственно-чистым: на стихийном оружии не оставалось крови.

Ева застонала. Кулём рухнув наземь, затихла. Заставив смычок исчезнуть из пальцев, уставилась перед собой неподвижным взглядом.

Убийца коснулся девичьей руки, прощупывая пульс.

Спустя несколько мгновений перешагнул через неё, чтобы присоединиться к охоте на Герберта.

Дождавшись, пока другой головорез, закидывавший её заклятиями, последует за товарищем, Ева осторожно скосила глаза.

На присыпанной хвоей земле лежали три тела, пылающие кострами зелёного огня (Ева подозревала, что убийцы подожгли их сами, дабы не достались врагу). Герберт отступил в центр каменного круга: тени защищали проходы между камнями, но вокруг его барьера искрами рассыпались отражённые заклятия. Кто-то из убийц магией атаковал издали, другие пытались прорваться сквозь призванные души – на место павших теней тут же приходили другие. Когда одна исчезла, Ева на миг увидела Герберта: на бледном лице алел порез, наискось пересекший щеку.

Даже его силы не безграничны. В одиночку отбиваться от десятка магов, в совершенстве освоивших науку убивать, нелегко даже ему. Рано или поздно он устанет; рано или поздно у него не останется сил, чтобы призвать очередную тень. И тогда с Гербеуэртом тир Рейолем будет покончено. Ведь барьер не защитит его от магического оружия, а вместо своего оружия у него только призрачная свита...

Герберт выхватил из-под плаща нож одновременно с тем, как Ева почувствовала неприятное движение срачиваемых костей. Рана затянулась с омерзительной щекоткой. Следом перестало ощущаться сердце, из которого исчезла проделанная дыра.

Как хорошо, что больше она ничего не чувствует...

Когда некромант рассёк себе ладонь, щедро пролив кровь на землю, тела поверженных убийц дёрнулись.

*«Ко мне».*

Приказ сталью полоснул по сознанию – и Ева, не сопротивляясь, рванула вперёд.

Трупы убийц поднялись с земли, роняя с костей горящую плоть и тлеющую одежду. Тела сторали стремительно, но недостаточно быстро; когда они со спины напали на бывших товарищей, протягивая к ним пылающие руки, те оказались как будто готовы к такому коварству. Всё равно мёртвые враги были безоружны – Дара умертвия лишались вместе с жизнью, а другого оружия убийцы с собой предусмотрительно не взяли.

Зато к тому, что убитая девчонка будет бодро размахивать волшебным смычком, не подумав его лишиться, они готовы не были.

Головка смычка врезала одному из убийц по затылку, будто не заметив его щита: того швырнуло вперёд метра на три, смачно ударив лбом о камень. Когда он сполз наземь, одна из теней на миг скользнула в сторону – Ева беспрепятственно проскочила мимо, спиной чувствуя ошеломление врагов.

– Уходим! – крикнула она Герберту, оказавшись внутри круга. Сквозь барьер некроманта она скользнула так же легко и беспрепятственно, как через садовые ловушки. – Переноси нас в замок!

– Не могу. – Перекинув нож из левой руки в искалеченную правую, Герберт сосредоточенно полоснул себя по другой ладони. – Они сплели чары, запрещающие перемещение.

– Тогда надо выбежать за границу действия! У этих чар же есть границы? Радиус? – Ева лихорадочно оглянулась: она слышала звуки борьбы, однако, помимо проходов, тени закрывали ещё и обзор. – Давай я тебя прикрою, и...

– Чары не дают переместиться не только нам, но и им. Они видели тебя. Со мной. Я не могу позволить им уйти. – Уронив наземь нож, Герберт раскинул в стороны окровавленные руки. Вскинув лицо к небу, вывернул кисти ладонями вверх. – Сотвори барьер. Держи вокруг нас.

Ева недоумённо посмотрела на мерцающий купол над ними: от него как раз отхлынула огненная волна отражённых чар.

– Барьер? Но ты ведь уже...

– Я не могу творить молитву, одновременно держа купол, теней и умертвий. Барьер Берроля, будь добра. Он заменит мой.

Хотя Еве было очень интересно, чем сейчас им поможет молитва, в дальнейшие расспросы вдаваться она не стала. Просто расчертила воздух рунным плетением.

Когда поверх купола Герберта их обоих накрыл другой, его барьер исчез – и следующее заклятие убийц отразила уже она.

– Если кто-то прорвётся в круг, защищай меня. – Некромант прикрыл глаза. – Это приказ.

Он беззвучно зашевелил губами, будто и правда молился небесам, белевшим меж раскидистой сетью хвойных ветвей.

Ева отвернулась, пытаясь не пропустить момент, когда прорвётся враг. Убийцы атаковали с разных сторон, и уследить за всеми проходами было нелегко. Чей-то ловкий удар заставил одну из теней рассыпаться чёрной ватой, но её место тут же заняло горящее умертвие. От тела убийцы остался один скелет, однако тот вполне успешно загораживал проход, обжигая бывшего коллегу зелёным пламенем и пытаясь его задушить; отсутствие срубленной кем-то головы (вернее, черепа) скелет несколько не смущало.

Ну же, Герберт...

Вспыхнувший сзади свет, обрисовавший тень Евы на мёрзлой земле, она ощутила кожей.

Разрубленный от плеча до бедра скелет осыпался грудой костей.

Когда убийца ступил в круг, Ева вскинула смычок – но глаза врага, блестящие в прорезях птичьей маски, отражавшие белый свет, смотрели только на Герберта, творившего неведомое колдовство за её спиной.

Что бы он ни увидел, ему это не понравилось.

– Мёртвая Молитва! – закричал убийца, кидаясь на Еву.

– Кончай его! – В голосе другого, откликнувшегося за пределами круга, Ева с изумлением расслышала ужас. – Сейчас!

Колдовской приказ вздёрнул её руки, принимая на смычок удар огненной шпаги. Тут же – ещё один, и ещё; через кости поверженного скелета уже перепрыгнул новый противник, и языки фиолетового пламени яростно отлетали от её купола, и вторая тень пала от чужого клинка...

...И против троих ей никак не выстоять, и, чёрт возьми, что же делать, что же...

...Гербертскорееескореееско...

Белое сияние ударило Еве в спину: белее снега, чистое, как безжизненная первозданная пустота, где не было места даже вселенской черноте. Пульсирующими волнами оно разошлось по лесу,



накрыв убийцу перед ней, каменный круг, тени, тут же исчезнувшие, и старый храм – к нему бежали иные из врагов, стремясь укрыться от чего-то страшного.

Вторая волна вынудила убийцу выронить шпагу.

Третья – рухнуть на колени, царапая ногтями птичью маску.

Четвёртая – сбросить её с себя, явив живое лицо, на глазах приобретающее мёртвый серый оттенок.

Сняв ненужный больше купол, выпустив ненужный больше смычок, Ева смотрела, как один за другим убийцы падают наземь. Скребя пальцами хвою, пытаюсь куда-то уползти, что-то сделать – тщетно. Серое лицо ещё дышащего врага расцветало лиловыми пятнами, трупной синевой и тошнотворной зеленью; когда оно сделалось чёрным, Ева всё же решилась повернуться.

Боясь того, что увидит за своей спиной, едва ли не больше, чем зрелища тлеющих заживо людей.

Герберт всё так же стоял, раскинув руки. Гибельное сияние окутывало его звёздным плащом, просвечивало сквозь пальцы, гладило волосы. Оно выбелило и спокойное лицо, обращённое к небу, и золотые пряди, которые шевелил неведомый, нездешний ветер, и за спиной избранника Великого Жнеца, неслышно шептавшего слова Мёртвой Молитвы, раскинулись два огромных, дымчато-призрачных, сотканых из кладбищенского тумана крыла.

Это и правда было страшно. Страшно в своей нечеловеческой, безжизненной красоте.

Крылья истаяли в воздухе вместе с тем, как мягко, словно гаснущая звезда, померкло белое сияние. Спустя пару мгновений после того, как Герберт сомкнул губы, выдохнув последнее слово.

Опустив голову, он встретил Евин взгляд, ставший почти зачарованным.

– Мёртвая Молитва, – сухо пояснил Герберт, отвечая на незаданный вопрос. В топазной глубине его глаз ещё плескались белые блики. – Сильнейшее оружие любого из нас. Заставляет всех живых вокруг истлеть. Мощь, скорость и радиус действия зависят от силы некроманта. Я... довольно силён, но на сотворение всё равно требуется время. – Герберт поднял с земли окровавленный нож, изрезанный рунами по серебру. Вогнал его куда-то под куртку: должно

быть, в потайном кармане притаились ножны. – Спасибо, что прикрыла.

Ева, поколебавшись, оглянулась через плечо – на усыпавшие лес скелеты в масках и чёрных одеждах. Всё, что осталось от дюжины убийц, явившихся по душу Гербеуэрта тир Рейоля.

Ещё дюжина душ в его незримую свиту...

– Молитва, значит, – слабо проговорила она.

– Тебя что-то смущает?

– До этого момента я считала силу веры куда менее убийственной. Герберт оставил высказывание без комментариев.

– Пойдём отсюда, – сказал он, прежде чем побрести к реке. Медленно, с трудом передвигая ноги.

На сей раз у Евы не нашлось ни слова против.

Потревожить Герберта, окопавшегося в рабочем кабинете, она осмелилась только вечером.

По возвращении в замок некромант заявил, что старания убийц уже обеспечили ей на сегодня превосходный урок и отменную практику. После чего милостиво отпустил Еву на все четыре стороны: в пределах замка, разумеется. Так что день она провела в непривычном безделье – за просмотром аниме на планшете и осмыслением того, что случилось утром.

Забавно. Её теперь даже мечом протыкать бесполезно. Своеобразное бессмертие, которое было бы читерством, как любит говорить Динка, если б к нему не прилагалась не-жизнь. Из которой, несмотря на некоторые преимущества, Ева предпочла бы убрать приставку «не».

Бессмертие в смерти...

Забытое осознание своей не-жизни накрыло внезапно и остро, вернув в душу тот же страх, что захлестнул её в первый вечер в чужом мире. Все эти дни у Евы было слишком много хлопот – планирование побега, война с Гербертом, уроки, шпионы, загадки, убийцы, – чтобы бояться и помнить, насколько тонок волосок, отделяющий её бытие от небытия. Она злилась, а злость и страх плохо совместимы.

Теперь, когда её оставили наедине с собой, а поводы злиться почти исчезли, прятаться от незваных мыслей было незачем.

Отчасти поэтому вскоре она стучалась в массивную дверь, путь к которой любезно указал Эльен.

– Можно? – спросила Ева, заглянув внутрь.

Не требовалось дополнительных пояснений, чтобы понять: эта комната принадлежала покойному господину Рейолю. Стены обшивали лаконичные деревянные панели, немногочисленная обстановка почти кричала о суровости того, кто её выбирал. Герберт сидел у окна, черневшего ночной тьмой, за огромным дубовым столом, на котором высились груды бумаг.

– Чего тебе? – завидев Еву, не слишком любезно спросил нынешний хозяин кабинета. Он вымачивал педантично сложенную хлопковую тряпицу в миске с неким раствором, пока рядом ждали ножницы и бинты. – Я немного занят.

– Хотела попросить у тебя книгу, – не обращая внимания на тон, сказала Ева. – Как освободишься, конечно.

Она лукавила. В действительности (как бы ей ни хотелось этого не признавать) она просто беспокоилась, как венценосный сноб чувствует себя после покушения. А поскольку тот уполз зализывать раны в одиночестве, узнать о его самочувствии можно было, лишь нарушив это одиночество.

Судя по синякам под глазами, перевязанным рукам и кровавой черте на почти белом лице – промытой, но не исцелённой, – самочувствие оставляло желать лучшего.

– Что за книгу?

– О той молитве, которую ты сегодня сотворил. Хочу узнать, как ты это сделал.

– Тебе такого всё равно не повторить, можешь не беспокоиться. – Отжав тряпицу, Герберт прижал её к рассечённой щеке. – Ашшш...

Некромант явно старался, но не сумел сдержать шипения, прорвавшегося сквозь зубы.

– Больно? – Когда он отнял примочку от раны, Ева не выдержала – решительно обогнула стол и отобрала у него тряпицу. – Дай я.

То ли от удивления, то ли по другим причинам, но тот не стал возражать. Лишь судорожно выдохнул, когда Ева осторожно, бережно промокнула порез: к счастью, ровный и не слишком глубокий.

– Долго надо держать?

– Нет, – процедил Герберт. – Смачивать, слегка отжимать и коротко касаться.

– Хорошо.

Опустив тряпицу, Ева машинально подула на тонкую линию, багровевшую на неестественно бледной коже, и некромант резко повернул голову.

– Что ты делаешь?

– Если рану щиплет, от этого должно стать легче. – Под взглядом расширенных глаз, чей цвет подчёркивал фиолетовый оттенок залёгших под ними теней, Ева макнула тряпицу обратно в миску. – Легче?

– Да, – после секундного колебания нехотя признал тот.

– Тогда не дёргайся.

На сей раз Герберт сидел смирно. И пока Ева обрабатывала рану, и пока старательно дула на неё, радуясь, что в нёмёртвом состоянии голова от этого ни капельки не кружится.

– Мне сестра всегда так делала, когда я коленки разбивала, – зачем-то пояснила она, в очередной раз окунув тряпицу в целебный раствор. – А тебе что, никогда не...

Осознав, что лезет на запретную территорию, она запнулась. Отжав тряпицу, вновь коснулась ею щеки Герберта – тот устремил отстранённый взгляд прямо перед собой.

– Госпоже и господину Рейоль не пристало лично обрабатывать раны сына, – неожиданно тихо сказал он. – А слугам не пристало нянчиться с отпрысками великих домов, словно с собственными низкорождёнными детишками. – Когда её пальцы замерли в сочувствующей растерянности, некромант слегка отстранился. – Хватит. Будет тебе книга. Завтра.

– Спасибо. – Убедившись, что порез и правда стал уже и бледнее, Ева посмотрела на его замотанные ладони. – А руки как? Тоже надо лечить?

– Это уж я как-нибудь сам.

– Не говори глупостей. – Отложив тряпицу, Ева сердито взяла его пальцы в свои. Дёрнула за конец банта, которым завязывался бинт. – В конце концов, я твой зомби-слуга. Вот и служу чем могу.

*Понять бы ещё зачем, думала она, слой за слоем разматывая повязки и надеясь, что слова прозвучали достаточно колко. Хлопочу*

*над человеком, который меня ни в грош не ставит. Хотя нет, в грош, может, и ставит – именно в него.*

...ладно. Они же как-никак заодно. И Евино самочувствие напрямую зависит от его самочувствия. И вовсе её не впечатлило его сегодняшнее преобразование в ангела смерти, доказавшее, что сомнение некроманта раздуто не на ровном месте. И вовсе ей не жалко мальчика, привыкшего зализывать раны в одиночестве.

Мальчика, которому никто и никогда не дул на разбитые коленки.

– А почему ты не можешь залечить их магией? –левой рукой держа его ладонь, правой Ева обрабатывала порез, алой чертой пересекавший паутину старых шрамов.

– Некромант не может исцелять раны, которые нанёс себе для сотворения ритуалов, – сказал Герберт нехотя. – Эта кровь – плата Жнецу за использование сил, дарованных им. Иначе плата не была бы настоящей.

Его пальцы оказались длиннее её собственных на целую фалангу. Впрочем, у Евы пальчики были почти миниатюрные. Мама когда-то говорила, что для музыканта они слишком маленькие, но длину Ева компенсировала хорошей растяжкой – и не раз видела, как стремительно порхают по струнам и клавишам даже самые короткопалые и пухлые ручки.

– А щека?

– Стихийное оружие – мерзкая штука. Раны от него магия исцеляет куда хуже обычных. Лучше снадобья. – Он поморщился; Ева немедленно подула на изрезанную ладонь. – Я нашёл его. Маячок, благодаря которому нас выследили. На мне.

– Ты же говорил, все маячки разрушаются по возвращении в замок, – саркастично напомнила девушка, присев на край стола. Стоять ей надоело, а устраиваться на узкой ручке кожаного кресла, где сидел Герберт, она сочла более фамиллярным и менее удобным; к тому же так тянуться к другой руке некроманта, когда она закончит с этой, будет проще. – И ты бы его заметил.

– Новые чары. Раньше я с такими не сталкивался. Магическая наука не стоит на месте. – Если Герберт и ужаснулся тому, что Ева посмела использовать его рабочий стол в неожиданном качестве, то ничем этого не проявил. – Отличная работа, ничего не могу сказать – весь день на обнаружение потратил. Если б не знал, что маячок на мне

есть, и не искал целенаправленно, ни за что бы не нашёл. – Он качнул головой. – А дорогой дядюшка превзошёл сам себя. Нанять «коршунов», надо же...

– Думаешь, это Кейлус?

– Кто же ещё.

– А эти «коршуны»...

– Лучшие убийцы во всём Керфи.

*И наверняка их услуги очень, очень дорого стоят, немного злорадно подумала Ева. Бедный дядюшка Кейлус, столь бесполезное капиталовложение!*

– А почему они не подожгли меня? Они сожгли своих товарищей... чтобы ты не смог их поднять, я так понимаю. А меня просто мечом пронзили...

– У «коршунов» свой кодекс чести. Они не оскверняют и не уродуют тела тех, кого им заказали. Считают это дурным тоном. Свои – другой разговор. – Сухая узкая ладонь легко выскользнула из её пальцев. – Дальше я сам.

– Ну уж нет, – отрезала Ева весело и упрямо. – Иномирные девушки упорные, сам знаешь. На полпути не останавливаются. Зато перевязать можешь сам, так и быть: с этим ты вроде неплохо справляешься.

Она ожидала ехидной шутки по поводу столь великодушного разрешения, но Герберт лишь усмехнулся. Не зло, не саркастично, а как-то даже тепло.

– И ты не злишься, что я снова отдал тебе приказ? – спросил он, пока взлетевший со стола бинт обматывался вокруг обработанной раны.

– Это же для пользы дела, верно? Проще так, чем докрикиваться.

– А когда велел защищать меня?

Она вспомнила ощущения, которые испытала, когда убийца прорвался в каменный круг. Вспомнила свои руки, подчинявшиеся приказу: они двигались куда стремительнее и увереннее, чем когда она защищала себя.

Даже волшебный смычок не мог так просто сделать из неё превосходного бойца. И приказ – тоже. Но вместе они делали её куда лучшим бойцом, чем она являлась.

– Я ведь не слишком хорошо сражаюсь. Пока. Приказ помогал мне делать это лучше, правильно? Это... как будто ты мной управляешь. – Дожидаясь, пока щёлкнут ножницы и свежий бинт завяжется бантом, Ева посмотрела на тряпицу, нежившуюся в целебной ванночке. – А ты сражаешься уж точно лучше меня.

– Я думал, ты не терпишь, когда тобой управляют.

– Не когда это поможет нам обоим выжить. Или хотя бы не упокоиться окончательно, – мрачно прибавила она.

Герберт следил, как она освобождает от бинтов другую руку. И молчал, пока Ева помогала затянуться последней ране, вышедшей глубже остальных.

– Можешь себя поздравить, – проронил он затем.

– С чем?

– Ты доказала, что я был неправ.

Ева подняла голову.

– Я думал, ты годна лишь на то, чтобы подчиняться, – буднично разъяснил некромант, отвечая на потрясение в её глазах. – Быть безвольной куклой. Источником помех, но не помощи. Ты доказала обратное. – Отвёл взгляд, посмотрев на свою ладонь в её пальцах. – Если бы не ты, сегодня меня убили бы. Я жив только потому, что был там с тобой. Спасибо.

Ева не сказала ни слова. Не знала, что сказать. Просто отвернулась, чтобы снова выкупать тряпку в миске.

В последние дни венценосный сноб удивлял всё больше. Слава богу, приятно.

Эти мысли быстро привели к другим, вовсе не таким приятным, и улыбка, просившаяся на губы, померкла, так до них и не добравшись.

– Герберт, – произнесла Ева тихо, – как я буду сражаться с королевой, если убийцы так легко смогли меня победить?

– У тебя есть преимущество.

– Что я уже мертва? – Промокнув на глазах бледнеющую рану, Ева досадливо мотнула головой. Скрутила хлопок в пальцах, сквозь которые бежали струйки лазурной настойки. – Сегодня в меня вонзили меч. А если королева решит сжечь меня? Дотла? Она лучшая колдунья страны, Герберт, как я смогу её победить?

– Надеюсь, тебе не придётся сражаться с ней. Там сказано о чуде, которое ты сразишь, не о королеве, – сухо напомнил тот. – От

дракона я смогу тебя защитить. В случае Айрес, надеюсь, всё сделают за тебя.

– Кто сделает?

Он не ответил. Просто неотрывно следил за движениями её пальцев.

– Герберт, если у тебя есть план, самое время им поделиться. Потому что пока я не представляю, как мы свергнем королеву. А даже если свергнем, как ты будешь править. – Она опустила тряпицу в миску с чрезмерной, демонстративной аккуратностью. – Ты же... не обижайся, но ты не слишком подходишь на роль короля. Там нужно много общаться с людьми, чего ты не любишь, и быть хитрым, и дипломатичным, и решать множество...

– Ты можешь войти, Эльен, – бесцеремонно прервав её речь, сказал некромант.

Дверь приоткрылась. Призрак – видимо, он деликатно ждал окончания разговора, – заглянул в кабинет.

– Господин. – Эльен неуверенно посмотрел на Еву. – Прошу прощения, что прерываю, но к вам явился...

– А, он всё-таки пришёл. – Встав, некромант взглянул на бинт: тот немедленно взмыл в воздух. – Подожди здесь.

Последнее относилось к встревоженной Еве.

– Кто пришёл?

– Не волнуйся. Я скоро вернусь. Побудь здесь. – Дождавшись, пока порез на правой руке тоже скроет свежая повязка, Герберт выскользнул из-за стола. – И сядь, пожалуйста, прилично.

Сумрачно проследив за его уходом, Ева с комфортом устроилась в освободившемся кресле: в конце концов, ей велели сесть, а других сидений в кабинете не наблюдалось.

Надо же. У Герберта бывают гости. Правда, кем бы этот гость ни был, едва ли он задержится надолго. Наверняка некромант отправился встретить его лишь затем, чтобы спровадить подальше – ведь вздумай визитёр сунуть нос куда не надо...

К моменту, когда дверь открылась вновь, Ева успела заскучать. От нечего делать она проглядела бумаги на столе и с удивлением обнаружила: в большинстве своём это не магические трактаты, а экономические расчёты, черновики писем, наброски указов и доклады чиновников подконтрольных Герберту земель.



– Ладно, часть своих слов я готова взять обратно, – сказала она. – Судя по бумагам, ты не совсем...

Запнулась, когда следом за Гербертом в кабинет вошёл незнакомый молодой человек.

Заметив Еву, незнакомец остановился. На юном лице застыло то же удивление, что вынудило замереть её саму, но ореховые глаза под тёмными кудрями изучали её черты пристально и цепко.

– Давно ждал подходящего момента, чтобы вас познакомиться. – Герберт отступил в сторону. Изогнул ладонь в насмешливо изыщном жесте, указывающем на молодого человека. – Миракл Тибель, мой брат. Знакомься, Мирк – лиоретта Ева.

Её имя он выговорил с забавным лёгким акцентом, из-за чего оно прозвучало скорее как «Йевва».

Миракл Тибель. Тот самый Миракл «Ясамосовершенство» Тибель.

Ох...

Вспомнив уроки Эльена, Ева поднялась с места. Сбоку от кресла изобразила реверанс, приличествующий для приветствия члена королевской семьи.

– Лиэр Миракл, – склонив голову, пропела она, лихорадочно соображая, что чёртов лиэр тут делает и зачем Герберт его привёл.

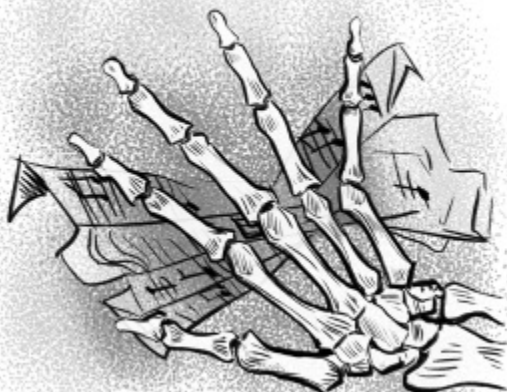
Миракл Тибель поприветствовал её сдержанным поклоном. Перевёл пытливый взгляд на брата.

– Уэрт, – произнёс он тихо и звучно, – только не говори, что...

– Она пришла из иного мира. Она – та самая дева из пророчества Лоурэн. – Герберт помолчал – и безо всякого выражения в ровном голосе и на бледном лице добавил: – Твоя суженая.

## Глава 12

### Inversio [\[21\]](#)



Незадолго до этого Герберт встретил брата в замковом холле.

– Рад, что ты пришёл, – сказал некромант. – И даже почти не опоздал.

Просторный зал, отделанный серым гранитом, гулко раскатывал каждый звук. Здесь не было ни гобеленов, ни ковров, ни витражей – лишь голые стены, лаконичные и холодные, как дух Рейолей; в воздухе стыл запах древности и зимы.

– Я прочёл твою записку, – сухо откликнулся Миракл. – Зачем звал?

Они стояли, глядя друг на друга так, словно приветствовали противника перед боем, словно взгляды их соприкасались невидимыми лезвиями. Миракл, прямой, как струна, держал сцепленные руки за спиной, даже не думая протянуть брату одну из них.

Впрочем, Герберт этого и не ждал.

– Хочу тебя кое с кем познакомить. И кое-что обсудить. – Некромант рывком отвернулся к лестнице. – Идём в мой кабинет.

– Давно я здесь не был, – заметил Миракл, пока они поднимались вверх; чемпион арены рассматривал лепнину, которой отделали

лестничный колодец, и ореховый взгляд туманила не то грусть, не то досада.

– В какой-то момент я устал посылать приглашения, которые всё равно оставались без ответа.

– И вдруг передал мне это. Спустия столько лет. При таких обстоятельствах. – Туман во взгляде сменила жёсткость. – Если это ловушка...

– Надеюсь, ты был достаточно осторожен. – Герберт убедительно изобразил, что не слышал последних слов. – Как я уже написал, Айрес не должна знать об этом визите. Наше сближение после стольких лет ссоры вызовет у неё совершенно ненужные подозрения.

– Даже у меня вызывает.

– Почему же ты всё-таки пришёл?

Поднимаясь в том же мерном и ровном ритме, Миракл положил руку на перила, позволив пальцам скользить по камню – будто вспоминая, как делал то же много лет назад.

– Ты не стал бы звать меня попусту. Не сейчас. Если это не ловушка, то нечто очень важное. Если ловушка, я смогу себя защитить. – Следом за некромантом свернув в коридор, ведущий к кабинету, Миракл коснулся рукояти своего меча: серебряные ножны били юношу по бедру. – И, может, я дурак, но в ловушку мне не слишком верится.

Герберт не откликнулся и не улыбнулся. Лишь довёл брата до двери, которую озаботился тщательно прикрыть перед уходом, и взялся за ручку.

Минутой позже Миракл созерцал новоявленную суженую – в не меньшем потрясении, чем она сама.

– Моя... суженая? – уточнил он после долгой паузы.

– Вы готовите переворот. В твою пользу. Ты взойдёшь на престол, – терпеливо растолковал Герберт. – Она та, на чьё чело ты должен возложить обручальный венец. Дева из иного мира, пришла в указанный Лоурэн день. Огненный меч, поверь, при ней. Красота, как видишь, тоже.

Кое-как сумев отвести глаза от нежданного жениха, Ева устремила взгляд на Герберта; взгляд был очень злой и очень многообещающий.

...ну да. Как обычно. Я придумал гениальный план, дорогая Ева, только тебе о нём знать необязательно. И твоё мнение меня не

интересует, ибо твоё согласие мне совершенно ни к чему.

Понять бы ещё, зачем такая секретность. И с чего всё это время её водили за нос, заставив думать, что в женихи ей предназначен один венценосный сноб.

– Не понимаю, о каком перевороте речь, – после другой долгой паузы сказал Миракл.

– Брось. Никто нас не подслушивает. А даже если бы подслушивали, Айрес и без того обо всём догадывается, и не говори, что вы этого не предусмотрели. – Герберт не торопясь отошёл от двери. – Народ тебя любит, в отличие от неё. Арестуй тебя сейчас, и восстания не миновать. Но вы хотите ударить раньше, чем она сумеет изменить расклад в свою пользу, и по моим расчётам ударите уже скоро.

Миракл вновь возрился на Еву. В этом взоре она отчётливо прочла подозрения по поводу её скромной персоны. Немудрено... странно, как самой королеве не пришёл в голову хитрый план с ловлей врага на живца. Предложить тому, кто собирается отобрать у тебя престол, «деву из пророчества», а потом поймать на признании в узурпаторских намерениях – какое искушение!

Впрочем, судя по всему, что Ева слышала о Её Величестве Айрес, для ареста признание ей было ни к чему. Но Миракл (осторожный, как и следовало) явно брал в расчёт иной расклад.

– И вы согласились принять во всём этом участие, лиоретта? Стать женой того, кого даже не знаете? – Голос и глаза одарили её колючей насмешкой, и Ева порадовалась, что щёки её не могут вспыхнуть. – Впрочем, для иномирных дев подобное решение неудивительно. Насколько я знаю, будущие короли – ваша маленькая слабость.

...а вы та ещё язва, лиэр Совершенство.

– Не могу сказать, что не слышала о вас, лиэр Миракл, но о нашем предполагаемом браке я узнала только что. Как и о том, что вы соизволите нас посетить, – спрятав задетое достоинство за горделивой холодностью, сказала Ева. – Моего согласия на помолвку никто не спрашивал. Как и вашего, полагаю. Но да, я согласилась действовать по плану Гер... Уэрта, в чём бы он ни заключался. Видите ли, когда тебя... когда твой враг – королева, мечтающая тебя убить, и за этим врагом стоят вся мощь и все силы незнакомой тебе страны, не говоря

уже о его собственной силе, тому, кто согласен укрыть тебя от него, нужно быть благодарной. – Факт её убийства этой самой королевой пока лучше не разглашать. – И услужить своему спасителю в качестве благодарности, если он не требует от тебя того, что тебя оскорбляет, по мне – вполне приемлемая цена.

В ответ на свою тираду она получила нескрываемое одобрение в глазах Герберта и уважительное удивление, проглянувшее на лице лиэра Совершенство из-под маски скептицизма.

– А брак с незнакомцем, стало быть, вас не оскорбляет? – всё же иронично осведомился он.

– Насколько я поняла, о браке и всех его... последствиях речь не идёт. Лишь о помолвке, отношение к которой для меня напрямую связано с тем, как незнакомец проявит себя после знакомства. Пока, должна сказать, он делает это не слишком блестяще.

– В чём же я провинился?

– С ходу судить человека лишь по тому, как когда-то вели себя его предшественники, не слишком вежливо по отношению к нему и не слишком умно по отношению к себе. Можно жестоко ошибиться, а иные ошибки могут дорого тебе обойтись.

Изобразить тон и манеры ледяной принцессы ей удалось на славу, но Ева надеялась, что не перегнула палку.

– В данном случае, видимо, я и вправду ошибся. – Приложив ладонь к сердцу, Миракл учтиво склонил голову: пускай он проверял её, обижать нежных дев лиэру Совершенство явно претило. – Я оскорбил вас, лиоретта, и приношу свои извинения. Я задал недостойный вопрос и сделал недостойные выводы о вашей персоне. – Дождавшись, пока Ева милостиво кивнёт в ответ, Миракл посмотрел на брата – лицо его вновь сделалось жёстким. – Но всё же, Уэрт...

– Боги, никто не заставляет вас жить долго и счастливо, – сказал Герберт устало. – После её победы над драконом прилюдно обручитесь, дабы у народа не осталось сомнений в том, что на троне теперь истинный король. Походите помолвленными, пока всё не успокоится. А дальше, если будете друг другу так противны, разорвёте помолвку. Всё просто.

Миракл, раздумывая над этим предложением, с сомнением качнулся с мысков на пятки.

– И как же ты нашёл её? Неужели сумел опередить Айрес? Спрятать страшнейшую угрозу её власти прежде, чем та до неё добралась? – Он вновь пытливо заглянул в Евины глаза. – Зная нашу дорогую тётушку...

Когда лиэр Совершенство, оборвав фразу, решительно направился к ней, Ева не сразу догадалась о его намерениях.

– Простите меня за бестактность, лиоретта, если я ошибся, – произнёс юноша, взяв её за руку.

Ева не успела отпрянуть. Не прежде, чем лицо его вытянулось – в миг, когда он ощутил, как мертвенно холодна её ладонь.

– О нет. – Миракл бесцеремонно сжал пальцами её запястье, пытаясь прощупать пульс. – О боги...

– Я как раз собирался обсудить этот момент, – подал голос ничуть не смущённый Герберт.

*Ну да, подумала Ева скептически, неловко сразу начинать представление суженой со слов: «Знакомься, брат, твоя немножко мёртвая невеста».*

– Так тебе удалось, – проговорил Миракл едва слышно. Медленно разжал руку, глядя на Еву так, словно увидел привидение (хотя, учитывая, что с привидениями керфианцы были на короткой ноге, для них подобное сравнение не являлось особо актуальным). – Ты поднял её. Она умертвие.

– Она *почти* умертвие. Застыла на грани. Сохранила душу, разум и магический дар. – Герберт неслышно подошёл ближе. – То, о чём до меня только мечтали.

– Ты поднял её, – повторил Миракл. Глубоко, мерно выдохнул. – Уэрт... ты совсем рехнулся?

Некромант снова ничуть не смутился. И взгляд брата встретил спокойно.

– Айрес убила её. По-твоему, я должен был оставить её гнить в лесу? – Герберт кивнул в сторону Евы, не решавшейся вмешаться в разговор. – Можешь спросить у неё: она вряд ли была бы этому рада.

– Хочешь сказать, ты о её благополучии пёкся, когда её поднимал? Это можешь рассказывать кому угодно, только не мне.

– Теперь пекусь.

Кивок Миракла в сторону мёртвой невесты зеркально отразил жест Герберта.

– Посмотри на неё. Она – кукла, пляшущая по твоим приказам, обречённая выполнить задачу и упокоиться. Ты считаешь *это* милосердным? Ты считаешь это нормальным – мёртвая Избранная, спасительница поневоле?

– О, поверьте, лиэр Миракл, – скрыв обиду за усмешкой, сказала Ева, – моему своеволию позавидует кто угодно. Включая, возможно, вас. – Когда на неё обратили внимание, за которым не слишком хорошо прятали вновь прорезавшийся скепсис, её усмешка превратилась в обезоруживающую нежностью улыбку. – Я действую по собственному желанию. И Герберту помогаю сама. Порой даже тогда, когда он сопротивляется.

Она очень старалась, чтобы имя прозвучало так, словно вырвалось непроизвольно.

Судя по лицу Миракла, так оно и вышло.

– Герберту?

– Ох, простите, – очень естественно спохватилась она. – Уэрту, конечно. Я так его называю. Трудно каждый раз выговаривать «Гербеуэрт», а «господином» я его именую лишь в моменты, когда хочется назвать кем похуже. И своё сокращение придумала прежде, чем узнала, как его называют... те, кто к нему близок. – Она иронично развела руками. – Хотела бы сказать «друзья», но их у него, как вы знаете лучше меня, приблизительно ноль.

Лиэр Совершенство покосился на некроманта, убедительно изображавшего мраморную статую. Зачем-то посмотрел на стол за спиной Евы.

На её опущенные пальцы, по которым бледным лазурным кружевом вились разводы от целебной настойки.

– Трудно в это поверить. Но ещё труднее – в то, что Уэрт велит своему умертвию вести себя с собой настолько... фамильярно, – хмыкнув, признал он. – Да ещё прикажет латать свои царапины. Если, конечно, за минувшие с нашей размолвки годы его не подменили. Однако если он пообещал вам жизнь в обмен на... ваши услуги – как ни жаль мне вас огорчать, он лжец.

– Я собираюсь её воскресить, – прохладно сообщил Герберт.

– Мы оба знаем, что это невозможно.

– До меня и разумные умертвия считались невозможными.

Миракл помолчал: этот довод крыть было нечем.

– Даже если б я тебе поверил, даже если бы собирался... вдруг, чисто теоретически... проверить то, о чём ты говорил, – сказал он затем, – я бы поблагодарил тебя за столь щедрое предложение. И за твои услуги. И ответил, что всё это мне ни к чему. – Слова прозвучали так безмятежно, учтиво и непреклонно, что Ева невольно восхитилась его манере держаться. – Вздумай я затеять подобное, я бы опирался на тех, кого я знаю. В ком уверен. На живых, не на мёртвых... не принимайте близко к сердцу, лиоретта, ничего личного. И следовал бы плану, который выработал со своими людьми. Надёжному, в отличие от слов человека, жившего за сотни лет до моего рождения.

– Я знаю, что ты не веришь в судьбу. Но я верю. – Вернувшись за стол, Герберт опустился в кресло – лишь по тому, как медленно и плавно он откинулся на спинку, Ева поняла, насколько же он вымотан. – Послушай, я делаю... мы с ней делаем... всё, чего требует пророчество. Сами. Тебе останется лишь в должный момент красиво выйти с ней под руку и представить народу как свою невесту, не более. Я не требую от тебя отказываться от своего плана и не думаю, что тебе придётся его корректировать. Просто... учитывай это. Вот и всё. – Одними глазами он указал на Еву, застывшую у края тёмной старой столешницы. – Народ ждёт её. Сам знаешь. Если в нужный момент она не окажется подле тебя, у людей могут возникнуть... сомнения.

– Любая смена власти влечёт за собой разочарованных. Тех, кто ждёт, что при новом короле золото рекой потечёт прямо им в карманы, а потом понимают, что лично для них либо не изменилось ничего, либо изменилось слишком мало. – Миракл отвернулся; в голосе его прорезались утомлённые нотки. – Материи, которые меняются, международные отношения, игры в верхушках власти, о которых внизу обычно не имеют понятия, – это для них слишком сложно и непонятно, в отличие от монет в кошельке и цен на хлеб в ближайшей булочной. Честная беспристрастная машина власти может напугать их больше, чем прикормленные взяточники, к которым они подобрали ключик. Свобода слова способна привести в растерянность, ведь они уже привыкли жить в клетке. Этот *народ* готов покупаться на речи о жертвах во имя величия страны, стоя голодными по щиколотку в крови, если только эти речи будут произнесены достаточно убедительно. Уже покупался и, если Айрес не остановить, купится снова.



– И поэтому новому королю нужна она. – Опираясь на подлокотники, Герберт подался вперёд. – Люди в большинстве своём – овцы, а овцам требуется красивый символ, чтобы не взбунтоваться после смены пастуха. Народ помнит пророчество. Народ ждёт Избранную, которая их освободит, вместо того, чтобы освободиться самим. Нужно дать им то, во что они поверят безоговорочно.

– Я помню твои речи о предназначении, но...

– Вера в предназначение не утверждает, что можно просто опустить руки и ждать, пока жизнь сделает всё за тебя. – Некромант сложил забинтованные ладони на столешнице. – Кейлус верит, что пророчество решит все его проблемы. Ты веришь, что прекрасно справишься без него. Айрес верит, что его перечеркнула. А я верю, что судьбу не побороть, не подкупить и не обмануть, но можно расположить к себе, заставив богов улыбнуться.

Когда Миракл оглянулся через плечо, взгляд его был задумчивым.

– Действуй сам, но подыграй судьбе. И публике, – произнёс он, будто размышляя вслух.

– Именно.

Юноша скрестил руки на груди:

– Значит, прекрасную лиоретту преподносишь мне в подарок? – Он улыбнулся, но улыбка эта была холодной. – Замаливаешь вину? Не думал, как это унижает её и тебя?

Лик Герберта остался непроницаемым.

– За мной нет никакой вины. Но можешь думать что хочешь.

Лиэр Совершенство даже улыбаться не перестал. И Ева наверняка нашла бы, чем стереть эту улыбку – если бы действительно не чувствовала себя самую капельку униженной. В первую очередь тем, что её даже не ставят в известность о таких немаловажных (мягко говоря) нюансах замысла, воплощать который им предстоит вместе.

А она только-только начала верить, что Герберт считает её почти равной...

– Ты ведь понимаешь, что будет, если об этом узнает Айрес, – сказал Миракл.

– Конечно.

– И не побоялся рассказать мне?

– Ты не в том положении, чтобы меня предавать. И я доверяю тебе, – просто ответил некромант. – Так что скажешь?

– Дай мне немного времени, – поразмыслив, откликнулся Миракл.

– Сколько?

– Два дня. Если мой ответ будет положительным, я приду снова. Послезавтра, в то же время, что сегодня. – Поклонившись Еве, лиэр Совершенство проследовал к выходу. – Рад знакомству, лиоретта. Вне зависимости от исхода всей этой... несуразицы.

Ева следила за ним, пока тот не скрылся за дверью. Выждала какое-то время, словно надеясь услышать удаляющиеся шаги.

Повернулась к некроманту: сжимая кулаки, сузив глаза, в блеклой небесности которых полыхнули гневные всполохи.

– Ты же говорил...

– Нет. Не говорил. Я никогда не говорил, что собираюсь короноваться и править сам. – Герберт потянулся за какой-то бумагой, лежавшей наверху одной из пяти аккуратных стопок на столешнице. – Не моя вина, что ты расценила это именно так.

– Почему ты не сказал мне? Что трон тебе нужен не для себя? Почему не опровергал, когда я говорила...

– В общем и целом ты была права. О том, как именно я намерен тебя использовать. А мне не было никакого дела до того, что ты обо мне думаешь. – Перо в чернильницу он макнул так, точно намеревался проткнуть стеклянное дно. – И нет.

– И ты не счёл нужным спросить у меня, согласна ли я поддержать твоего братца?

– Ты же согласилась. Во всяком случае, не возразила открыто.

– А если бы не согласилась? – Ева шагнула к креслу, нависнув над ним почти угрожающе. – Я могла устроить сцену. Могла послать тебя к чертям.

– Почему же ты этого не сделала? – уточнил Герберт, черкая что-то на мелко исписанной бумаге.

– Потому что это было бы не самым умным поступком в данной ситуации. – Она поколебалась, но всё же нехотя добавила: – Потому что хочу помочь тебе. И, правда, тебе благодарна.

– Я знаю. Потому и не спросил. – Соизволив оторваться от чернильных строк, Герберт одарил её несколько недоумённым взглядом. – Я составил о тебе мнение достаточно высокое, чтобы надеяться, что ты оправдаешь мои лучшие ожидания. По-моему, ты должна это ценить.

*Какой же ты иногда несносный,* тоскливо подумала Ева, испытывая смутное желание отвесить ему подзатыльник. Со злости – на себя: после слов Герберта она с огромным изумлением поняла, что на него больше злиться не может.

Он был даже умилительным в своей абсолютно асоциальной картинке мира, выстроенной за годы одинокого взросления и полного отсутствия нормальных человеческих отношений.

– Значит, ты действуешь самостоятельно, но в интересах брата.

– Да.

– Почему?

– Кажется, совсем недавно ты сама перечислила все черты, которые воспрепятствуют моей карьере великого монарха, – напомнил Герберт, вернувшись к прерванному делу. – Миракл этим не страдает. К тому же у меня нет ни малейшего желания садиться на престол. Управлять страной – такая скука.

– Полагаю, куча правителей с тобой не согласятся.

– Слишком много мороки, не входящей в список занятий, которые лично мне кажутся увлекательными. – Кончик пера с силой чиркнул по бумаге, вплетя в отзвуки голоса противный шуршащий скрежет. – Пожалуйста, оставь меня. Мне очень нужно побыть одному.

Пререкаться Ева не стала. Хотя бы потому, что по лицу некроманта видела, насколько он устал за этот бесконечный и трудный день – а такой, как он, наверняка мог отдыхать лишь наедине с собой.

– Ева, – окликнули её, когда она подошла к двери.

Она замерла, но не оглянулась. Почувствовала взгляд, скользнувший по её затылку.

– Спасибо, что оправдала ожидания.

Махнув рукой в жесте, который вернее всего было бы истолковать как «не стоит благодарности, ибо твоей благодарностью и отравиться можно», Ева покинула кабинет.

– Любовная геометрия – это так увлекательно, – сказал Мэт из-за её плеча, пока Ева возвращалась замковыми коридорами к планшету и аниме.

– Не пори чушь, клякса.

– Правда, треугольник довольно банален. То ли дело пятиугольная пирамида. Может, познакомишься с милейшим лиэром Кейлусом? Если ещё Эльена привлечь...

Разговор Ева предпочла не поддерживать.

## Глава 13

### Appassionato [\[22\]](#)



– Теперь, надо полагать, – изрёк Герберт, когда вечером следующего дня они собрались в гостиной для традиционного сеанса исцеления Дерозе, – твоё желание вернуться домой, если оно у тебя и было, сильно поубавилось.

Ева, следившая за движениями его рук, подняла непонимающий взгляд.

– А?..

– Тебе ведь предстоит стать наречённой не ужасного, мерзкого, бесчувственного меня, а моего прекрасного брата. Если вы поладите, и править вместе с ним, – желчно заметил некромант, держа ладони над щепками, складывавшими виолончельные бока. – Полагаю, это должно прельщать тебя больше, чем перспектива делить трон со мной. Или вернуться к своей семье, которая, как я понимаю, не особо тебя устраивала.

Он всё ещё выглядел истощённым, но куда лучше, чем вчера. И на утренней тренировке гонял Еву без намёка на слабость – после чего, как и обещал, выдал книгу про Молитву, и не только.

За чтением Еву и застал Эльен, днём исправно явившийся для очередного урока.

*«Эльен, проясните мне кое-что, – с ходу пожаловалась она, радуясь, что появился благодатный объект для пытки вопросами. – Не хочу терпеть взгляд Герберта, которым он меня одарит, если спрошу у него».*

*«Для вас, лиоретта, я бы отправился на край света, – привычно чарующе улыбнулся призрак, присаживаясь рядом, – что уж говорить о подобном пустяке».*

*«Эта книга озаглавлена “Безрунные заклятия”. А внутри вместо заклинаний – обычные фразы на керфианском, не на магическом языке. Разве заклятия могут быть такими?»*

Эльен рассеянно взглянул на книгу.

*«Эти заклятия... не до конца объяснимы с точки зрения магической науки. Они... на стыке магии и чуда. – Жестом пианиста призрак перебрал пальцами по пледу, покрывавшему постель. – Это не столько заклятия, сколько ритуалы. При сотворении которых имеют значение такие эфемерные вещи, как сила духа, вера и...»*

*«Любовь?»* – закончила Ева.

Ознакомившись с содержанием книги, она немало удивилась ритуалам, которые в ней описывали. Мёртвая Молитва представляла собой (до скучного буквально) обычную молитву Великому Жнецу – с просьбой внять своему избраннику и умертвить всех нехороших людей, что сейчас пытаются сделать то же самое с ним. Текст сопровождался пометкой, что каждый некромант волен изменять и сокращать его по своему усмотрению. Помимо Молитвы, небольшой том содержал другие некромантские ритуалы вроде поднятия мёртвых и призыва злобных теней, несколько эльфийских (например, трогательную штуку под названием «эйтлих», позволявшую эльфу отдать половину жизни любимой женщине, если та вздумает расстаться с собственной раньше срока) и пару изобретённых некромантами, но доступных и обычным магам. К примеру...

*«Ну, вот взять хотя бы “Финальный Обмен”. – Ева указала пальцем на страницу, до которой дочитала к моменту разговора. – Неужели это и правда работает?»*

*«Вы сомневаетесь, что можно взять на себя чужую смерть?»*

*«“Если срок избранницы аль избранника твоего, к которому питаешь ты чувство искреннее и нежное, к концу подошёл, и замерло сердце его, но тело ещё не остыло – молви слова, к Жнецу обращённые, и*

*поцелуем сопроводи, дыхание своё передав. Жизнь твоя к любимому перейдёт, его оживив и исцелив, и смерть его ты себе заберёшь, мир этот вместо него покинув*”, – прочла Ева самым торжественным голосом из всех, что могла изобразить, живо представляя согбенного старенького мага, когда-то записывавшего это в ещё не потрепанный книжный талмуд. – *Что-то мне не верится*».

*«Отчего же?»*

Её взгляд скользнул ниже, на чернильную филигрань ровных строчек. Сама формула была куда проще и изящнее своего описания: *«Путь мой стелется под ноги; жизнь моя позади, смерть и любовь моя перед моим лицом; Пожинающий судьбы, Владыка дорог, прими мою душу взамен её/его души»*.

Наверное, поэтому Еве и не верилось, что эта формула может работать.

*«Это же... просто слова. Без рун. Не подкреплённые магическим языком»*.

*«Да. Просто слова. Потому Обмен и способны совершить даже простые маги. – Взгляд Эльена сделался почти мечтательным, и Ева поняла, что её призрачный учитель тот ещё романтик. – Главное – вера в Жнеца... и любовь. Беспрекословная, абсолютная готовность действительно, без сомнений отдать свою жизнь. – Он вздохнул, будто вспомнив нечто очень печальное. – Уверяю вас, лиоретта: Финальный Обмен столь же реален, как Мёртвая Молитва. А действие последней вы созерцали своими глазами. В Керфи сложено множество легенд и песен о тех, кто совершил Обмен, и даже я могу поведать и спеть вам не одну»*.

*«И требуются только любовь, вера и готовность пожертвовать собой? Но это же так... просто»*.

*«Вовсе нет. Вы удивитесь, как часто люди обманываются, когда дело касается любви. Сколь немногие действительно готовы расстаться с жизнью ради другого. С верой проще, ибо свидетельств силы Жнеца множество. Впрочем, находятся и те, кто не способен искренне верить в бога, которого никогда не видел... Иные маги не верят ни в то, что Берндетт когда-то его призвал, ни в то, что силы некрмантам действительно дарует именно он»*.

Такие, как я, к примеру, подумала Ева. Она скорее склонна была верить в Высший Разум, которому нет особого дела до каких-то там

людишек на какой-то там планетке, коих во Вселенной немерено, чем во всяких Жнецов и Садоводов. И волшебство, которое ныне она созерцала каждый день, в этом плане ничего не меняло.

В волшебство она верила и дома.

*«Интересно, а меня теоретически можно так оживить?»*

*«Вы же сами читали. Обмен возможен, лишь пока тело не остыло».*

*«Я думаю, это эвфемизм. Главное – чтобы сознание и душа не успели умереть. А меня погрузили в стазис прежде, чем они успели».*

*«Может, и получится, – поколебавшись, признал призрак. – Не знаю».*

Глядя в его помрачневшее лицо, Ева поняла, что Эльен не слишком в это верит. Либо верит, но по каким-то причинам подобная вероятность ему не слишком нравится.

*«А что будет, если Обмен совершит умертвие? Вот я, например, – сказала она, желая сбить собеседника с невесёлых мыслей. – Я же уже мертва. Что тогда случится?»*

*«До вас не было умертвий, способных его совершить. – Судя по тому, как мимолётно изменилось выражение его глаз, план сработал. – Всё зависит от того, какой теории верить. Одни маги утверждают, что этим ритуалом маг отдаёт любимому все свои жизненные силы, попутно забирая себе его раны. Поскольку жизненных сил у вас уже нет, отдавать вам нечего; соответственно, усилия ваши останутся тщетны. Другие утверждают, что всё сложнее – ты действительно вымениваешь у Жнеца одну душу на другую, и ритуал осуществляется при непосредственном божественном вмешательстве. Душа ваша при вас. В таком случае, полагаю, ритуал осуществится, но взамен вы упокоитесь окончательно».*

*«Расклад по-любому невесёлый. – Ева поскребла пальцем древнюю страницу, к которой прилипло что-то, подозрительно напоминавшее засохшую капусту: кажется, когда-то драгоценное вместилище магических знаний бесцеремонно листали за едой. – Хорошо быть эльфом. Они могут просто поделиться своей жизнью, а живут они вроде бы вечно, так что в итоге даже ничего не теряют».*

*«Эйтлих не заменяет Обмен. Обмен воскрешает мёртвых. Эйтлих предотвращает смерть, не более. Оба ритуала исцеляют любую рану и любое проклятие, но эйтлих можно совершить, лишь*



*пока сердце твоей возлюбленной ещё бьётся. И сделать это могут только мужчины».*

*«Сплошная дискриминация. То есть несправедливость, – поправила Ева, не уверенная, что магический переводчик правильно передаст значение слова. Вспомнив кое-что, лукаво посмотрела на призрака. – Говорите, можете спеть мне несколько песен?..»*

Песни и легенды об Обмене (о королях и принцессах, воинах и простых магах, о жертвах, принесенных благородными мужчинами и хрупкими женщинами), неизменно печальные в своей красоте, в итоге заняли весь урок. Впрочем, они с Эльеном сошлись на том, что таким образом Ева получила бесценные исторические сведения, которые в дальнейшем могут очень пригодиться ей.

– Начнём с того, – сказала Ева, когда некромант закончил с очередной порцией щепок, – что пока о твоём брате у меня сложилось не самое лестное мнение. Если правитель из него выйдет получше твоего, это не значит, что он хоть сколько-нибудь меня интересуется в ином плане. Продолжим тем, что...

Замолчала, сбита с толку неожиданной мыслью.

– Что? – невыразительно спросил некромант, поднимаясь с колен.

– погоди, – глядя, как он идёт к креслу, проговорила Ева. – погоди-погоди... Только не говори, что ты специально вёл себя... *так*. Чтобы я смирилась с тем, что мой жених такой... *вот такой*, а потом увидела лиэра Совершенство и обрадовалась, что на самом деле...

– Чушь и нелепица, – отрезал Герберт не моргнув глазом.

– Специально, специально, – подтвердил Мэт, который развалился на каминной полке поверх заставивших её ваз, будто лёжа на расписных горлышках. – Нет, характер у него и правда скверный, но он далеко не так плох, каким хотел казаться. Врать не врал, однако при других обстоятельствах вёл бы себя иначе.

– Пусть твоя болтовня не имеет ничего общего с истиной, – сказал некромант из недр шёлкового кресла, – я всё равно попросил бы тебя замолчать.

– Он ведь, откровенно говоря, довольно быстро понял, что ты очень даже милая и сметливая. Так что, помимо всего прочего, держал и держит дистанцию. Чтобы случайно к тебе не привязаться.

– Я не люблю повторяться.

– Правда, я бы сказал, что последнее выходит у него не слишком...

Следующее слово утонуло в хрупком ломком грохоте, с которым дружно взорвались вазы: даже не осколками – взвившейся в воздух пылью, скрывшей демона облаком.

– Я же сказал, – опустив руку, проговорил Герберт. – Замолчи.

– А твоя матушка так любовно эти вазы собирала, – донёлся укоризненный голос из фарфорового тумана, оседавшего на полку и ковёр тёплой белёсой изморозью. – Не жалко?

– Обновить обстановку бывает не лишним. И никогда не жаловал то, что бесполезно собирает пыль.

– Продолжим тем, – Ева сделала вид, что не слышала ничего, высказанного за последнюю минуту, – что никакой принц, король, эльф или бог для меня не перевесит дом.

*Чёртова клякса*, сердито думала она, пока Герберт насмешливо морщился в ответ. Потому что очень не хотела задумываться, не вышла ли невольная привязанность – вопреки всему, включая здравый смысл, – обоюдной.

Учитывая все обстоятельства, даже дружески привязываться к венценосному снобу она считала очень глупым и совершенно лишним.

– Неужели?

– Да. Я люблю свой мир. Люблю своих родителей, даже если они... обижали меня. И очень люблю свою сестру. – Ева бережно отложила обломок к другим, ожидавшим своего часа: несращенных щепок осталось совсем немного. – Моя семья уже потеряла одного ребёнка. Я не позволю им потерять ещё одного.

– Любопытно. Знаешь, как работают прорехи между Землёй и этой Вселенной, златовласка? В них не пройдёт тот, кто не готов покинуть свой мир. Если ты смогла уйти – значит, хотела. – В голосе Мэта звякнули вкрадчивые нотки. – Может, не так уж ты его и любила?

Информация для Евы оказалась в новинку. И если первым порывом было отрезать «чушь и нелепица», процитировав кое-кого, – следом пришли воспоминания, заставившие её опустить голову.

– Любила. И люблю. Но... у нас говорят «бойтесь своих желаний, их могут услышать». – Сложив руки на коленях, Ева сжала кулаки, царапнув ногтями плотную ткань штанов. – Мои услышали.

*«Вот бы мне кто создал волшебный город, куда можно сбежать»*, – бурчала Ева пару месяцев назад, валяясь на диване, который в разложенном виде занимал половину единственной спальни Динкиной съёмной квартиры.

*«Это ещё почему?»* – Сестра методично отправляла в рот курабье. Печенье смиренно ждало съедения в миске прямо на покрывале; рядом стоял поднос, где каждый миг от неосторожного движения рисковали опрокинуться чашки с чаем. К счастью, уже пустые.

Квартиру Динка снимала сама и сама копила на собственную – благо работа позволяла. Доходы киберспортивного комментатора и неожиданный Динкин успех в этой области оказались приятным сюрпризом для всех Нельских, включая её саму. Даже мама, долго причитавшая, как стремительно любимая дочка катится по наклонной в своей одержимости игрушками, сменила холодное осуждение на гордость.

Играми Динка заменила фортепиано, когда лишилась последнего. Они с Лёшкой оба хотели убежать от реальности, но она выбрала более безобидный способ. Играть на компьютерной клавиатуре руки почти не мешали, в отличие от клавиатуры фортепианной, к тому же в профессиональные игроки Динка не рвалась. Но у неё были мозги, обаяние, реакция, умение выдать сотню осмысленных слов за двадцать секунд и сценическая манера держаться, и в одной онлайн-игрушке она познакомилась с ребятами, через которых в итоге ей подвернулась возможность попробовать себя в качестве киберспортивного журналиста. Вскоре она уже работала комментатором в известной в этих кругах организации, потом – в другой, ещё более известной, а там заколесила по всему свету, комментируя игры на турнирах.

Ева долго удивлялась, что по компьютерным играм проводят самые настоящие турниры на самых настоящих стадионах, и стадионы эти битком набивает самая настоящая публика, принося организаторам самые настоящие деньги. Даже посетила один и, поскольку к играм была совершенно равнодушна, особого удовольствия не получила. Но она искренне радовалась, что эти игры подарили Динке другое дело, которому сестра теперь отдавалась всей душой.

*«Потому что.* – Ева лежала на животе, болтая ногами в воздухе, и мрачно смотрела на экран разложенного перед ними ноута. Там шла серия их любимого мультика, где герои угодили в коварнейшую

ловушку: волшебный город, исполнявший все их желания. – Летом мне стукнет восемнадцать, и я перейду на четвёртый курс, и надо будет готовиться к поступлению в консу, думать обо всё этом, решать... а я даже не знаю, хочу я туда или нет».

*«Ты же любишь музыку».*

*«Не знаю. Иногда после занятий с мамой мне кажется, что я её ненавижу. Музыку, не маму».*

*«Отделяй зёрна от плевел, дурилка. На нас с Лёшкой мама тоже орала. И затрецины отвеивала. Она просто... принимает это слишком близко к сердцу. А музыка тут ни при чём».*

*«Но я правда не знаю, хочу ли я в консу. Новым Ростроповичем мне всё равно не стать. Вдруг моё призвание вообще в другом, просто я не знаю? А родители уже всё давно за меня решили. – Ева нажала на пробел, поставив паузу, разлившую по комнате гнетущую тишину. – И вообще... не хочу взрослеть. Вот стукнет мне восемнадцать, и я буду уже взрослой, и уже как-то неприлично будет с тобой дурачиться и вот это всё. А там ещё немного, и надо будет работать, а потом выходить замуж и рожать маме внуков, и вообще...»*

*«Эх ты, дурилка. Мне двадцать три, если забыла, и что? Пусть кто-нибудь мне скажет, что в двадцать три неприлично прыгать и визжать, когда я не работаю, а моя любимая команда тащит. – Динка лениво села, исчезнув из поля зрения, – а парой секунд позже в затылок Еве прилетела декоративная бархатная подушка. – Или драться с тобой».*

Перехватив подушку за уголок, Ева азартно ответила ударом на удар. Очень скоро чашки раскатились по подносу, выплеснув остатки чая на светлый пластик, а следующие десять минут сёстры Нельские сражались не на жизнь, а на смерть, грозясь попортить дизайнерский интерьер.

На самом деле быть детьми сёстры Нельские позволяли себе только друг с другом. За очень редким исключением. Потому что лишь с Динкой Ева могла позволить себе капризничать, жаловаться и дуться, не пряча всё это за масками юного вундеркинда, послушной дочери, прилежной ученицы – всего, что на неё исправно примеряли окружающие. Быть собой в полной мере, а не показывать лишь те стороны себя, что не вызовут осуждения.

*«И замуж я пока не собираюсь, – продолжила запыхавшаяся Динка, когда они сошлись на ничьей и рухнули обратно на диван, синхронно отплёвываясь от светлых волос. – А дети – ты на меня посмотри, какие мне дети? Я за цветами-то слежу с горем пополам. – Сестра мотнула головой в сторону чахлых фиалок на подоконнике, вынужденных регулярно бороться за жизнь по причине недолива. – Слушай... я понимаю, как тебе хочется остаться там, где ты есть. Но взрослеть совсем не так плохо. И никто не мешает тебе оставаться ребёнком внутри хоть до конца жизни. А если твоя жизнь кончится раньше двухсотлетнего юбилея, я на тебя очень сильно обижусь, потому что сама намереваюсь прожить не меньше, а без моей дурилки мне будет скучно».*

*«Сама ты дурилка, – фыркнула Ева, собирая с покрывала курабье, рассыпанное в пылу боевых действий. – Какой двухсотлетний юбилей?»*

*«Технологии, дурилка, развиваются семимильными шагами. Виртуальная реальность уже на носу. Вот увидишь, когда нам стукнет по пятьдесят, будут и летающие машины, и колония на Марсе, и полное погружение, и наноботы, и прочая красота. И учёные откроют омолаживание, и дожить до двухсот будет не проблема».*

*«Смотрю, ты переиграла в свои игрушки. Или перечитала фантастики. – Ева со вздохом раскусила печеньку. – Иногда мне так хочется сбежать куда-нибудь от всего этого... хотя бы в какую-нибудь книжку. И законсервироваться, чтобы всегда оставаться такой, как сейчас. Сорокалетняя я, морицинистая и страшная, – вот будет зрелище!»*

*«Всё не так плохо, как ты думаешь. Но сбежать тебе никто не запрещает. Всё равно ты не сможешь остаться там навсегда. – Динка уставилась на экран своего ноутбука, где как раз булькнул скайп, высвечивая в углу застывшего кадра сообщение от коллеги. – Не сможешь».*

Ошиблась сестрёнка. Ева всё же нашла место, куда можно сбежать навсегда. И способ законсервироваться. Потому, наверное, и провалилась в прореху и потому даже этому радовалась... на первых порах.

– Все истории иномирных девочек, известные мне, заканчивались одинаково, – сказал Герберт пренебрежительно. – Сначала вы

страдаете, как хотите домой. Потом находите здесь принца... или кого попроще, если принцев уже разобрали... и конец страданиям.

– «Ах, я так хочу домой, так тоскую, жизнь здесь мне не мила!» – «А если станешь королевой?» – «Ой, спасибо, мой принц, прощай, родина!»

Диалог на два голоса Мэт изобразил крайне убедительно. Особенно учитывая, что выдал он *действительно* два разных голоса. Один из которых определённо принадлежал Еве, а другой подозрительно напоминал интонацию одного венценосного сноба.

Если демон и прочёл в её мыслях воспоминания о доме, то ничем этого не выдал.

– Это не про меня, – тихо сказала Ева.

– Ну да, ну да. – Злым смехом в голосе Герберта можно было заменить наждак. – И, повидав чудеса, попробовав на вкус магию, ты сможешь вернуться в свой обыденный мирок?

– Он не обыденный! Я верю, что в нём существует то, во что мы обычно не верим, что некоторые люди обладают силами, которых мы обычно не признаём. И чудеса – это не только... вот это всё. – Пылко и почти гневно Ева махнула рукой на пыль, выбелившую ковёр и каминную решётку. – Звуки, способные заставить тебя плакать и смеяться, – это чудо. Слова на бумаге, которые могут перевернуть чью-то жизнь, – это чудо. Трава, которая каждый год вырастает заново, цветы, которые превращаются в яблоки, целая планета жизни среди мёртвого космоса... Мы видим чудеса так часто, что перестали их замечать. – Она вдохнула, только сейчас осознав, что воздух в лёгких успел закончиться. – И я... может быть, я тоже когда-нибудь смогу творить волшебство.

– С помощью этой деревяшки?

За взгляд, который Герберт кинул на разрозненные части Дерозе, Еве вновь смутно захотелось ему врезать.

– Тебе семнадцать, верно? – не дождавшись ответа, уточнил некромант. – Когда-то мне тоже казалось, что я знаю всё. Что знаю, как устроен мир. В это так легко верить, когда тебе пятнадцать... или семнадцать. – Это он произнёс без издёвки, без желания задеть, лишь со странной усталостью. – Тебе не приходило в голову, что тебе слишком мало лет, чтобы читать кому-то проповеди? Что сама-то ты знаешь о жизни, чтобы учить ей других? Что знаешь о превратностях

судьбы, компромиссах с собой, принятых тобою решениях, мысли о которых ещё недавно приводили тебя в ужас?

Нотки, прозвучавшие в его голосе, впервые за долгое время напомнили Еве о предыдущем задушевном разговоре, состоявшемся в этой гостиной. И о том, что перед ней тот, кто старше её на... сколько? Три года? Пять лет?.. В общем, старше. И тот, кто в действительности – где-то очень, очень глубоко, в самой сути, таившейся под шелухой воспитания и традиций разных миров, – слишком, до боли, похож на неё. Просто в моменты, когда их злая судьба приводила их на один и тот же вокзальный перрон, они выбирали разные поезда, а теперь недоумённо смотрели друг на друга с соседних рельсовых путей, глубоко убеждённые в том, что неправ стоящий напротив.

Возможно, оба ошибались. Хотя бы потому, что на самом деле они легко могли понять друг друга, а ещё поладить и помочь. Но по разным причинам не особо старались, нагромождая между собой баррикады из колкостей, глупостей и наивностей, и просто кучи слов, которыми порой так трудно выразить то, что хочется донести.

Слова...

– Я знаю достаточно, чтобы понимать, что жизнь меня ещё ломает, – признала Ева. – Возможно, не раз. Но это не отменяет того, что я люблю и во что верю. Есть какие-то вещи, которые составляют нашу суть, и их во мне не сломать, потому что тогда это буду уже не я. – Она поднялась на ноги. – Я покажу, почему хочу вернуться. Идём.

Идти некромант не хотел. И пошёл, лишь когда Ева бесцеремонно потянула его за руку: скорее потому, что не ожидал подобной наглости, чем по любой другой причине. На Мэта девушка при этом не смотрела, но тот, к счастью, оставил происходящее без комментариев.

Когда по пути Ева оглянулась на Герберта, бредущего следом с угрюмой усмешкой, демона рядом не было. Должно быть, на сей раз ему интереснее было просто понаблюдать – возможно, с невидимым попкорном.

– Что ты делаешь? – спросил некромант, когда они пришли в спальню и Ева почти прыжком приземлилась на кровать.

– Конечно, намереваюсь склонить тебя к чему-то ужасно неприличному, разве не видно? – Отодвинув в сторону Люче, которую держала на постели, Ева взяла в руки планшет. Непреклонно хлопнула по покрывалу. – Садись. Хочу показать тебе одну вещь.

Не дожидаясь, пока он настороженно послушается, подушечкой указательного пальца Ева щёлкнула по папке «Видео».

Она могла бы рассказать ему о доме. Или показать фотографии. Да только всё это было не то... не совсем то. Глаза легко обманывают разум, как и слова. Глаза могут интерпретировать увиденное не тем, что оно есть; слова, обработанные чужой мыслью, могут вывернуть свой смысл до неузнаваемости. Но Еве, к счастью, был известен самый универсальный язык всех миров.

Тем, которым издавна обращались напрямую к сердцу.

– Это написал один композитор из моей страны. У него тогда был не самый удачный период в жизни. Его предыдущее произведение обернулось катастрофой. Провалом. Раскритиковали так, что три года он толком не мог писать. Это к слову о том, что неудачи бывают даже у гениев, и они не конец света, – добавила девушка. – И о том, что порой те, кто тебя ругает, просто идиоты. – Она сосредоточенно листала список файлов: вечно ленилась нормально распределить всё по папкам. – А потом один хороший человек, врач-гипнотизёр, помог ему справиться с этим. И композитор написал то, что ты сейчас услышишь.

Герберт созерцал её так, точно пытался поставить диагноз.

– Ты собираешься показывать мне *музыку*?

– Да. Эта вещь... о моей родине. Вещь, после которой я сама захотела заниматься музыкой. – Отыскав нужное, Ева открыла проигрыватель, развернувший на экране первые кадры концерта десятилетней давности. – Её играет моя сестра.

Она и сейчас помнила тот концерт. Тринадцатилетняя Динка в тёмном бархате, складками длинной юбки подметающем пол, – на сцене Большого зала Консерватории, за роялем, сияющим среди оркестра золотом и чернотой. Семилетняя Ева – внизу, на болотно-золотистом бархате третьего ряда старых кресел, у самого прохода, высланного зелёной ковровой дорожкой. Тогда её на концерты брали редко: ребёнком она была несносным и во время выступлений сестры и брата в основном вертелась и зевала, выжидая, когда музыкальная тягомотина наконец закончится... до того дня. Пока не увидела сестру на сцене не в одиночестве, а в окружении других инструментов, – волшебницей, сплетавшей и завязывавшей на себе филигранную вязь партий, дышавшей в едином ритме с владыкой оркестра, что взмахами



дирижёрской палочки держал под контролем целый маленький мир. Мир, подчинявший сердца всех, кто за ним наблюдал.

Тогда Ева впервые поняла, что сцена дарует власть более абсолютную, чем корона.

Тот концерт папа записал на камеру. Старую, ещё с кассетами. Потом запись переписали на диск; в пятнадцать с помощью Гугла Ева сама конвертировала DVD в цифровой формат, а полученное кропотливо поделила на части и сбросила на планшет, тогда только купленный. Хотела всегда иметь это воспоминание под рукой, но с тех пор давно его не пересматривала.

Возможно, слишком давно.

– Лучше закрой глаза, – сказала она, пока из динамиков доносились шуршание и кашель. В своё время Ева обрезала объявление конферансье и Динкин выход на сцену, но секунд пять тишины между аплодисментами и первыми аккордами остались, и почему-то в этой тишине зрители всегда обожают кашлять. Наверное, чтобы не кашлять потом, когда тишина перестанет быть таковой. – Так... поймёшь лучше.

Маленькая Динка на экране посмотрела на дирижёра. Обменявшись с ним до смешного взрослым кивком, едва заметным жестом – будто просто скользнула ладонями по бархату, вытерла ладони о юбку. Вскинула руки.

Комнату огласили колокольные удары первых аккордов Второго концерта Рахманинова.

Ева сидела неподвижно всё время, пока звучала первая часть. И сама закрыла глаза: чтобы увидеть набат, бьющий во вступлении, и бескрайние просторы лесов и золотистых полей, что открывались за главной темой, вначале звучавшей так сурово и сумрачно. Чтобы вместе с мелодией побочной партии взлететь куда-то высоко, туда, где щемит сердце и перехватывает дыхание от нежности и всеобъемлющей любви к кому-то или чему-то, – и спуститься вниз, не решившись высказать то, что так хотелось сказать. Чтобы взволноваться вместе с разработкой, звеневшей тревожными колокольчиками верхних регистров, восторжествовать со скрипками на парящем «до», сжимавшем душу трепетной тоской, и с оркестровым тутти маршем разлиться в репризе. Чтобы околдованно замереть в начале коды, хрупком и звонком, как льдистый стеклянный сад или

хрустальные мечты. Волны раскатистых рахманиновских пассажей накатывали и отступали, оставляя в чувствах пену величавой и спокойной русской простоты, затаённой грусти, жара сердец героев, сражавшихся и умиравших за свою землю; и эта земля, вода, небо над золотыми куполами, всё, что так любовно рисовали Левитан и Айвазовский, – всё было в этих певучих звуках, всё и капельку больше.

Динка и правда была гением. Гением, в тринадцать сумевшим понять и передать то, что за век до неё написал гений куда больше и мудрее.

Ева закрыла проигрыватель, когда отгремели завершающие рубленные аккорды первой части. Решила, что с Герберта пока и этого хватит. И пару секунд сидела, не решаясь повернуться.

Когда всё-таки повернулась, некромант сидел так же и там же, где Ева видела его в последний раз. Опустив книзу блёклые пушистые ресницы, с лицом столь же спокойным и отрешённым, какое было у него во время Мёртвой Молитвы.

– Я хочу вернуться туда, где это было написано. *О чём* оно было написано, – отложив планшет в сторону, тихо сказала Ева. – Потому что люблю тот мир. Мир, который намного больше, чем люди могут представить, и намного чудеснее. Просто мы привыкли смотреть на него сквозь маленькую рамочку, делая серым. И... даже если я не стану знаменитым музыкантом, не буду солировать, не смогу собирать полные залы... я смогу быть частью этого. Мне этого хватит.

Она сказала это потому, что в этот миг вдруг сама отчётливо это поняла. Зачем всё же занимается музыкой. Почему никогда её не бросит. Потому что делает это не ради славы, не ради денег, не потому, что этого хотят родители.

Потому что просто любит то, что делает.

– Понимаешь теперь?

Он не ответил. Лишь, резко открыв глаза, так же резко встал.

Чтобы, не сказав ни слова, уйти.

Ева долго сидела, глядя ему вслед. Опустошённая так, словно только что она отдала кому-то нечто невероятно дорогое, а это на её глазах кинули наземь и уничтожили, с наслаждением потоптавшись по осколкам грязными сапогами.

Дура ты всё-таки, Ева. Мелкая, мечтательная, наивная дурочка. Ждала, что музыка достучится до него лучше тебя, что звуки растопят

замороженное сердце ледяного принца, но то, что так много значит для тебя, легко оставит равнодушным другого. К тому же Рахманинов с его сложными гармониями и плотным симфоническим массивом – не лучший образец для знакомства с иномирными композиторами. Если бы ты начала, положим, с Моцарта...

Когда дверь в комнату без стука распахнулась, Ева уже успела включить на планшете следующую серию приключений своего товарища по несчастью: обычного (как водится) японского школьника, угодившего в другой мир. Надеялась развеять тоску.

Зрелище Герберта, заносщего внутрь знакомый футляр (некромант нёс его перед собой, обхватив обеими руками с трогательной неуклюжестью), вогнало её в растерянность.

– Держи, – сказал Герберт сухо, опустив виолончельную обитель на кровать. – Надеюсь, я всё сделал правильно.

Поставив на паузу, Ева неверяще посмотрела на футляр. На некроманта, застывшего подле постели с обычным скучающим видом.

Снова на футляр.

Герберт не шелохнулся, когда она потянулась к застёжкам молнии, скрупулёзно соединённым в центре. И следил за ней таким взглядом, что, поднимая крышку, Ева ожидала чего угодно: пустоты, груды обломков, кучки пепла...

Внутри, мерцая струнами, улыбаясь эфой, поблескивая лаком, обливавшим гриф и деку, что хранили в себе две сотни лет созидания музыки, лежал целёхонький Дерозе.

## Глава 14

### Con amore<sup>[23]</sup>



Тим заглянул в Золотую гостиную, когда Кейл сидел за клаустуром: манжеты рубашки подметали чёрно-белые клавиши инструмента, пока пальцы сосредоточенно исчеркивали нотными строчками листы, стоявшие на пюпитре.

Увлечение Кейлуса Тибеля композицией при дворе считали блажью. Страсть к музыке в своё время погнала его на другой континент, в далёкий Лигитрин: в Керфи обучение музыке исчерпывалось частными преподавателями и школами, тогда как Кейлус мечтал стать настоящим музыкантом. В итоге в консерватории он провёл всего год – вместо пяти – и обучение так и не закончил, вернувшись домой. Причины остались туманными, но шептались, что его отец счёл увлечение музыкой недостойным своего наследника. И, главное, не слишком мужественным.

Учитывая некоторые наклонности Кейлуса, при дворе хорошо известные, недовольство покойного лиэра Тибеля можно было понять.

Композитором Кейлус считался весьма посредственным. Иных его сочинения и вовсе заставляли морщиться. Где благозвучие, привычная стройность формы, чистые и ясные гармонии? Откуда эта

любовь к диссонансам, режущим уши, к мелодиям, в которых отсутствуют простота и естественность? Изломанные ритмы, гнетуще мрачные настроения, неясность композиции, издевательская патология гармонизации... Музыкальная натура Кейлуса Тибеля в приличном обществе единодушно считалась столь же неуравновешенной, больной и извращённой, сколь человеческая. И по всеобщему признанию огромной части его сочинений (за некоторыми удивительными исключениями) больше пристало бы звучать в преисподней, чем на балах и уютных светских вечерах.

Тим же просто считал всё это «приличное» общество сборищем тупых, желчных и ограниченных ханжей.

Увидев, что Кейл сочиняет, он хотел уйти: сбить творческий настрой легко – тем более вестями, о которых Тим собирался сообщить, – а вот вернуть куда сложнее. Но его уже заметили.

– Да, Тим? – выпрямившись и отложив перо, спросил Кейлус хмуро.

Конечно же, он знал: нарушить его творческое уединение в Золотой гостиной секретарь мог лишь по срочному делу. И одного взгляда на лицо Тима хватило бы, чтобы понять – дело это будет нерадостным.

– На табличке сообщение. – Приблизившись, Тим скупым жестом протянул ему небольшой, с ладонь, грифельный прямоугольник. Ноздри пощекотали тёплый аромат кедра и цитрусовая горечь, осевшая на длинных волосах Кейла, прихваченных лентой. – Ты оставил её в кармане куртки.

Таковыми табличками издавна пользовались для дистанционной связи, и их очень любили люди, воротившие различные грязные делишки. К примеру, как только что узнал Тим, некоторое время назад Кейл связался с «коршунами» лиэра Дэйлиона, заказав им убийство принца, и получил табличку от них. Вторая, парная, находилась у Дэйлиона; одному из них достаточно было нацарапать на табличке послание (чем угодно, хоть чернилами), чтобы оно тут же проявилось на другой. Белыми, точно мелом выведенными письменами.

Ими и была сейчас исчеркана чёрная поверхность.

Тим следил, как Кейл читает сообщение. Довольно подробное, изложенное бисеринками мелких букв. Потом – скупым резким

жестом – без единого слова Кейлус сжал табличку в кулаке, заставив хрупкий тонкий сланец брызнуть осколками на пол.

Табличку всё равно требовалось уничтожить, дабы никто не смог обнаружить заказчика, исполнителя или связь между ними. Оттого их и делали настолько хрупкими.

Разжав кулак, Кейлус с безгловым изяществом отряхнул руку, шевельнув пальцами так, словно смахивал с них воду.

– Ты ведь прочёл? – не глядя на Тима, спросил он.

– Да.

– Даже «коршунам» оказался не по зубам. Надо же. – Отвернувшись, Кейлус уставился на нотные листы, перебирая пальцами по клавишам: легко, касаясь их одними ногтями, извлек стук, похожий на бряцанье костей, но не музыкальные звуки. – Странно... Дэйлион говорит, «коршуны» убиты Мёртвой Молитвой. Но мальчишка не смог бы сотворить её, будь он один. Его должен был кто-то прикрывать. Другой маг. А разведывательное заклинание показало, что живых рядом с ним нет...

Короткий всплеск холодного бешенства уступил место усталости.

– Маг мог телепортироваться к нему позже, – проговорил Тим, удерживаясь от желания высказать всё, что думает по этому поводу – и на что не имел никакого права. – Одновременно с «коршунами».

– Но у малыша Уэрти точно завёлся друг, о котором мы ничего не знаем. Никто не знает. И что ему понадобилось у истока Лидемаль? – Кейлус посмотрел на окно, у которого стоял клаустур. За ним чёрное небо сыпало снег, припудривший сад загородного имения лиэра Тибеля праздничной белизной. – Тим, ты точно никого не видел в его замке?

– Нет. Никого и ничего подозрительного.

Белые пальцы, отчётливо выделявшиеся на чёрных клавишах, замерли.

– Забавно. – Повернув голову, Кейлус посмотрел на своего секретаря. – В прошлый раз ты повторил то же самое. Слово в слово... как нечто заученное.

От того, как пристально в него вглядывались тёмные, так хорошо знакомые глаза – с оттенком бронзы, но без её блеска, – Тиму стало не по себе.

– Клянусь, я не лгу. Не тебе. Ты же знаешь.

Нечто, скользнувшее в его голосе, заставило Кейлуса разом смягчиться. Может, потому что понял – это правда. Может, потому что Тиммир Лейд был последним человеком в этом мире, которого ему бы хотелось пугать.

– Я бы никогда не заподозрил тебя во лжи. – Кейлус коснулся его пальцев мимолётным, извиняющимся жестом. – Просто... хотя нет, вряд ли это возможно. Даже скорее невозможно. – Холёные руки – голубые жилки вен пересекали чуть выпирающие пястные кости – вновь легли на клавиатуру. – Иди.

Тим не стал задавать вопросы. Прекрасно знал: если Кейл захочет, расскажет сам. Когда мысль или подозрение оформится достаточно ясно, чтобы это можно было высказать. Просто отвернулся, и зазвучавшая музыка провожала его, подталкивая в спину.

Забавно. Он точно помнил, что не увидел в саду замка Рейолей никого и ничего подозрительного. Помнил, что проник туда, разведал обстановку и ушёл. Но как?.. В голове были факты, но не воспоминания. Ни картинок, ни запахов, ни звуков.

Впрочем, это пустяк. Нет никаких поводов тревожиться. И рассказывать это Кейлу, естественно, тоже незачем. Ни к чему волновать его подобной...

Клаустур, что пел рождаемой мелодией, заставил его замереть на пороге.

Одна музыкальная фраза показалась Тиму странно, до боли знакомой. Нет, он слышал не её – Кейл ведь сочинял, и Тим никак не мог слышать этого раньше, – но что-то очень похожее. Эта щемящая интонация, напоминавшая скорее низкое пение струн, – Кейл даже в сочинениях для клаустура любил имитировать звучание оркестра; эта печаль, и тоска, и томление, и...

В его ушах всплыл обрывок мелодии, которую *действительно* извлекали из струн. Где-то. Когда-то. Странное, немного механическое, немного неживое звучание.

Голова взорвалась жгучей, всепоглощающей болью, утачившей Тиммира Лейда в черноту.

\*\*\*

Ева долго смотрела на открытый виолончельный футляр. Расстегнув липучки ремешка, который Герберт догадался застегнуть вокруг шейки, достала инструмент – и правда целёхонький. Положив

себе на колени, как больного ребёнка, погладила пальцами деку, убедившись, что на ней не осталось никаких следов поломки.

Вернув Дерозе в футляр, подняла взгляд на Герберта, чувствуя, как жгут глаза холодные слёзы.

– Я не знал, где должно быть это, – добавил некромант, протянув ей подставку. – Мэт сказал, её вставляют под струны. Даже если так, сам я это делать побоялся.

Мэт, значит...

Ева взяла у него из рук кусок кленового дерева, обточенный до маленькой детали с плавными изгибами изящных завитков. Посмотрела на вырезанное в центре сердечко, знак взаимных чувств инструмента к хозяйке.

Отложив подставку на покрывало, встала – и, спрыгнув с кровати, кинулась Герберту на шею.

– Спасибо! – выпалила она, подкрепляя благодарность судорожными объятиями. – Боже, спасибо тебе! Я... ты не представляешь, что это... как это для меня...

– Боги, уймись! – Её отпихнули так резко и бесцеремонно, словно опасались получить нож в спину. – Я просто ускорил то, что и так произошло бы. – Некромант сердито и чопорно оправил воротник рубашки, смятый её руками. – Надеюсь, при дворе ты не будешь давать своим эмоциям столь вульгарный выход?

Холодность в его лице несколько не вязалась с лёгким румянцем на вечно бледных щеках.

– Можно мне в зал, где мы тренируемся? – Сунув подставку в карман штанов, Ева лихорадочно принялась устраивать виолончель в футляре. – И мне будет нужен стул! Или кресло. Поможешь? Мне очень нужно поиграть! Я так соскучилась, и давно не занималась, и в первый раз держу инструмент в руках после поломки, и... Хотя ладно, ты можешь просто выйти, я буду здесь. Там акустика лучше, было бы совсем как в концертном зале, но, может, в комнате на первый раз будет даже...

– Иди в зал, – произнёс некромант устало. – Когда придёшь, кресло будет там.

Совершенно ошалело моргнул, когда ликующая Ева, закинув футляр за спину, в пробеге чмокнула его в щёку, и проводил девушку взглядом, когда она побежала по хорошо знакомому пути.



Свет вспыхнул одновременно с тем, как Ева вошла, окутав её полутьмой. Кресло и правда стояло посреди зала: то самое, в котором Герберт когда-то ждал её пробуждения после ванны. Футляр лёг рядом – опустевший, отпустивший своего драгоценного обитателя для того, чего тот так долго ждал. Смычок – настоящий, тёплый в своей деревянной лаковой шелковистости – прыгнул в пальцы. Дерозе, когда Ева отрегулировала высоту шпиля, занял законное место между коленками, которые не дрожали лишь потому, что посмертное волнение несколько отличалось от прижизненного.

Приладить на место подставку, привести в порядок ослабшие струны и подтянуть строй – звучание осталось прежним – много времени не заняло.

По привычке отерев о штаны непотеющие ладони, Ева вскинула смычок.

Холодные руки, слишком долго не касавшиеся инструмента, слушались неохотно, но это было не важно. Как будто раньше не выходила на сцену, заледенев от волнения. Важным было лишь ощущение струн под подушечками пальцев, то, как чутко и нежно они отзываются в ответ. Смычок гладит виолончель, кисть скользит из одной позиции в другую, звуки взмывают к сводам зала, и вот ты уже не играешь, не извлекаешь ноты – существуешь музыкой, живёшь ею. И ты – уже не ты, а звуки, рождаемые под твоим смычком, продолжение инструмента, простое вместилище души, из которой льются облечённые в мелодию чувства; льются в виолончель через тело, руки, пальцы, а оттуда – в воздух, в небо, в мир...

Она играла. Одну вещь за другой, всё, что могла вспомнить, не обращая внимания на срывы, лишь изредка переигрывая совсем неудавшиеся места. Мешая Рахманинова с Coldplay, Шуберта с One Republic, Элгара с Apocalyptica – всё, что учила, всё, что играла на концертах или в переходе, куда они с однокурсниками время от времени занырявали подзаработать. Музыка накрывала её с головой, превращала в часть себя, в мелодию и гармонии; вместе с музыкой её душа смеялась, рыдала, прощалась с кем-то, признавалась кому-то в любви. Музыка летела по залу волшебной вязью, колдовской песней, чистыми эмоциями, оплетая всё невидимыми лозами, приковывавшими к месту, лишавшими возможности мыслить, и взгляд полуприкрытых Евиных глаз был устремлён в даль, ведомую ей одной;

на губах стыла призрачная улыбка, точно в музыке ей открывалось то, что недоступно было остальным, а в лице, светящемся изнутри, проступало абсолютное счастье. Счастье того, кто отдавал чему-то всего себя, до дна, до последней капельки, и не жалел об этом.

Она опустила смычок, лишь когда поняла, что напоена музыкой до дна, что жажда, терзавшая её так долго, утолена. Прикрыв глаза, зачем-то глубоко, полной грудью вдохнула и выдохнула, пусть в том не было нужды.

Наконец оглядев зал, увидела Герберта.

Он стоял у двери, прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди.

– Ты слушал, – обвиняюще и сердито сказала Ева.

– Слушал, – подтвердил Герберт.

Он говорил, казалось, тише, чем когда-либо. Лишь акустика зала без труда доносила голос до её ушей.

– Так незаметно вошёл?

– Просто ты не заметила. Ты бы и падения замка сейчас не заметила, – добавил он с намёком на улыбку, так странно смягчившую его лицо, голос, взгляд.

Рукой со смычком Ева заправила за уши выбившиеся волосы. Пытаясь, но не в силах сердиться.

Она ненавидела, когда её подслушивали. Ненавидела и заниматься при ком-то, и играть то, что не отработано до мелочей. Но на Герберта всерьёз злиться почему-то не могла. Возможно, потому что он всё равно ни черта не понимал и промахов её наверняка не заметил. А может, потому что ей непривычно и приятно было видеть эту мягкость в его глазах.

Делавшую их – наконец-то – живыми.

– Повезло тебе. Не люблю, когда меня подслушивают.

– Да. Мне повезло.

В словах тоже скользнуло нечто непривычное. И очень, очень странное. Будто за звуками пряталось двойное дно.

– И что думаешь? – поколебавшись, спросила Ева.

Герберт, помолчав, отвернулся.

– Тебе знать ни к чему.

Вот на это она почти обиделась. И почти расстроилась.

Хотя ладно, без «почти».

– Что, так плохо? – бросила она, спрятав чувства за колючей небрежностью.

Прежде чем выскользнуть из зала, Герберт тихо рассмеялся. Совсем не насмешливо. Совсем не обидно. И, наверное, ей лишь послышался отзвук печали и горечи в этом смешке.

– Иногда ты всё-таки такая глупая, – на прощание едва слышно донесла до неё полутьма, оставляя Еву наедине с тишиной, Дерозе и недоумением.

## Глава 15

### Con calore [\[24\]](#)



Когда назавтра лиэр Совершенство соизволил пожаловать в замок Рейолей, Ева встречала его у ворот.

Встрече предшествовал длинный день, который начался с традиционной тренировки, завершившейся нетрадиционным образом.

– Неплохо, – подвёл черту Герберт, прогнав её по старым и новым заклинаниям. К усыпляющему они прибавили дезориентирующее и порождавшее галлюцинации, с которыми Ева справлялась уже вполне прилично; щиты у неё и вовсе вычерчивались почти на автомате. Музыкальные чары пока не трогали – они были слишком специфическими, чтобы выручить Еву в реальном бою. – Что ж, до завтра.

Она недоумённо опустила руку, выпустив волшебный смычок.

– До завтра?..

– С Мираклом я поговорю один. Если он захочет тебя видеть, я тебя позову, но не думаю, что до этого дойдёт. Наши планы зависят от его решения, но о них вполне можно поговорить с утра. Твоя любимая игрушка починена. – Он помолчал. Отвернувшись, негромко

закончил: – Полагаю, других причин проводить вечера в моём обществе у тебя нет.

*А ведь правда,* поняла Ева, провожая глазами его спину, царапнувшую взгляд своей сутулостью. Дерозе цел. Значит, ежевечерние встречи в гостиной окончены и теперь встречаться где-то помимо этого зала им незачем.

Мысль была неожиданной, несущей с собой смятение и растерянность. Из-за этого Ева даже разозлиться на Герберта не смогла – за то, что её снова отстраняют от участия в их общем деле.

Вернувшись в комнату, девушка достала Дерозе (перерыв между тренировкой с Гербертом и уроком у Эльена она решила скоротать за музыкой). На краю кровати с виолончелью сидеть было не слишком удобно, но куда неудобнее оказалось ощущение неправильности происходящего.

Встреча на тренировке, урок – и всё. А дальше – разбежались по разным углам и занялись своими делами. И венценосный сноб снова будет сидеть один, и этим вечером компанию ему составят лишь тараканы в его голове...

– Постарайся выразить свою благодарность не слишком цветасто, – сказал Мэт, проявляясь на кровати, пока Ева выводила смычком гаммы. Недели без инструмента давали о себе знать, и форму требовалось восстанавливать грамотно и обстоятельно. – Предпочитаю одам лаконичность. Концентрат обычно лучше выражает суть.

– К сиропу это не относится. Люблю разбавленный, – поморщилась Ева. – Благодарность? Тебе?

– Без меня ты вряд ли получила бы своего любимца в первозданном виде. Твой принц, конечно, парень смышлёный, но с ремонтом виолончелей раньше не сталкивался.

– Он не мой, – поправила Ева машинально. – Так ты правда помог Герберту починить Дерозе? С какой стати?

– По доброте душевной, с чего же ещё?

– Начнём с того, что я сильно сомневаюсь, есть ли у тебя душа. Продолжим тем, что даже если она есть, доброта – последнее, что я стала бы там искать. – Ева переиграла сорванное место. Гаммы она легко могла выводить одновременно с разговором, но не обращать внимания на расплату в виде периодических фальшивых нот – нет. – У тебя свой интерес. Признавайся.

– Подумал, вдруг это подтолкнёт нашего малыша в нужном направлении. Милым личиком его не подкупить, но характером, душой, страстью... Той же одержимостью своим делом, которую питает он сам...

Услышанное стоило Еве ещё одной гаммы, резавшей слух возмутительно фальшивыми диезами.

– И с чего ты ведёшь себя как сваха?

– Может, питаю слабость к романтическим мелодрамам.

– Не надейся, клякса. Пошёл вон.

Мэт рассмеялся. Тихим, гаденьким смешком, звеневшим в воздухе, даже когда его обладатель уже пропал.

Сердито фыркнув, Ева перешла с гамм на этюды. Впрочем, этюды Дюпора Ева заучила до автоматизма, и думать о своём они не мешали.

Возможно, к худшему.

Вот и ещё причина, почему ежевечерние встречи стоит прекратить. Меньше всего на свете Ева желала оправдывать ожидания демоноидной кляксы, теща её бесплатными представлениями. И разве не этого ей хотелось?.. Никаких больше посягательств на её личную территорию. Никакой возможности влипнуть в ту привязанность – пусть даже дружескую, – которой она так боялась.

Они оба боялись.

*...ты сама уже думала, что вы похожи. И ты, если подумать, в этом плане ничем не лучше него. Просто Герберт боится привязываться к кому-либо, а ты – к нему одному.*

Мерзенький голосок в голове до того напомнил мэтовский, что Ева сочла бы это иллюзией, если б не знала: этот голос принадлежит ей самой.

– Даже если мы подружимся, нам всё равно придётся скоро распрощаться, – скользя смычком по струнам, наполняя комнату жемчужными ниточками стремительных пассажей, вяло напомнила Ева. – Я хочу домой и вернусь, как только мне представится возможность.

Она зачем-то говорила вслух. Впрочем, она разговаривала сама с собой куда чаще, чем, наверное, это делают нормальные люди: в магазине бормотания на мотив «кола или не кола? Вот в чём вопрос» не раз заставляли окружающих подозрительно на неё коситься.

*...что ж, твоя правда. Да и Герберта можно понять. Зачем завязывать отношения, пусть даже дружеские, если рано или поздно их пресечёт предательство или смерть? Он-то со смертью на «ты», ему ли не знать, что все однажды умрут. По факту вы оба боитесь одного и того же: боли.*

– Но я-то не боюсь подпускать людей к себе. И дружить. И любить.

*...одно и то же, Ева, одно и то же. Только ты мыслишь месяцами, а он – целой жизнью. Ты же читала в его книгах: маги и некроманты живут в разы дольше простых людей. Ты не желаешь привязываться к одному человеку, с которым расстанешься – через месяц или два. Он не желает привязываться ко всем людям, с которыми расстанется – через тридцать или пятьдесят лет.*

– По его логике людям вообще не стоит ни влюбляться, ни дружить.

*...а по твоей?*

Она вспомнила спину уходящего Герберта, в сутулости которой читалась тихая одинокая обречённость.

Струна взвизгнула под пальцами, сорвав очередной пассаж в невразумительное захлёбывающееся нечто.

Ева опустила смычок. Уставилась в окно: там серым ливнем плакала осень, облезлыми древесными сучьями цепляясь за дни, уже не принадлежавшие ей.

*«...полагаю, других причин коротать вечера в моём обществе у тебя нет...»*

...если сейчас она лишит венценосного сноба возможности обрести друга, в котором он нуждается, то будет ничем не лучше него. Лишит не потому, что он ей неприятен, ибо неприятным (будь с собой честна, Ева) она его давно не считала – вредным, нелюдимым, травмированным, но не неприятным. Лишит из страха или нежелания оправдывать чьи-то ожидания, до которых ей не должно быть никакого дела.

Это действительно неправильно. А Ева не любила, когда что-то было неправильно. Когда люди поступали неправильно.

Особенно когда неправильно поступала она сама.

Она посидела, думая над тем, что поможет ей поступить правильно. Подозрительно быстро найдя решение, следующий час

занималась со спокойной душой.

К моменту, когда пришёл Эльен, Ева сидела за планшетом.

– Эльен, – завидев призрака, девушка молитвенно сложила ладошки, – не считите, что я отлыниваю от занятий, но у меня возникла одна идея, на воплощение которой мне понадобится время. И ваша помощь.

– Уверен, лиоретта, – секунду спустя отозвался Эльен, – лишь неоспоримо важные дела могли заставить столь трудолюбивое и прилежное создание, как вы, попросить меня... отменить наш урок? Как я понимаю.

– Да. Именно. Только не говорите Герберту. Это сюрприз. Для него.

– Для него?

Ева вкратце изложила план.

Взамен она получила светлую радость в призрачных глазах и заверения, что ей предоставят всё необходимое в нужное время – включая, естественно, и само время. В конце концов, Эльен недаром когда-то подводил Еву к мысли об эмоциональном кочегаре.

А ведь именно им она сейчас и работает. Кочегаром. Тем, кем в первые дни в этом замке решительно отказалась быть.

Чёрт...

Ева старалась не думать об этом, пока проводила подготовку. И пока, завершив её, спускалась в сад – на случай, если лиэр Совершенство всё же решит заявиться. Что бы там Герберт ни думал, Ева не собиралась вступать даже в фиктивные отношения с человеком, которого совершенно не знает, а раз некромант не желал её присутствия на сегодняшней встрече, придётся самой устраивать тет-а-тет с названным женихом.

Она успела дважды обойти сад, по которому расплзлась холодная тьма, и вдоволь погулять туда-сюда у ворот, когда те сами собой распахнулись.

– А, лиоретта! – Миракл поклонился, как будто приятно удивлённый. – Решили отобрать у Эльена его работу?

– Решила поближе познакомиться со своим суженым. – Ева присела в реверансе, пока створки ворот медленно смыкались за спиной у визитёра. Подтверждать, что она действительно сговорилась



с Эльеном, дабы тот не вышел встречать дорогого гостя, она не стала. – Раз вы здесь, полагаю, вопрос нашей помолвки уже решён.

Приблизившись, Миракл галантно подал ей руку:

– Лишь если вы того хотите.

– Неужели? – максимально саркастично пропела Ева, позволив подхватить себя под локоток.

– Я понимаю, что вы зависите от Уэрта. Даже если он не отдаёт вам приказов, не в ваших интересах... портить с ним отношения. Но поверьте, я не хочу использовать вас вопреки вашему желанию. Не хочу и не буду.

Она лишь хмыкнула, вышагивая рядом с ним по дороге к замку и освещая их общий путь смычком. Голубые блики дрожали в лужах и расплзались по мокрой брусчатке.

– Что означает ваше имя, лиэр?

Если Миракл и удивился вопросу, который ей давно хотелось задать, то ничем этого не выдал.

– Кажется, «удивительный».

– Тоже претенциозно, – оценила Ева. – Но всё же не так, как наш перевод.

– В вашем мире есть подобное имя?

– Слово. Оно переводится как «чудо». Вам подходит, кстати.

– Судя по вашему тону, это не комплимент.

– Вам решать.

Тот рассмеялся, скорее забавляющийся, чем задетый.

– Любопытный у вас Дар, лиоретта, – произнёс Миракл, глядя на сияющий смычок. – А где же обещанный Лоурэн огненный меч?

– Лежит в моей спальне. Гном из Потусторонья сделал его для меня.

– Так ваши прелестные ручки даже до гномов дотянулись? Однако. – В голосе лиэра Совершенство скользнуло одобрение. – Не совсем то, чего я ожидал. С другой стороны, неожиданности – это прекрасно.

– Тогда, полагаю, предложение Уэрта должно было привести вас в восторг.

Её спутник чуть шевельнул кистью, поудобнее перехватив её руку.

– Скажите, лиоретта, Уэрт всё ещё хочет призвать Жнеца?

– А, так вы об этом знаете.

– Знаю. И очень этому не рад.

– Боитесь, что в таком случае у вас появится конкурент?

– Боюсь, что в таком случае у меня погибнет брат. Уэрт остаётся мне братом, несмотря ни на что.

На его лице тенями плясали отсветы волшебной воды, и лицо это было очень задумчивым. Очень сумрачным.

Очень подобающим случаю – как, впрочем, и ответ.

– Какая забота. Только вот почему у меня ощущение, что вы всегда играете роль?

– Я игрок по натуре. Но не сейчас. – Миракл встал перед ней, преграждая путь. – Раз уж нам предстоит... сблизиться, давайте договоримся. Я откровенен с вами – в пределах того, что вам нужно знать. Вы откровенны со мной.

Держа смычок между ними на манер свечи, Ева без смущения встретила его взгляд и с сомнением осведомилась:

– С чего это?

– Лучший способ заставить человека избавиться от маски – снять свою. Учítывая, какое дело мы собираемся проверить совместными усилиями, маски неуместны.

– Но это дело само по себе сплошная маска. Которую мы будем носить для всех окружающих, кроме нескольких избранных персон. Не думаете же вы, что я в самом деле собираюсь за вас замуж?

– Равно как я не собираюсь связывать жизнь с незнакомкой, которую пока имел счастье видеть всего дважды. Не могу сказать, что не верю в любовь с первого взгляда, но меня она пока обходила стороной, и при всех ваших неоспоримых достоинствах исключением вы не являетесь. Однако мы будем действовать заодно, а вопрос доверия к тем, кто находится со мной рядом, для меня стоит довольно остро. – Придерживая её за локоть, Миракл мягко и неотрывно вглядывался в её лицо. – Я должен вам доверять.

– А могу ли я доверять вам? – справедливо возразила Ева, оценив, как тонко он избегает темы её немножко неживого состояния. – К тому же, кажется, вы вообще не особо склонны к доверию. Даже к тем, кто никогда бы вас не предал.

Игра теней не скрыла, как на этих словах помрачнело его лицо.

– Уэрт предал меня. Я знаю это. – Резким, каким-то танцевальным в своём изяществе поворотом Миракл снова встал слева от неё. – Если

он солгал вам, что не делал этого, он ещё больший трус, чем я думал.

Они продолжили путь, и перед следующим вопросом Ева поколебалась. Потому что по-хорошему вопрос этот следовало задавать Герберту, в словах которого она может быть хоть немножко уверена.

Впрочем, всегда полезно выслушать версии обеих сторон.

– Скажите, лиэр, что между вами произошло? Между вами с Гербертом? Раз мы... решили быть откровенными.

Неровный ритм их шагов – раздражающе разобщённых – приглушала тлеющая листва.

– Из-за него погиб мой отец, – наконец сказал Миракл.

Ева, нафантазировавшая трагическую (и удручающе банальную) историю с неподелённой девушкой, крепче сжала дрогнувший в пальцах смычок.

– Мне жаль, – искренне произнесла она. – А подробнее?

– Мой отец был старшим братом Айрес. – Миракл завёл рассказ так спокойно, будто решил поведать историческую байку, не имевшую к нему никакого отношения. Не зная Ева семейного древа Тибелей, уточнение было бы в тему, но прерывать повествование нетерпеливым «я знаю» она не решилась. – Покойный король, наш с Уэртом дед, выбрал наследницей престола её. Отец стал Советником по экономике.

– Его это уязвило, полагаю.

– Не стану отрицать. Хотя в начале правления Айрес все сходились на том, что она и правда достойна трона больше других. Поэтому отец не стал плести заговоры. Решил лучше воспитать сына так, чтобы из того в своё время вышел настоящий король. – В паузе ударами метронома прошуршали три мерных шага: Ева всё же подстроилась под его походку, чтобы шаги их звучали в унисон. – Когда нам с Уэртом было по шестнадцать, отец вскрыл одно очень неприятное дело. Преступление, в котором оказались замешаны многие из самых верхов... Воровство колоссальных масштабов, тянувшее за собой серию убийств. Всё замалчивалось с согласия самой королевы, но отец не мог молчать. Он хотел предать дело огласке. Хотел, чтобы полетели головы тех, кто не должен был стоять у власти.

– А они бы полетели? – восхищаясь честностью покойного Советника (и поражаясь его наивности по меркам привычных ей реалий), поинтересовалась Ева.

– Тогда Айрес ещё не относилась к возмущениям в народе так, как сейчас. Тогда она скорее предпочла бы замаять скандал, покарав часть виновных, чем уперкать в тюрьмы возмущённую толпу. Хотя тайные аресты недовольных ею начались как раз в те годы... потому я и испугался. – Миракл отстранённо смотрел на замок, напозавший на них чёрными стенами, размеченными светлыми клеточками окон. – Отец собрал все необходимые доказательства. Документы, которые держал в тайнике, надёжно спрятанном. Но я случайно его нашёл. Я, шестнадцатилетний дурак, осознавший, против кого мой отец собирается выступить, и испугавшийся за него. Веривший, что есть на свете один человек, которому я могу доверять как самому себе. – Ева ощутила, как напряглась рука, лежавшая под её рукой. – Я рассказал Уэрту о тайнике. О том, что в нём обнаружил. Просто не знал, что мне делать. Хотел посоветоваться – поговорить мне с отцом или молчать, уговорить отказаться от своей затеи или помочь ему... А на следующий день отец не вернулся домой с монетного двора. Больше его не видел. По официальной версии, его похитили враги короны, но когда я заглянул в тайник, тот оказался пуст. Документы пропали вместе с отцом. – Он выдал это просто, буднично, как и всё до того. – Вместе с проблемами для Айрес.

Будничность придала рассказу особенно гнетущее впечатление. Куда большее, чем если б он цедил слова сквозь зубы или сдерживал слёзы. Впрочем, Миракл Тибель не походил на человека, который позволяет кому-то видеть свои слёзы.

Такие, как он, идут по жизни смеясь, даже когда под ногами битые стёкла.

– И вы уверены, что это Уэрт выдал ваш секрет? – кое-как вымолвила Ева. – Ваш отец мог сам рассказать кому-то. К нему могли приставить шпиона.

– Я прочёл это в глазах Уэрта при следующей встрече. Вину. Что бы он теперь ни говорил. И когда я спросил, он ли это, он не ответил, – Миракл ответил мягко, без гнева, погасшего давным-давно. – Этого мне хватило.

Ева переступила порог замка и прошла в гостеприимно приоткрывшиеся двери, медля с продолжением разговора.

Нет. Не похож Герберт на предателя. Не похож. И то, что вины за ним нет, он говорил слишком уверенно для виновного.

Но прежде чем помимо эмоционального кочегара работать ещё и адвокатом, ей как минимум нужно выслушать версию обвиняемого.

– Вы поэтому хотите свергнуть Айрес? – Решив пока не развивать тему, Ева отпустила ненужный больше смычок. – Из-за отца?

– Не только. Не в первую очередь, – поправился Миракл, пока они пересекали освещённый замковый холл. – Я не отрицаю, что когда-то она была прекрасной правительницей. Без неё Керфи не был бы сейчас страной, с которой считаются. Но теперь Айрес делает то, что нельзя оправдать самыми великими устремлениями. И я не только о войне, которой она так жаждет. – Улыбка юноши вышла пугающе кривой. – Если б вы побывали в подвалах столичной тюрьмы, вы бы сами всё поняли. Впрочем, лучше вам там не бывать.

– А вы туда наведывались?

– Нет, к счастью. Но туда наведывались те, с кем я знаком. И там, полагаю, закончил свои дни мой отец, – это Миракл тоже произнёс пугающе спокойно. – В подвалах Кмитсверской Королевской тюрьмы работает Охрана Народного Покоя. Так их называют официально.

– А неофициально?

– Просто Охрана. С большой буквы. Или, как их прозвали в народе, Упокоители. Они забирают всех, кто тайно исчезает среди ночи. Или дня. Тех, кто затевает заговоры против короны или просто высказывает крамольные мысли. Необязательно публично. – Миракл неторопливо поднимался по ступенькам, подлаживаясь под темп её шагов. – Надеюсь, мы с вами избежим визита в их вотчину... Особенно вы.

– В моём нынешнем состоянии мне трудно причинить боль, – вспомнив встречу с «коршунами», пожалала плечами Ева. – Тех, кто захочет меня пытать, ждёт неприятный сюрприз.

– В подвалах Кмитсверской тюрьмы распоряжается не только Охрана. Там часто бывают и учёные... Маги, целители, некроманты. Очень заинтересованные в продвижении магической науки. Очень преданные нашей доброй королеве. Очень благодарные ей за то, что им предоставляют такой прекрасный материал для опытов... Включая те, что предусматривают, к примеру, вскрытие заживо. Полагаю, ваша персона их заинтересовала бы больше моей.

Пусть Ева никогда не видела лабораторию для магических опытов на людях, но в подкинутой воображением картинке она не сильно

отличалась от анатомического театра. Особенно количеством разложенных на столах очень острых и очень жутких инструментов. И крови.

– Это... недопустимо, – сформулировала Ева, не содрогнувшись лишь потому, что сейчас от представленного её не могло пронять холодом.

– Зато за правление Айрес отрасли целительной и боевой магии продвинулись вперёд дальше, чем за минувший до неё век. Как и некромантии. Жаль только, дети, которым в школах уже преподают открытия, сделанные в тех подвалах, не подозревают о цене, что за ними стоит. – Твёрдая рука уверенно поддержала её, когда Ева запнулась о следующую ступеньку. – Я понимаю, что двигает Айрес. Она искренне желает блага своему королевству. Своему народу – той его части, что предана ей. Но у всего должен быть предел, и величие страны не должно строиться на костях её граждан. Чужих, впрочем, тоже. Айрес в какой-то миг об этом забыла... или, может, никогда не забывала. Просто сдерживалась до момента.

Когда пауза затянулась, на очередном повороте лестничного пролёта Миракл заглянул в её лицо.

Ева не знала, что он там увидел, но это поведало о мрачности её мыслей яснее всяких слов.

– Прошу прощения. Я ушёл от темы слишком далеко, а прогулка в этих далях способна испортить настроение кому угодно. – Отвернувшись, юноша помолчал пару секунд, отматывая нить разговора к относительно светлому моменту. – Возвращаясь к Уэрту... Я всё же надеюсь, что ему хватит ума умерить гордыню. Отказаться от своей безумной затеи.

– А вы бы на его месте отказались? – тихо заметила Ева.

К её удивлению, Миракл кивнул.

– Я не лучший пример для подражания. Но хотя бы в борьбе с гордыней могу таковым послужить.

– Так вы гордец?

– Был им... на арене. Одно время. Затем повзрослел и понял, в чём главное удовольствие игры. В самой игре. Уэрт в кабинете, верно? – Миракл сам уверенно свернул на нужный этаж. – Как только я перестал думать о кубках и начал просто наслаждаться тем, что делаю, кубки сами посыпались мне в руки. Всегда нужно помнить об

этом... Зачем ты делаешь то, что делаешь. Не ради славы, не ради наград – ради удовольствия. И только люди, которые любят то, что делают, могут добиться чего-то настоящего. Быть по-настоящему счастливыми.

Ева кивнула, удивлённая резонансом их мыслей.

– И игра в короля, стало быть, вам тоже нравится, – подытожила она, поняв о Миракле Тибеле кое-что очень важное.

– Меньше, чем арена. Цена ошибки слишком высока. И проигрыш будет равен чьей-то смерти, причём моя меня волнует далеко не в первую очередь. Но да, мне это нравится.

– Не слишком ли легкомысленный подход к правлению?

– Хороший правитель обязан быть игроком, лиоретта. Всё правление – те же шахматы. – На миг Ева удивилась, что в Керфи есть шахматы, но затем сообразила, что магический переводчик наверняка обозначил таким образом похожую местную игру. – Сплошные комбинации, ходы, чтение противника. Просчитать последствия каждого решения, каждого поступка и противодействий, которые он встретит. Только противником при благополучных обстоятельствах являются не те, кого нужно убить или низвергнуть, а те, с кем нужно договориться. А ещё бедность, болезни, необразованность, произвол и прочие неприятные явления.

– И приз за победу – власть?

– Власть – всегда бремя. Те, кто считает её призом, лишь недалёкие алчные глупцы. И трон – не трофей, потому что настоящая игра начинается в момент, когда ты на него садишься. – Миракл отпустил её руку подле дверей некромантского кабинета. – Нет, призом будут подданные, которые всплакнут о своём короле, когда я умру. А ещё свобода и довольство людей под моей властью. Тем, в какой стране они живут. Тем, как они живут.

Ева вновь кивнула, на сей раз задумчиво.

Человек, для которого власть – не желанный приз, а бремя. Который привык достигать того, чего хочет, но не любыми доступными средствами; который играет без легкомыслия, который осознаёт всю ответственность своей задачи и желает выполнить её наилучшим образом...

Что ж, главное, чтобы слова его в итоге не разошлись с делом.

– И каков вердикт? – следя за её лицом, спросил Миракл весело.

Ева вскинула брови.

– Вы хотели познакомиться со мной поближе, лиоретта. Узнать получше. Теперь вы знаете капельку больше.

– Но ещё слишком мало, чтобы можно было всерьёз судить.

– Разве не этим вы сейчас занимаетесь? – заметил лиэр Совершенство с пугающей пронизательностью. – Мне порой приходилось выносить суждение о человеке по куда более кратким разговорам. И куда менее информативным. Рискните.

Некоторое время Ева молчала, созерцая его гладкое лицо. Они оба спокойно выдерживали чужой взгляд.

– Я думаю, из вас может выйти хороший король, лиэр.

Прижав руку к сердцу, Миракл поклонился, словно артист, благодарящий за аплодисменты:

– Приятно слышать.

Ева следила, как брат Герберта берётся за дверную ручку.

– И какое же суждение после двух разговоров вы вынесли обо мне? – поколебавшись, уточнила она.

Миракл оглянулся – в ореховых глазах плескалась лукавинка. Ева поняла, что он ждал вопроса.

– Я думаю, из вас может выйти хорошая королева, лиоретта.

Шире улыбнувшись тому, что проявилось в её лице, Миракл попрощался учтивым наклоном головы.

– А вот теперь ты опоздал, – ещё услышала Ева голос Герберта, прежде чем дверь в кабинет закрылась, оставляя братьев наедине.

Долго встреча не продлилась. Вскоре Миракл с Гербертом уже покидали комнату.

Вид Евы, которая устроилась на широком каменном подоконнике под витражным окном, обняв руками колени, привёл обоих в замешательство.

– Только не говори, что пыталась подслушивать, – сказал некромант.

– Просто ждала, пока вы закончите.

Братья переглянулись – и Ева впервые поняла, насколько они похожи.

– Иди, – глядя на Миракла, произнёс Герберт. – Увидимся. – Дождался, пока кузен откланяется им обоим, и, когда тот отошёл по



коридору достаточно далеко, шагнул к окну. – Зачем ты отобрала у Эльена его прямые обязанности?

– Хотела пообщаться с человеком, чью невесту мне предстоит разыгрывать, зачем же ещё? – Ева спустила ноги с подоконника, сев на краю. – Ты не желал моего присутствия на встрече. Я решила встретиться сама.

– И о чём вы говорили?

– Да так, о разном. – Ева подметила невыразительность голоса, за которой Герберт старательно скрывал что-то ещё. – А на чём договорились вы?

– Миракл согласен разыграть «весь этот фарс», если согласишься ты. И испросил у меня возможность приходить сюда. Хочет узнать тебя получше.

– Я надеюсь, за этой формулировкой не кроется ничего, что обычно за ней скрывают?

– Будет странно, если счастливая пара станет вести себя словно незнакомцы, – откликнулся Герберт с той же невыразительностью. – Вы должны привыкнуть друг к другу, прежде чем разыгрывать обручённых.

Ева поболтала ногами в воздухе.

– Тебе не кажется, что это всё-таки как-то... неправильно? Мы подгоняем происходящее под пророчество. Что ни говори, вряд ли Лоурэн подразумевала это.

– Как только пророчество становится известным, знание о нём уже меняет всё. А мы сейчас восстанавливаем то, что разрушила Айрес, – уверенно ответил некромант. – Полагаю, твоё убийство перечеркнуло естественный ход событий, если он и предусматривался. При других обстоятельствах Миракл вполне мог оказаться первым, кого бы ты встретила в Керфи. Лес, куда тебя выкинула прореха, неподалёку от его особняка. Он приютил бы тебя в своём доме вместо меня. – Герберт помолчал. – Полагаю, при таком раскладе вы бы быстро с нимладили.

Глядя в его лицо, по которому разливалось почти мертвенное спокойствие, Ева решительно спрыгнула на пол:

– Вообще-то я ждала тебя.

– Зачем? Что-то случилось?

В вопросе прозвучало настороженное недоумение.

Ему *действительно* в голову не могло прийти, что он может быть ей нужен. Зачем-то помимо уроков, дел, помощи, меркантильных интересов. И если сейчас ему сказать «давай посидим, поболтаем» – он не поймёт. Не сможет.

Впрочем, Ева этого и не планировала.

– Понимаешь, дома я привыкла смотреть... движущиеся картинки. Вместе с сестрой. А тут пробовала смотреть их одна, но поняла, что в одиночестве мне это делать тоскливо. – Глядя на него снизу вверх, Ева надеялась, что голос её звучит достаточно жалобно. – Ты побудешь со мной?

Ошалелость, мелькнувшая в глазах напротив, стала лучшей наградой её актёрскому мастерству.

– Это поддержит здоровье моей психики, – очень серьёзно добавила Ева. – А со здоровой психикой моё обучение... и всё остальное... будет куда продуктивнее. Сам понимаешь. – Она прижала сомкнутые ладони к губам. – Ну пожалуйста, ты мне очень поможешь!

Следующие секунды она наблюдала за спектром эмоций, сменяющихся в его лице, пробивших отстранённость, за которой он так старался закрыться. Недоверие. Подозрение. Затем что-то похожее на понимание.

Затем что-то похожее на печаль.

Герберт разомкнул губы, глотнул воздуха для ответа – и не ответил. Опустив взгляд с её ресниц на щеки, вновь собрался что-то сказать – и не сказал.

Прикрыв глаза, выдохнул, будто перед прыжком в пропасть.

– Ладно, – произнёс он. По интонации Ева поняла: сперва он собирался ответить совсем не это. – Побуду.

Без лишних слов ухватив его за руку, она поволокла некроманта в комнату.

– Ложись рядом, – велела Ева, закрыв дверь и завалившись на застеленную кровать. Планшет с присоединенной док-станцией ждал в изножье. – Или садись, но так, чтобы видеть экран. Хотя лежать удобнее.

Герберт посмотрел на неё. На постель. На планшет, вспыхнувший пёстрым глянецом экрана, пока Ева химичила сразу с двумя плеерами.

На низкий столик, который Эльен услужливо поставил рядом с кроватью: там ждало то, что Ева просила у призрака ещё днём, – а

вечером, пока братья вели приватную беседу, велела принести в свою спальню.

– Это что? – сказал некромант, изучая большую глиняную кружку и керамическую миску, куда с горкой навалили вкусное содержимое.

– Чай. То есть фейр, который ваш местный чай. И печенье. – Ева безмятежно болтала согнутыми ногами, лёжа на животе. – Эльен сделал, я его попросила.

– Я знаю, что это. Зачем оно здесь?

– На время просмотра обязательно нужен чай. И печенье. Без этого совсем не то.

– Есть нужно в столовой, а не в постели.

– В том-то и кайф печенья в постели. То есть... удовольствие. – Она нетерпеливо повернула голову. – Послушай, считай это моим священным ритуалом. Боги аниме требуют, чтобы просмотр сопровождался поеданием и распиванием чего-нибудь вкусного. Поскольку я есть не могу, это придётся делать тебе.

– Боги аниме?

– Так называется то, что мы будем смотреть. Вид движущихся картинок. Аниме.

– У них есть боги?..

– И богини. Они могут показаться милыми, но на самом деле очень грозные. А ещё у них часто кошачьи уши и лисьи хвосты. – Ева непререкаемо указала на покрывало рядом с собой, откуда Герберт без труда смог бы дотянуться до чашки. – Иди уже сюда!

Он опустился на кровать так, точно под ним было стекло. И, естественно, сел, не лёг. А Ева понадеялась, что не ошиблась с выбором. Вещи в современном антураже Герберт с ходу вряд ли оценит; «Игра престолов» ему наверняка зашла бы, но на планшете у Евы был только седьмой сезон, от которого она то и дело плевалась ядом, и в отрыве от предыдущих он вряд ли будет понятен. Зато Ева пока не встречала человека, которому не понравился бы «Ходячий замок», и уповала, что некромант не станет первым исключением.

В конце концов, не зря же она убила сегодня почти весь день, решая проблему с языковым барьером. И пусть за сегодня Ева посмотрит «Замок» уже второй раз (первый случился, пока она записывала перевод, зачитывая на диктофон мелькающие на экране субтитры), эту вещь она могла пересматривать бесконечно.

– Не пугайся, когда услышишь там мой голос, – на всякий случай предупредила Ева. – Придётся смотреть в моей озвучке, чтобы тебе было понятно. Надеюсь, ты мне простишь огрехи, я не профессиональный переводчик.

– Я рад, что ты считаешь меня дикарём, способным испугаться говорящего предмета, но в нашем отсталом магическом мире есть артефакты, запоминающие и воспроизводящие голоса. К тому же ты далеко не первая пришелица из иномирья, а рассказывать о «чудесах» вашего мира твои предшественники не скупились. Что ещё за озвучка?

Тем лучше. Значит, поезда, самолёты, трамваи и бомбы его тоже не удивят.

– Ты ведь не знаешь нашего языка. Я записала перевод на керфианский. Он будет звучать вместе с картинками. – Хвала планшету, на котором можно включить два плеера одновременно. Ну и переводческой магии, которая позволяла керфианцам понимать её речь даже в записи: Ева успела протестировать результат на Эльене. – Только лучше не прерываться и не ставить на паузу, потому что синхронизировать это дело очень сложно... Готов? И печенье возьми!

Дождавшись его кивка, она щёлкнула на кнопку «play» в одном проигрывателе, чтобы тут же развернуть другой.

Паузы не понадобилось. Они ни разу не прервались. И этот просмотр вышел для Евы самым, наверное, странным из всех. Во-первых – из-за собственного голоса в динамиках. Во-вторых – из-за нервного чувства, которое всегда испытываешь, показывая кому-то любимый фильм: когда пытаешься посмотреть на хорошо знакомую вещь глазами того, кто сидит рядом, в процессе находя в ней миллион гипотетических недостатков и боясь, что её не оценят.

В-третьих – из-за самого факта, что она смотрит «Ходячий замок» на планшете в настоящем иномирном замке, пока рядом с ней ест печенье принц-некромант.

Герберт не произнёс ни слова до самых финальных титров. И не смеялся, когда смеялась она. Но улыбку, которую Ева пару раз замечала на его лице, – обычную, тёплую, ни капли не саркастичную, она сочла хорошим признаком. Как и то, что к концу просмотра кружка почти опустела, а печенье в миске стало значительно меньше.

– Как... мило, – резюмировал Мэт. Демон материализовался где-то на середине мультфильма, сделав просмотр ещё более странным.

Хорошо хоть не сыпал комментариями: просто завис над кроватью позади них, устроившись в воздухе по-турецки. – Правда, этот Кальцифер такой глупый. Влюблённых голубков обмануть проще простого, так что на его месте...

– Сгинь, – посоветовала Ева.

– Да с радостью, – безропотно отозвался тот и истаял, компенсируя безропотность в высшей степени скабрёзной улыбкой. – Не буду вам мешать.

Ева сердито провела пальцем по тачпаду док-станции. Тот откликнулся не сразу: сказывалось то, что её руки были куда холоднее обычного.

– Должен признать, ваши представления о магии весьма правдоподобны. В большинстве случаев. Хотя демонов вы идеализируете, – небрежно изрёк некромант, когда Ева дважды щёлкнула на красный крестик в углу экрана. Потянулся за очередным печеньем. – Этот Хаул такой фигляр... Чем-то напоминает Миракла.

– А по-моему, тебя, – хмыкнула Ева, с облегчением наблюдая, как он жуёт, размышляя над увиденным. – Местами.

– Разве только внешне. В начале. Немножко. – Касаясь губами кружки, Герберт как-то странно усмехнулся; главной странностью было ребячество, которое Ева не привыкла видеть в его лице. – Но Софи точно вылитая ты.

– Да-а?

– Такая же угрожающая доброта ко всему вокруг. – Сделав последний глоток, он почти поморщился. – И обезоруживающее нахальство.

Глядя, как старательно он разыгрывает недовольство её персоной, Ева невольно прыснула.

– Так тебе понравилось?

Некромант аккуратно отставил пустую кружку на стол. В окно стучался вернувшийся ливень; осенняя тьма, тосковавшая по живому теплу и треску углей в камине, льнула к прозрачным стёклышкам в частом фигурном переплёте.

– Хорошая сказка. – Похвала вышла сдержанной, но – Ева поняла по голосу – вполне искренней. – Айрес тоже не мешало бы её посмотреть. – Выпрямившись, Герберт уставился куда-то в угол. –

Хотя не думаю, что даже такая хорошая сказка заставила бы её передумать и не развязывать войну.

Ева наблюдала, как его застывший было взгляд оживает, скользя по знакомым предметам. Вновь замирает, дойдя до футляра с Дерозе.

– Знаешь... в нашем мире тоже есть музыка. И места, где ей обучают. Академия Музыкальных Чар, к примеру.

Закрыв планшет на манер ноутбука, Ева заинтересованно села рядом:

– Академия Музыкальных Чар?..

– Королевская Академия Музыкальных Чар и Боевых Искусств. Там учат людей с таким даром, как у тебя. Это в Лигитрине, столице королевства Нотэйл, на соседнем континенте. Там же есть и обычная консерватория – для простых музыкантов. – Его тон был почти небрежным, будто он сообщал что-то совершенно не важное. – Туда в своё время поступил мой дядя. Думаю, ты могла бы там учиться, если бы захотела.

Куда же в волшебном мире без магической академии... Правда, этот жанр Ева не особо жаловала. Может, потому что в её родном колледже директор был очень милым, но пожилым мужчиной лет эдак за шестьдесят, и Еве в голову не пришло бы делать объектом своих романтических грёз brutального ректора. Но в музыкальном обрамлении идея академии звучала довольно интересно. Даже привлекательно.

– Твой дядя? – вдруг осознала она. – Кейлус?

– Да. Он сочиняет музыку. На досуге. Правда, особой популярностью она не пользуется.

Значит, Кейлус с форзаца «Трактата о музыкальных чарах» и кровожадный дядюшка – действительно одно лицо... Впрочем, на отношение Евы к дражайшему лиэру Кейлусу это не влияло. Не теперь.

Гитлер в своё время тоже писал акварели – довольно посредственные.

– И он учился в консерватории? Не в магической академии?

– Он некромант и лишён стихийного Дара. В Академию путь ему был закрыт. Да он и не особо стремился.

– Так он тоже некромант?

– Слабенький. Очень. И способностями своими почти не пользуется.

Ева вспомнила мальчишку, которого несколько дней назад поймала в саду. Поймала, чтобы отпустить.

– Но, Герберт... Если Кейлус учился там, рядом с музыкальной Академией... Вдруг он знает о том гипнозе, которым пользуюсь я?

Судя по тому, как посмотрел на неё Герберт, он прекрасно понял, к чему она ведёт. И мысль была для него не в новинку.

Это успокаивало.

– Даже если он поймёт, что на мальчишку наложили блок, он не станет рисковать его жизнью, пытаясь его взломать. – Интонацию окрасило терпение, на сей раз – не обидное. Это было не терпение, замешанное на раздражении от чужой глупости, а терпение, с каким утешают испуганных детей. – Если всё-таки рискнёт, скорее всего, мы узнаем о скоропостижной кончине его секретаря. Не факт, что даже тогда он что-то выяснит, но мы будем начеку. – Некромант вновь отвернулся, уставившись не то в угол, не то на футляр. – Впрочем, мы и так начеку.

Ева кивнула. Как ни странно, действительно успокоенная.

В ментальных блоках и мотивах своего дядюшки Герберт точно разбирался получше неё.

– Сыграешь как-нибудь мне?

Вопрос прозвучал так тихо, что Ева с трудом его расслышала. А даже расслышав, не сразу решилась поверить в то, что расслышала. Особенно в то, как это было произнесено.

Чтобы Гербеуэрт тир Рейоль кого-то *просил*...

– Мне понравилось... то, что играла твоя сестра. То, что играла ты. – Герберт смотрел в сторону так старательно, будто за его спиной она снова разоблачалась для очередной процедуры в ванной. – Как играла.

Ева видела его руки, лежавшие на коленях. Напрягшиеся так, что пястные кости прочертили тыльную сторону ладони тремя чёткими линиями, сходящимися и пропадавшими ближе к запястью.

Она сама не понимала, почему эти слова – несравнимые в своей простоте с иными цветастыми комплиментами и хвалебными одами, что она выслушивала за свою музыкальную жизнь, – так её смутили.

– Сыграю. Обязательно. – Ева заставила себя расслабиться: она и сама сцепила пальцы, сжав одну ладонь другой почти до синяков. – А ты... посмотришь со мной завтра ещё что-нибудь? Только если тебе понравилось, конечно.

– Да. Конечно. – Герберт сидел вполоборота, но ей всё равно видно было, как он облизнул и сжал губы. – Ева...

– Да?

Он всё-таки повернулся. И посмотрел так, что ей стало не по себе. Нет, не страшно – просто очень захотелось в свою очередь отвести глаза.

Потому что Еве не нравилось то, что она почувствовала под этим взглядом.

– Я... знаю, что со мной нелегко. – Он заговорил так мягко, так деликатно, будто касаясь дыханием огонька умирающей свечи; так мягко, что ей почему-то захотелось плакать. – Я делал и говорил тебе то, что не должен был говорить и делать. Я несносен порой, я не умею вести себя, как обычный... *нормальный*... человек. Я так долго был один, что забыл, что такое дружба, близость... всё остальное. Но я попытаюсь вспомнить. Если ты правда этого хочешь.

Она долго думала, что на это ответить. Это была опасная территория, на которую она, откровенно говоря, не собиралась заходить. Делать и говорить о том, что делаешь, – совершенно разные вещи.

В данном случае первое было проще второго.

– Я просто не хочу, чтобы всё сводилось исключительно к общему делу. У нас, – наконец сказала она. – И я давно тебя простила. За всё. Если честно, на тебя вообще трудно обижаться... если узнать получше.

Он склонил голову. Всматриваясь в её глаза так, словно на дне зрачков надеялся различить тот ответ, которого не знала даже она сама.

Ответ, чего же она всё-таки от него хочет.

– Спасибо, – в свою очередь сказал он. – За всё.

Они смотрели друг на друга. Впервые – без улыбки, без ёрничанья, без попытки переглядеть, что-то доказать, в чём-то убедить. Смотрели, пока Герберт вновь не отвернулся.

На сей раз – чтобы встать.

– Тебе нужно принять ванну. – Он выпрямился медленно, опираясь на столбик кровати: видимо, успел слегка отсидеть ноги. – Я



отдам распоряжения. Приходи... чуть позже.

И, возможно, Еве лишь послышалось за звуком затворяющейся двери судорожное бормочущее «боги, что я творю».

\*\*\*

Когда Тим открыл глаза, первым, что он увидел, был Кейлус, дремавший в кресле подле постели.

Тим приподнялся на локте – мужчина тут же распахнул тяжёлые, пушившиеся длинными ресницами веки.

– Лежи, – велел Кейлус с интонацией, заставившей Тима немедленно подчиниться. Потёр костяшками пальцев глаза, затем, уже кончиками, – виски. – Как же ты меня напугал.

Тим окинул мутным взглядом свою спальню, пытаясь вспомнить, как сюда попал и что этому предшествовало.

– Что... произошло?

– Ты ничего не помнишь? – Морщась (во сне у него затекли ноги), Кейл сел поудобнее. – Ты выходил из гостиной. Потом схватился за голову и упал. У тебя было... что-то вроде припадка. – В его глазах Тим видел не самые приятные воспоминания. – В конце концов ты затих и уснул. Пролежал почти сутки. Целитель сказал, физически ты здоров. Никаких следов яда, болезни или проклятий. – Кейл подался вперёд, вглядываясь в его бледное лицо. – Что случилось?

Перед глазами Тима наконец всплыл дверной порог. Последнее, что он видел, прежде чем упасть. А в ушах...

– Я... что-то вспомнил. – Он облизнул пересохшие губы, чувствуя мерзкий медный привкус во рту. – Когда ты сочинял. Мелодию... похожую.

Под недоумённым взглядом Кейла он судорожно сдвинул брови, пытаясь вспомнить больше. В затылке тут же всплеснулась боль, предупреждая: нет, Тиммир Лейд, не пытайся. Не то будет куда хуже, чем сейчас.

– Не могу. – Он прижал ладонь к месту, где жгуче пульсировала кровь. Сразу же опустил – слабость давала о себе знать, реагируя дрожью даже на такое простое движение. – Я где-то слышал её, но не помню где. И сейчас... тоже... больно.

– И ты потерял сознание от *этого*?

Тим кивнул. Почти плача – в равной степени от боли и понимания, насколько глупо всё это звучит.

Последнее, чего он ожидал, так это того, что лицо Кейла разгладит удовлетворение. Точно он получил ответ на терзавший его вопрос.

– Мелодия, – медленно повторил он. – Музыка. – Он коротко выдохнул. Затем рассмеялся. – Ну конечно.

Тим слушал, как смех переходит в хохот. Не понимая, что послужило причиной веселья, но подозревая, что его бессвязный бред сообщил нечто очень важное.

Лишь затем вспомнил, что в Лигитрине, в юности приютившем Кейла на самый, наверное, счастливый год его жизни, располагалась не только знаменитая на весь мир консерватория.

– Тебя загипнотизировали, – пояснил Кейлус, подтверждая догадку; в голосе ещё звучали отзвуки смеха. – И поставили блок. Неумелый, отсюда и последствия. Хотя, полагаю, если бы не удачное стечение обстоятельств, первый припадок случился бы позже. – Он рывком поднялся на ноги. – Ты точно не помнишь ничего подозрительного в саду Рейолей?

Тим покачал головой. Уже зная, что это, даже будучи правдой – во всяком случае, правдой, известной ему, – ничего не доказывает.

– Вы думаете, это... сделала *она*? – Он следил, как Кейл меряет шагами комнату, сцепив руки за спиной.

– Девчонка может владеть Даром, несвойственным для наших мест, но хорошо знакомым мне. Гипноз – одна из основных разновидностей музыкальной магии. А с помощью гипноза легко можно поставить блок.

– Я... мог видеть её? Столкнуться с ней? А потом меня просто заставили об этом забыть?

– Да. – Замерев подле кровати так же резко, как до того поднялся, Кейлус уставился в стену. Та была интересна разве что отсутствием на ней чего-либо интересного, даже узоров на однотонных обоях. – Мог.

Тим следил за его лицом, зная, о чём он думает. О том, что взломать блок – единственный способ заполучить действительно достоверную информацию. О том, чем чаще всего платят те, в чью голову вламываются посторонние люди. Может, и о том, готов ли он, Кейлус, к этой плате.

Свой ответ на последний вопрос Тиммир Лейд знал совершенно точно.

– Кейл, – тихо проговорил он, – если это поможет найти её...

Тот опустился на край постели, и выражение его лица заставило слова затихнуть в горле.

– Даже не думай. – Ладонь, пахнувшая острой горечью лекарств, легла на его волосы; губы, пахнувшие так знакомо сладкой прохладой пряных леденцов, легко коснулись его виска. – Не такой ценой. – Тонкие нервные пальцы в рассеянной задумчивости скользнули сквозь русые кудри, спутанные после долгого болезненного сна. – У меня будет новое поручение для охотников за головами... Пусть ищут в Шейне и окрестностях кого-то, кто обращался к лекарю с жалобой на странные провалы в памяти. Или на травмы, полученные неведомым каким образом. Или на припадки, подобные тому, что случился с тобой.

– Думаешь, она могла повстречаться с кем-то ещё? – спросил Тим со странной смесью облегчения и покорности тому, что теперь придётся идти по сложному пути.

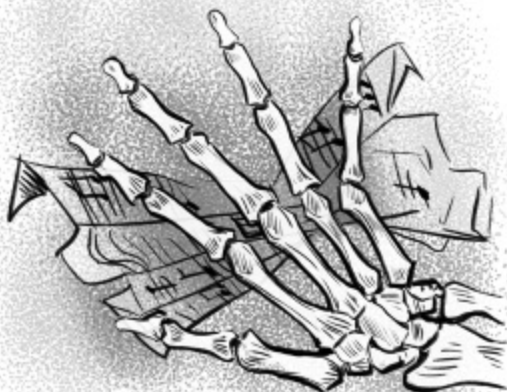
– Весьма вероятно. И если девчонка разбрасывается неумелыми блоками, рано или поздно блок даст о себе знать. Даже без катализатора. Спровоцирует приступ.

– А если охотники никого не найдут?

– Тогда будем действовать наугад. Но я думаю, что найдут. В конце концов, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. – Висок Тима обжёг тихий и очень недобрый смешок. – А я помню, что иномирные девочки любят искать себе приключения.

## Глава 16

### Sul tasto [\[25\]](#)



– А что всё-таки ты собираешься делать с драконом? – поинтересовалась Ева двумя вечерними посиделками позже, пока они, досмотрев «Унесённых призраками», пили фейр под Неоконченную симфонию Шуберта.

– Мы его убьём, – просто ответил некромант. – Думаю, где-то через неделю, как будешь готова.

Ева, не слишком воодушевлённая этим планом, уставилась на него:

– Убьём?..

Вчера им пришлось заряжать планшет, потому что энергия в батарейке и в портативном аккумуляторе окончательно и бесповоротно закончилась. Ева очень нервничала по этому поводу, но всё прошло благополучно. Правда, вначале она пластиковой карточкой долго отковыривала у планшета крышку и сам аккумулятор, а затем Герберту пришлось поскучать, удерживая электрическое поле вокруг прижатой к клеммам стальной проволоочки, но Ева на пару с Дерозе скрасили его ожидание небольшим концертом, так что в обиде никто не остался.

Наградой их усилиям послужила новая диснеевская «Золушка». Герберт, правда, в пух и прах раскритиковал принца: мол, правитель из

него аховый, раз предпочёл союзу с сильным государством брак по любви, тем самым обрекая страну на большие проблемы, ибо «вера в добро разобраться с врагами и нищетой не поможет». В ответ Ева добродушно посоветовала ему не бурчать, на что получила тоже вполне добродушное хмыканье.

Тогда же Герберт и вручил ей вторую кружку, наполненную фейром до краёв. Вчера, когда они устроились перед планшетом. Просто достал её из пустоты, буднично пояснив, что это иллюзия. Поскольку от него принимать подобное подношение Ева не боялась, то наконец узнала, что фейр очень похож на зелёный чай с мелиссой, и очень даже вкусный.

Иллюзия у Герберта вышла чертовски правдоподобной. Что вкусом, что запахом, что тем, как глиняные стенки чашки грели Евины холодные руки. Идеальное дополнение к очередному уютному вечеру, оттенённому чёрно-белым холодом за окном: сегодня ночная тьма наконец-то сыпала снег вместо дождя.

– О чём это? – Казалось, её вопроса Герберт не услышал. Подперев подбородок рукой, он смотрел на экран планшета, где метались цветные столбики эквалайзера. И лежал рядом (теперь, на третий вечер, уже лежал), даже как-то мечтательно полуприкрыв глаза, внимая светлой побочной партии.

– Симфония? – Ева сама призадумалась над ответом. С «Неоконченной» всё было не так просто. – А тебе как кажется?

Некромант обвёл пальцем край почти опустевшей кружки. Слушал, пока свет лиричной мелодии в конце экспозиции не уступил место вступительной теме-эпиграфу – гнетущей, мрачной и торжественной, как тяжёлая поступь судьбы, – чтобы затем, высоко над тревожным волнением скрипок, повторно запел главную партию печальный гобой.

– Человек и рок. Любовь и смерть. Мечта и реальность. Их противопоставление. Их борьба. – Губы Герберта дрогнули в невесёлой усмешке. – Думаю, во всех случаях в конце победит не первое.

– Ты прав, – вспоминая минорный финал, признала Ева. Осмыслила всё, что он сказал, и горделиво добавила: – Во всём, пожалуй.

За два вечера, которые по обоюдному желанию они завершали «музыкальной паузой», Ева успела понять: в глубине души венценосный сноб – тонкий ценитель, не пасовавший ни перед сложными хитросплетениями полифонии Баха, ни перед дерзкими гармониями позднего Бетховена. И Рахманинова (и не только его) он действительно понимает.

И её игру оценил не потому, что к виолончели прилагалось симпатичное личико.

– Как, по-твоему, мы убьём дракона? – всё-таки спросила Ева, терзаемая любопытством и не самыми хорошими предчувствиями.

– Отправимся в его логово. Вместе с Мираклом – мы обо всём договорились. Постараемся, чтобы финальный удар нанесла ты, но, полагаю, пророчество не обидится, если он падёт от наших рук... учитывая все обстоятельства. – Указательный палец Герберта рассеянно стучал по глине в такт музыке. – Затем я погружу его в стазис. В нужный момент подниму, и мы разыграем нападение на столицу и твою героическую победу. Всё просто.

На словах и правда звучало просто. Но поскольку Эльен успел поведать Еве кое-что о здешних драконах, она сильно сомневалась, что на практике выйдет так же.

Тот самый дракон, которого ей предстояло одолеть, был одним из немногих представителей своего вида, ещё обитавших в Керфи. Он гнезвился в заброшенном замке не столь далеко от Шейна (пара часов конным ходом), на пустынных землях, куда забредали разве что глупые коровы да овцы. Сотню лет назад огнедышащая зверюга досаждала людям периодическими налётами на города и деревни; когда же те всерьёз взялись за истребление его сородичей, дракон разумно счёл, что лучше поумерить пыл. С тех пор он и засел в замке, предпочитая поддерживать с людьми нечто вроде вооружённого нейтралитета. Шейнский дракон был одним из старейших и, соответственно, сильнейших, так что люди тоже не горели особым желанием с ним воевать – все предыдущие попытки выкурить гигантскую ящерицу из каменного гнезда заканчивались горой рыцарей средней степени прожарки, законсервированных в собственных доспехах.

– Ты уверен, что в пророчестве речь о драконе? Эльен говорил, тот дракон сидит у себя в замке и никого особо не трогает... Только скотом с пастбищ подкармливается. И то не слишком наглет.

– Не знаю больше ни одного претендента на роль страшного смертоносного чудища, обитающего на Шейнских землях и способного «явиться» до конца года.

– И ты думаешь, у нас троих получится его победить? – признав весомость аргумента, хмуро заметила Ева. – Сам говорил, ни тебе, ни твоему отцу приструнить его не удалось.

– Получится, – сказал Герберт с обезоруживающей уверенностью. – В конце концов, иного выбора у нас нет. – Он сделал ещё один глоток. – В последний раз, когда мы с отцом отправились в те проклятые развалины, я был далеко не так силён, как сейчас. И мы всё равно ушли оттуда живыми.

– Зачем вы вообще туда пошли? Если дракон не так уж досаждал... пока, по крайней мере...

– Дело принципа. А ещё отец хотел устроить мне испытание. – Герберт отсутствующим взглядом смотрел в пространство, вспоминая дела давно минувших дней. – Мы даже солдат с собой брать не стали – во всяком случае, не в замок. Не хотели расплачиваться их жизнями. Дракона вполне можно победить в одиночку.

Ева вспомнила тот разговор с Эльеном, из которого узнала много интересного о своём чешуйчатом противнике и драконах вообще.

*«А они правда собирают себе огромную сокровищницу? – полюбопытствовала она, разглядывая гравюры в книге, услужливо предоставленной призраком. – В наших сказках драконы всегда спят на грудах золота».*

*«В этом вы не ошиблись, – подтвердил любезный учитель. – Как и во многом другом».*

Ева изучила легендарное создание, запечатлённое на пожелтевшей странице. Четыре лапы, крылья, чешуя, цепочка шипов на спине и длинный хвост: типичный дракон, неотличимый от типичных человеческих представлений. На картинке он лежал на берегу реки – если верить книге и Эльену, огненные по своей природе драконы время от времени охотно купались. Даже ныряли в недоступные людям озёрные глубины, когда хотели полакомиться недостаточно шустрым рыбным косяком.

Хоть всерьёз задумывайся о том, сколько правды в давно развенчанных земных легендах про известнейшее озёрное чудовище.

*«Никогда не понимала, зачем им золото и драгоценности. Они же всё равно не могут их тратить».*

*«О, это весьма любопытный вопрос. И поэтичный. – Эльен улыбнулся интересу в её глазах. – Видите ли, на самом деле драконы – величайшие ценители красоты в нашем мире. Как и гномы. Говорят, для них золото и камни поют, и в их блеске и мерцании они слышат мелодии, недоступные нам. Песня золота улаживает им слух... и золото они собирают, чтобы песня эта всегда звучала в их обители».*

*«И правда поэтично, – оценила Ева. – Надо же... Никогда не думала об этом в таком ключе».*

*«Люди в вашем мире многое поняли о магии и магических существах. На удивление многое. Но кое-что можно познать и понять, лишь столкнувшись с этим».*

Слушая трагический надрыв скрипок в разработке, Ева подумала, что дракон-эстет – не то существо, которое ей хотелось бы вульгарно и примитивно убить. Если честно, ей вообще никого убивать не хотелось, тем более подобное создание.

Особенно если вспомнить о наличии у этого создания громадных зубов, острых когтей и пламени, в сочетании с предыдущими двумя пунктами способном превратить Еву в относительно аппетитный бифштекс.

– Герберт, ты не думал, что с драконом можно... договориться? Эльен рассказывал, они у вас вполне разумные. Пусть в людей и не превращаются. И говорить умеют.

– Сомневаюсь, что дракон согласится услужливо умереть на глазах у обитателей Айдена.

– Ему не обязательно умирать. Мы можем предложить ему устроить такой же спектакль, только с его участием. – Ева пожалела, что на планшете у неё не завалялось обожаемого «Сердца дракона» – для наглядной демонстрации, что за договор способен заключить ушлый дракон с не менее ушлым рыцарем. – Смотри... столица ведь стоит на берегу озера, правильно? Озеро огромное, и в него впадает река. Я могу «победить» дракона так, чтобы он упал в озеро и вроде как утонул. Искать его на дне никто не будет, там очень глубоко, а он проплывёт под водой и...

– И куда денется потом? – уточнил Герберт с видом, являвшим почти кристаллизирующуюся концентрацию скептицизма.



– Попросим его покинуть свой замок. И улететь в горы. Думаю, если альтернативой будет смерть, он неохотно, но согласен...

– Не говори чепухи. Убить проще.

Тон некроманта ясно намекнул, что возражения не принимаются, но порой Ева предпочитала не понимать намёков.

– Может, для начала хотя бы попробуем...

– Драконы – не те существа, с которыми можно договориться, поверь. – Под величественное оркестровое тутти Герберт сел; остатки фейра в его чашке чуть не выплеснулись на покрывало. – Я помню о твоей угрожающей доброте ко всему вокруг и о страхе, который ты не можешь не испытывать при мысли о столкновении с подобным... существом. Но мы с Мираклом сможем тебя защитить. Ты и сама себя защитишь, надеюсь – не зря же я так гонял тебя с магическими барьерами.

Прекрасно различив сердитость, которую он пытался спрятать за мягкостью, Ева поняла: на сей раз спорить действительно бесполезно. И это отнюдь не отменяло того, что ей ни капельки не хотелось решать проблему таким путём.

Хм...

– А барьеры защитят меня от дракона? – прикидывая кое-что, уточнила она.

– Сквозь базовый защитный купол не пробьются ни его пламя, ни его пасть. До поры до времени, – не слишком утешительно добавил некромант. – Нагрузка на щит при атаке дракона будет колоссальной, твои силы быстро закончатся. Так что сражение лучше не затягивать. – Допив фейр под репризу, вновь разлившую в воздухе нежные переливы побочной партии, Герберт отставил пустую кружку. – Завтра у меня встреча с Айрес. Надеюсь, без меня ты времени зря терять не будешь.

– Да. Конечно. – Ева прикинула ещё кое-что. – И когда примерно ты вернёшься?

Герберт оказался достаточно проницателен, чтобы не обмануться её абсолютно невинным тоном.

– С чего такой интерес?

– Просто хочу рассчитывать время. Мне же надо подготовить для просмотра что-нибудь ещё. – Ева посмотрела на него большими, очень честными глазами. – И можешь... оставить мне какой-нибудь артефакт,

чтобы я могла связаться с тобой на расстоянии? Пока тебя не будет. Вдруг ещё один шпион твоего дядюшки пожалует, – добавила она настолько непринуждённо, насколько позволил лицедейский дилетантизм. – Не хочу разбираться с ним без тебя.

– В прошлый раз тебя это не остановило. И время моего возвращения тебя не слишком интересовало.

– Это было до того, как мы... поладили.

Такой довод Герберту крыть было нечем, и когда подозрение в его взгляде растаяло, Ева ощутила лёгкий укол совести.

Ох, не хотелось ей манипулировать им после всего, чего она добилась с таким трудом. Не хотелось. Но когда ей фактически не оставляют другого выхода...

– Ладно. Будет тебе артефакт. А вернусь я, полагаю, около шести. – Дослушав завершающие аккорды первой части симфонии, Герберт посмотрел на кружку в её руках. – Допила?

Ева с лёгким сожалением проследила, как исчезает из пальцев иллюзия обожжённой глины. Приятный прохладный привкус во рту – послевкусие фейра – пропал одновременно с ней.

Если б только они могли выпить что-то *по-настоящему* вместе...

– Спасибо ещё раз, – сказала она, гоня прочь тяжёлые мысли.

– Одна из немногих приятностей, которые я могу тебе подарить. – Герберт следил, как она закрывает плеер на планшете. – Если только устроить целый фальшивый обед...

Ева сама не поняла, почему печаль, скользнувшая в словах, так её согрела. Чужая печаль не должна греть. При нормальных обстоятельствах.

Впрочем, их обстоятельства трудно назвать нормальными.

*Это не навсегда*, напомнила Ева, ощутив, как снова путает мысли страх, забытый за делами, неожиданностями и тёплыми вечерами. *Герберт обязательно меня оживит. Или кто-нибудь.*

– Предпочту отложить обед до своего воскресения. – Несмотря на самовнушение, улыбка всё равно вышла через силу. – Чтобы он был уже не фальшивый.

Она ещё успела заметить приоткрытую дверь, прежде чем на кровать бесцеремонно вспрыгнул белый бесхвостый кот. Тот самый, что тёрся у ног Герберта в день, когда Ева открыла глаза на алтаре. О

коте она успела забыть – просто потому, что с тех пор ни разу его не видела.

– Это Мелок, – сказал Герберт, протянув руку к коту, немедленно боднувшемуся об неё усатой щекой.

– Мелок?

– Я назвал. Маленький был, – неохотно добавил некромант, будто оправдываясь.

Ева постаралась скрыть улыбку – на сей раз искреннюю.

– Давно я его не видела.

– Я и сам его нечасто вижу. Хорошо хоть всегда могу позвать для процедур. Он тот ещё бродяга... ласку просит редко. Не любит чужаков. – Герберт почесал кота за ухом, пока тот жмурил голубые умные глаза. – Значит, свыкся с твоим присутствием, раз сам сюда пришёл.

Ева немного удивилась тому, что довольный кот даже не думает мурлыкать. И лишь когда он сел, увидела нечто, в сочетании со словами о «процедурах» подсказавшее ей ответ.

Крупный рубин, мерцавший в груди среди белой шёрстки.

– Герберт, он что...

– Твой предшественник, можно сказать. Да. – Тонкие пальцы скользили по чистой недлинной шерсти, светлой как снег, который тихо накрывал землю, ждущую зимы. – Первый, кого я успешно посмертно исцелил и погрузил в стазис. Только хвост не смог прирастить.

Ева смотрела на кошачьего товарища по несчастью.

– Что с ним произошло?

– Я долго отработывал регенерацию и стазис на крысах. Пока учился. Выходило недостаточно хорошо. Тогда отец кинул Мелка своим охотничьим псам. Решил придать мне стимул. И был прав. Когда я понял, что у меня нет права на ошибку, то сделал всё идеально... не считая хвоста, но это мелочь. И мурлыкать он разучился, как потом выяснилось. А в остальном явно остался собой.

Он поведал это так спокойно, так отстранённо, что Еве на миг очень захотелось тоже сделаться некромантом. Дабы поднять достопочтенного господина Рейоля из могилы и собственноручно отправить обратно.

– Твой отец... Он просто...

– ...не считал животных чем-то значимым. Не считал, что животное можно по-настоящему любить. Но знал, что Мелок важен для меня. Причуда, которой можно воспользоваться. – Герберт потрепал кота, развалившегося на постели рядом с хозяином, по блаженно подставленному меховому пузу. – Он лежал в стазисе несколько лет. В фамильном склепе. Пока я не изобрёл тот ритуал, которым поднял тебя. Отец сперва ругался, что я попусту расходую энергию, поддерживая стазис у какого-то животного.

– А потом? – боясь спугнуть хрупкую ниточку доверчивой откровенности, сплетённой музыкой, фейром и сказками, тихо спросила Ева.

– А потом отец погиб. Ритуал я вывел, уже когда остался один. И после его смерти больше мне никто никогда ничего не указывал... почти никогда. – Зарывая пальцы в белый мех, Герберт помолчал, наблюдая, как мерно пульсирует рубин в кошачьей груди. – Жаль, что правильные выводы из всего этого я сделал куда позже. Тогда мне преподали важный урок.

– Что твой отец – бесчувственный скот?

Это вырвалось непроизвольно. И, учитывая непростое отношение Герберта к покойному господину Рейолю, это наверняка стоило сдерживать.

То, что некромант всё-таки ответил, стало для Евы ещё одной приятной неожиданностью.

– Что никогда нельзя показывать, что тебе дорого. Чтобы никто не знал твоих слабых мест. Даже самые близкие. – Его рука оцепенело замерла на кошачьем животе. – А лучше вообще не иметь слабостей.

То ли оттого, что ласка прекратилась, то ли оттого, что коту просто надоело лежать, Мелок перевернулся. Лениво выскользнув из-под хозяйских пальцев, спрыгнул с постели так же решительно, как пришёл; направился к двери, подтверждая гордое звание зверя, который гуляет сам по себе.

– По-настоящему близкие никогда не воспользуются твоей слабостью, – сказала Ева, провожая кота взглядом. – И никогда не причинят тебе боль.

Герберт равнодушно пожал плечами:

– Близкие всегда причиняют боль. Даже не желая того. Хотя бы тем, что однажды обязательно оставляют тебя одного.

– За всё приходится платить. Эта боль стоит того, за что ты в итоге платишь.

– Не уверен.

– Я платила. Я знаю.

Это он оставил без ответа. И, глядя в его лицо, замкнувшееся в мёрзлой невыразительности, Ева остро – на удивление – поняла, что отчаянно не хочет снова видеть его таким. Мальчиком, которому никто не дул на разбитые коленки, даже пока этот «кто-то» был жив; мальчиком, который потом коротал долгие годы в обществе призрака в своём замке и призраков в своей голове, пока где-то сам по себе гулял его мёртвый кот и таил молчаливые обиды его бывший единственный друг.

Когда её пальцы коснулись его руки, лежащей на покрывале, Герберт не вздрогнул. Лишь глаза выдали: этого он не ждал.

– Я не ударю тебя по больному. Ни за что, – дождавшись, пока он посмотрит на неё, произнесла Ева. – В том, что в моих силах, по крайней мере. Веришь?

Он опустил взгляд на её руку. Так, что Еве тут же захотелось её убрать. Но прежде чем она успела, Герберт перевернул ладонь; его пальцы оказались точно между её, чуть сплетаясь самыми кончиками – словно их руки были пазлом, и он проверял, сойдутся ли вместе разрозненные фрагменты.

– Тебе – пожалуй, – просто ответил некромант. Отдёрнув ладонь, тут же встал. – Увидимся завтра.

Когда он ушёл, Ева выключила планшет и откинулась на подушку, уставившись в потолок.

– И не стыдно?

– Что не стыдно? – прохладно откликнулась девушка, не глядя на Мэта.

– Сегодня давать обещание, которое не особо коррелирует с тем, что ты собираешься сделать завтра?

Ева зажмурилась, чтобы случайно не увидеть ехидное лицо под светлыми вихрами.

– Я не собираюсь делать ему больно. И всё обдумала. – Странно, но в этот миг она сама себе верила. – Он постоянно сообщает мне о своих гениальных планах постфактум. Я имею право разок поступить так же.

– После того, как приучила нашего малыша есть у тебя с рук?  
Ева сделала вид, что не слышит.

– Я ведь могу ему рассказать, – вкрадчиво прошелестело в темноте, разлившейся перед глазами. – Сама знаешь.

– Не расскажешь. Тебе интереснее будет наблюдать за действием с попкорном, чем его пресекать.

– Какая уверенность.

– Хочешь сказать, напрасная?

Сквозь кружево слегка приподнятых ресниц она видела, как Мэт вскидывает руки, будто завидев полицейский отряд.

– Ладно, ладно. Твоя взяла. – Судя по звуку, демон зевнул, обесценивая её маленький выигрыш. – Но на твоём месте я бы приготовился к... интересным последствиям.

Ева демонстративно отвернулась к стенке, противоположной той, откуда звучал голос:

– Я стараюсь не совершать поступков, к последствиями которых могу быть не готова.

И постаралась забыть о том, что к последствиям приручения Герберта – судя по всему, что всплеснулось в душе перед его уходом, – она была готова не совсем.

## Глава 17

### Deciso [\[26\]](#)



– Мне нужна телега, Эльен, – заявила Ева призраку на следующий день, когда часы в столовой приблизились к половине четвёртого по керфианскому времени. – Запряжённая.

Дворецкий, которого она снова застала в кладовой за пересчётом провианта, возрился на неё в искреннем удивлении.

– Телега, лиоретта?..

– Хочу навестить одного дракона. А творить телепорты без предварительного обучения у Герберта я не рискну.

Записная книжечка, куда Эльен скрупулёзно заносил результаты ревизии, выпала у призрака из рук.

Сперва Ева собиралась улизнуть из замка по-тихому. Затем поняла, что её познаний в лошадях едва ли хватит даже на то, чтобы оседлать костяного коня (если на них вообще могло удержаться седло), не говоря уже о том, чтобы пуститься на нём в дальнюю дорогу. Оставалась телега, в которой Эльен когда-то привозил продукты, – Ева искренне надеялась, что править ею не слишком сложно.

После долгих раздумий она поняла, что лучше поговорить с призраком начистоту.

– Вы... собираетесь... к дракону?

– Герберт хочет его убить, – сказала Ева, без смущения встретив призрачный взгляд. – Я думаю, что убить его всегда успеется. Хочу попробовать уладить всё дипломатическим путём.

– И господин об этом...

– Узнает. Когда я всё улажу. Или если не улажу. – Ева запустила руку в вырез рубашки. – Эльен, он и слушать меня не захотел. Вы же знаете, какой он упрямый. Но он оставил мне это. – Когда она разжала пальцы, в них светился небольшой, с мизинец, голубой кристалл, занявший место по соседству с рубином. – Если что-то пойдёт не так, я сразу свяжусь с ним.

*«Держи, – заглянув в её комнату перед уходом, произнёс Герберт, вручая ей подвеску на кожаном шнурке. – Надень».*

Как выяснилось, работал кристалл просто: пока он на тебе, достаточно сосредоточиться на том, с кем хочешь связаться, и произнести вслух слова, которые собеседник должен услышать в голове. Кристалл могли использовать и люди без Дара, но лишь после долгих тренировок. У магов, которым артефакт подчинялся сразу и охотно, возникал странный побочный эффект – в течение суток после сеанса связи тебе грозил приступ жуткой мигрени. Предотвратить его можно было, лишь приняв специальное зелье, которое стоило недёшево, поэтому широкого применения изобретение не нашло, но у Герберта все нужные зелья имелись, а Еве, пребывающей в стазисе, мигрень вряд ли грозила.

*«Спасибо, – искренне поблагодарила девушка, когда они успешно проверили связь. Тут же добавила: – Надеюсь, это не понадобится».*

Жаль только, она точно знала, что врёт.

*«Ты ведь всегда знаешь, где я, верно?»* – подумав, невзначай осведомилась Ева, вспоминая предыдущий побег.

*«Не всегда. Но узнаю, если захочу. Ты моё создание, определить это мне нетрудно. – Светлые ресницы сблизились в прищуре. – Опять собираешься бежать?»*

*«Просто интересуюсь. На случай, если кто-нибудь вздумает убежать от меня».*

Видимо, ей удалось изобразить мрачную встревоженность. А учитывая секретаря дядюшки Кейлуса, разгуливающего на свободе...

*«Я вернусь вовремя. И в замке тебе ничего не грозит, – сказал Герберт, смягчившись. – Не выходи на всякий случай никуда. Даже в*



*сад».*

Конечно, Ева пообещала не выходить. А что ещё ей оставалось? Меньше всего ей хотелось, чтобы неделю спустя Герберт рисковал жизнью, пока она будет отсиживаться за его спиной. Потому что в сражении с драконом она вряд ли ему поможет, а он вряд ли позволит.

Приходилось снова мириться с необходимостью ему врать. Пусть из самых благих побуждений.

– Эльен, я всё рассчитала. – Вытащив из-под мышки книгу, валявшуюся в комнате ещё с уроков по керфианской географии, Ева раскрыла её на карте, заложённой обрывком нотного листа. – Вы сами говорили, что по дороге к Драконьей Пустоши... вот этой... давно никто не ездит. Значит, меня на ней вряд ли заметят. И если я... и вы... не ошиблись в расчётах, я буду у драконьего замка как раз к тому времени, когда урок Герберта у Айрес закончится. Значит, он сможет прийти мне на помощь, если я его позову. – Закрыв сборник страниц, изрисованных стилизованными горами, лесами и ниточками дорог, Ева твёрдо посмотрела на растерянного призрака. – А если он всё равно сможет прийти мне на помощь, что я теряю?

Не ответив, Эльен нагнулся, чтобы подобрать с пола записную книжку.

– Теперь я понимаю, почему вы с Уэртом поладили, – пробормотал он, вкладывая карандаш в петельку, пришитую к переплёту.

– Почему же?

– Твёрдостью вашей с ним самоуверенности можно шлифовать алмазы. – Выпрямившись, Эльен взглянул на неё почти сурово. – И вы не подумали, что за помощь вам господин будет, мягко говоря, не слишком мне благодарен?

– Не бойтесь, я вас не выдам. Скажу, что всё сделала сама. – Конечно, Ева об этом подумала. Именно поэтому вопрос ничуть её не смутил. – В крайнем случае сошлётесь на то, что я снова вас загипнотизировала.

– И, полагаю, останавливать вас бесполезно.

Она непреклонно кивнула.

С тяжёлым вздохом призрак прижал руку с книжечкой к груди.

– В таком случае я еду с вами.

От изумления Ева просто позволила полупрозрачным пальцам подхватить себя под руку и вывести из кладовой, дразнившей залежами недоступных яств.

– Раз уж я не могу вас остановить, хотя бы присмотрю, – изрёк Эльен в ответ на немой вопрос. Витиеватым жестом указал на лестницу, выводящую с кухни. – Это не обсуждается. Собирайтесь и выходите во двор, я велю подать экипаж.

– Но, Эльен...

– Не обсуждается, – строго повторил призрак.

После недолгих колебаний Ева побежала вверх по ступенькам.

В конце концов, позволить отвезти себя куда удобнее, чем самой пробираться по незнакомой дороге на незнакомом транспортном средстве. А от гипнотического приказа «дай мне телегу и выпусти меня из замка» недалеко и до «подай мне экипаж и отвези меня к дракону».

Дорога в карете с мягкими бархатными сиденьями прошла в высшей степени комфортно. Жаль только, с Эльеном поболтать не вышло: призрак сидел на облучке, правя неживыми лошадьми, и велел Еве не высовываться, дабы не попасться никому на глаза. Зато Мэт ещё в начале пути не замедлил обрисоваться напротив.

– Ты даже более сумасшедшая, чем я думал, – констатировал он с извращённым подобием уважения.

– Дуракам везёт, – пожала плечами Ева, глядя на лес, проползавший мимо застеклённого окна.

– К твоему сведению, драконы – не котятки. Почесать ему подбородочек, чтобы разомлел, успокоился и не пустил тебя на закуску, не выйдет.

– Чесать его я и не собираюсь. – Ева коснулась футляра с Дерозе – тот стоял на полу кареты, опираясь на синий бархат сиденья. – И если что, Герберт вытащит меня оттуда.

– Так в этом уверена?

– Вполне.

Мэт только хмыкнул, прежде чем ретироваться.

Ева даже удивилась, с чего демон не воспользовался ситуацией, в которой легко мог досаждать ей всю дорогу. Потом подумала, что приводить её в недоброе расположение духа перед столь

ответственным мероприятием было бы не лучшей идеей. А поскольку Мэт заинтересован, чтобы реалити-шоу про её злключения продержалось как минимум один сезон...

В общем, оставшаяся часть пути прошла в молчаливом созерцании окрестностей и чтении на прихваченном планшете. Расходовать бесценную энергию на средненькое любовное фэнтези было, возможно, слишком расточительно, но ничего другого в голову не лезло, а отвлечься перед визитом к дракону хотелось.

То, как спокойно Ева относилась к этому внешне, не означало, что она не боялась.

Когда они благополучно преодолели мост рядом с Шейном и объехали город по окружной дороге, за окном раскинулись выцветшие луга, схваченные изморозью, серевшие вдоль берега реки. Затем пошли поля, припорошённые долгожданным снегом поверх тёмной земли, отдохавшей до весны. Время от времени вдали проплывали городки и деревушки, прявшие ниточки дыма в стороне от отличной каменной дороги, пока они не свернули на путь к Драконьей Пустоши, официально наречённой так пару столетий назад.

Будь Ева одна, ей пришлось бы дать приличный крюк, ещё перед Шейном съехав на непопулярную (по причине ухабов и колдобин) сельскую дорогу вдоль реки: там вероятность встретить какого-нибудь любопытного мага сводилась к нулевой. Будь она одна, она вряд ли успела бы прибыть в пункт назначения к намеченному сроку.

Впрочем, в её случае «позже» было определённo лучше, чем «раньше».

После долгого и тряского пути по кочкам среди заснеженных пустошей карета наконец остановилась.

– Драконий замок, лиоретта, – открыв чёрную лакированную дверцу и подав Еве руку, доложил Эльен.

Спустившись по откидной лесенке, Ева воззрилась на замок, серевший в сотне метров впереди. Не слишком большой, зато исполненный в лучших традициях Средневековья: мощные крепостные стены, зубцы, круглые башни без шпилей, часть которых была разрушена. Вокруг белое поле сливалось с белым небом – снег и облака стирали горизонт, рушили границу между землёй, отданной людям, и драконьей высью.

– Надеюсь, сам дракон тоже там, – вскидывая на плечо карбоновый футляр, сказала Ева, очень стараясь казаться бодрой.

– Я бы скорее надеялся на обратное.

– Я же пришла поговорить. Иначе получится, что мы оба нарвёмся на праведный гнев Герберта совершенно напрасно. – Она посмотрела на небо, скрывавшее солнце под белёсой облачной ватой. – Который час, не знаете?

Эльен вытащил из кармана часы на цепочке; Ева предпочла не задумываться о том, насколько они призрачны и как держат завод.

– Без трёх минут шесть. – Эльен мрачно посмотрел на замок, пока костяные кони совсем как живые топтали копытами снег. – Вы уверены, что Уэрт придёт вам на помощь?

Ева извлекла из-под куртки магический кристалл. Закрывает глаза, представляя хорошо изученное лицо, обрамлённое бледным золотом длинных прядей.

Кристалл вспыхнул голубым светом, знаменуя, что связь установлена.

– Где ты? – сказала Ева.

Герберт откликнулся не сразу, и пару минут девушка нетерпеливо притаптывала мыском сапога по пушившейся снегом земле.

В конце концов, он сейчас во владениях королевы. Значит, и связаться с Евой мог лишь из места, где никто не услышит. А без подтверждения, что некромант действительно сможет в любой момент переместиться к ней, соваться к дракону с очень большой вероятностью было самоубийством.

Странное ощущение пощекотало виски изнутри.

«Что-то случилось?» – прозвучало в голове секунду спустя.

– Где ты?

«Собираюсь домой. Буду через пять минут. Чтобы не вызвать подозрений. – Судя по голосу, некромант уже дорисовал себе как минимум отряд «коршунов», штурмующих замковые стены. – Что произошло?»

Местные минуты длились дольше земных. С другой стороны, Еве ещё нужно дойти до арки входа, щерившейся поднятой зубчатой решёткой и открытыми воротами, и зайти внутрь.

Как раз хватит.

– Нет. Ничего, – сказала Ева, прекрасно зная, что это его не успокоит. – Возвращайся скорее.

Он не стал допытываться, но Ева уже поняла: Гербеуэрт тир Рейоль не любит болтать. Он из тех людей, что болтовне предпочитают молчаливый поступок, в данном случае – в срок вернуться домой.

К ней.

– Герберт собирается назад, – сообщила Ева, оставив подвеску болтаться поверх застёжки плаща. – Перемещается всё равно телепортом, так что, думаю, сможет из Айдена прибыть прямо сюда... если понадобится.

Эльен, всем своим видом выражая крайнее неодобрение, страдальчески скрестил руки на груди.

– Идите, – проговорил он устало. – Озарите сиянием своего разума тёмные стены сей мрачной обители. Я буду ждать тут.

Слабо улыбнулся, когда Ева благодарно чмокнула его в щёку, щекочущуюся призрачными усами, и провожал её взглядом, пока цепочка девичьих следов на снегу не скрылась за воротами, распахнутыми со зловещим гостеприимством.

\*\*\*

– Ты вовремя, – улыбнулась Айрес, когда племянник вернулся из уборной. – Как раз принесли мороженое.

– Сегодня снова обойдусь без десерта. Ты же знаешь, я не такой любитель сладкого, как ты. – Герберт прошёл вдоль стола, того же, где в прошлый раз они собирались всей королевской семьёй, обрамлённого алой позолотой окружающей роскоши. Кристалл на груди надёжно скрывали рубашка и плотный бархат тёмной накидки. – Мне пора.

– Устал?

– Не без этого. К тому же один эксперимент требует присутствия.

Королева улыбалась всё время, пока Герберт склонялся к её чистой щеке, подставленной под прощальный поцелуй. С любопытством подперла подбородок рукой, когда он выпрямился и направился к дверям.

– Ты встретил кого-то, верно?

Шаги Герберта замерли у порога.

– Конечно, – бросил он, не оборачиваясь. – Когда выбираешься в место, где обитаешь не только ты, немудрено кого-то повстречать.

– Брось, Уэрт. Ты прекрасно понимаешь, о чём я. – Серебро женского голоса смягчила лукавинка. – Ты другой сегодня. Я вижу.

– Ритуал я выполнил идеально.

– Никто не утверждает обратного. И глупо было бы ожидать от тебя иного. Чувства не мешают истинному гению... до поры до времени. – Айрес провела пальцем по краю десертной розетки, где таяло мороженое, затапливая сладким озерцом фигурное стекло. – Просто я знаю тебя слишком хорошо, чтобы не заметить.

Герберт молчал. Застыл у порога гостиной, разливающей по стенам и мебели яркие краски осени, пожара и крови.

– Кто она? Хотя нет, нет, молчи. Расскажешь, когда сам того захочешь. Не буду лезть в душу... Прекрасно помню, как трудно говорить с родителями о таких вещах. Скажи только, я её знаю?

– Вы виделись, – после секундного колебания сказал некромант.

– Вот как. Тем интереснее. Будет мне загадкой. – Айрес зачерпнула мороженое так, словно за этим следила сотня зачарованных зрителей; благоуханная сладость лилий на её коже мешалась со сладостью роз на столе. – Познакомишь нас? Когда вы оба будете готовы, естественно.

– Непременно, – без тени улыбки откликнулся тот.

Ложка скрылась за идеально подкрашенными губами. Выскользнула и опустилась, не оставив после себя ни капли неопрятной белизны.

Королева следила, как её наследник берётся за резные ручки плотно сомкнутых дверей.

– Будь осторожнее, Уэрт. Ты же знаешь... Помнишь, чем кончилось твоё увлечение в прошлый раз.

Это вновь вынудило его остановиться. И пусть он так и не обернулся, Айресхватило и этого.

– Мы не можем никому доверять. Особенно ты. – Оставив на тающем шарике шрам-рытвину, ложка вновь взмыла в воздух. – Я буду счастлива, если ты встретишь ту, что сможет понять и принять тебя так же, как я. И очень не хочу, чтобы ещё кто-то ранил тебя своим недоверием. Своим страхом. Своим предательством. Я мечтаю, чтобы рядом с тобой была та, кто примет тебя таким, какой ты есть. Кто не

потребуется, чтобы для неё ты менялся и изменял себе. Для кого ты будешь центром мира. Ты... не твоё положение, не твои силы, не твоя корона. Мало кто способен на такое чувство. – Спину Герберта огладил взгляд, немного не вязавшийся с деликатной, участливой лаской голоса. – Мелочные переживания в конечном счёте могут отвлечь от настоящей цели, и ничто в мире не стоит той цели, к которой стремишься ты. Особенно то, что легко может оказаться фальшивкой. Помни об этом, хорошо?

Он так и не ответил. Просто настежь распахнул двери, чтобы отправиться туда, где его – наконец-то – ждали. А Айрес осталась одна.

С десертом, фейром и задумчивостью, заставлявшей королеву до побелевших пальцев сжимать ложку в тонкой руке.

## Глава 18

### Salut d'Amour<sup>[27]</sup>



Защитный купол Ева активировала ещё на подходе к воротам.

За аркой скрывался просторный внутренний двор, заваленный обломками тут и там пробитых стен (дракону явно лень было протискиваться в двери, если он вообще мог туда протиснуться). Помимо обломков, кое-где из-под снега выглядывали кости и черепа – к счастью, не человеческие. Зато по соседству с ними периодически виднелись ржавые доспехи, и Ева подозревала, что далеко не всегда они были пустыми.

Если и были, их бывшие владельцы наверняка белели где-то неподалёку.

Ева расчистила от снега каменную глыбу, стараясь не думать о том, какая сила заставила её прилететь туда, где она теперь лежала (через полдвора от ближайшего провала в стене, который щерился неровными краями, обнажив черноту древнего пиршественного зала). Стянув перчатки, расчехлила Дерозе, положила футляр у ног, внутри мерцающего магического купола. Открытый – вряд ли дракон подбросит туда пару золотых, но в случае чего так быстрее убрать виолончель.



Сев на камень, машинально подышала на окоченевшие руки. Вспомнив, что это бесполезно, вскинула смычок.

Полагаться на Дар в таком деле она не рискнула. Что-то подсказывало ей: дракон скорее оценит настоящую музыку, чем рождённую магией. Пару дней назад Ева даже пробовала сыграть водяным смычком на виолончели, но получилось плохо. То ли инструменту тоже полагалось быть волшебным, то ли этому нужно было обучаться отдельно, то ли порождение магии в принципе не предназначалось для игры на реальных струнах – в любом случае скрип, извлечённый световым волосом, вынудил Еву быстро прекратить экзерсисы.

В качестве музыкального приветствия она выбрала «Идиллию» Элгара. Квадратный двор, окружавший её высокими каменными стенами, создавал неплохую акустику, и мелодия воодушевлённо разлилась над холодной белизной. Когда приветствие осталось безответным, Ева продолжила концерт «Колыбельной» Брамса, выпевая кантилену смычком нежно, как в мечтах когда-то её баюкала мама.

Виолончель звучала так тепло, так душевно, что казалась живой.

Ева старалась не смотреть по сторонам, пока играла. Если она и могла поразить дракона, то лишь игрой с полной отдачей, а в таком случае отвлекаться было чревато. Но в перерывах между пьесами исправно смотрела на провалы в каменных стенах. Исправно пустовавшие.

Когда божественные звуки шубертовской «Ave Maria» (её коронный номер, на последнем зачёте заставивший директора прослезиться) также не привлекли драконьего внимания, Ева досадливо опустила смычок.

Либо дракона не было дома, либо он попросту её не слышал. Второй вариант Еве нравился меньше первого: соваться под своды замка, откуда выбраться будет ощутимо сложнее, чем со двора, ей хотелось меньше всего на свете.

Она огляделась, ожидая увидеть бесстрастное лицо Герберта, в мыслях уже придумавшего ей сотню самых страшных кар. Вдруг осознав, что с чего-то ей стало ещё более не по себе, чем могло быть во дворе заваленного костями драконьего замка, вскинула голову.

Дракон сидел на крыше за её спиной – между двумя башнями, на высоте пятиэтажного дома, и был немногим меньше, чем этот самый дом. Меж матовой чешуёй цвета мха и зелёного бархата искрились золотые ниточки пламени, мерцавшего под кожей; полупрозрачные крылья дракон сложил вдоль тела, словно лиственный плащ. С вытянутой морды на Еву кошачьими зрачками смотрели огромные, в её рост, пламенно-жёлтые глаза.

– Изобретательно. Обычно моё внимание привлекали вызовом на честный бой и обещанием воздать справедливую кару за мои злодеяния. К несчастью для этих шутов, наши представления о честном бое немного различались. – Голос, раздавшийся из зубастой пасти, завораживал низкой шёлковой мягкостью, вкрадчивой лаской обволакивая слух. – Зачем ты здесь, золотце?

Ответить Ева смогла не сразу. Отчасти потому, что она ожидала от дракона подавляющего действия, но рядом с ним, под взглядом его глаз, всё равно отчётливо ощутила себя букашкой. Особенно при осознании, что от клыков, когтей и пламени, клокотавшего под зелёной чешуёй, её отделяют расстояние одного драконьего прыжка да эфемерный пузырь защитной магии.

Отчасти потому, что голос – нарушая все ожидания и здорово выбивая из колеи – был женским.

– Я пришла договориться, – глядя на драконицу, проговорила Ева, чувствуя себя тем заносчивым нейрохирургом, который в один прекрасный день вынужден был сменить свою профессию на куда более магическую.

– И музыка в качестве подкупа?

– Именно.

– Изобретательно, – повторила драконица. Чешуйчатые лапы держались за плоскую крышу, демонстрируя загнутые зазубренные когти: одно движение каждого из них могло разорвать Еву пополам. – А тебе удалось меня удивить, золотце. Иномирянка, верно?

Она только кивнула.

– Слышно. Человеческая музыка, на мой вкус, весьма примитивна, но звучание ваших душ... Когда сердце, что ярче и прекраснее золота, сияющее драгоценной звездой, изливается в мелодии... – Драконица сомкнула кожистые веки в мечтательных раздумьях. – Не желаешь пополнить мою коллекцию? Иногда хочется

видеть среди сокровищ что-то более... живое. Пусть даже к тебе это не совсем применимо.

– Боюсь, мой инструмент плохо перенесёт хранение в подобных условиях. Да и я не лучше, – не спрашивая, откуда драконице известно об особенностях её состояния, вежливо откликнулась Ева.

– Жаль. Ты весьма любопытный экземпляр, вынуждена признать. Обычно человеческие девочки интересуют меня в качестве ужина, хотя предпочитаю особ помясистее. Но перекусить тобой... Глупый расход вещи, куда более ценной в ином применении. Не говоря уже о том, что вкус у мертвечины довольно посредственный. – Обвив длинный хвост вокруг башни, драконица сползла ниже, повиснув на замковой стене на манер чудовищной обезьянки. – Геммелариндтруда. Моё имя, если захочешь ко мне обратиться. Зачем явилась, золотце?

В сравнении с этим «Гербеуэрт» казалось лёгкой разминкой у логопеда.

– Мой друг хочет вас убить, – обнимая гриф Дерозе и стараясь не потеряться в солнечном пламени, плескавшемся в драконьих глазах, сказала Ева. – Я пытаюсь это предотвратить.

Драконица подтянулась обратно на крышу; её смех рокотом прокатился над двором замка, где медленно рассыпались прахом те глупцы, что пытались убить её прежде.

– Какая самоуверенность. – Из ноздрей, в которых Ева вполне могла бы спрятаться, не грози это испепелением, вырвались струйки белого дыма. – Твой друг... Не тот забавный маленький избранник Жнеца, что властвует над землями вокруг Шейна?

– Гербеуэрт. Его зовут Гербеуэрт.

– Явился ко мне, кажется, год назад. Или шесть... После пяти сотен немного теряешь ощущение времени. – Громадный хвост, усеянный по гребню антрацитовыми шипами, рассеянно метнулся в сторону, сшибив зубец с ближайшей башни. Тот с глухим шумом упал где-то за стенами замка. – Повезло ему, что не в моих интересах было настраивать людей против себя, убивая их владыку. Способный мальчуган, но тогда ему пришлось уйти восвояси. Придётся и теперь.

– С тех пор мальчик подрост. Послушайте... – Драконье имя успело начисто вылететь у неё из головы – всё, кроме его созвучия с другим именем, хорошо Еве знакомым. – Можно называть вас Гертрудой?

Новонаречённая Гертруда насмешливо облизнула пасть раздвоенным чёрным языком:

– Изволь. Имена – шелуха, важна суть.

– Поэтому вы не спросили, как зовут меня?

– Оправдываешь песню своей души, золотце. Хотя справедливости ради интеллект в ней – далеко не ведущий мотив. Другие звучат куда изысканнее и занятнее. – Совиным движением драконица склонила голову набок. – Полагаю, ты бы не пришла сюда, не будь у тебя что предложить мне... кроме себя.

– Часть себя вполне могу, – возразила Ева, после встречи с гномом заранее продумавшая вопрос оплаты. Прижала руку со смычком к груди, туда, где под курткой и рубашкой пульсировал багряный камень. – Вы же... слышите... рубин вот здесь?

Если когда-то его почувствовал гном, то драконица и подавно должна.

Судя по заинтересованному виду Гертруды, Ева не ошиблась.

– Думаю, в нём останется... часть меня. Даже когда я с ним расстанусь. А я очень надеюсь, что рано или поздно это произойдёт. Когда я перестану в нём нуждаться, с радостью отдам его вам. Но в первую очередь... – Опустив руку со смычком, она прижалась щекой к колку виолончели. Ощущение дерева, врезающегося в кожу, отрезвляло от замороженности, которой оплетал сознание драконий взгляд. – Если вы не согласитесь подыграть нам в одном важном деле, мой друг придёт сюда, чтобы вас убить. Он будет очень стараться, потому что иного выхода у него нет. А мне придётся ему помочь, потому что я не хочу, чтобы вы убили его, и либо он прикончит вас, либо вы прикончите его, потому что в этот раз он не отступит. И если вы убьёте Гербеуэрта, я умру вместе с ним, ведь я существую за счёт его энергии. А потом вам придут мстить все обитатели Шейнских земель, причём во главе с королевой, потому что Гербеуэрт – её племянник, а она, полагаю, очень не любит, когда кто-то отбирает у неё её вещи, и вообще особа весьма... неприятная. – Вдохнув, переводя дыхание, Ева мысленно похвалила себя за то, что смогла изложить доводы не слишком путано. – Но если вы поможете нам, мы свергнем королеву, и больше вас никто не побеспокоит. Думаю, можно будет договориться с Гербертом о другой оплате, помимо рубина... овцы, коровы, что хотите. Кроме людей, разумеется. Правда, вам

придётся на время покинуть этот замок, но погостить в горах каких-то десять-двадцать лет для вас ерунда, верно?

Драконница пугающе бесшумно сорвалась с места, взмыв в небо, и Ева машинально заслонила лицо рукой: ледяной ветер из-под перепончатых крыльев заставил снег коконом облепить защитный барьер.

Секундой позже ощутила, как захлёстывает её знакомое белое сияние, волнами расходящееся по замку, прокатываясь до конца двора и доставая до башенных крыш.

Когда она обернулась, Герберт уже проходил сквозь арку. За его спиной медленно таяли туманные крылья, вокруг лица гас ореол смертоносной силы. Прежде чем он приблизился, Гертруда – взвившаяся под облака, туда, где Мёртвой Молитве было её не достать, – приземлилась обратно: с кошачьей грацией, странно неслышимо для такого громадного существа.

– Кажется, в отличие от нас с тобой он не слишком хочет договариваться, – прошипела драконница. – Верно, избранник Жнеца?

– Прошу прощения, – пугающе бесстрастно проговорил некромант, встав подле Евы. – Я неверно расценил обстановку.

Под его взглядом она остро почувствовала себя школьницей, которую любимый учитель поймал на списывании.

– Или решил, что покончить со мной, пока я отвлеклась на беседу, будет куда проще других вариантов?

– Я не специально вас отвлекала, – поспешно укладывая Дерозе в футляр, выпалила Ева. Не потому, что хотела откреститься от Герберта – потому, что подозрения Гертруды точно свели бы шансы на мирный договор к нулю. – Клянусь.

– Я знаю, золотце. Мой слух достаточно тонок, чтобы расслышать фальшь в звучании твоих чувств. – Взгляд солнечных глаз, на миг скользнувший в её сторону, чуть смягчился. – Ты подрос с прошлой нашей встречи, некромант.

– Она не говорила, что отправляется сюда. Я испугался за неё. Хотел защитить. Думаю, вы можете это понять. – Голос Герберта остался бесстрастным. – Если вы дадите нам возможность решить всё без крови, я ею воспользуюсь. Но мне нужны гарантии, что вы действительно исполните свою часть уговора. Согласитесь сыграть роль в нашем спектакле. Без ловушек, без жертв, без фокусов.

– И что за роль?

– Страшного чудища, нападающего на столицу. – Некромант кивнул на Еву, тихо радовавшуюся, что тот сориентировался и вступил в переговоры. – Которое падёт от её руки.

Второй раз камень под Евой задрожал от рокочущего драконьего смеха.

– Не по-настоящему, конечно! – когда смех утих, торопливо пояснила Ева, прежде чем Гертруда успела поинтересоваться здравостью их умов. – Я сделаю вид, что вонзаю меч вам... куда-нибудь. После чего вы упадёте в озеро рядом с городом. Проплывёте по дну – вы ведь умеете плавать, мне говорили, – и вынырнете там, где вас никто не увидит. После чего улетите и какое-то время не будете показываться людям на глаза. Все поверят, что ваше тело просто лежит на дне озера.

– И если поможете нам, я сделаю всё, чтобы лет через десять, когда всё успокоится, вы смогли вернуться. Спокойно жить на моей земле, – сказал Герберт. – При условии, что вы не будете брать больше того, что мы вместе определим в качестве пожертвования, и поможете мне разобраться с угрозами короне, если таковые возникнут.

О последнем пункте Ева не думала – и опасливо следила, как к интересу в драконьих глазах примешивается насмешка.

– Хочешь, чтобы я не только станцевала под вашу указку, как дрессированный зверёк, но и отгоняла от тебя врагов, избранник Жнеца? Словно верный охотничий пёс?

– Не от меня. От трона. От страны. Лишь в случае, если всем нам будет грозить опасность. Вашему спокойствию в том числе. – Герберт смотрел в драконьи глаза с восхитительной невозмутимостью. – Завоеватели на наших землях могут доставить вам куда больше проблем, чем мы. Если помните, в той же Риджии все драконы давно мертвы.

– Потому некогда те, кто поумнее, и перелетели сюда. – Гертруда плотнее сложила крылья: они подрагивали у раздувающихся чешуйчатых боков, словно громадные занавеси из зеленоватой органзы. – А если я откажусь?

– Тогда я вернусь сюда. И не один. И даже если вас не одолею я, за мной придут другие, как приходили все эти сотни лет. – Герберт не угрожал, не давил: просто обрисовывал ситуацию, давая информацию

к размышлению. – Вас не оставят в покое. Это ваш шанс изменить привычное положение вещей, подразумевающее, что мы враги. Другого не будет. В следующий раз вместо предложения вы снова услышите вызов.

Драконница переступила трёхпалыми лапами по крыше, царапая когтями мёрзлый камень.

Видимо, её слух действительно был тонок настолько, чтобы она поняла: некромант говорил всерьёз. И без нужды воевать не собирался, но с нуждой – будет сражаться до конца. Его или её.

– Я могла бы согласиться, пожалуй... Если мне предоставят гарантию, что всё пройдёт так, как вы говорите. Не желаю в какой-то момент обнаружить себя в окружении сотни магов и тысячи солдат. Или чтобы моя смерть в конце концов оказалась совсем непритворной.

– Со своей стороны могу принести нерушимую клятву, – тут же отозвался Герберт. – Магическую. Гарантирующую вашу безопасность и выполнение всех оговорённых условий. Что взамен можете предложить вы?

Ева не знала, насколько она права, но ей почудилось, что перед следующими словами Гертруда серьёзно колебалась.

– То, что очень для меня дорого, – шелестяще ответила драконница.

– И я должен просто поверить, что потеря этого действительно будет для вас ударом?

Когда Гертруда без слов сползла куда-то за внешнюю стену замка, оставив их наедине, Ева старательно завозилась с застёжками футляра. К сожалению, застегнула их куда быстрее, чем драконница избавила её от необходимости как-то взаимодействовать с некромантом.

К примеру, заглянуть в его сузившиеся глаза, голубой лёд которых выцвел от гнева.

– Герберт...

– Потом, – процедил он.

Она послушно замолчала: выяснять отношения под носом у Гертруды было бы не самым мудрым решением.

На сей раз драконница выползла во двор из провала, откуда Ева ждала её появления во время игры. Должно быть, снаружи в стенах были пробиты ещё ходы, которых Ева просто не увидела, ибо не додумалась обойти замок кругом, а теперь Гертруда пролезла через них насквозь.

– Будете отвечать за него головой, – сказала драконица, бережно опустив на снег то, что несла в пасти. – И если с ним что-то случится, я клянусь, избранник Жнеца, – твои земли будут гореть, пока ты не пожалеешь, что жив. Смерть станет для тебя слишком лёгким выходом.

Ева воззрилась на то, что и правда не могло сравниться для дракона ни с одним сокровищем.

Яйцо. С Еву размером, чуть мерцающее изнутри, будто выточенное из непрозрачного янтаря.

Лучше – и рискованнее – гарантии придумать было трудно.

– Это... – выговорила она, – ваш...

– Один из трёх. Два других останутся при мне. И во многом потому, что я заинтересована в их счастливом спокойном будущем, которое должно вскоре начаться, я сейчас вас слушаю. – Гертруда легла наземь и заслонила яйцо скрещёнными лапами, воздвигнув между людьми и своим детёнышем непреодолимую стену из шести смертоносных когтей. – А теперь, надеюсь, вы объясните мне, чем я привлекла к себе столь настойчивое внимание.

Замок они покидали в том нехорошем молчании, которое мешало Еве толком радоваться одержанной победе.

Гертруда попросила день на раздумья. Но девушка подозревала, что раз драконица решила поведать им о детёнышах, она согласится. Таким образом, теперь у Евы был бутафорский меч, бутафорский жених и почти – бутафорски-злой дракон. Все декорации готовы; осталось разыграть спектакль и надеяться, что никто не порушит сцену в самый неподходящий момент.

А прежде всего – помириться с Гербертом.

Выводы, насколько тот зол, Ева сделала по тому, как быстро некромант направился к экипажу, оставляя её за спиной.

– А вот и последствия. – Мэт соткался за её левым плечом, пока Ева старалась поспеть за Гербертом по цепочке глубоких следов.

– Уйди, не до тебя!

Как ни странно, тот правда ушёл. В массовке грядущее представление не нуждалось – иначе оно рисковало стать куда более коротким и куда менее захватывающим.



Ева подбежала к экипажу как раз вовремя, чтобы расслышать изречение, обращённое к Эльену:

– Скажи, что она опять тебя загипнотизировала.

Голос, вымораживавший даже Евино небьющееся сердце, не особо смутил призрака, смиренно склонившего голову подле дверцы кареты.

– Господин, она следовала своей судьбе. И как я понимаю, действительно сразила чудище огнём сердца?.. И смычком вместо меча. – Эльен говорил со своим хозяином с той извиняющейся, но не униженной мягкостью, которую редко можно услышать от слуги. – Кто я такой, чтобы перечить богам, когда избранная ими велит мне помочь ей пройти по уготованному пути?

Она была тронута, что призрак согласился разделить с ней вину. Впрочем, Эльен не казался человеком (пусть и бывшим), который предпочитает не брать на себя ответственность за свои поступки. И ошибки – особенно.

Жаль, Герберт был не в том настроении, когда подобная искренность могла бы его тронуть.

– Я с тобой ещё поговорю, – пообещал он, отступая на шаг. – Когда вернётесь.

Всучив Эльену футляр с Дерозе, Ева схватила некроманта за руку прежде, чем тот успел исчезнуть в магическом переносе:

– Можно мне с тобой?

Герберт устремил на неё взгляд, ясно выражавший его точку зрения на этот счёт.

– О, *теперь* тебя интересует моё мнение, – проговорил он ядовито. – Надо же.

Тряхнул рукой, пытаясь выпутаться из цепкой хватки её пальцев, но Ева вцепилась в него так, будто висела над пропастью.

Эльен поймёт, что ею движет. И не обидится. Может, так было бы проще: дать Герберту перекипеть, как предпочитала перекипеть вне дома сама Ева, бродя по вечерним улицам. Да только за время, пока она будет возвращаться в замок конным ходом, он вполне может придумать себе такого, что к моменту их следующей встречи кипеть окажется нечему.

Если захочет сорваться, пусть лучше срывается при ней – предоставив возможность сразу объясниться и оправдаться, склеить

расползающиеся трещины, пока их хрупкая связь не развалилась на куски.

Осознав, что вырваться бесполезно, Герберт рывком прижал её к себе. Земля ушла из-под ног; потом Ева чуть не упала, пытаясь обрести равновесие в заново сотканшемся пространстве, – некромант отпустил её сразу, как только они переместились к воротам.

По дороге к замку он зашагал так же стремительно, как до того пробирался по заснеженной пустоши.

– Прости, – нагнав его, сказала Ева. – Но я знала, что ты придёшь. И готова была позвать тебя... в любой момент. Если бы дело стало плохо. Или дошло до заключения договора.

Подолы сапог некроманта отбивали глухой стремительный ритм по камню под снегом.

– Ну признайся, ты не верил, что всё можно решить так! Ты же и слышать об этом не хотел! Вот я и подумала...

Он развернулся на каблуках столь стремительно, что она едва не ткнулась в него носом. И вцепился в её плечи – сквозь куртку и плащ – так, что наверняка причинил бы боль, если б Ева могла её чувствовать.

– Мне снова отдать приказ? Чтобы ты безвылазно сидела в четырёх стенах?

Некромант не кричал, но этот тихий, почти шелестящий голос был страшнее крика.

– Герберт...

– Ты могла просто сказать мне? Пойти туда со мной?

– Я пыталась. Ты отказывался слушать. Вот и взяла пример с тебя. Ты ведь так любишь решать что-то один.

– Тебя могли испепелить. Сожрать. Разорвать на кусочки. Так, что даже я не смог бы ничего сделать. Ты способна иногда – хоть иногда – думать о последствиях того, что творишь?

– Но всё ведь получилось. – Ева попыталась улыбнуться, ещё надеясь обернуть всё шуткой. – Если б не получилось, нашли бы Мираклу другую Избранную. Подумаешь.

– А мне – другую тебя?

Ева просто смотрела в его лицо, выбеленное бешенством, – в сгущающихся сумерках его глаза казались пугающе тёмными. Не понимая, как реагировать на вопрос, который мог вырваться у него лишь из-за крайней степени гнева. И пока она лихорадочно

обдумывала новую шутку в качестве ответа, Герберт уже разжал пальцы.

– Пожалуйста, в следующий раз, когда вздумаешь совершить нечто самоубийственное, вспомни, что твоя гибель подведёт слишком многих. – Шепчущая выюга в голосе уступила место сдержанности, стеной скрывшей все другие эмоции. – Ты могла изложить мне свой план действий. Если действительно продумала его. Если нашла достаточно доводов в его пользу, чтобы быть в нём уверенной. Я бы прислушался.

– Я пробовала, ты не...

– Я прислушался бы к разумным доводам и аргументированному предложению. Не к наивным, ничем не подкреплённым идеям. Ты предпочла ограничиться последними. Решила, что так будет проще. – В словах не было ни обиды, ни гнева – просто слова, каждое из которых камнем падало на её совесть. – Мне казалось, ты уже поняла, что со мной можно нормально говорить. Мне казалось, мы решили быть друг с другом откровенными. Видимо, я ошибся.

Ева слушала молча. Пыталась справиться со стыдом, нахлынувшим острее прежнего: не потому, что она пошла на риск, в итоге оправдавшийся, – потому, что действительно предпочла простоту молчания трудностям убеждения. Поступила так же, как поступала, когда их связывали только рубин в её груди и общее дело.

Когда Гербеуэрт тир Рейоль ещё не мог позволить себе такую роскошь, как старательно возвращенное ею же доверие.

– Прости. Пожалуйста. – Она хотела, но не решилась коснуться его руки. – Я... сделала это ради тебя. В первую очередь. Чтобы тебе не пришлось сражаться вместо меня. Но с этого момента никаких тайн, правда. Больше никаких.

Он не ответил. Просто отвернулся и продолжил путь, и до самого замка они шли молча.

Висевшую между ними тишину, почти свинцовую в своей тяжести, Ева решилась нарушить лишь на лестнице:

– Посмотрим что-нибудь? – Она постаралась, чтобы это прозвучало миролюбиво, а не заискивающе. – И я сыграю... в знак примирения.

Герберт помолчал, будто считая остающиеся позади ступеньки, по которым за его спиной шагала она.

– Не нужно.

– Ладно, тогда просто...

– Я не уверен, что это хорошая идея. Совместные вечера.

Это прозвучало так безразлично, что Ева невольно остановилось. Стоя на каменной ступени, следила, как он поднимается.

Не понимая, почему на этих словах ей сделалось так больно.

*Да пожалуйста*, прошептало что-то внутри – тем же мерзким голоском, который всегда напоминал ей Мэта. *Пусть идёт. Как будто плохо от этого будет тебе, не ему.*

*Как будто тебе это так нужно...*

Только Ева вдруг поняла: нужно. Ей *будет* плохо. Уже плохо, стоит представить, как он просто уходит, больше ничего не сказав, так и не простив, а она возвращается в комнату – коротать вечер в одиночестве. И, конечно, оба найдут чем заняться, но не будет больше ни фейра, ни музыки, ни тепла, гревшего душу последние дни.

Знать бы ещё, почему от осознания этого становится так тоскливо.

– Не надо, Герберт. Не наказывай меня... так.

– Это не наказание. Просто это была плохая затея. С самого начала. – Некромант остановился, не оборачиваясь; лестничный коридор эхом раскатывал его голос. – Это... всё это... следует прекратить.

– Почему?

– Слишком много причин.

Следя, как он снова делает шаг вверх, Ева позволила тоске переродиться в злость, а той – заполнить себя целиком и выплеснуться вопросом, который в иной ситуации она никогда бы не выплеснула.

– Включая твою трусость?

Повернувшись медленно, словно на заевших шарнирах, он посмотрел на неё с высоты десятка разделявших их ступеней.

– *Трусость?*..

– Ты любишь свою магию, потому что боишься любить людей. – Её шаги гулко отразились от стен, на которых распускались каменные цветы. – Ты боишься чувствовать что-либо, чтобы не чувствовать боль. Зато не боишься призвать Жнеца и умереть. Потому что на самом деле толком и не живёшь. – Поднявшись на ступеньку, предшествовавшую той, что занял он, Ева покачала головой: едва заметно, лишь наброском

настоящего движения. – Так не может продолжаться вечно, Герберт. Не должно. Нельзя жить... существовать... в постоянном страхе снова обжечься.

– Не говори за меня. Я прекрасно жил. Пока не появилась ты.

Слова были такими естественными, приправленными так хорошо знакомой желчью, что Еве снова стало больно.

– А, так ты и правда мечтаешь поскорее от меня избавиться? – Встав вровень с ним, она сама удивилась выдержанной ироничности своего тона. С другой стороны, последние недели она жила рядом с хорошим учителем. – Стало быть, Миракл не ошибся? Я отыграю свою роль и ты отправишь меня догнивать в лесу?

– Не говори ерунды. Я держу свои обещания. Я сделаю всё, чтобы ты жила. – Ответ был столь убедительно равнодушным в своей усталости, что Еве захотелось кричать. – Но мне будет куда спокойнее, когда наши пути разойдутся.

Кричать она, конечно, не стала. Просто шагнула ещё на ступеньку выше, так, чтобы смотреть на него не снизу вверх.

Молча.

– Я благодарен тебе за попытки вылепить из меня что-то, более соответствующее твоим представлениям о нормальном человеке. Заставить меня пересмотреть взгляды и приоритеты. Отвлечь меня от вещей, которые ты считаешь трусостью или одержимостью, навязанной мне извне. Но я не желаю ни отвлекаться, ни менять то, что составляет саму мою суть. Магия – то, что я есть. Стремление к величию – то, что я есть. Моё имя, которое я обессмерчу тем, что должен сделать, – то, что я есть, – слова сыпались шлифованными стекляшками. – Как только ты оживёшь и у тебя отпадёт нужда в моих... *услугах* – поверь, ты сама быстро пересмотришь приоритеты. Рядом с Мираклом...

Он осёкся в миг, когда её ладони легли ему на плечи. И поскольку едва ли не первоочередной целью Евиных действий было заставить его замолчать и не нести чушь, взбесившую её до умопомрачения, на этом вполне можно было остановиться.

Однако она не любила останавливаться на полпути.

В книжках поцелуи часто называют «обжигающими». Обычно из желаний приписать этому действию красивый эпитет, не принимая в расчёт степень его затасканности. Но учитывая разницу в температуре

между губами Евы и теми, к которым они прижались, – тёплыми, мягкими, податливыми в овладевшем Гербертом ошеломлении, – их соприкосновение и правда вышло почти жгучим.

– Не нужен мне твой Миракл. И твои услуги. – Её яростный шёпот разнёсся в тишине не хуже так и не прозвучавшего крика. – Мне нужен ты. Хоть убей, не знаю почему, ведь ты несносный закомплексованный идиот, но нужен. Понял теперь?

Он так и стоял застыв. Неподвижный, безответный. Стоял, глядя на неё расширенными глазами, даже когда она отстранилась. И, вглядываясь в радужки, по льдистой кромке которых разлилось нечто очень похожее на недоумение, Ева ощутила горькую, чудовищную усталость.

Конечно, он не понял. Глупо было думать, что чёртова венценосная ледышка может это понять. А ещё глупее – поддаваться порыву, о котором Ева пожалела сразу, как только поддалась.

В данном случае определённее лучше было бы жалеть о несделанном.

– Прости. Я забылась. – Опустив руки, она уставилась на воротник его рубашки. – Тебе это неинтересно, помню-помню. И специфическими пристрастиями ты не отличаешься. – Кажется, ей даже удалось выдать относительно некривую улыбку. И относительно непринуждённо развести руками, переводя всё в относительно неудачную шутку. – Ладно, прекратить так прекратить. Извини.

Отвернувшись, Ева зашагала вверх, удерживаясь от желания побежать. Радуюсь, что кровь не может румянить ей щёки, в ином случае сейчас полыхавшие бы не хуже сигнала «стоп», которого ей так не хватило минутой раньше.

Дура, дура, дура...

– Зачем я тебе?

Она не собиралась ни останавливаться, ни оборачиваться. Что бы он ни спросил, что бы ни произнёс. Но это прозвучало так безнадёжно, что Ева всё-таки обернулась.

Желание отшутиться или съязвить мигом разбилось о выражение его лица, оставшегося шестью ступеньками ниже, даже забавное в своей мучительной пытливости.

– Ты умный. Благородный. Самоотверженный. Трогательный. Смешной иногда. – Перечисление далось на удивление легко.

Наверное, из-за той же смертельной усталости, заставившей все чувства перегореть, приглушившей даже стыд. – Иногда пугающий.

– И ты боишься меня?

Она снова покачала головой. Двумя широкими движениями, мерными, как покачивание стрелки метронома.

– Я не боюсь. Не верю, что ты можешь причинить мне боль. Не теперь. Но девочки любят, когда в мальчике есть что-то пугающее... Если это безопасно для них. – Запоздало осознав, о чём они говорят, Ева махнула рукой, вновь изображая сарказм. – Забудь. Считаю дурным розыгрышем.

Она поднялась до лестничной площадки, когда сзади послышались шаги. Судя по звуку – прыгающие через две ступеньки.

Ева не успела оглянуться, прежде чем её схватили за плечи, разворачивая на ходу, и прижали спиной к стене. Затылок, стукнувшийся о каменную резьбу, должно было уколоть болью, но она ощутила лишь живое тепло чужих пальцев, когда те легли ей на скулы.

– Скажи, что это правда розыгрыш. – Знакомый голос пробирал шепчущими, никогда не звучавшими прежде гармониками. – Скажи, что всё это ложь. Скажи, что тебе будет всё равно, если я сейчас уйду.

Она не знала, какой ответ – «да» или «нет» – он хочет услышать больше. Он и сам, похоже, не знал. Герберт держал её лицо в ладонях, и его собственное в эту секунду вправду почти пугало: тем, что никогда не проявлялось в нём до того, вернувшим в душу всё, приглушённое усталостью. Пугало так, что на миг Еве захотелось ответить «да» и убежать, только чтобы перестать падать в чёрное беззвездье его зрачков.

Проблема состояла в том, что она уже упала. В ту штуку, куда падали англичане с их поэтичным аналогом самого романтического из глаголов, когда испытывали желание побежать в магазин за валентинкой. Как ни хотела не падать, так незаметно и внезапно для себя самой, и бежать от себя было не просто глупо – бесполезно.

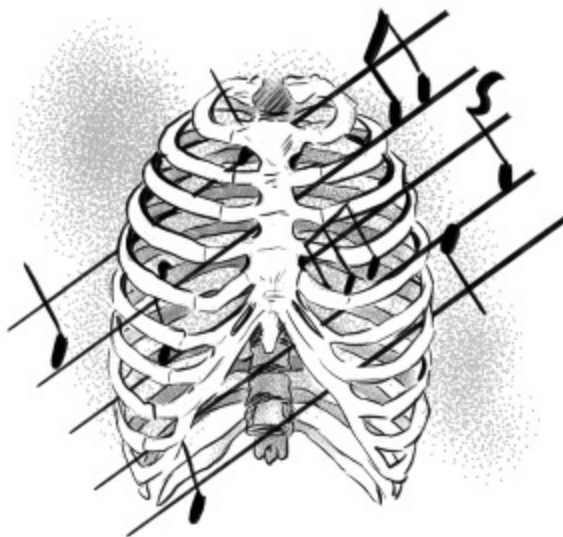
Наверное, эти вечера и правда оказались плохой затеей. С определённой точки зрения.

Но сейчас жалеть уже поздно.

– Нет, – произнесла Ева. – Не дождёшься.

## Глава 19

### Teneramente [\[28\]](#)



– Почему ты всё-таки выбрала меня? – спросил некромант незадолго до того, как отправиться спать, когда они лежали в обнимку.

На столике давно пустела глиняная кружка. Евина, сотканная призрачными нитями волшебства, исчезла ещё раньше. Эльен явно был очень рад, когда, постучавшись в комнату дорогой гостьи (хотел вернуть Дерозе законной владелице), обнаружил там их обоих: не в смертельно переругавшемся состоянии, а чинно сидящими рядом – в тот момент. И очередное фейропитие организовал даже быстрее обычного.

Судя по улыбке призрака, их чинный вид сам по себе сообщил ему всё что нужно.

До Дерозе в тот вечер руки у Евы так и не дошли. Хотя она не замедлила проверить, как инструмент перенёс обратную дорогу в карете: брать его с собой, когда они с Гербертом перемещались магией, девушка не рискнула.

– Она его за муки полюбила, а он её – за состраданье к ним, – хмыкнула Ева. Встретив недоумённый взгляд Герберта, без понимания



отнесшегося к слегка переименованному Шекспиру, посерьёзна. – Я не выбирала. Даже не думала выбирать.

– Потому что вы с Мираклом слишком мало знакомы?

– Потому что твой любимый Миракл вовсе не обязан быть моим любимым Мираклом. – Ева терпеливо выдохнула. – Если ты по каким-то причинам уверен, что любая девушка обречена упасть к его ногам, вынуждена тебя разочаровать. Не сомневаюсь в твоём чувстве вкуса... раз уж тебе хватило мудрости оценить такое сокровище, как я... но в том, какие мужчины нравятся мне, тебе положено разбираться похуже моего.

– Хорошо, почему ты... захотела со мной сблизиться? Я ведь не давал тебе повода. Скорее наоборот.

– Сама удивляюсь. Наверное, из-за кучи недостатков, которые так увлекательно выправлять.

Он наверняка расслышал иронию последних ответов – но пальцы, скользившие сквозь светлые волны её волос, всё равно замерли.

– Правда?

– Нет, – сказала Ева прежде, чем в комнате успело похолодать. – Я уже на лестнице ответила, почему. Хотя ты и правда далёк от идеала. Но как говорилось в финале одного хорошего фильма, «у каждого свои недостатки».

О том, что мириться с этими недостатками она всё же не собиралась, Ева пока умолчала. Не хотелось портить настроение им обоим, руша с таким трудом достигнутое взаимопонимание. Даже если сейчас она поддавалась величайшему женскому заблуждению, имя которому «он изменится».

Нет, она не собиралась его менять. Лишь разбить всё наносное, чем он привык прикрываться. Вытащить настоящего Герберта из кокона, куда загнали его отец, Айрес и годы одиночества. Показать ему другой путь, на котором он сможет исполнить свои мечты. Менять чужую суть, ломать её под себя, оправдывая это любовью, – значит любить иллюзию, мечту, мираж в своей голове; что угодно, кроме реального человека, и в конечном счёте – не любить вовсе. А вот аккуратно обтесать сверху, сколов то неприятное, что мешает ему самому даже в большей степени, чем тебе...

– Утешаюсь лишь тем, что ты тоже не идеал, – сообщил Герберт с усмешкой, смягчившей и без того не обидные для неё слова. – Знаешь

ли.

– Да что ты говоришь. По-моему, я само совершенство.

Судя по усмешке, так и не покинувшей его губы, её иронию он всё-таки слышал прекрасно.

– Совершенство – статика. Оптимальный результат. Результат всегда – нечто конечное. То, что достигло одной идеальной точки, застыло в одном идеальном моменте. Форме. Состоянии. А ты просто невозможно... живая.

Учитывая Евино положение, слова здорово её позабавили. Как и сама ситуация. Нормальная влюблённость непременно включает в себя период идеализирования и боготворения, когда свет любви заслоняет все тёмные пятна на его источнике. С этого всё начинается – и одновременно с ним чаще всего заканчивается: слишком велико разочарование, когда свет блекнет и ты вдруг видишь на своём личном солнце всё то, чего предпочёл бы не видеть.

Опыта отношений, начинающихся с того, что на носу у обоих красуются чёрные очки с надёжной защитой от ультрафиолета, у Евы ещё не было.

– Пожалуй, ты прав. Предпочту быть живой. – Она рассеянно поскребла кончиками пальцев по его груди, прикрытой тонкой тканью рубашки: каким-то кошачьим жестом, пытаюсь найти в себе смелость задать рвущийся наружу вопрос. – А ты... когда в меня... просто... я до последнего не видела, чтобы я тебе нравилась. А тому, что видела, не могла верить.

Или не хотела. Но это ему слышать необязательно.

– И всё равно решилась сделать то, что сделала?

– В наших сказках поцелуй традиционно превращает чудовищ в принцев. Я решила, что трюк сработает и здесь.

Он тихо рассмеялся. Ничуть не обидевшись на иронию, вновь золотившуюся в её словах. А Ева, устраиваясь поудобнее на его плече, понадеялась, что ему всё же не слишком холодно. Она прекрасно помнила, как в своё время фырчала Динка, когда замёрзшая Ева заползала к ней под одеяло, и как вопила сама Ева, когда сестра отвечала ей тем же: даже горячая сестринская любовь не отменяла чувство дискомфорта от того, что к твоим нагретым босым ногам прижимается нечто, по ощущениям сильно напоминающее снеговика. И вздохов по прекрасным, сверкающим и холодным как лёд вампирам

Ева никогда не понимала – мысли о брачной ночи с тем, чей тактильный портрет похож на мёрзлую статую, её не прельщали.

Впрочем, между ними оставалась одежда. Везде, кроме губ и ладоней. И, судя по всему, к холоду Герберт привык: профессия обязывала.

– Когда ты играла. Наверное. – Некромант накручивал её волосы на палец, обвивая ноготь бледно-золотистой шёлковой прядью. – Может, раньше. Просто в тот момент понял.

– Так хорошо играла?

– И это тоже. – Он помолчал. – Когда ты играешь, ты... другая. И одновременно нет. Как будто суть пропустили сквозь хрустальную линзу и вместо тихого мягкого света в глаза вдруг бьёт слепящий луч.

Ева потупилась, изучая узор, чёрной шёлковой ниткой вившийся по вороту его рубашки.

– Никогда не любила смотреть, как я играю. На записях. Всегда казалось, что я на сцене безумно смешная.

– Почему?

– Я за инструментом часто такая... насупленная. Хмурая. Когда мне трудно. А когда не трудно, улыбаюсь как сумасшедшая.

– Ты просто погружаешься туда, где абсолютно забываешь о себе. Растворяешься в том, что делаешь. Это прекрасно, а не смешно. И у тебя появляется такая трогательная морщинка на переносице... – Позволив светлой пряди размотаться и упасть на его рубашку, Герберт коснулся её подбородка, заставив Еву приподнять голову. – Вот здесь.

Когда он тронул губами её лоб – там, где на записях она и правда видела у себя складку, которую всегда мнила даже смешнее блаженной улыбки, – Ева поняла, что всё ещё не верит в происходящее. Что Гербеуэрт тир Рейоль может быть *таким*. С другой стороны, он же недавно на её глазах трепал по меховому пузу кота, которого держал в стазисе несколько лет, потому что не хотел терять... Сама ведь когда-то думала: парень, который любит котиков, просто не может быть плохим.

Оставалось надеяться, что их сказка и правда про красавицу и чудовище. А не про Золушку, которая снова обернётся замарашкой, как только часы пробьют двенадцать.

– Хотя в чём-то ты права. Ты редко бываешь такой серьёзной, как за инструментом.

– Имеешь что-то против?

– Кто-то же из нас должен быть несерьезным. Когда есть возможность. – Улыбка, наметившаяся в уголках его губ, погасла, вернув в лицо отстранённость. – Скоро, полагаю, эта возможность тебе будет представляться нечасто.

Думать сейчас о королеве, восстании и мнимой помолвке Еве совершенно не хотелось. Как не хотелось, чтобы об этом думал Герберт. Так что она отвлекла его от этих мыслей тем же простым и действенным методом, что безотказно сработал на лестнице.

Когда Герберт уходил, впервые за всё время, проведённое в этом замке, Еве было тепло.

Поздравление Мэта с новым статусом (из решительного и твёрдого «не замужем» в романтическое «влюблена», которое стоило бы смешать с сомнительным «помолвлена», приправив задумчивым «всё сложно») она получила среди неизменно бессонной ночи, коротаемой за чтением того же любовного фэнтези. Сейчас книжка казалась ещё посредственнее, чем по пути к Гертруде, но тем более забавной.

К счастью, Ева заподозрила неладное, как только услышала стук в дверь. Хотя бы потому, что вдруг вспомнила: она слишком давно не видела Мэта, а тот едва ли мог оставить произошедшее без внимания.

Именно поэтому она не завизжала, увидев на пороге Герберта в окровавленной рубашке.

– Забыл самое важное, – проговорил тот, протягивая к ней расправленную ладонь. Там лежало нечто, на первый взгляд напоминавшее кусок сырого мяса; на второй – то, что традиционно предлагают мужчины вместе с рукой.

Ева устало захлопнула дверь под носом у Мэта.

Естественно, это ничуть не смутило демона, пару секунд спустя спокойно пролетевшего сквозь дерево.

– И тебе привет. – Он был уже в привычном обличье; в глазах плескался голубой огонь, искристая синь одежд не меняла оттенок под лучами волшебных кристаллов. – Спасибо.

– За что? – возвращаясь к кровати, уточнила Ева, не оборачиваясь.

– Что не разочаровала. Всегда считал девочек обманщицами от природы. Не хотелось менять свои убеждения спустя столько лет.

Это всё-таки вынудило её обернуться, застыв в шаге от гобеленового покрывала.

– *«Никакой принц, король, эльф или бог для меня не перевесит дом»*, – пропел Мэт, присаживаясь в изножье кровати, зависнув над спинкой, чуть не касаясь одеяла лаковыми туфлями. – Кажется, так кое-кто говорил совсем недавно? Хотя если подумать, некромант в перечень не входил, а принцем наш малыш является лишь формально.

– Я не...

– Что? Не собираешься отказываться от дома? Быть в ответе за тех, кого приручила? Ты же вроде так любишь эти слова, златовласка. Или для тебя словами они и остаются?

– Я не думала об этом, – совершенно честно отрезала Ева, падая на постель спиной назад.

– А если подумать?

Она промолчала.

Бросить Герберта – значит предать. Не бросить – значит предать всех и всё, что ждёт по ту сторону прорехи. Включая, возможно, саму себя. Нет... нет, гнать эти мысли. Не поддаваться на провокации. Пока у них с Гербертом столько проблем, что о возвращении домой и речи не идёт. Начиная с той проблемы, что в текущем состоянии Ева от некроманта при всём желании никуда не денется.

Надо же было чёртовой кляксе отравить ей едва обрётённую радость...

– Не грусти, златовласка, – сказал отравитель, пока она лежала, раскинув руки на кровати, старательно глядя в потолок. – Я мог бы разрешить дилемму. Позволить тебе не выбирать.

– Даже слышать не хочу.

– В моём мире я не только сумею тебя воскресить. Оттуда можно без труда открывать прорехи между вашими мирами. Мне это не под силу – законы Межгранья призваны держать нас взаперти, исключая зов извне. Но ты, полагаю, сможешь.

– Даже задумываться не собираюсь.

– Небольшая сделка, и ты везде будешь как дома. Будешь странствовать туда-сюда по мирам через Межгранье – не сложнее, чем на самолёте. На две страны, конечно, жить тяжело, но сама возможность погостить у родителей... или, наоборот, навестить любимого малыша...

– Даже не уговаривай.

– И не собирался. Просто информация к сведению.

Он действительно замолчал – и, надо сказать, действительно изложил вышесказанное без искушающих ноток. Просто, доброжелательно, как дружеский совет. И (будь он проклят!) Ева над информацией задумалась. Несмотря на то, что понимала: задумываться над любым предложением демона – донельзя плохая идея.

Она могла отмахиваться от непрошенных мыслей сейчас, но ей придётся решать что-то потом. Рано или поздно. А когда тебе предлагают возможность не взвешивать то, что тебе дорого, на разных чашах весов, не бояться обжечь холодом того, кого обнимаешь...

Чёрт. Так *вот* в чём был его интерес.

– А, – сказала Ева. – Значит, вот почему ты хотел, чтобы мы сблизились. Помимо, конечно, возможности развлечься и посмеяться над влюблёнными дурачками.

Мальчишеское лицо осталось непроницаемым в своей неестественной, пугающей улыбочивости.

– Не понимаю, о чём ты.

– Теперь у нас обоих появились слабые места. То, на что ты можешь давить. То, что поможет тебе нами манипулировать. – Ева зло сощурилась, раздражённая на себя в той же степени, что на него. – Полагаю, как только я открою прореху, ты со своими дружками-демонами радостно в неё кинешься. Веселиться в моём мире – согласно вашим представлениям о веселье. Так?

– У демонов не бывает друзей, – безмятежно откликнулся Мэт. – Лишь в ваших идеализированных мультяшных фантазиях. Всё, что мне нужно, – свобода от цепей Межгранья. Таким сокровищем я не собираюсь делиться ни с кем.

– Тебя одного хватит, чтобы устроить локальный апокалипсис. Или глобальный, если я тебя недооцениваю. – Потянувшись за планшетом, Ева демонстративно уткнулась в недочитанную книгу. – Я не заключу с тобой сделку, Мэт. Даже не надейся.

Краем глаза она видела, как тот пожал плечами. Казалось, ни капельки не разочарованный. Это пугало куда больше, чем если бы демон взбесился. Он готов был просто терпеливо ждать другого, более подходящего момента.

И кто знает, что отныне он будет нашёптывать Герберту.

– Зачем ты так хочешь ожить?

Странный в своей элементарности вопрос всё-таки заставил Еву поднять глаза.

– Не хочу умирать. Разве не очевидно?

– Не хочу умирать, – повторил Мэт безо всякого выражения. – Одно и то же. Почти всегда. – Мерцающая лазурь его радужек потускнела, приблизив их к человеческому оттенку. – Люди... Вы такие забавные. Приставь вам ко лбу пистолетное дуло, и вы закричите «я не хочу умирать», но лишь считанные скажут «я хочу жить». Вы страшитесь смерти, при том что мало кто из вас действительно ценит жизнь. Некоторые умирают внутри задолго до того, как их сердца устают от бесполезной работы. И ходят, и жрут, и говорят... Пустышки, медленно гниющие заживо, зачем-то ещё существующие. Лишь для того, чтобы дышать, не понимая, что их дыхание само по себе удивительно. – Демон смотрел сквозь неё. – Ваш мозг хранит тысячи терабайт информации. Ваше сердце перекачивает миллионы литров крови. Вы рефлекторно совершаете действия, требующие идеально слаженной работы десятка мышц и миллиардов нейронов. Вы сами – филигранный шедевр генезиса, существующий в мире тепла, красок и невероятностей, способный позволить себе роскошь воспринимать всё это нормой вещей. Докучливой обыденностью. И только и делаете, что ноете, и жалуетесь, и скучаете, и считаете жизнь *надоедливой*...

Ева поймала себя на том, что вопреки всему, включая здравый смысл и чувство самосохранения, ощутила жалость. Потому что за шутовской маской проступило нечто бесконечно усталое – и столь же древнее, сколь вселенская тьма, открывавшаяся на дне его зрачков. Мэт мог сколько угодно прикидываться мальчишкой, но не стоило забывать, что рядом с ней абсолютно нечеловеческое существо. Абсолютно сумасшедшее – если брать за точку отсчёта людской взгляд на здоровую психику.

Абсолютно одинокое.

Межгранице являло собой холодную, безжизненную, бесформенную пустоту меж миров. Черноту космоса, разделявшую звёзды, приправленную отсутствием привычных трёх измерений. Ева не помнила, в какой из библиотечных книг вычитала это, но желание

Мэта вырваться из пустоты, лишившей его даже толкового подобия облика, вполне можно было понять... Если не учитывать, что демон не смог бы мирно сосуществовать с теми, кто населяет настоящие, живые миры. И вряд ли собирался.

– Но наш малыш прав. Ты не из таких, – заключил Мэт внезапно. Глаза его вновь полыхнули потусторонним фосфором. – Даже сейчас ты живее многих, кто считает себя живыми лишь на основании бьющегося сердца.

Ева вспомнила, кого жалеет. Напряглась, как почуявший ловушку кролик.

– К чему всё это?

– Будет жаль, если в итоге ты так и останешься мёртвой. Или не мёртвой, но несчастной. Потому что не пожелала рискнуть и пойти ва-банк. Будучи мёртвой снаружи, ты вскоре умрёшь и внутри, ибо долго такое существование выдержать не сможешь. Не ты. Будучи живой и выбрав любой из миров, ты непременно пожалеешь о том, который в итоге не выбрала.

К счастью, Ева неоднократно за жизнь досаждала своим недругам тем, что категорически не бралась «на слабо».

– Мы с Гербертом прекрасно обойдёмся без твоей помощи. И что-нибудь придумаем. Когда придёт время.

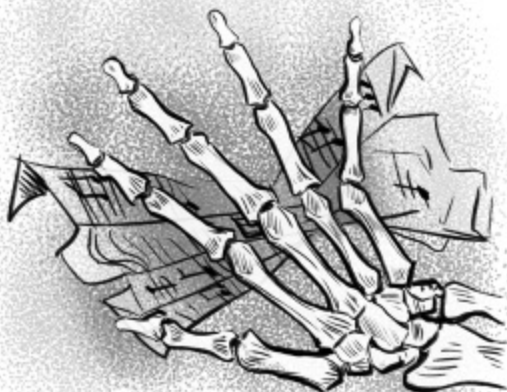
Мэт лишь рассмеялся. Высоким залиvistым многоголосьем, нывшим в ушах перезвоном ржавых бубенцов. Очень зловещим полным отсутствием в нём какой-либо зловещести, если не считать задорную безуминку.

– Посмотрим, златовласка. – Демон растворился за гранью зримого, предоставив Еве возможность хоть всю ночь смотреть на электронную вязь книжных строчек. Теперь, в безнадёжно испорченном настроении, текст резал глаза и чувство вкуса невыносимой бездарностью. – Посмотрим.



## Глава 20

### Con fuoco [29]



– Честно сказать, я удивлён, – изрёк Миракл, следующим вечером заглянувший в замок Рейолей.

– Чему, лиэр? – уточнила Ева, вышагивая рядом с ним по садовым дорожкам.

– Мирк, не «лиэр». Даже при дворе наречённые зовут друг друга по имени. Привыкайте... вернее, привыкай. – Он вскинул руку чуть выше, освещая путь фонарём, внутри которого мерцал волшебный кристалл. – Удивлён, что вы с Уэртом всё же сошлись.

Скрывая обескураженность, Ева сощурилась на белый свет фонаря, разгонявший мглу сиреневого вечера. Фонарём Миракла заботливо снабдил Герберт, когда тот предложил Еве повторить прогулку по саду – наедине; абсолютная невыразительность лица некроманта подсказывала, что восторга по поводу этой прогулки он отнюдь не испытывает.

Согласилась Ева лишь по одной причине: ей было что обсудить с Мираклом без лишних ушей. Ему, как она подозревала, тоже.

– Это так заметно? – спросила она наконец, не видя смысла отрицать.

При посторонних они с Гербертом друг от друга не шарахались, но и вольностей себе не позволяли. Поутру некромант и вовсе встретил её в тренировочном зале опущенными глазами, прохладным небрежным тоном и осторожными взглядами искоса. Весь его вид, безмолвно говорящий «боже-что-я-вчера-творил», выдавал жуткое похмелье после вчерашнего эмоционального запоя – а ещё он явно опасался увидеть то же в её лице.

*«Хватит так на меня смотреть»*, – потребовала Ева.

Немое «как?» она прочла в пытливом, чуть опасливом взгляде.

*«Как будто я – объект жертвоприношения, которому бестолковые жрецы забыли засунуть кляп. А ты – рогатое чудовище, которое громкие вопли приводят в состояние неконтролируемой паники, не говоря уже о том, что напрочь отбивают аппетит. – Дождавшись, пока Герберт фыркнет, Ева удовлетворённо привстала на цыпочки, чтобы чмокнуть его в нос – окончательно разбивая тоненькую корку бесчувственной наледи на его лице. – Я вчера была в здоровом уме и твёрдой памяти, не сомневайся».*

*«Насколько здоровый ум вообще возможен в подобном состоянии»*, – пробормотал тот.

*«Неживом?»*

*«Неровно дышащем, скажем так».*

*«О, тогда тебе точно не о чем беспокоиться, – заверила его Ева, вновь коснувшись паркета невысокими каблучками домашних туфель. – По причине отсутствия моё дыхание смело можно считать самым ровным в мире. Ровнее не бывает».*

Погасив мелькнувшую улыбку, Герберт посмотрел на неё почти сурово:

*«Только спуска от меня по такому поводу не жди».*

*«И в мыслях не было».*

Герберт слово сдержал: заклятие левитации они разучивали два часа кряду, что оставило Еву совершенно без сил – и, если б не регенерация, оставило бы к тому же с разбитыми локтями, коленками и носом. Зато паутина неловкости, сотканная за ночь, между ними больше не возникала.

– Я научился замечать то, что люди стараются сделать незаметным, – сказал Миракл, потрескивая тонкой корочкой льда на

лужах, бьющейся под его шагами. – Полезный навык для бойцов и королей.

– И шпионов. Уверен, что не ошибся с выбором профессии?

– С трона шпионить куда приятнее.

– А ещё трон делает тебя куда заметнее. И куда... мишенитее.

Не сбиваться на «вы» пока стоило Еве немалых усилий. Тем необходимее было к этому привыкать.

– В том-то и дело. Беспечные люди смотрят вперёд и не замечают того, что таится у них за спиной. Люди осторожные привыкли жить с оглядкой – и отвыкают всерьёз относиться к тому, что нахально маячит у них перед носом. – Миракл рассеянно оглянулся на окна замка, светившиеся за их спинами. – Значит, тебе удалось к нему пробиться.

– Будто это не ты способствовал тому, чтобы он закрылся, – аккуратно выкруливая на ту самую тему, что ей хотелось обсудить, мягко заметила Ева.

Расспросить Герберта о ссоре с братом она пока не успела. Тема была слишком опасной. Но подтолкнуть самого Миракла усомниться в том, что он так и не выяснил годы назад...

– Не я. – Как и следовало ожидать, лицо юноши разом сделалось жёстким. – Он сам сделал выбор. Как я сделал свой, прекратив наше общение. Но это не значит, что я ни о чём не жалел.

– А почему не помириться, раз жалел?

– Есть вещи, которые нельзя простить. А если можно простить, то забыть – невозможно. Поступки, после которых уже не можешь относиться к человеку так, как раньше, даже если захочешь.

– Ты даже не можешь быть уверен, что он действительно этот поступок совершил. Не пробовал поговорить? Куда проще, чем несколько лет дуться в смертельном оскорблении.

– Мне кажется или ты хочешь сказать, что я *дуюсь* на ровном месте?

– Нет, конечно. «Я увидел вину в его глазах» – это ведь железное и неопровержимое доказательство свершённого предательства.

– Любовь к сарказму у вас обоих в крови, я вижу, – хмыкнул Миракл. – Ева, я знаю своего брата слишком хорошо, чтобы нуждаться в расспросах.

– Зато я знаю своего... некроманта слишком хорошо, чтобы верить в такое, – отрезала она. – Герберт не мог предать того, кого

любит.

– Я знаю его с детства. Ты – меньше месяца. А теперь *ты* говоришь *мне*, чего он не мог сделать?

– Да. Именно это я и говорю. – Без труда прочтя в его снисходительном взгляде всё то, что она сама думала о глупых девочках в стадии влюблённого идеализирования, Ева добавила: – Если резонируешь с кем-то, за месяц можешь узнать его лучше, чем иные – за сотню лет.

Миракл промолчал, мерно вышагивая под зимним небом – оно казалось хрустальным в своей тёмной холодной прозрачности, коловшейся проступающими звёздами.

– Уэрт рассказывал тебе, что стал самой молодой Звездой Венца за всю историю Керфи? И самым молодым магистром?

Ева кивнула: рассказывал. Как раз вчера, пока они болтали обо всём, о чём не говорили прежде.

О Керфианском Колдовском Ковене, основанном Берндеттом, Эльен поведал ей уже давно. Ковен объединял всех магов и некромантов страны, обязанных вступить в него по достижении тринадцати лет, дабы предоставить возможность другим магам направлять и контролировать их деятельность. Над рядовыми магами стояли магистры (как поняла Ева, те колдуны, что защитили волшебную диссертацию), а управлял Ковеном так называемый Венец Магистров: восемь могущественнейших магов страны, почтительно называемых Звёздами. Каждый из них избирался пожизненно, каждый обязан был совершить некое фундаментальное открытие в магической науке и доказать право зваться Звездой, пройдя череду сложнейших испытаний. Испытаний, что могли убить тебя, если ты переоценил свои силы и замахнулся перескочить планку, до которой пока недотягивал.

На данный момент Первой Звездой Венца являлась Её Величество Айрес. Восьмой, избранной после смерти предыдущего обладателя этого звания, – Герберт. Вступив в Ковен в положенные тринадцать, в четырнадцать он уже был магистром, а в пятнадцать заявил о праве на место в Венце. Открытием, которое позволило ему сделать это, была регенерация мёртвых, в своё время позволившая уцелеть Мелку, а впоследствии – Еве. До Герберта магическая регенерация была прерогативой исключительно живых: как только тело умирало, все

попытки заставить его раны исцелиться оказывались бесполезны. Стазис с автоматической регенерацией, в котором ныне пребывали Ева и Мелок, был вторым знаковым открытием Герберта, напрямую вытекавшим из первого: прежде стазис предохранял тела от разложения, но нисколько не способствовал заживлению полученных посмертно ран.

О третьем – чарах, благодаря которым Ева смогла вчера выслушать всё это, а не бродить по замку покорным зомби, не заинтересованным даже в чужих мозгах, – Герберт предпочёл не распространяться.

Перспективы Герберта стать самой юной Звездой Венца за историю Керфи и были причиной, по которой покойный господин Рейоль так хотел подтолкнуть сына к скорейшему воплощению его аналога «мёртвой воды». Любыми способами, включая убийство его кота.

– Я так им гордился. В день, когда он получил звание Восьмой Звезды. Кричал, что мой брат – второй Берндетт... И подумать не мог, что однажды он действительно захочет им стать. – Когда Миракл вновь посмотрел на неё, Ева наконец поняла, почему он хотел побеседовать с ней наедине. – Если у кого-то и получится отговорить его от этой затеи, то у тебя.

Обдумывая ответ, она посмотрела в небо. Замерла.

Миракл проследил за её взглядом как раз к моменту, когда золотистая точка в небе обернулась стремительно пикирующим драконом. Не говоря ни слова, одной рукой поволок вяло упирающуюся Еву к замку, в другой сжимая молниеносно обнажённый меч.

Гертруда приземлилась на острую крышу прежде, чем они преодолели хотя бы четверть пути до ближайшей стены. Склонилась к арке, ведущей во внутренний двор, осторожно выпустив из пасти яйцо, янтарём мерцающее в темноте.

Когда оно легло на брусчатку, с интересом воззрилась на Еву, виновато выглянувшую из-за плеча Миракла – тот заслонял её собой с мечом наголо.

– Здравствуй, золотце, – под аккомпанемент черепицы, бьющейся под её когтями и глиняным дождём сыплющейся вниз, шёлково

пропела Гертруда. Огненные прожилки жидким металлом разливались между зелёными чешуйками. – Маленький некромант у себя?

– Здравствуйте! – вежливо крикнула Ева, надеясь, что с такого расстояния её услышат. Впрочем, для существа, привыкшего слушать песни душ и камней, расслышать человеческий голос за жалкую пару сотен метров – школьная задачка начальных классов. – Не ожидала вас увидеть!

То была чистая правда: расстались они на том, что Герберт сам явится за ответом в драконий замок, и некромант собирался отправиться туда ближе к полуночи. Впрочем, Ева довольно быстро сообразила, чем может быть золотистая точка в небе, и ничего не сказала Мираклу лишь по одной причине – показать проще, чем рассказать.

Судя по тому, что лиэр Совершенство неуверенно опустил меч, выводы он сделал правильные.

– Решила прилететь сама. Всё равно нужно было принести его сюда. – Тремя лапами держась за крышу, четвёртой Гертруда прикрывала яйцо. – Вашей хвалёной магии я такое путешествие не доверю... А это что за воинственный и подозрительно полифоничный юноша?

– Это Миракл Тибель. Кузен Гербеуэрта, будущий король. – Ева выступила из-за чужой спины. – Знакомься, Мирк – Гертруда. Тот самый дракон, которого вы с Гербертом собирались убить. Позже объясню.

– Да уж, буду благодарен, – слабым голосом проговорил тот, глядя в глаза драконицы, искрившиеся летом и солнцем, как вино из одуванчиков. – Польщён знакомством.

– Судя по отсутствию приветствия, не слишком, – вкрадчиво заметила Гертруда.

Миракл, на диво быстро взяв себя в руки, тут же слегка склонил стан, изящный даже в тёплой зимней куртке.

– Простите мою неучтивость, – изрёк он, непринуждённым движением вгоняя меч обратно в ножны. – До сего момента я не подозревал, что мой брат успел обзавестись такими... пылкими друзьями.

– Герберт хотел тебе рассказать, – застенчиво вставила Ева, – когда мы с Гертрудой придём к окончательному соглашению.

Если Мираклу и хотелось спросить, что за соглашение может быть у них с драконом, он промолчал. Наверное, потому, что в этот миг Гертруда, склонив голову набок, смерила его пристальным взглядом; вернее, смерила бы, если б взгляд громадных драконьих глазищ без труда не охватывал его с головы до пят.

– Слишком много в тебе мелодий для милого мальчика. Впрочем, звучишь вполне консонансно, – вынесла вердикт она. – Доверять ему можно, но пусть его красивые рыцарские жесты тебя не обманывают, золотце. Он тебя не любит.

Ева покосилась на Миракла, выдавшего ошеломление от подобного заявления разве что абсолютной непроницаемостью, застывшей на его лице:

– Не любит в смысле «питает недобрые чувства» или в смысле «питает чувства исключительно добрые»?

– Его сердце не поёт. Доброжелательный интерес, не более.

– Слава богу, – откликнулась Ева с нескрываемым облегчением.

Только канонического любовного треугольника и влюблённого принца ей ко всем прочим проблемам не хватало. Или Истинного Короля – невелика разница.

– А, так мелодия твоих чувств всё же обращена не к нему? Надо же. – Драконица скучающе мотнула хвостом, едва не сшибив острый шпиль ближайшей башенки. – Вчера по вам в жизни не сказала бы... Впрочем, людей никогда не поймёшь. У драконов всё куда проще.

– К слову о драконах, – произнёс Миракл, следом за Евой медленно приближаясь к замку. Он неотрывно глядел на яйцо, мутным янтарём золотившееся во тьме за драконьей лапой. – Его отец сегодня тоже осчастливит нас визитом?

Драконица ничем не проявила нежелания отвечать, но когда ответила, для огненного существа голос её звучал на диво прохладно:

– Не беспокойся, мальчик. Его отец живёт в горах. Очень далеко отсюда.

– Вот как. Огонь любви остыл?

Гертруда сощурилась, подозревая насмешку.

Кристалльной искренностью сочувствия, проявившегося в глазах и словах Миракла, можно было бы отделывать бальные платья, будь она капельку более материальной.

– Напротив, – изрекла она наконец. – Но без некоторой... встряски мы начинали скучать. И вот он всё чаще улетает на охоту, а ты с досады вертишь хвостом перед молодыми дракончиками, а потом в один прекрасный день возвращаешься домой и вдруг обнаруживаешь в вашей сокровищнице какую-то писклявую костлявую принцессу... – Драконица вздохнула, выпустив из ноздрей сноп рыжих искр. – В общем, когда после очередной ссоры я дотла спалила лес вокруг нашей пещеры, мы предпочли прелестям совместной жизни отношения на расстоянии.

– Грустно, – произнёс Миракл с тем же искренним сочувствием. – Значит, чувства ваши были слишком... *пламенными*.

– Увы. – Гертруда перевела взгляд на Еву. – Запомни мой совет, золотце: дистанция – лучший залог вечной любви. А если к дистанции ещё прилагается ранняя могила, тем лучше. Покойников любить проще.

Герберт соизволил появиться в арке именно в тот момент, когда Ева очень серьёзно кивнула. В конце концов, показательно пренебрегать советом кого-то настолько великого (во всех смыслах) не стоило.

Оставалось надеяться, что некромант кивка либо не разглядел, либо отнёсся к нему с пониманием.

– Приветствую, – произнёс Герберт, аккуратно огибая яйцо и драконью лапу, и вскинул голову к нависшей над ним чешуйчатой морде. – Как я понимаю, вы согласны на сделку.

– Если меня удовлетворит формулировка клятвы, которую ты собираешься принести.

– Дабы у вас не возникло сомнений в моей честности, формулировку мы обсудим вместе. – Некромант выразительно кивнул в сторону внутреннего двора. – Без посторонних.

Ева хотела было возмутиться тому, что он намерен снова всё решать без неё, но быстро сообразила: присутствие Миракла в данной ситуации не особо желательно. Лучше обрадовать его свершённой сделкой постфактум, чем позволить вмешиваться в процесс.

Покладисто кивнув, она потянула юношу в холодную темноту гулкой арки. Тот даже не сопротивлялся – видно, понимал, что о какой бы сделке ни шла речь, она им на пользу (иную его брат заключать бы



не стал). К тому же проще выпытать всё у Евы, как только они останутся одни, чем судорожно делать выводы из происходящего.

– Тебя здесь не обижают, золотце? – внезапно спросила Гертруда, когда они с Мираклом уже ступили на брусчатку внутреннего двора.

Подняв глаза, встречая участливый драконий взгляд, Ева недоумённо помотала головой.

– Если вчера ты смогла незаметно сбежать ко мне, за тобой не слишком хорошо приглядывают, – укоризненно косясь на некроманта, оставшегося по другую сторону арки, продолжила драконица. – Не хочешь всё же перебраться в мою сокровищницу? Я со своих драгоценностей глаз не спускаю, уж поверь.

– Благодарю, но вынуждена отказаться, – как можно вежливее откликнулась Ева. – Люди любят всякие глупости вроде свободы воли.

Лишь сказав то, что сказала, Ева подумала, что на сей раз свой сарказм можно было бы и сдержать. Пусть даже замаскированный любезностью так хорошо, насколько она вообще умела.

Тихий смешок Гертруды, раскатившийся по замку и тёмному саду, свалил с крыши ещё несколько черепиц, лёгким вибрато отдаваясь в костях.

– Думаешь, мне неведомо, что есть свобода, золотце? Думаешь, неведомо, что это такое – отпускать? – Гибкая драконья шея дрогнула: Гертруда, всматривавшаяся в людские фигурки во дворе, подняла голову, уставившись в темноту над замковыми крышами. – Мне приходилось отпускать... Того, с кем мы вместе летали в весенних танцах. Шестерых детей – все уже мертвы. Остались лишь те трое, что ещё не родились, и отец их, с которым вижу пару раз за век. – Когтистая лапа ласково огладила янтарную гладь яйца, под каменной скорлупой которого таился тусклый огонь. – Я бы всех их оставила при себе. Крохами, никогда не растущими, ещё не умеющими летать. А приходилось отпускать, отпускать, одного за другим... Потому что есть в жизни нечто большее, чем любовь, нечто большее, чем сама жизнь. То, что влечёт и зовёт нас. То, для чего мы рождены. – Жёлтые глаза поднялись к небу, манившему просторами, что были бескрайнее и глубже самого бескрайнего и глубокого из морей. – Если действительно любишь, ты не будешь держать его взаперти, пусть на прекраснейшей из привязей. Ты позволишь ему расправить крылья и ответить на зов.

Ева посмотрела на Герберта, отделённого от неё метрами зимней темноты, – чтобы увидеть, как тот смотрит на неё.

У каждого из них было своё небо.

Каждый прекрасно об этом знал.

– Даже если это означает, что ты можешь его потерять? – спросила Ева тихо.

– Даже если можешь потерять. – Драконица прикрыла узкие зрачки чуть дрожащими веками. – Никто из нас не вправе отнимать у другого выбор. Не в том, что касается его счастья. Узы любви хороши, лишь пока не заставляют и правда чувствовать себя связанным.

Когда Гертруда вновь опустила глаза, в сгущённом солнце её радужек Еве почудился смешок понимания. Но откуда бы понимать ей, их обоих толком не знающей?..

– Помни об этом, золотце, – поворачиваясь к Герберту, закончила драконица. – Вдруг пригодится.

За принесением клятвы они с Мираклом следили из окна тренировочного зала, удобно выходявшего прямо на место действия.

– Значит, спустя пять-десять лет мне придётся кормить драконицу, веками разорявшую моё будущее королевство, и трёх её детёнышей, – дорогой выслушав Евины объяснения, изрёк Миракл, наблюдая, как тремя этажами ниже его брат кладёт пальцы на чёрный драконий коготь. – Которые, насколько мне известно, на удивление быстро растут.

– Скажи спасибо, что не придётся к тому же кормить их папу, – пожала плечами девушка.

– Пожалуй, убить её было бы проще.

– Если не боишься рискнуть своей шкурой и попроситься с какими-либо шансами получить от меня какую-либо помощь, ещё не поздно.

– Я знал, конечно, что девушки любят зверушек, но думал, вы предпочитаете кого-то помельче и попушистее.

Ева лишь фыркнула, пока внизу Герберт расчерчивал левой рукой воздух, оставляя в нём вязь сиреневых рун. Даже отсюда различила аметистовое сияние, пробившее ладонь, лежавшую на драконьей лапе, и пробежавшее вверх по рукаву – к сердцу.

Если верить книгам, именно так выглядело свершение магической клятвы Эйф, нарушение которой влекло за собой неминуемую и не самую быструю смерть.

– Теперь опционально сможешь попрощаться ещё и с жизнью Герберта, – резюмировала Ева. За окном Гертруда, напоследок перебросившись с некромантом парой слов, взлетела в ночь, простившись с обитателями замка вибрацией дрогнувших стен. – Возможно, этому ты будешь даже рад.

– Не думаю. Он не принёс бы смертельную клятву, не предусматривающую случайную гибель вашей чешуйчатой знакомой по независящим от него обстоятельствам. – Миракл стоял бок о бок с ней, сложив руки на каменном подоконнике. – И нет, я не был бы этому рад.

А ведь он доверял Герберту. Даже сейчас, спустя все эти годы разлуки и обиды. Верил в него.

Иначе не позволил бы брату заключить столь важную сделку в одиночку.

– Ты должна убедить его не призывать Жнеца.

За окном Герберт исчез во тьме, окутывавшей внутренний двор. Драконье яйцо плавно плыло за ним по воздуху: куда бы некромант ни решил его перенести, он предпочёл левитацию телепорту.

– С чего ты решил, что у меня выйдет? – безнадежно сказала Ева.

– Тебе удалось договориться с драконом. Не сказать, что Уэрт намного безобиднее и сговорчивее, но после подобного опыта улестить его всё же будет несложно, надеюсь.

Ева отвела глаза, глядя вслед Гертруде, бесследно растворившейся в чёрной облачной выси.

– А если это его небо?

Она не знала, поймёт ли Миракл то, что было до боли понятно и близко ей самой. Но, судя по всему, понял.

В конце концов, у него тоже было то, что звало его к себе – вопреки всему возможному риску.

– Магия – его небо. А это – его амбиции, привитые отцом и взращённые Айрес. Не более. – Миракл отвечал всё с той же подкупающей уверенностью, что могла вселить сомнения в самое твёрдое сердце. – Я знаю.

Ева промолчала. Лишь подумала, что уже встречала примеры заботливых родственников, желающих тебе добра и уверенных, что они знают тебя лучше тебя самого.

И поняла, что очень не хочет брать в расчёт вариант, при котором Миракл Тибель всё же знает своего брата хуже, чем ему кажется.

## Глава 21

### Dolente [\[30\]](#)



Герберт вошёл в комнату, когда Эльен распевал «Балладу о лиоретте Риайне» под аккомпанемент Дерозе, тихо мурлыкающего короткие четырёхзвучные арпеджио.

Баллада повествовала о нежной деве из простонародья, совершившей Финальный Обмен, чтобы спасти возлюбленного принца, и в основном базировалась на пяти несложных гармониях. Баллада приглянулась Еве ещё с того урока, когда Эльен впервые поведал об Обмене, подобрать инструментальное сопровождение труда не составило – и теперь девушка вплетала звуки виолончели в пение призрака, нанизывая крупный бисер нот на бархатную нить голоса.

Скрип двери, ознаменовавший появление Герберта, тоже прозвучал почти мелодично.

– *Путь мой стелется под ноги,* – пел Эльен в звенящей сдержанной нежности (они как раз дошли до кульминации, где в торжественном ре-мажоре и щемящем напеве, воспаряющем до самого ля первой октавы, свершался Обмен), – *жизнь моя позади, смерть и любовь моя перед моим лицом...* Ах, господин, это вы?

– Это *так* вы занимаетесь, значит, – устало произнёс Герберт, когда Эльен поднялся с кровати, чтобы элегантно поклониться.

– Мы два часа разучивали танцы! Честно-честно, – запротестовала Ева, откладывая Дерозе на покрывало. – Теперь заслуженно отдыхаем от трудов.

– Неужели?

Вместо ответа она вслед за призраком поднялась на ноги. Исполнила образцовый реверанс, каким керфианским дамам полагалось отвечать на приглашение к танцу: лёгкое неторопливое приседание, одна рука чуть не касается воображаемой юбки, другая – лифа воображаемого платья, прямо напротив сердца.

– О блистательный тир Гербеуэрт, Избранник Жнеца, покровитель Шейнских земель, ярчайшая Звезда Венца Магистров, в сравнении с коей блекнут сами небесные светила, – пропела она, одарив некроманта лукавым взглядом из-под ресниц. – Не осчастливите ли своё создание, озарённое величием вашей славы, покорное вашей воле, очарованное светом ваших очей, изволив станцевать со мной тильбейт?

В том, как тот поморщился, Ева без труда различила тщательно скрываемый смех.

– Будь в мёде твоей бессовестной лести чуть меньше патоки, я мог бы и поверить. – Когда некромант тяжело опустился на освобождённое ею место, Ева убедилась: чем бы Герберт ни занимался в часы, минувшие между их утренним уроком и этой встречей, оно здорово его вымотало. – Отдаю должное твоим заслугам, Эльен. Ты неплохо её вышколил.

Дворецкий поклонился в знак признательности – умиление бликами сияло в серых с прозеленью глазах.

– Так ты не желаешь лично удостовериться в моих успехах? – самую капельку жалобно спросила Ева. А что: Он и Она, потрескиванье поленьев в камине, Эльен, на заднем плане выводящий проникновенную песню в лучших традициях лирических хитов Диснея... В конце концов, чем призрачный дворецкий хуже поющего чайника? Еве не доставало многослойного бального платья и лёгкого налёта провинциальности, а Герберту – повышенной шерстистости и рогов, но то было определённо к лучшему.

Нарисованная картинка была до прискорбного сладкой, однако в семнадцать можно изредка позволить себе навестить кондитерскую девичьих грёз.

– Я не танцор. Ни разу, – сказал Герберт, подменяя сахарную вату розовых мечтаний сдержанной кислинкой реальности. – Но великодушно позволю сладкоречивой лиоретте упорхнуть к другому её поклоннику, коли она так хочет порадовать меня наглядным воплощением своего прилежания.

Выразив разочарование демонстративной гримаской, Ева протянула руки Эльену, с готовностью шагнувшему навстречу. Танцевать с призраком было забавно: ощущение его пальцев на талии – невесомых, осязаемых скорее мягкой колкостью ткани, чем реальными прикосновениями, и тем не менее дарящих опору, – могло и более опытную танцовщицу сбить с толку. Но Ева уже привыкла.

*С другой стороны*, размышляла она, исполняя замысловатые па под мерный счёт партнёра (керфианский тильбейт, явно состоявший в дальнем родстве с земным менуэтом, танцевали на три восьмых), *сладость без кислинки быстро приедается*. И приторности молочного шоколада Ева всегда предпочитала благородную горечь тёмного, а варенью – клюкву в сахаре.

Чёрт, как же она соскучилась по еде! Что за несправедливость: даже учась застольному этикету, не иметь возможности попробовать ни кусочка!..

– Неплохо, – великодушно бросил Герберт, когда они чинно расступились в ожидании вердикта. – Так и быть, поверю, что уроки вы посвящали не одному лишь отдыху от них. Эльен, буду благодарен за фейр.

– Как будто ты и в самом деле в нас сомневался, – сказала Ева, когда призрак оставил их наедине.

– Почему нет?

– Если б сомневался, устроил бы мне экзамен куда раньше. Ты слишком хорошо знаешь Эльена, чтобы позволить себе думать, будто он может тебя подвести.

– Пугающая пронизательность. – Герберт откинулся на гобеленовое покрывало, расплескав светлые пряди по цветочному плетению пёстрых нитей. – Иди сюда.

Эльен, о грядущем возвращении которого она успела благополучно забыть, застал их в обнимку по соседству с Дерозе: убрать виолончель пока было недосуг. И если Ева дёрнулась, когда дверь открылась, Герберт даже не шелохнулся. Аристократы привыкли

не замечать слуг, а у тех (судя по неуловимости скелетов, встречи с которыми за всё время пребывания в замке Ева могла пересчитать по пальцам) умение быть незаметными входило в плоть и кровь... Ну, и в кости, остававшиеся после утраты того и другого.

Наверное, вскоре Ева тоже привыкнет. Привыкла же валяться на кровати прямо в туфлях – Эльен в своё время убедительно растолковал, что в светском обществе принято забираться с обутыми ногами и на диваны, и в кресла, и в застеленные постели. Туфли снимают исключительно перед сном, никак не для коротких отдохновений, а о чистоте пола, мебели и покрывал пусть заботятся слуги...

– Чем занимался? – поборов неловкость, спросила Ева, когда призрак безмолвно удалился, оставив фейр и печенье на прикроватном столике.

– Воскрешающей формулой, – пробормотал Герберт ей в волосы.

Он обнимал её сзади, как дома Ева обнимала подаренного Динкой огромного плюшевого медведя. Скорее сонно, чем страстно.

– Для меня?..

– Для кого же ещё.

Новость была в новинку – она уже свыклась с мыслью, что без посторонней помощи некроманту её не воскресить.

– И как успехи?

– Не слишком хорошо.

Повернувшись в его руках, Ева кончиками пальцев обвела фиолетовые тени, кругами расползавшиеся у Герберта под глазами, лишь сейчас задаваясь вопросом, сколько же, собственно, он спит. Вчера после ухода Миракла они разошлись довольно рано, но Герберт выглядел человеком, который выспался разве что откуда-то. Да и когда бы ему нормально спать? Вся эта возня с пророчеством, уроки и другое времяпровождение с ней, забота о землях под его управлением, а тут ещё и формула...

– Не расстраивайся. Даже для тебя изобрести такое с первого раза было бы слишком сказочно.

– Я работаю над ней неделю, – глядя в точку чуть выше её бровей, проговорил некромант едва слышно. – Пока не вывел даже черновик, с которым можно было бы приступить к опытам. Слишком много



сложностей. Слишком много факторов, которые нужно принять в расчёт.

– У тебя сейчас других забот по горло, чтобы ты мог как следует на ней сосредоточиться, – уверенно напомнила Ева, искренне радуясь, что ни капли не тревожится по этому поводу. Меньше всего на свете Герберту сейчас нужны её расстройтва и сомнения. – Как разберёмся с пророчеством, дело пойдёт на лад. К тому же Айрес может помочь, ты сам говорил.

– Да. Говорил. – Помолчав, он коротко коснулся губами её губ. – Сыграешь мне?

Ева, помедлив, села. Потянулась за Дерозе, думая о том, о чём предпочла бы не думать.

Она хотела, но не могла забыть давнишние презрительные слова о «мёртвых прелестях». Хотела, но не могла не гадать, каково ему касаться ледяной кожи, обнимать чистую, благоуханную, холодную куклу. Были Герберту действительно приятны эти проявления нежности – или он просто боялся её обидеть?.. С одной стороны, полноценная приязнь при её текущем состоянии была бы странной – и пахивала теми интерпретациями истории Белоснежки, где на поцелуй с девой в гробу (пускай и красивейшей на свете) прекрасного принца толкнули вкусы даже более специфические, чем у почтенного господина Грея (не Дориана). С другой – Еве очень не хотелось чувствовать себя... ущербной. Какой, по-хорошему, она и являлась.

Герберт наверняка не хуже её понимал, как бы ранила её демонстрация брезгливости с его стороны. Даже если и правда её испытывал.

– Я не делаю того, чего сам не желаю, – послышалось с кровати, пока Ева устраивалась на стуле, выпрошенном у Эльена несколько дней назад. – Если вздумала переживать из-за всяких глупостей.

Дерозе замер между коленей, когда девушка невольно повернула голову.

– Ты что, ещё и телепатией балуешься на досуге?

– Не тебе же одной быть проникательной. – Герберт сидел на постели, прислонив затылок к деревянному изголовью, и глядел на неё с лёгкой необидной насмешкой. – У тебя всё читается в глазах. Если только ты не стараешься что-то скрыть.

*«...я прочёл вину в его глазах...»*

– Ты ведь не сдавал Айрес отца Миракла?

Вопрос вырвался импульсивно. В первую очередь потому, что он вот уже несколько дней очень хотел вырваться – и сейчас, воспользовавшись Евиным раздраем, наконец решился.

Ева пожалела об этом, едва увидела, как изменилось лицо Герберта, возвращая в его глаза голубой лёд.

– А ты как думаешь?

Ева не могла похвастаться слухом столь же тонким, как у Гертруды. И всё же расслышала другой вопрос, скрывавшийся за этим:

*«Так ты тоже можешь от меня отвернуться?..»*

– Нет, – без раздумий ответила она. На оба вопроса разом, сжимая смычок напряжёнными пальцами опущенной руки. – Ты не предал бы его. Я в это не верю.

Герберт долго изучал взглядом её черты, выискивая ложь, притаившуюся в уголках глаз или изгибе губ.

Не находя.

– Я и не предавал.

Когда Герберт заговорил вновь, в глаза и голос его вернулась жизнь. А вместе с ней – то, что помешало Еве с облегчением выдохнуть «я и не сомневалась»: печаль, слишком глубокая для простого сожаления о напрасной размолвке.

То, что Ева и сама назвала бы виной.

– Это был не я, – добавил Герберт тихо – так звучит пианиссимо на струне под сурдиной. – Это была моя клятва.

Она лишь нахмурилась непонимающе. Наверное, потому что сложно было высказать вслух вопросы, ещё больше бередившие его рану, за минувшие годы так и не затянувшуюся.

– Я принёс Айрес клятву вассала. Магическую. Когда мне было пять. – Это Герберт произнёс уже в полный голос – спокойно, почти буднично. – Я тогда даже не понимал толком, что делаю. И не боялся, ведь об этом просила моя милая, любимая тётя Айри.

В лице не проявилось ни капли сарказма, который подразумевали слова. И Ева на миг испытала жгучее желание встретиться с Её Величеством Айрес – прямо сейчас, – чтобы всё-таки ознакомить её с методами испанской инквизиции.

О клятве вассала Ева тоже читала. Там же, где прочла о клятве Эйф. Её усовершенствованную формулу вплетали в ритуал поднятия мёртвых. Именно она создавала ту одностороннюю подчиняющую связь, что существовала между некромантом и его слугами.

Ту, что установилась между Гербертом и Евой.

– Когда Айрес отдаёт мне приказ, я не смею его послушаться. И в тот день она велела мне рассказать всё, что я знаю о дядине расследовании. О документах, которые он собрал, о тайнике, в котором их прятал. Вопросы были слишком точны, чтобы выкрутиться недоговорками или полуправдой, а я – слишком растерян, чтобы как следует пытаться. Я не ожидал этого. Не от неё. – Отсутствующим взглядом он смотрел на виолончель, блестящим шпилем попиравшую пол. – Потом меня посадили под замок с запретом на телепорт. Чтобы я не смог предупредить Мирка. И выпустили, лишь когда с его отцом было покончено.

Ева вдруг поняла: она почти успела забыть, что отец Миракла – родной дядя Герберта. Родной брат королевы. Сложно было уложить в голове, что кто-то может настолько хладнокровно расправиться с кровным родственником.

Впрочем, что кто-то может взять с пятилетнего племянника клятву абсолютного подчинения – тоже.

Бедный, бедный Герберт... Он бы и не смог спасти Еву тогда, в лесу. Даже если бы хотел, даже если бы пытался. И самому свергнуть Айрес ему не под силу, лишь чужими руками. Он и так ходит по лезвию ножа – вместе с ней; ведь стоит королеве узнать, кого её наследник прячет в своём замке... Достаточно одного точно сформулированного приказа, чтобы немёртвая Избранная Ева Нельская превратилась во вполне себе мёртвую. Хорошо хоть клятва вассала не позволяла отдавать приказы мысленно и на расстоянии: «сюзерен» обязан был высказывать их вслух, начиная строго со слов *«Силой клятвы твоей повелеваю тебе»*, а «вассал» в свою очередь должен был находиться достаточно близко, чтобы это услышать.

Впрочем, обо всех возможных неприятных последствиях Ева предпочла не задумываться. Не сейчас.

– Миракл знает о клятве?

Герберт качнул головой, изучая глазами матовые изгибы деревянного корпуса – лак на нём давно стёрся.

– Никто не знает. Формулировка предполагает, что я не могу рассказать о ней ни одной живой душе. И я не был уверен, что выйдет рассказать тебе. – Звучание его голоса заставило Еву сжать смычок в ладони до неощутимой боли. – Сама понимаешь, почему ты всё же являешься исключением.

Она понимала. И – как она полагала – исключением являлась не только потому, что не была живой.

Ещё пару недель назад Герберт вряд ли стал бы ей это рассказывать. Даже если б она спросила.

– А Эльен?

– Он не знает.

– Почему?! Ты мог бы рассказать ему, а он – всё объяснить Мираклу! Передать...

– Айрес не желала, чтобы о клятве было известно кому-то, кроме нас двоих. Рассказать Мирку – значило подставить его под удар. И раз он поверил в то, что я могу предать его... по своей воле... объяснять незачем. – Герберт высказал это так равнодушно, будто ему и правда было совершенно плевать. – Эльен, к слову, не поверил. Как и ты.

Ева поймала себя на смутном желании огреть некроманта смычком по макушке.

Впрочем, чего она хотела? Максималист в одном будет максималистом в другом. А в том, что хотя бы один аспект своей жизни Гербеуэрт тир Рейоль измеряет исключительно абсолютом, Ева имела возможность убедиться.

– И твои родители... они поэтому погибли, да? – Она подалась вперёд, чувствуя, как вжимается в шею тёплое дерево грифа. – Поэтому напали на Айрес тогда? Каким-то образом узнали о клятве, разозлились и...

– Я не знаю. Но это весьма вероятно.

Сухие слова просыпались, как канифольная пыль, так отстранённо, будто вовсе его не касались.

– Ты и Жнеца поэтому собираешься призвать? Потому что Айрес тебе приказала?

Ей почти удалось скрыть надежду в голосе.

– Нет. Это моё желание. Нужно хотеть этого всей душой, иначе ритуал не осуществится. – Герберт наконец встретился с ней взглядом. Усталость, тускневшая в глазах, болью щипнула душу – точно дрянной

музыкант играл на ней пиццикато. – Не думай об Айрес слишком плохо. То был единственный раз, когда она воспользовалась клятвой... Иначе я никогда не решился бы пойти в тот лес, где нашёл тебя. Не решился пойти на всё это.

– Хочешь сказать, она не пользуется абсолютной властью над тобой? Почему?

– Потому что любит меня. Понимает, что пользоваться этой властью – значит заставить меня возненавидеть её больше всех на свете. А ей всегда хотелось, чтобы я её любил.

– И ты любишь?

Ева понимала, что лезет на совсем уже запретную территорию. Но не спросить не могла.

Ответу предшествовала недолгая, тревожная пауза.

– Пожалуй, – сказал Герберт наконец. – В той же мере, что ненавижу. – Он сцепил руки, до того лежавшие вдоль тела. Лишь этот страдальческий жест – не голос, оставшийся ровным, не лицо, оставшееся гладким, – выдал, как тяжело далось ему признание. – Она была мне ближе родной матери, пока я рос. Она многое для меня сделала. И, полагаю, клятву в основном взяла, просто чтобы... обезопасить себя. Когда среди твоих родственников некромант такой силы, невольно начнёшь думать о безопасности.

– Даже если ему всего пять?!

– В пять я уже был многообещающим ребёнком.

*И он ведь ПОНИМАЕТ её*, с ужасом осознала Ева. Понимает – что Айрес, что отца. Понимает, почему они делали с ним то, что делали, цели и причины, которые их на это толкнули. И не осуждает или осуждает не больше, чем отец непослушного подростка – действия собственных родителей, когда-то запрещавших ему сигареты, алкоголь и ночные загулы с друзьями. То есть приятного в воспоминаниях, конечно, мало, но *«ну теперь-то я знаю, что они чувствовали»* и *«они же хотели как лучше»*...

– Она без раздумий устранила твоих родителей. И отца Миракла. – Ева выбрала самое мягкое высказывание из всех, что просились на ум. – Родную сестру, родного брата.

Герберт лишь плечами пожал:

– Родственные узы для Айрес никогда не являлись священными.

– Значит, и ты для неё – ничто. И от тебя она избавится с той же лёгкостью, если будешь ей мешать. Если восстанешь против неё.

– Не думаю. – Задумчивость, скользнувшая в ответе, ясно дала понять: он размышлял о подобной перспективе, и не раз. – Для неё я... особенный. И я нужен ей.

Зная Герберта, Ева могла быть уверенной: им руководило не желание обманываться. Он действительно здраво взвесил все за и против, все переменные, которые могла учитывать Айрес, решая задачу о его устранении.

И этого не хватало, чтобы Ева утешилась.

– А если она велит тебе рассказать о нас? О Миракле, о пророчестве, обо всём?..

– О тебе она не узнает. Могу поклясться. – Это Герберт произнёс с успокаивающей твёрдостью и капелькой раздражительности – как ни странно, тоже успокаивающей. – Она уверена, что ты мертва. Даже если у неё возникнут подозрения на этот счёт, ты сама давно поняла, что клятву можно обмануть. Не говоря уже о том, что тогда Айрес застала меня врасплох, и после того раза я как следует продумал методы сопротивления. – Ева хорошо различила мгновенные колебания, скользнувшие в его голосе перед заключающими фразами: – Но это одна из причин, по которой я не прошу Мирка рассказать мне о плане восстания. Не хочу знать ничего, что могло бы снова его подставить. На всякий случай.

– Тот случай, когда неведение уж точно благо, – пробормотала Ева, радуясь, что Герберт всё же не побоялся обеспокоить этим её. Рассеянно покрутила смычок в пальцах, словно проверяя балансировку. – Его должно удивлять полное отсутствие любопытства с твоей стороны.

– Полагаю, он считает, что после нашей ссоры я просто не решаюсь попросить его о подобном. Ибо он всё равно не расскажет, а я не так глуп, чтобы излагать напрасные просьбы.

– Так вот почему Айрес ничего не боится. Если ты призовёшь Жнеца, народ полюбит тебя. А раз ты беспрекословно подчиняешься ей, ты точно не воспользуешься этим в свою пользу... – Размышляя вслух, она мысленно вернулась к началу разговора. – Но откуда она знала, о чём тебя спрашивать? Ты сказал, её вопросы были слишком точны, а ведь...

– Думаю, Охрана давно следила за отцом Миракла. Айрес знала, что документы существуют. Знала, что есть тайник. Не знала лишь где. А тут – такая удобная возможность... наверняка и за Мирком тоже следили. И когда тот помчался ко мне на ночь глядя, Айрес просто сделала правильные выводы. – Герберт помолчал. – Могу ошибаться, но по каким-то причинам ей было важно, чтобы именно я выдал эту тайну. Чтобы Мирк понял, что это сделал я.

– Зачем?

– Рассорить нас. Взрастить во мне чувство вины. Помешать нам в один прекрасный день объединиться и восстать против неё... не знаю. – Он вновь уставился в пространство отсутствующим взглядом. – Иногда мне кажется, ей очень хочется отдалить меня от всех, кроме неё самой. Возможно, она сделала это, чтобы я убедился: по-настоящему в меня не верит никто, кроме неё.

– Я верю.

Ева сказала это со всей деликатностью, на какую была способна. Не гордо, не настойчиво, просто напоминая. И когда Герберт вновь сфокусировался на её лице, его собственное самую капельку смягчилось:

– Я знаю.

На миг Еве захотелось отложить Дерозе. Вернувшись на кровать, вытащить из несчастного замкнутого мальчишки того Герберта, с которым она познакомилась на замковой лестнице.

Вместо этого она наконец провела смычком по струне «ля», пробуя звук на вкус, и, найдя его тускловатым, вспомнила, что давно не канифолила смычок.

– Я сейчас. – Бережно положив виолончель на пол, под внимательным взглядом Герберта Ева достала канифоль из футляра.

Часто канифолить она не любила. Раз в неделю или две было вполне достаточно: качественной немецкой канифоли хватало надолго, да и пыли на струнах и корпусе при таком раскладе оставалось меньше. Хотя Ева всё равно не забывала после каждого занятия исправно протирать Дерозе мягкой тряпочкой.

Открыв пластиковый футлярчик, думая о своём, она методично водила смычком по смоляному бруску, пока – после четвёртого движения – запоздало не заметила, как белый волос обретает коричневый оттенок, а пальцы осыпает нечто чужеродное.

Уставившись на канифоль, Ева удостоверилась, что вместо солнечной смолы пластиковый прямоугольник заполняет подозрительно знакомый порошок. Чуть светлее и желтее какао.

Втянула носом воздух.

– Мэт!!!

Демон проявился спустя пару секунд.

– Какой комплимент художнику – когда по творениям миглом распознают почерк творца...

– От твоих «творений» веет прискорбным однообразием. – Ева переборола желание отряхнуть пальцы и смычок, перепачканные в иллюзорной корице. – Когда художник мусолит одну и ту же тему, это пахивает деградацией.

– Разве можно вменить мне в вину любовь к этюдам в коричневых тонах?

– Хватит пастись в моей голове! Верни мне канифоль!

– Просто хотел придать обстановке чуть больше подходящего романтизма. Или предпочитаешь естественным ароматизаторам воняющие свечи? – Демонстративно тяжело вздохнув, Мэт изобразил позёрский щелчок пальцами. – Скучный мещанский консерватизм.

– Только одно меня и радует, – сморщила нос Ева, когда волос вернул себе подходящую белизну, а канифоль обернулась положенным золотистым бруском. – Месяц на исходе, так что скоро мы с тобой попрощаемся.

В повисшем в комнате молчании, приправленном широкой улыбкой Мэта и хмыканьем Герберта, она припомнила уроки с Эльеном.

Застонала:

– Вот чёрт...

– Предпочитаю «демон», – услужливо откликнулся Мэт. – Не считай меня славянофобом, просто звучит более складно.

...в иномирье и время измеряли по-иному. К примеру, керфианский день делился на десять часов вместо земных двадцати четырёх. А год – на шесть месяцев вместо двенадцати.

В каждом из которых вместо тридцати дней было примерно шестьдесят.

– Мы попрощаемся с ним вскоре после Жнеца Милосердного, – сообщил Герберт с явным сожалением. – Если он не нарушит условий



контракта раньше. На что я, откровенно говоря, надеюсь.

– Да брось, малыш, неужто я так тебе немил? – Демон всем своим видом воплощал оскорблённую невинность. – Разве я не помогаю капельку сбить твой зашкаливающий градус серьёзности? Не веду себя как пай-мальчик, не мешая вам миловаться и ворковать?

– Если вспомнить, что вытворяли тебе подобные, заплучив себе тело, – пожалуй.

– О, что ты, – глядя на Еву, сказал Мэт. – О такой роскоши я и мечтать не смею.

Закончив с канифолью, девушка закрыла её крышкой. Вернув в футляр, молча подняла с пола Дерозе.

Она предпочитала сконцентрироваться на музыке, чем на смутных догадках о том, какую всё-таки цену Мэт может запросить за её жизнь.

## Глава 22

### Irato [\[31\]](#)



Приятную весть Кейлус получил, когда выводил последний такт заключительной части новой сонаты.

– Он ждёт, – заглянув в гостиную после короткого предупреждающего стука, сказал Тим с порога.

Торопиться – даже ради такого знаменательного события, даже несмотря на предвкушение, заставившее опахало письменного пера в его пальцах задрожать, – Кейлус не стал. Музыка, капризная и ревнивая возлюбленная, не любила, когда ею пренебрегают в пользу чего бы то ни было. Так что он дописал финальный аккорд, аккуратно прочертил завершающую тактовую черту и, лишь убедившись, что фиолетовые чернила не размажутся, позволил себе подняться с банкетки за клаустиром, лоснившейся песочным бархатом.

Пленник ждал в Сером зале, где хозяева дома издавна любили назначать деликатные встречи: туда легко было зайти с чёрного хода и спуститься по потайной лестнице незаметно для остальных домочадцев. Охотники за головами, доставившие пойманную жертву, переместились из Шейна прямоком на задний двор имения. Когда Кейлус вышел из двери, замаскированной под стенную панель, их в

зале уже не было; зато ничком валявшийся на полу парень дёрнулся и замычал – помимо мешка, скрывавшего его лицо, похитители позаботились о надёжном кляпе.

Тим спускаться не стал. Слишком хорошо знал, что в таком случае ему предстоит наблюдать, а у его золотого мальчика было золотое же сердце.

– Тише, – встав на колени рядом с пленником, сказал Кейлус.

Конечно, те охотники за головами, к которым он обратился, вовсе не были пособниками законной власти, выслеживающими беглых преступников. Однако они предпочитали именовать себя «охотниками» вместо пошлого «наёмники», а Кейлус всегда уважал маленькие причуды тех, с кем он вёл дела. У него самого было слишком много маленьких причуд, чтобы он мог забывать о чужих; к тому же Кейлус имел все основания подозревать, что его охотники являли собой куда более достойных представителей рода человеческого, чем работающая на Айрес шваль. Даже если не касаться выроdkов из Охраны, всех, кто поддерживал режим сестрицы в здравом уме, Кейлус считал слишком безмозглыми и вульгарными, чтобы жить. Он, безусловно, понимал желание заставить персону, причинившую тебе муки, издохнуть долгой и мучительной смертью, равно как и причинение боли к обоюдному удовольствию, в рамках изысканной любовной игры. Но пытаться по чужой указке, наслаждаясь тошнотворным зрелищем льющейся крови?.. Фи.

Впрочем, Айрес всегда отличало дурновкусие. Неудивительно, что и разделявших её взгляды на власть боги обидели тем же прискорбным качеством.

– Прошу извинить за нерадушный приём, – произнёс он, снимая плотную мешковину с головы пленника, притихшего на сером мраморе. От парня пахло травами и дешёвой выпивкой: охотники взяли его по дороге из пивнушки. – Обстоятельства вынуждают.

Кейлус ждал его со вчерашнего дня. С момента, как Тим сообщил, что охотники за головами наконец обнаружили в Шейне того, кто подошёл под заданное описание. Вид парнишки, лежащего на полу, подтверждал предварительные сведения: противомагические браслеты над верёвками, надёжно сковывающие руки за спиной, дешёвая синяя мантия, непонимающее лицо под спутанными рыжими лохмами... Маг-недоучка, студент Шейнского Университета. В свободное от

учёбы время подрабатывает продавцом в лавчонке «Книжное колдовство», приткнувшись в переулочке в центре столицы.

Жаль. Если всё так, как Кейлус предполагал, мальчишке просто на редкость не повезло с рабочим расписанием. Зайди девчонка в другой день, в другой час – и застала бы в лавке совсем не его. А теперь...

Взмахом руки он ослабил узел на кудрявом затылке, удерживавший тряпку у пленника во рту: к помощи магии Кейлус Тибель прибегать не любил, однако порой она позволяла сэкономить немало времени и сил.

– Ты знаешь, кто я? – спросил он, отметив неряшливую щетину парнишки, плавно перетекающую в бледность щёк и синеватые тени под усталыми глазами скорого выпускника. Кейлусу эти тени были хорошо знакомы: сам щеголял такими, на радость отцу изучая ненавистные магические науки – в том же Шейнском Университете, к слову.

– Лиэр Тибель, – пробормотал тот. Улыбка, привычно игравшая у Кейлуса на губах, парня явно не успокоила; учитывая его далеко идущую славу, отнюдь не композиторскую, немудрено. – Какая честь, я... я никак не...

– Знаешь, что тебя сюда привело?

Пленник нервно облизнул пересохшие губы, пока глаза его метались, оглядывая незнакомый зал – он был серым от серебра светильников на стенах до бархата сдвинутых портьер и мозаики потолка, тонущего во тьме. Светильник горел только один. Мальчишка сфокусировался на лице Кейлуса, лихорадочно вычисляя, как вернее будет себя вести.

– Мой... приступ, лиэр? Меня расспрашивали о нём... до вашего прихода.

Логично: Тим говорил, что проверил ценность свидетеля, прежде чем за него расплатиться. Умный мальчик... Тем более жаль.

– Расскажи мне всё, что рассказывал до этого, – попросил Кейлус мягко. – Об этом приступе.

Дважды просить не пришлось. Почти взахлёб паренёк поведал, как в начале месяца потерял сознание во время работы, а очнулся почему-то со здоровенной шишкой на затылке и прибавкой денег в кассе; о припадке, приключившемся с ним десять дней назад во время лекции, – он день провалился в отключке, а открыл глаза уже в

медицинском крыле, куда в предыдущий раз заглянул с той самой шишкой. Ну да, так его и выследили... Это Кейлус посоветовал начать поиски с университета: вероятность, что девицу могло так или иначе туда занести, он счёл ненулевой. Тех иномирянков, о которых он слышал, к магическим учебным заведениям тянуло с неумолимостью стрелки взведённого метронома.

Почти не ошибся.

– Мне нужно знать больше, – молвил Кейлус, когда под серой мозаикой воцарилась тишина.

– Это всё, что мне известно, клянусь!

Кейлус склонился чуть ниже, положив ладони на щетинистые щёки – и парень расширил глаза, в которых легко и ожидаемо читался брезгливый страх. Вовсе не перед тем, чего в действительности следовало бояться. Смешно... Представители *нормы* почему-то пребывают в твёрдой уверенности, что такие, как он, готовы наброситься на любого мальчишку и мужчину, оказавшегося в пределах досягаемости. Даже не думают примерить к ситуации чувства *нормальных* людей, в большинстве своём весьма разборчивых касательно того, с кем проводят свой горизонтальный досуг – не говоря уже о том, кого любить.

– Знаю. – Почти ласковым, почти неуловимым движением Кейлус сдвинул пальцы со скул мальчишки на его виски. – Но есть то, что тебе неизвестно. Это-то меня и интересует.

Прежде чем тот сообразил, в чём дело, прежде чем начал рваться и кричать – прикрыв глаза, Кейлус Тибель зашептал слова заклинания, которое ещё вчера удосужился освежить в памяти.

Да, к помощи магии Кейлус прибегать не любил. Как и причинять боль тем, кто сам того не желал и ничего болезненного ему не сделал. А ментальный взлом мага, не доверяющего тебе целиком и полностью, для самого объекта даже у мастера неминуемо обращался пыткой. С весьма вероятным летальным исходом. Кейлус мастером не был, но всё же не зря пять лет тешил отцовское самолюбие, облачаясь в опостылую университетскую мантию. Не только же затем, чтобы в один прекрасный день швырнуть на родительский стол диплом бакалавра магических искусств.

И лучше этот мальчишка, чем Тим.

Жаль всё-таки, что его люди могут похвастаться весьма разносторонними талантами, но не умением работать с чужой памятью...

Падая в пестрядь чужих воспоминаний, он всё же успел услышать дикий крик, эхом отразившийся от серой мозаики – и захлебнувшийся в барьере беззвучия на двери, чтобы бессильно затеряться в ранней зимней тьме.

\*\*\*

– Это никуда не годится, золотце, – насмешливо заметила Гертруда, когда Ева снова рухнула в фонтан, так и не долетев до драконьего плеча. – Не смогу же я у всех на глазах просто вежливо подождать, пока ты соизволишь выплыть из озера и повторить попытку.

– И я на озере помочь тебе не сумею, – сурово добавил Герберт, опуская руки. – Разве что самую капельку.

Мокрая до нитки Ева выпрямилась в каменном бассейне, по бёдра утопая в чуть тёплой воде, и уставилась на драконицу – вечер успел окутать сад чернильной темнотой, в которой тем ярче мерцали огненные прожилки, пробивавшиеся между плотно сомкнутой чешуёй. Откинула с лица мокрые волосы: Герберт подстраховывал её, притормаживая падение, но приземлиться и удержаться на поверхности воды ей предстояло самой.

Пока получалось не очень.

– Простите, но я Избранная, а не Спаситель. Без должной практики преспокойно гулять по воде не могу. – Она удручённо посмотрела на опущенный смычок, самую капельку жалея, что в своё время ехидничала на тему супергероев с летающими молотами как сомнительными символами мужских комплексов. – Ладно, давайте ещё раз.

Для репетиции грядущего сражения с Гертрудой Герберт велел скелетам привести в порядок садовый фонтан. В Евином мире чистить и ремонтировать фонтан зимой, когда землю только-только выбелил пушистый торжествующий снег, было бы не самым умным решением; здесь капелька магии решала все проблемы. Запускать фонтан Герберт нужным не счёл, зато наполнить немёрзнущей водой каменный бассейн, площадью способный перещеголять просторную комнату, – ещё как.

По этой самой воде Ева и прогуливалась последние три дня, практикуясь в непокорной левитации. Согласно плану после постыдного поражения от Избранной Гертруде предстояло рухнуть в озеро, да ещё «утонуть» на самом дне, так что сразиться решили непосредственно над водой. Правда, из-за внушительной глубины озеро близ столицы всегда замерзало лишь незадолго до дня Жнеца Милосердного, а в этом году обещало покрыться льдом и того позже.

Ева не могла не признать, что поединок с драконом в таких декорациях по эффектности обещал побить даже рекорды прославленных драконоборцев, но за эффектность приходилось расплачиваться упорными тренировками и репетициями, способными довести до бешенства и дзен-буддиста.

– Может, хоть одежду мне высушишь? – Когда Герберт помог ей взобраться на грубый фонтанный бортик, Ева с несчастным видом пошевелила пальцами ног, удостоверившись, что сапожки до краёв полны воды. – А то, знаешь ли, так и простудиться недолго.

– Я понимаю, что в ваших фантазиях на тему магии все проблемы решаются щелчком пальцев, но в реальности сушка одежды прямо на тебе грозит ожогами всего тела. На что я, даже принимая во внимание твоё состояние, пойти не готов. – Жестом сдержанной ласки некромант коснулся её мокрого плеча, как раз в момент, когда Ева вспомнила: сейчас простуда была последним, что ей грозило. – Ещё одна попытка, и пойдём домой. Там переоденешься.

Страдальчески морщась, Ева присела на бортик. Стащила с ног сапоги, вылив оттуда воду, кое-как натянула заново – теперь те всего лишь хлюпали.

Забавно, но порой – особенно в последние дни, валяясь с Гербертом на постели и пытаясь не отвлекаться от просмотра аниме, – она почти забывала, что мертва. И тем больше раздражали следовавшие за этим моменты осознания: нет, она всё ещё та, кто она есть. Ева Нельская, немёртвая Избранная, девочка, которой не повезло очутиться в неправильной сказке, где есть неправильные злодеи, которые свершают неправильно успешные злодеяния.

Неудачница...

Подняв злые глаза, Ева призвала смычок.

Смычок они сочли наилучшей заменой Люче, которую по понятным причинам следовало приберечь. В конце концов, раз рапира

тоже управлялась силой мысли, замена была почти равноценной – не считая того, что клинком точно будет сложнее нанести достоверный удар, не поранив Гертруду. Даже смычком фальсифицировать атаку оказалось непросто: тот поначалу рвался рубануть противника со всей волшебной силы и далеко не сразу позволил владелице после эффектного замаха коснуться цели почти неощутимо.

Ева активировала щит. Занесла ногу над бассейном, левой рукой выплетая руну «воздух», с которой начиналась формула левитации.

– *Фли варен, холл мэхь*, – прошептала она, прежде чем сделать шаг.

Могло показаться, что круги, пошедшие по воде, расплзались от подошв её мокрых сапог. На деле жидкого чёрного зеркала касался пузырь магического барьера, вплотную льнувший к её ногам, а между Евой и тёмной водой осталась тонкая, почти невидимая глазу прослойка державшего её воздуха. Должна была оставаться – иначе не избежать нового падения в фонтанные объятия.

Ну, это было просто. А теперь...

Гертруда приоткрыла пасть, сверкающую белизной клыков и маревом катящегося по горлу пламени. Миг спустя точный огненный плевок с силой ударил в магический щит, расплескавшись по стенкам, разбрызгавшись в стороны. Сейчас драконий огонь Еву уже не пугал, а вот когда Гертруда пыхнула в неё впервые... Герберт, конечно, и тут страховал ученицу, под её щитом поддерживая свой, – Ева даже не сразу это поняла, настолько ювелирно некромант подогнал один волшебный пузырь к другому. Но пока страховка не пригодилась.

С чем с чем, а со щитами – хвала тренировкам, на которых её нещадно гоняли последний месяц, – у Евы всё было в порядке.

Подпрыгнув и зависнув в воздухе, она увернулась от удара когтистой лапы. Подошвами сапог коснулась драконьей чешуи, оказавшейся прямо под ней; оттолкнувшись, взмыла вверх, пытаясь забыть о законах тяготения. Подумаешь, подпрыгнуть на пятнадцать-двадцать метров! Достать до чешуйчатой шеи, где по всеобщему мнению (отрадно неверному, как со змеиной улыбкой заметила Гертруда) кроются уязвимые драконьи места, – раз плюнуть! И пламя ничем не может ей помешать. Пусть оно бьёт в щит сокрушительной струей, и притормаживает полёт, и опалает лицо даже сквозь эфемерный волшебный пузырь, целиком тонущий в широком потоке, –



Ева медленно и неуклонно продвигается вперёд, и совсем не собирается падать, и...

Её яростный вопль далеко разнёсся по тёмному саду, пока Ева летела в фонтан, очень стараясь делать это ногами вниз. Хорошо хоть на сей раз сама смогла притормозить.

– А можно как-нибудь обойтись без огня, хотя бы пока я лечу? – безнадёжно спросила девушка, благополучно приводнившись.

– Прости, золотце. – Гертруда, примостившаяся на наименее заросшем участке сада, словно кошка на узкой полке, неторопливо переминалась с лапы на лапу. – Не в драконьих привычках вежливо наблюдать, как твой убийца подбирается туда, откуда удобнее всего тебя прикончить. И без того *сражаюсь* едва ли в четверть сил.

Ева беспомощно уставилась на свои ноги, мокшие в сантиметре над ледяной вуалью. Кто бы мог подумать, что однажды она пожалеет об ограничениях, некогда стробованных с Мэта... Для демона наколдовать иллюзию озера (пускай кровавого или коричневого) наверняка пустяковая задачка – и не пришлось бы сейчас мириться с мерзким ощущением набрякшей, липнувшей к телу одежды.

На самом деле прогулки по воде давались ей проще, чем полёт. Что заклятие, что рунная формула левитирования оказались просты; куда сложнее было забыть о земной аксиоме «рождённый ползать летать не может» и поддерживать веру в обратное. Всё равно что играть в Питера Пэна и пытаться думать о хорошем, когда ещё час назад ты ловил себя на мысли, что разбежавшись прыгнуть со скалы – не такая уж плохая идея. Секстаккорд! Полный бекар, альтерируй твою терцию и ещё тысяча музыкальных ругательств! Как достать до головы Гертруды, если это почти недосыгаемая высота?! На воде Ева может хотя бы воображать, что под ногами – опора в виде жидкого зеркала. Если б только в воздухе на пути к драконьей шее было что-то вроде ступенек или моста...

...мост...

– Хватит с тебя на сегодня, – сказал Герберт устало, ничем не выдав разочарования.

– Нет. – Ева призвала смычок, снова благополучно потерянный во время падения; хорошо хоть щит не исчез. – У меня идея. Повторим всё сначала.

– Ева...

– Тебе понравится. Поверь. Ты ведь мне веришь?

Награждённая молчанием, кивнула драконице, в глазах которой плеснулось ленивое любопытство.

Пламенный плевок. Взмах когтистой лапой. Прыжок.

Ева полетела вверх, навстречу струе огня. За миг до того, как та расплескалась о прозрачную стенку барьера, рывком взмыла ещё самую капельку выше.

Почти касаясь ногами огненного золота, разлитого в воздухе под ней, Ева побежала вверх по мосту драконьего пламени: длинными лёгкими прыжками, перемахивая по несколько метров за каждый. Гертруда задрала морду, направила огонь выше, пытаясь её достать, но Ева подпрыгнула и увернулась, не позволяя оранжевой струе снова накрыть себя. К моменту, когда у драконицы закончилось дыхание, девушка уже была у самой пасти; как только плескучая золотая струя под её ногами исчезла, спланировала вниз, увернувшись от клыков, очень убедительно щёлкнувших прямо над ней.

Чиркнув смычком по чешуе на шее, оставила на ней россыпь голубых искр и с чистой совестью полетела вниз.

– Вот, – горделиво изрекла Ева, аккуратно приземлившись точнёхонько на воду и не выпустив смычок из пальцев.

– Прощайте, небеса, песнь моя спета, – скучающе пророкотала Гертруда, театрально хватаясь лапой за задетое место. – Я бы рухнула наземь в предсмертной агонии, но тогда от этих зарослей вокруг мало что останется.

– Нет причин сомневаться в вашем артистизме. – Герберт следил, как Ева идёт к бортику; в призрачном свете смычка улыбка, проявившаяся на его губах, казалась ещё неуловимее, чем на самом деле. – Зрелищно, ничего не скажешь.

– Я же говорила, что тебе понравится.

Принимая протянутую руку, Ева поймала себя на том, что ответила весьма и весьма довольно. Пожалуй, даже капельку самодовольно. Судя по усмешке, с которой Герберт рывком втянул её на широкую полоску мокрого камня, от его внимания это не укрылось.

Судя по доброте этой усмешки, осуждать её никто не думал.

– Вы развлекли меня, ребята, и приятно было вас послушать, однако мне пора в обратный путь, – деликатно подытожила Гертруда, когда они застыли на расстоянии самую капельку ближе приличного, в

напряжении самую капельку ближе дозволенного. – Когда я снова вам понадоблюсь, вы знаете, где меня найти.

– Не хотите проведать... детёныша? – спросила Ева, решив, что «яйцо» в данном случае будет не самым удачным словом.

– Ни к чему. Я слышу его отсюда. – Драконица смотрела на крыши замка; солнце в её глазах затенила задумчивость. – Ему всё нравится... Считает это новым своим гнездом. И песня сокровищ, что его окружают, красива. – Когда Гертруда опустила взгляд на некроманта, взгляд этот был непривычно мягким. – Ты хорошо с ним обращаешься, избранник Жнеца.

– Его сохранность входит в условия моей клятвы. Как вы и говорили, я отвечаю за него головой.

Ева, лично наблюдавшая, как любовно некромант обустроивает в одной из нежилых комнат «гнездышко» для яйца (в строгом соответствии со всеми инструкциями, полученными от драконицы), промолчала. Она тогда пошутила, что Герберт будто кукольный дом для новой игрушки собирает, на что получила тот же равнодушный ответ. Слово на деле Гербеуэрт тир Рейоль вовсе не получал удовольствия от этой редкой и почётной возможности: присматривать за столь трогательной ценностью, как ещё не рождённый драконёнок.

Ева ничего не сказала, но Гертруда и без того всё поняла.

– Ты боишься петь, мальчик. Боишься, что кто-то услышит твой истинный голос. Побори свой страх. Открой другим звук твоей души. – Она расправила крылья с едва уловимой насмешливостью; выражение чешуйчатой морды Ева рискнула бы назвать улыбкой, будь у драконов нормальные губы и умей они улыбаться. – Ваши мелодии прекрасны, их переплетение дышит гармонией, но когда две песни сливаются воедино в истинном бесстрашии, в единстве и откровении...

– При всём уважении, наша сделка включала в себя сотрудничество по одному конкретному поводу. Никак не душеспасительные беседы.

В высшей степени любезным ответом Герберта можно было бы выморозить все кусты в округе, не будь они уже замёрзшими.

Гертруда в ответ выпустила носом сноп смешливых искорок – они прочертили сумрак тонкими росчерками калёных узоров и тут же погасли.

– Береги себя, золотце, – сказала драконица, прежде чем подобраться перед прыжком ввысь. – И его.

Двое, оставшиеся на фонтанном бортике, провожали её взглядом, пока мерцающая точка не скрылась в тёмной пасмурной пелене.

– Ты и правда вся промокла, – заметил Герберт потом.

– Могу тебя обнять. Тогда ты ко мне присоединишься.

Конечно, Ева шутила. Поэтому оторопело замерла, когда некромант, ничуть не смущаясь этой прискорбной перспективы, прижал её к себе – чтобы, убрав с лица растрепавшиеся влажные волосы, вознаградить чем-то повещественнее улыбки.

– Молодец, – резюмировал Герберт, отстранившись. Когда Ева нехотя опустила руки, как-то незаметно успевшие обвиться вокруг его шеи, спрыгнул на заснеженную дорожку, обрамлявшую фонтан кругом; подхватив девушку за талию, снял с бортика, поставил рядом с собой. – Пойдём, надо тебя переодеть.

*Тоже мне, неудачница*, подумала Ева, пока они поднимались по ярусам сада. С чего эти нелепые мысли о неудачниках вообще пришли ей в голову? Герберт обязательно найдёт способ её воскресить, и с остальными неприятностями они вместе справятся, а пока её *особое* состояние – скорее преимущество, чем недостаток. А в другой истории Ева вряд ли встретила бы Эльена и Мэта (к которому, что ни говори, уже испытывала своеобразную привязанность), и мысль о переговорах с Гертрудой вполне могла не прийти ей в голову. Едва ли Миракл захотел бы устранить драконицу заранее, и тогда Ева впервые встретила бы с ней лишь в назначенный пророчеством день – врагами. А получить главную роль в пребанальнейшей пьесе о прекрасной Избранной, да с лиэром Совершенство в роли романтического героя, да разыгрывать всё это с серьёзным лицом...

– Ты уверен, что никто не заметит, как Гертруда летает туда-сюда?

– Она летит в темноте, выше облаков. Никому её не увидеть. В окрестностях замка посторонние не бывают, к тому же ограда заговорена так, что из-за неё в саду ничего не разглядеть. – Герберт помолчал, пока они возвращались по цепочкам своих следов, оставшихся в снегу на пути к фонтану. Белизна пушинок, светлым сонмом укрывших кусты, дорожки и лестницы, разгоняла тьму и смягчала непроглядную мрачность вечера. – Если и увидят по пути сюда, ничего страшного. В народе давно шепчутся, что чудище с

Шейнских земель – вероятнее всего, дракон. Даже хорошо, если появлению дракона в Айдене будет предшествовать его появление где-то ещё. – Некромант расчётливо и цепко смотрел перед собой. – Возможно, перед сражением Гертруде стоит напасть на какой-нибудь городок в предместьях столицы... Сжечь пару пастбищ, перекусить стадом коров.

– Но это наверняка насторожит Айрес. Вдруг после такого она захочет сама убрать Гертруду? – Сообразив то, о чём она почему-то не думала раньше, Ева вновь ощутила противную леденящую липкость мокрой одежды и хлюпающих сапог. – И вообще... Если Айрес известно о пророчестве, если всем ясно, что чудище с Шейнских земель – это...

– Будь это так, она убрала бы Гертруду сразу после того, как расправилась с тобой. Нет, по тем или иным причинам угрозы в ней Айрес пока не видит... Может, верит, что, убив тебя, перечеркнула и всё остальное. Или решила позволить событиям идти своим чередом, чтобы самой выступить в роли спасительницы.

– Или просто знает, что дракон – не чудище, о котором говорится в пророчестве.

Эта мысль тоже пришла в голову Евы впервые. И, наверное, заставила бы холодок пробежать у неё по спине, не будь та и без того холоднее некуда.

– Маловероятно. – Её тревога от Герберта не укрылась: тёплые губы успокаивающе коснулись мокрой макушки, тёплое дыхание согрело кожу даже сквозь волосы. – Не знаю других кандидатов, способных претендовать на столь смертоносную роль.

Запнувшись, холодными пальцами Ева ухватила за его плащ, чтобы не упасть. Может, и упала бы, не держи её Герберт за плечи так крепко и бережно. Знать бы ещё, что послужило причиной её неловкости – выступающий камень, притаившийся под снегом, или то, что мокрая одежда заставляла свою хозяйку потихоньку коченеть – без дрожи, без особого дискомфорта, но тем не менее, или ещё одна догадка, всплывшая в сознании большими калёными буквами. О которой по некоторым причинам Ева предпочла умолчать.

– Не беспокойся, – по-своему истолковав ответное молчание, сказал Герберт, когда Ева вновь засеменила рядом с ним, – в одиночку

даже Айрес с драконом не справиться. Одна она к Гертруде не сунется, а о приготовлениях я узнаю загодя.

– Думаешь?

– Я бы на её месте обставил такое дело с помпой. Следовательно, чем больше народу о нём прознает, тем лучше. Объявить обо всём заранее – хотя бы при дворе, прибыть в близлежащий городок с пышной свитой... Наверняка Айрес и меня захочет к этому привлечь. А, уже здесь...

Ева не сразу поняла, к чему относилось последнее изречение. Как и то, зачем Герберт приостановился, оглядываясь через плечо. Проследив за его взглядом, осознала, что некромант смотрит на ворота.

Ах да, сегодня вечером к ним же вновь должен пожаловать...

– Твой жених, – с нескрываемым сарказмом констатировал Герберт. – Эльен, не встречай. Я сам. – Отдав ментальный приказ призраку, наверняка уже спешившему исполнять свои прямые дворецкие обязанности, Герберт снял руку с Евиного плеча. – Иди домой.

– Я... хочу сама его встретить.

Её одарили взглядом столь же непонимающим, сколь внимательным.

– Пусть привыкает ко мне в таком неприглядном виде, – беззаботно пояснила Ева, радуясь, что буквально может врать и не краснеть. – Вдруг я решу искупаться в винном фонтане на торжественном приёме, а он возьмёт да и посмотрит на меня с отвращением – и конец нашей легенде.

В том, как Герберт склонил голову набок, Ева прочла его привычную пронизательность.

– Ты же понимаешь, что Мирк не должен знать то, что знаешь ты?

«Я много чего знаю», хотелось ответить ей. Однако под его взглядом, ещё чувствуя призрак его дыхания на волосах, понимала: косить под дурочку будет не только глупым, но в какой-то степени подлым.

Они оба прекрасно знали, что интересного она может поведать названному жениху. А ещё Ева знала, что встретить Мирка сейчас будет проще, чем отпрашиваться на прогулку потом.

Если всё пройдёт так, как она надеется, необходимость в этих прогулках и вовсе отпадёт.

– Я же обещала не причинять тебе боль. – Она очень тщательно подбирала слова. – И не сделаю того, что может ранить тебя.

Истолковав ответный вздох как знак согласия, Ева поспешила к воротам.

– Я буду во внутреннем дворе, – шелестяще бросили ей вслед.

Они с Мираклом встретились где-то на середине главной дороги к замку; в лазурном свете смывка, которым Ева освещала себе путь, снег искрился лавандовыми искрами.

– Нехорошо с твоей стороны лишать бедного Эльена работы, – весело заметил Мирк, когда Ева приблизилась. Разглядев мокрые блики на её одежде, чуть умерил ширину улыбки. – Что с тобой стряслось? Если пыталась утопить Уэрта, вынужден заметить, что при всей... м... сложности его характера этого он всё-таки не заслужил.

– Скорее, он пытался утопить меня.

– Не его стиль. Для опостылевшей девы он предпочёл бы яд. Или тихое быстрое испепеление. Он ведь благовоспитанный молодой человек, в конце концов.

Ева представила, как Герберт со своим обычным скучающим выражением лица щелчком пальцев аннигилирует некую истеричную девицу.

Картинка, надо сказать, вышла до страшного убедительной.

– Мы репетировали сражение. С Гертрудой.

– Вот как? Забавно. До сегодняшнего дня я полагал, что драконы способны облить тебя исключительно огнём или презрением.

– Они-то да. А вот фонтан – нет. – На передний план, оттеснив массовку в виде дружелюбных и ничего не значащих мыслишек и фраз, выступило решение, которое Ева приняла на пути к воротам. – Знаю, тебе хочется узнать наш план, но это может подождать.

Слова заставили Миракла враз посерьёзнеть.

– А что не может?

Прежде чем высказать то, что так хотелось высказать, Ева всё же поколебалась. Потому что очень, очень не хотела снова солгать тому, кому лгать хотела меньше всего на свете.

Снова причинив ему боль.

С другой стороны, Герберт ведь позволил ей встретить званого гостя. Хотя не мог не понимать, к чему это может привести. Или это очередная проверка? Я доверю тебе свой секрет, дорогая Ева, и даже предоставлю возможность его разболтать, но если разболтаешь, пеняй на себя? И если сейчас она скажет Мираклу то, что так рвётся – нет, считает необходимым сказать, то снова предаст его доверие? Ранит его, подставив под удар брата, которым Герберт так не хотел рисковать...

...нет. Иногда болезнь приходится лечить болезненными же методами. Сделать укол, чтобы убрать воспаление. Причинить боль меньшую, чтобы избежать большей. Из всего, что Ева успела понять о Герберте, она сделала один важный вывод: в действительности ему до боли не хватало брата. И Миракл Тибель был не тем человеком, который хотел бы, чтобы решения о его мнимой *безопасности* (какая вообще может быть безопасность для того, кто собирается узурпировать престол?) принимали за него. Особенно ценой нелестного мнения о том, кем он дорожил – даже сейчас.

– Герберт будет очень зол, что я тебе рассказала, – предварив слова шумным вдохом, признала Ева. – Но я считаю, что ты имеешь право знать.

– Знать что?

Когда они вступили во внутренний двор, Герберт, как и обещал, ждал там: сложив руки за спиной, он отстранённо перекатывался перед дверьми с мысков на пятки.

– Да что вы, могли бы и не торопиться, – с затаённой желчью заметил он. – Моё ожидание того не стоит.

По быстроте шага, которым Миракл устремился к замку после их непродолжительной беседы, по его глухому молчанию всё время, пока Ева отчаянно пыталась поспеть за ним, она так и не смогла понять, что лиэр Совершенство думает об услышанном. Однако предполагала, что на встречу с Гербертом тот спешит, распираемый желанием извиниться и заключить брата в покаянные объятия (а как же иначе?).

Удар кулаком по скуле, которым наградили Герберта вместо извинений или приветствия, заставил её оторопело охнуть.

– Семь лет, сволочь! – прошипел Мирк, когда некромант без вскрика отлетел на шаг, с трудом удержав равновесие. – Семь лет – семь! – я считаю тебя предателем! А это, стало быть, просто выше



твоего драгоценного достоинства – что-либо мне объяснять?! Паскуда высокомерная!

Сжатый кулак взметнулся вновь – экономным, скупым движением человека, который точно знал, как ударить с максимальной силой при минимальных усилиях. И удар наверняка вышел бы ещё лучше первого, если бы в паре сантиметров от лица Герберта кисть Миракла не обвило тёмное щупальце.

– Интересный у тебя способ извинения, – прижимая ладонь к ушибленной скуле, констатировал некромант, пока за спиной Мирка всё отчётливее прорисовывалась безликая тень, оттащившая взбешённого юношу подальше.

– Что, по-твоему, я должен был думать?!

– Может, нечто помимо того, что я сразу же побежал к Айрес с докладом, спеша поскорее оставить тебя сиротой?

– Мальчи... ребя... лиэры, – изрекла Ева, – давайте не будем больше ссори...

– Я *спросил* тебя! – Свободной рукой обнажив меч, Миракл одним движением перерубил щупальце, высвобождаясь из пут. – Так сложно было попросить своего грёбаного дворецкого дать ответ, который тебе дать не под силу?

– Зачем? Ты ведь прекрасно ответил за меня. Ваше будущее Величество вообще всегда всех видит насквозь, а яблочко от яблони издавна гниёт неподалёку. – Ирония распускалась в голосе Герберта, словно ледяные цветы. – К чему нашему блистательному чемпиону нужен был в друзьях скучный книжный червь, сын казнённых изменников?

– А тебе, стало быть, блистательный чемпион в братьях был совершенно ни к чему? Завидовал?

Следующий удар – клинком плашмя по ногам – Герберт принял на щит. Ответное заклятие отбросило Миракла на добрую пару метров, и голубые искры отражённого заклинания затанцевали вокруг его плаща (неужели заговорённый?). Скользящими росчерками лезвия разрубив две тени, очертаниями подозрительно напоминавшие «коршунов», Мирк скакнул вперёд – чтобы замереть, когда на пути его оказалась Ева, раскинувшая руки в жесте защиты.

Как будто некромант за её спиной в этом нуждался.

– Лиоретта, буду весьма благодарен, если вы уйдёте с дороги, – сквозь зубы процедил Мирк, от избытка чувств сбившись на «вы».

– Жди в гостиной, – коротко подтвердил Герберт, отступая в сторону от дверей. – У камина. И одежду сменить не забудь.

– Что вы делаете?! Это же глупо! Айрес – вот наш враг! А вы тут собираетесь переубивать друг друга вместо...

– Никто не собирается никого убивать. – Герберт вновь встал напротив брата, так, чтобы между ними больше не было досадных живых помех. Двери красноречиво открылись на щёлку, в которую без труда могла юркнуть худенькая девушка. – Ева, *иди*. Это наше дело. Ты уже сделала всё что могла.

Ева так и не поняла, было это сарказмом или нет. Но, посмотрев на некроманта, отчётливо осознала, что на сей раз возражения не принимаются.

А если и принимаются, то не учитываются.

Ева нехотя опустила руки. Скользнула в услужливо приоткрытые двери, тут же сомкнувшиеся за её спиной. По холлу раскатился глухой рокот, призывая входящих оставить надежду в лучших традициях классики.

Ладно. Не будут же они в самом деле друг друга убивать. И если уж им так надо выпустить пар, скопившийся за годы ссоры...

Ева поднялась в спальню, чтобы наконец избавиться от мокрого наряда, на морозе начавшего деревенеть. Понаблюдала сквозь мелкий переплёт коридорного окна, как вспышки заклятий расцветчивают две фигурки во внутреннем дворе и живые тени, пляшущие вокруг них.

Тихонько приоткрыла дверь, отделённую от её спальни двумя другими.

Спустя несколько шагов ковёр под ногами откликнулся на её поступь звоном золота.

Этот визит снова противоречил заветам Герберта, велевшего ждать в гостиной. Но Еве хотелось немного согреться (холод она не особо ощущала, зато потерянную чувствительность носа и пальцев – вполне), а в «гнезде» будущего драконёнка сделать это было удобнее всего. Так что Ева прошла мимо камина, исправно горевшего сутки напролёт, к яйцу. Оно покоилось среди золотистой россыпи монет, серебряных кубков, блюд с искусной резьбой вокруг зеркального центра, камней, пёстрыми искрами сиявших в перстнях, серьгах,

ожерельях... Должно быть, для сооружения драгоценной насыпи, окутавшей основание яйца подобием сверкающей шали-шарфа, Герберт опустошил все закрома с семейными ценностями Рейoley. *«Гертруда говорит, он уже слышит, что происходит вокруг, – сказал некромант, когда Ева полюбопытствовала, зачем всё это. – Камни помогут ему с комфортом перенести смену гнезда».*

Что ж, кто-то во время беременности усиленно слушает Моцарта, кто-то знакомит нерождённого малыша с песней камней... Трогательные причуды мам, заслуживающие уважения.

Помимо камина, рядом с яйцом полыхала жаровня, на дне которой Ева вполне могла бы свернуться калачиком, если б там не трещали угли. Дым клубился под миниатюрным защитным куполом, выпускавшим наружу один только жар, без чада и искр; в комнате наверняка царила жуткая духотища, однако недышавшей Еве было всё равно. Опустившись на колени подле яйца, прямо в жёсткую россыпь монет, она прижалась к гладкой, толстой, восхитительно тёплой скорлупе: казалось, её высекли из нагретого солнцем мрамора.

Непрозрачный янтарь мгновенно прогрел тело даже сквозь одежду.

Касаясь его ладонями, Ева приложила ухо к скорлупе. Ощутила под щекой шелковистую гладкость, под которой – где-то в светящейся непроглядной глубине – таился маленький драконёнок.

– Не желаешь сделать ставку, златовласка? Петушинные бои – что может быть прекраснее.

– Ненавижу азартные игры, – не соизволив даже обернуться, откликнулась Ева. Блаженно зажмурилась, пока замёрзшее тело отогревалось теплом жаровни, камина и драконьего яйца. – И это не предмет для ставок.

– Жаль. Ты бы ведь поставила на малыша, а он определённо лидирует. О своих догадках ты ему сообщить не удосужишься, как я понимаю.

– Каких догадках?

– Брось, златовласка. – Она не видела Мэта, но кожей чувствовала его взгляд – и прекрасно расслышала улыбку в призрачной полифонии его голоса. – Ты ведь смекнула, кто ещё может претендовать на роль чудища, всем и каждому гибель несущего. Долговато соображала, но лучше поздно, чем никогда.

Ева лишь плотнее прижала пальцы к скорлупе. Забавно: если не знать, чего касаешься, можно подумать, что перед тобой – просто круглое садовое украшение, идеально обтёсанный камень с подогревом.

Она и правда поняла то, что могла понять куда раньше. Что дракон способен разрушить целый город, но тот, о чьём могуществе уже сейчас в народе отзываются с трепетом, в чьей власти заставить десяток людей за минуту истлеть заживо, кого признали сильнейшим некромантом со времён Берндетта, способен принести бед не меньше. А то и больше.

– Герберт никогда не причинит вреда невинным.

– Ты ему предсказуемо льстишь, но не забывай, кому он дал клятву абсолютного подчинения. Один приказ королевы, этой прекраснейшей души женщины, как ты уже имела возможность убедиться, – и наш малыш откроет в себе множество удивительных новых сторон... Таланты превосходного палача, к примеру.

Ева не могла осуждать демона за то, что он говорит. Он озвучивал её собственные мысли. И меньше всего её тянуло обсуждать этот вопрос с ним, но других кандидатов в пределах досягаемости не было, а с кем-то обсудить его (и поскорее) Еве всё же очень хотелось.

Не говоря уже о том, что кое в чём у Мэта перед Эльеном было одно неоспоримое преимущество.

– Скажи одну вещь. – Ева открыла глаза, чтобы всё же встретить фосфоресцирующий голубой взгляд. – Ты ведь пасёшься не только в моей голове?

– Конечно.

– А сам Герберт что думает по этому поводу?

На самом деле она ожидала ответа в духе «бесплатно справок не даю». На что, естественно, ей пришлось бы в очередной раз напомнить, что никаких сделок с Мэтом она заключать не собирается. Но тот, к её удивлению, лишь осклабился довольно:

– А-а. Догадалась всё-таки. – Сидя в воздухе, Мэт скучаяще отряхнул от невидимых пылинок ворот длиннополого одеяния, мерцающего звёздными искрами на фиолетовой бархатной тьме. – Естественно, малыш тоже об этом задумывался. Но утешает себя тем, что нести гибель «всем и каждому» – для него всё же слишком большой комплимент. Древний дракон на эту роль подходит лучше.

– Только вот он собирается призвать бога.

– Всего на пару минут, если помнишь. – Во взгляде демона мелькнуло непонятое веселье. – В предыдущий раз всё закончилось вполне благополучно. Это же бог как-никак... не я и не кто-то из моей компании.

– Бог смерти.

– О, люди. – Он закатил глаза. – Смерть бесстрашна и неподкупна. Смерть никому не желает зла. Она просто приходит, неизбежно, как зима. Великий Жнец суть простая персонификация этого явления, которое жаждет убивать вас не больше, чем холод жаждет убивать цветы.

– Но тем не менее убивает.

– Но тем не менее, когда Жнец вселился в Берндетта, бояться было нечего, м?

*«...и едва молвил Берндетт последние слова, вспыхнули под ногами его руны колдовские, и сияние белое затмило взгляды всех, – всплыли в памяти строки из какой-то книги – летописи, написанной очевидцем первого призыва. – Когда же ясность взора обрели мы вновь, то узрели божественные крыла за его спиной, и сияние на руках его и одеждах, и свет неземной в лице его и глазах – облик, вселяющий трепет, бледные отблески коего открывают нам избранники Его в Мёртвой Молитве. И уста отверз Жнец, к нам сошедший, и молвил: «Склонись предо мной, возлюбленная жатва моя»; и все, на площади собравшиеся, пали ниц пред величием Его, и сердца наши бились в страхе, но души пели в упоении – ибо свет, коим озарял Он нас, был светом любви...»*

– А если Айрес в это время прикажет Герберту всех убить? – упрямо спросила Ева, очень надеясь услышать опровержение.

– А какое отношение вассальная клятва малыша может иметь к Жнецу?

– Но Жнец же вселится в его тело!

– Тело – фантик для сознания и души. Магию всегда творит то, что внутри. То, что на время сошествия Жнеца будет просто беспомощно наблюдать за происходящим из того угла, куда оно поспешит спрятаться. Не говоря о том, что по плану ко дню призыва королева должна быть уже за решёткой. Наш малыш не такой дурень,

чтобы проворачивать этот трюк, пока его милая тётушка восседает на престоле.

– Стало быть, Жнец тут ни при чём? – Нехотя отстранившись от яйца, Ева напоследок погладила его по округлому боку. – А ты как считаешь, о ком говорится в пророчестве?

– Предпочитаю не задумываться. Если происходящему удастся меня удивить, тем лучше. – Мэт лениво потянулся. – Когда вычисляешь преступника на середине истории, половина удовольствия от концовки пропадает.

Слова казались знакомыми. Даже очень. Спустя секунду Ева вспомнила: конечно, они принадлежали ей самой.

И сказаны были, когда они с Динкой спорили о том, как нужно читать детективы.

*«Ну скажи, какой смысл думать и гадать, кто убийца? – говорила Ева. – Когда вычисляешь преступника на середине истории, половина удовольствия от концовки пропадает!»*

*«Ничего ты не понимаешь, дурилка, – фыркала сестра, засидевшаяся за любимой Агатой Кристи. – Без интеллектуальной тренировки серым клеточкам мозга свойственно отсыхать. А истинный талант проявляется не в том, чтобы запудрить читателю мозги. Не в первую очередь».*

*«А в чём тогда? Это же детектив, что ещё тут может быть важного?»*

*«Неожиданность мотиваций. Достоверность чувств, которые двигали убийцей. Хитрость того, как всё это обставлено. – Динка потянулась ровно теми движениями, что сейчас точно скопировал Мэт. – И мастерство того, как это рассказано».*

Тогда Ева лишь хмыкнула несогласно – но теперь, в настоящем, резко вскочила, заставив сокровища под ногами отозваться рассыпающимся звоном.

– То, что порой твои навыки бывают полезны, не даёт тебе права так нагло влезать в мои мысли.

– О, только не стоит тут же натягивать белые перчатки. Не после того, как сама этими навыками воспользовалась.

– А ты потому и позволил мне воспользоваться, да? Чтобы потом ткнуть меня в это носом?

– Просто хотел помочь. А то ты такая нервная, что решительно не соответствуешь гордому званию покойницы. – Мэт устремился из комнаты следом за ней, проплыв сквозь огонь в жаровне. – Сплошные подозрения с твоей стороны, сплошные подозрения... и на каком основании?

– На том, что ты чёртов демон. А вами всегда руководят не самые добрые побуждения.

– Вопиющая дискриминация по расовому признаку. Немножко не вписывается в твой образ хорошей девочки, как считаешь?

К счастью, за дверью Ева нос к носу столкнулась с Эльеном, так что необходимость (и возможность) поддерживать беседу отпала.

– Что они творят?! – воскликнул призрак, всплеском рук указывая на окно.

– Мирятся, как я понимаю, – безнадежно откликнулась девушка.

Эльен посмотрел за ромбовидные стёклышки, объединённые тёмным деревом переплёта.

Внизу Миракл, как раз расшвырявший очередную порцию теней, прорывался к Герберту сквозь сноп зелёного пламени, зловещим фейерверком разбивавшегося о его клинок.

– Своеобразные у них, однако, методы.

– Герберт во всём своеобразен. – Ева устало прижала к холодным щекам отогретые пальцы, ещё хранившие постороннее тепло. – Эльен, у меня к вам будет одна просьба... Хотя нет. Пожалуй, три.

Когда братья наконец ввалились в гостиную (оба и даже в относительно приличном состоянии), Ева ждала там – отвлекаясь тем, что нервно выстраивала на чайном столике по высоте склянки, чашки и бутылки.

– Смотрю, продуктивно провели разумный разговор двух взрослых людей, – скрыв облегчение, прокомментировала она. Обвела ладонью дымящиеся кружки с фейром, бутылку с местным виски, два резных бокала, керамические миски и пузырьки с лекарствами. – У меня здесь богатый ассортимент. На выбор средство от синяков, ожогов и открытых ран... Ещё фейр и нечто покрепче, которое вроде называется рэйр. На названия напитков, уж извините, ваша фантазия оставляет желать лучшего. С чего начнём?

– Синяки, – выдохнул Герберт, опускаясь в кресло подле неё. – И здесь точно требуется что покрепче.

Пока Ева выливала в миску розоватый раствор из склянки, заботливо предоставленной Эльеном вместе с устной инструкцией, некромант молча и щедро плеснул рэйр в оба бокала. Так же молча протянул один Мираклу, занявшему кресло напротив, – тот принял предложенное без промедлений и возражений.

Какое-то время оба просто пили, пока в камине стеклом позвякивали угли, а Ева хлопотала над лицом Герберта, устраивая целебный компресс ссадине на бледной скуле и зреющему над ней фингалу.

– Повезло тебе, что я был сегодня добрый, – изрёк Миракл небрежно. – И не особо старался.

– Что-то мне так не показалось. Может, просто силёнок не хватило?

– Не хотел портить грядущую коронацию твоими похоронами. К тому же, увы, с твоей жизнью напрямую связаны несколько не-жизней, а моя невеста мне пригодится неупокоенной.

– Как был в шестнадцать идиотом, так и остался. – Герберт устало откинулся на спинку кресла, вынудив девушку, занявшую подлокотник, склониться чуть ниже. – Ева, мне разонравилась идея, что вместо меня престол займёт тот, кто столь непочтительно обошёлся с моим прекрасным ликом. Не против, если мы капельку перекроим планы?

– Против, – твёрдо сказала она, перемещая тряпицу с поджившей скулы на разбитую губу. – Король – очень вредная профессия. А тебя, в отличие от твоего брата, мне жалко.

Тихий смех Миракла раздался одновременно с тем, как губы Герберта дрогнули в улыбке – несколько искажённой от того, что улыбаться ему было больно.

– Вот она, любовь. – Глядя на красно-чёрное кружево огненного мерцания, вытканное жаром на прогорающих углях, Мирк снова поднёс хрусталь к губам. – Я скучал.

Последнее было сказано просто и обыденно. Как ничего не значащее замечание о погоде за окном. Его не приправили ни пафосом, ни слезами, ни трогательным обращением в духе «дорогой брат».



Но все и так прекрасно поняли, к кому это обращено – и сколько на деле за этим стояло.

– Я тоже, – после долгого молчания сказал Герберт.

Так же просто.

Наконец перестав выбирать для себя подходящий круг ада, Ева умиротворённо макнула тряпицу в целебный настой. Прикинула, как придётся потрудиться над лицом Мирка, сплошь покрытого нежным румянцем экстренного магического загара.

– И всё-таки я бы тебя прикончил, если б хотел.

– Ага. Как только из щупалец моих теней выпутался, так сразу бы и прикончил.

*Мальчишки*, подумала Ева с нежностью.

\*\*\*

Кейлус обнаружил Тима в кабинете – за разбором скопившейся корреспонденции, взяться за которую последние дни его господину было недосуг.

Сейчас, конечно же, нужды в этой работе не было никакой. Но Кейлус прекрасно понимал его желание чем-то занять руки и голову.

– Как интересно, – всё ещё вытирая пальцы платком и пытаясь стереть с них ощущение чужой крови, произнёс Кейлус. Жалея, что слишком мало похож на сестру, чтобы сейчас торжествовать в полной мере. – Бедные «коршуны»... Ясно теперь, почему разведывательное заклятие её не заметило.

Даже сладость цветов вистерии, благоухавших в вазе у дверей, не могла заглушить застрявший в ноздрах запах горелых костей.

Поднявшись из-за стола, Тим посмотрел на него неуверенным взглядом побитого щенка – и Кейлус снова пожалел, что не мог устроить мальчишке из книжной лавки хотя бы нормальную могилу. Пришлось заставить плоть истлеть (элементарный фокус даже для такого посредственного некроманта, как он), после чего сжечь останки дотла: снова магией, на его взгляд, предназначенной в первую очередь для решения самых пакостных задач. Слуги не выдали бы его, найди свежее захоронение в саду, но Кейлус не хотел, чтобы они знали хоть что-то. Опасность подобных знаний подтверждало множество печальных примеров, помимо сегодняшнего.

Хотя бы розовым кустам в оранжерее, которые теперь подкормятся пеплом, повезло.

Забавно. Он ведь искренне старался, чтобы паренёк остался жив. Даже зная, что в таком случае пришлось бы прикончить его своими руками, отпускать пленника после всего случившегося было бы безумием. Но смог отпустить лишь его душу: чтобы та обрела покой задолго до того, как сам Кейлус испустит последний вздох.

– Ты видел её? – спросил Тим.

В пасмурной серости его глаз Кейлус читал всю тяжесть осознания простого факта: парнишка, которого сегодня привели в их дом, расплатился смертью за то, чтобы он, Тим, жил.

За минувшие дни Тима несколько раз приходилось вытаскивать из-за клаустрофобии, а на время занятий музыкой накладывать на двери гостиной чары безмолвия. Тим снова и снова пытался вызвать в памяти воспоминания, которые помогли бы точно установить, кого он видел в замке Рейолей, – без жертв, исключая разве что его страдания. Только вот Кейлус лучше него знал, как устроены музыкальные блоки.

Перспективы, открывавшиеся Тиму вследствие этого, его решительно не устраивали.

– Да. Видел. – Подойдя к столу, Кейлус оперся ладонями о тёплое старое дерево. Уставился на морской пейзаж в раме, окружённый змеиным узором шёлковых обоев. – Я знаю, где она. И у кого. Теперь уже точно.

Увиденное было лишь туманными обрывками, вспышками эпизодов: словно книга, из которой через одну выдрали страницы. Воспоминания – не картина, совершенно отражающая реальность. Но всё же память человеческая хранит куда больше, чем самим людям кажется; больше даже, чем в привычных обстоятельствах они могут вспомнить. А Кейлус был достаточно умен, чтобы сделать выводы из увиденного.

Так вот почему сестричка была так спокойна всякий раз, когда речь заходила о пророчестве! И насколько же гениален Уэрти, сумевший повернуть такое! Айри впору пожалеть: даже не подозревает, какую гадюку пригрела на груди. Спору нет, план изящный: позволить любящей тётушке учить тебя, помочь тебе, подготовить к ритуалу – и, взяв от неё всё, что она может дать, занять её место. Выйти рука об руку с девой, обещанной Лоурэн, повторить подвиг Берндетта на глазах у тысяч восхищённых зрителей... После такого ни у кого не останется сомнений, что Гербеуэрт тир Рейоль

послан в Керфи самими богами, дабы престол занял их законный избранник. И что до того, что дева, подтверждающая твои права на этот престол, – поднятая марионетка, покорная воле хозяина?..

Нет, больше он не мог надеяться, что Уэрти не под силу призыв Жнеца. Не теперь, когда он видел величайшее его творение, непринуждённо щебечущее с продавцом книжной лавки.

Кейлус поймал себя на том, что кончики пальцев сами собой выстукивают на столешнице его последнюю траурную песню.

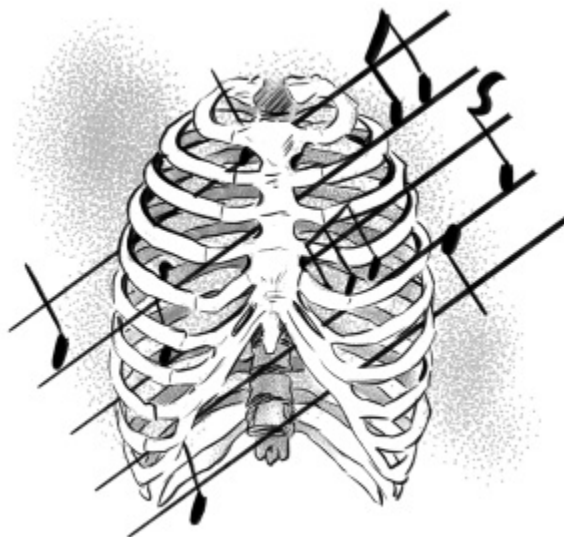
Перед глазами вновь встало личико девчонки, с нежной улыбкой выпытывавшей сведения о возможности воскрешения. Потом – разочарование от выпитанного, которое ей почти удалось скрыть. А она неглупа... Особенно если учесть, что ей удалось на время улизнуть из замка: Уэрти точно не позволил бы своей кукле разгуливать по Шейну без присмотра. Сбежать навсегда у неё бы и не вышло.

Что ж, коли она так хочет сбежать, прекрасный спаситель уже близко.

– Кажется, у меня будет новая работёнка для лиэра Дэйлиона и его «коршунов». Пусть и не совсем та, к которой они привыкли. – Впервые с момента, как Кейлус покинул проклятый серый зал с фарфоровой урной в руках, на губы его вернулась улыбка, за годы ношения маски успевшая к ним прирасти. – Придётся тебе навестить нашего портного, Тим. Пора готовиться к визиту моей прелестной невесты.

## Глава 23

### Lacrimoso [\[32\]](#)



Их неприятности начались не с яблока. И даже не с того, что кто-то в памятную дату забыл подарить цветы.

А с того, что не забыл.

– Смотри! – воскликнула Ева, когда они с Гербертом шли через внутренний двор, возвращаясь с очередной фонтанной тренировки. Воодушевлённо подтащив некроманта к замковой стене, отпустила его рукав, чтобы склониться над замеченным цветком. – Прелесть какая!

Цветок был одиноким, пушистым и жёлтеньким, как цыплёнок, похожим на помесь астры с одуванчиком. Тоненький стебель обрамлял пучок перистых листьев. Он пробился сквозь брусчатку в том месте, где темнела полоска начисто растопленного снега. Благодаря усердию скелетов и, возможно, капельке магии двор был чист, но щели между камнями всё же забивала зимняя белизна, а тут с чего-то – небольшой пятячок весны среди царства беспощадного холода.

– У вас что, есть цветы, которые распускаются зимой?

– Нет. Это летоцвет, они отходят в самом начале лета. – Герберт сверху вниз следил то ли за цветком, точно тот мог куда-то убежать, то

ли за ней. – Под замком горячие источники, вода оттуда течёт в краны по трубам. Здесь как раз пролегает одна, вот семечко и пригрелось. Ещё зима поздняя, немудрено...

Кончиками пальцев Ева погладила мягкое соцветие – ласково и бережно, как котёнка. Ожидала увидеть жёлтую пыльцу на коже, но в отличие от одуванчика летоцвет не пачкался.

Когда она подняла глаза, то под нечитаемым пристальным взглядом Герберта почувствовала себя неловко.

– Что?

– Впервые вижу, чтобы кто-то так радовался самому обычному цветку. Чаще видел тех, кто изысканный букет принимает как безделицу.

Ева могла бы сказать, что букеты ей тоже не особо нравятся. Учитывая специфику музыкальной профессии, это было забавно, но она всегда жалела цветы, срезанные лишь для того, чтобы завянуть в вазе за какую-то неделю. Хорошо если неделю: чаще букеты держались пару-тройку дней, несмотря на все ухищрения вроде подрезания стеблей и подкормки сахаром. И не попросишь же зрителей дарить тебе растения в горшках – приходилось принимать дары и всякий раз грустить, пока скатерть на столе осыпало конфетти лепестков.

Однако глядя в нежный свет в глазах Герберта, ей расхотелось говорить что-либо. По крайней мере, словами.

– У нас нет цветов, которые распускаются зимой, – изрёк некромант минутой позже, всё ещё вжимая её в стену чуть поодаль от цветка. – Но есть те, что растут под снегом. В горах, у самых высоких вершин. Когда-нибудь покажу их тебе... Раз уж ты у нас, как выяснилось, истинное дитя Великого Садовода.

– Бог весны и возрождения? – Припомнив рассказы Эльена, Ева хмыкнула. – Да мы просто идеальная пара. Единство противоположностей...

Мозг, свеженький и выспавшийся после очередной ванны, сплёл воедино горы, концерты и Жнеца – и причудливым кульбитом окунул свою хозяйку в воспоминание, которого обычно та старалась избегать.

«Хочу покорить Эверест», – говорила в нём Динка, мечтательно глядя на экран их стационарного компа.

Дело близилось к Новому году, и то был один из последних вечеров, когда трое детей четы Нельских собрались вместе. Лёшка настраивал телевизор, присоединяя к нему ноут, чтобы они могли с комфортом посмотреть ребилд «Евангелиона». Динка залипала в интернете. Ева нетерпеливо следила за приготовлениями с разложенного дивана, подворовывая печенье из стеклянной миски.

*«Глупо, – изрекла Ева (два светлых хвостика, тридцать кило веса и сто сорок сантиметров от мыска до макушки). Так важно, как только могла сделать это с набитым ртом и с высоты одиннадцати лет. – Это же очень опасно!»*

*«Ещё как, – довольно подтвердила Динка, слегка дрожащим пальцем крутя колёсико мышки. – Выше восьми тысяч метров вообще начинается «зона смерти». Холод жуткий, ветрина, бури. Кислорода в три раза меньше, чем у нас сейчас. Пересекаешь восемь тысяч – начинаешь медленно умирать. Задержишься чуть дольше, чем нужно, – всё, привет. И никто тебе не поможет, если будешь замерзать: людям бы самим оттуда уползти, тащить тебя просто сил ни у кого не будет. – Азарт, с которым сестра говорила об этом, мог напугать и менее впечатлительного человека, чем одиннадцатилетний ребёнок. – А отметка в восемь с половиной тысяч метров – зелёные ботинки».*

Ева непонимающе уставилась на монитор, силясь через полкомнаты разглядеть то, что на нём изображено.

*«Зелёные ботинки?..»*

*«Тело индийского альпиниста в зелёных ботинках, – пояснила Динка радостно. – Тела из «зоны смерти» спустить практически невозможно. Так и лежат там, где умерли».*

*«Кошмар какой! – Ева подскочила, раскидав печенье по голубенькой замшевой обивке дивана, служившего сестре спальным местом. Хорошо хоть не стукнулась головой о кровать-чердак, на которой спала сама. – Зачем люди туда вообще лезут?! Совсем психи?»*

*«Дурилка, ты представляешь, что с тобой будет, если вернёшься оттуда? Какой фигнёй любая проблема покажется после того, как ты полз по крыше мира со смертью наперегонки? И небо там так близко, что его можно рукой коснуться... – Она и сейчас помнила мечтательность, звучавшую в Динкином голосе: за всю жизнь она нечасто видела сестру такой. – А каково оттуда на мир взглянуть! Там*

*всё будет ерундой... мегаполисы, президенты с их вознёй, все глупые завистливые людишки, все неприятности...»*

Уже много позже, когда они снова и снова говорили об этом (от своей безумной идеи Динка не отказалась, даже обретя новую профессию), Ева поняла, что тогда так воодушевило сестру. Лишившись и музыки, и вершины, к которой нужно стремиться, – для Динки это был сольный концерт в Альберт-холле, она отчаянно искала себе другую цель. Поскольку сестра по мелочам никогда не разменивалась, цель эта обязана была являть собой вершину грандиознее и достойнее прежней.

Открыв для себя идею с восхождением на Эверест, Динка впервые за долгое время вновь ощутила вкус к жизни. И смертельная опасность лишь подогрела её кровь, что в разлуке с фортепиано превращалась в тихо загнивающую воду.

*«Этот твой вечный оптимизм, – выдал Лёшка с внезапной злобой, выпрямившись подле тумбочки с настроенным телевизором. – Может, хватит уже?»*

Динка – семнадцатилетняя, как Ева сейчас, белокурое, светлое, неунывающее солнышко, – устала на брата:

*«Что хватит?»*

*«Может, признаешь наконец, что для нас всё кончено?»*

Ева, собирающая печенье обратно в миску, мигом затихла, желая стать человеком-невидимкой.

*«То, что с нами случилось, не конец света, Лёш».*

*«Это конец моего света».*

*«Если не можешь жить без музыки, ты можешь стать теоретиком».*

*«Изучать, как играют другие? Вспоминая, как когда-то я делал это сам? Спасибо, Дин. Отличная пожизненная пытка. – Брат упал в кресло, дрожащими руками прикрыв исхудалое лицо и красные глаза. – Я – это скрипка. Скрипка – это я. Она – центр моего мироздания. Если она не вернётся, мне остаётся только умереть».*

Тогда они ещё не знали, что и вечная краснота глаз, и раздражительность, и суицидальные настроения – следствие той дряни, которую он последний месяц курил в подворотнях со своими новыми дружками. Стремясь скрасить Лёшкино существование после трагедии, сломавшей ему руки и жизнь, родители регулярно и без

возражений давали сыну деньги то на кино, то на новую игру, то на посиделки в кафе. Не зная, что в итоге тот тратит их на другое.

Как выяснилось, с момента, как Алексей Нельский впервые попробовал наркотики, до передозировки прошло совсем немного времени. Это было обиднее всего. Наверняка врач, старавшийся реабилитировать их с Динкой изувеченные руки, при очередном плановом осмотре понял бы, что один из пациентов употребляет нечто, чего употреблять не следует... да только до очередного осмотра Лёшка не дожил. О том, что он был наркоманом, остальные Нельские узнали, лишь когда услышали заключение судмедэксперта.

Евы там не было, естественно. Но Динка потом рассказала ей всё, что требовалось.

*«Заткнись! – Сестра вскочила со стула, почти рыча: прежде Ева никогда не видела её такой. – Заткнись, идиота кусок! Ты только себя послушай! Пятнадцать лет пацану, ещё в жизни ничего толком не видел, а уже умирать собрался? – Она ткнула пальцем в фортепиано, на котором сейчас играла только Ева, делая домашку по сольфеджио. – Скрипка – это просто кусок грёбаного дерева, и моё фоно, и Евкина виолончель тоже! А ты – человек, чёртов венец творения!»*

Ева, считавшая свою виолончель отнюдь не заслуживающей подобного звания, слабо возмутилась, но промолчала.

Лёшка, оторвав руки от лица, посмотрел на старшую сестру: такой ужас мог бы всплыть в глазах священника, которому только что предложили со злобным хохотом сжечь распятие, распевая гимны во славу сатане.

*«Как ты можешь... – он скорчился в кресле, судорожно облизнул сухие губы, – несёшь такое... я думал, для тебя музыка тоже...»*

*«Мы больше не можем играть. Этого не изменить. Значит, нужно жить дальше. Ты – не приложение к инструменту. Ты не рассыпешься в прах и не разлетишься по ветру, потому что потерял возможность извлекать звуки из железных прутиков».*

Ответом ей была Лёшкина кривая улыбка. И тишина со стороны дивана, на котором съёжилась Ева, не зная, что можно сделать или сказать.

Имеет ли вообще право говорить она, единственная из всех не потерявшая то, что потеряли они?



*«Только послушай себя. Кто мы? Я – скрипач. Ты – пианистка. Так мы отвечали всегда. А что нам отвечать теперь?»*

*«Я – Дина Нельская. Ты – Алексей Нельский».*

*«Нет. Мы всегда то, чем мы занимаемся. Скрипач. Пианистка. Бизнесмен. Адвокат».*

*«И много тебе скажут эти слова? Они включают в себя то, чему ты смеёшься, что любишь, что ненавидишь? Имя тоже не включает, но оно хотя бы всегда остаётся с тобой. – Отвернувшись, Динка пнула подушку на полу: та так и осталась валяться посреди комнаты после их утреннего с Евой боя. – Мы сделали музыку своей жизнью, но забыли о том, что жизнь вообще-то не равна ей. Она украла наши жизни, заменила их собой, и теперь мы разваливаемся на куски, потому что слишком много думали о музыке и слишком мало – о себе. Господи, да мы даже не знаем толком, кто мы такие на самом деле! Она влезла в наши личности, заменила наши души, а теперь, когда она бросила и отвергла нас, мы пустые внутри. Всё равно что жить ради другого человека, делать его центром вселенной, а потом потерять его – и всё, твой мир рухнул. Но пустоту всегда можно наполнить. Мы должны просто... почистить себя, как луковицы. Снять верхние слои, вернуться к истоку. Мы ведь были и прежде, чем взяли в руки скрипку или сели за фоно. И я не готова признать, что это всё, на что мы годились. – Присев на корточки, Динка примиряюще накрыла искалеченные Лёшкины руки своими – такими же. – Мы занимались музыкой. Мы считаем, что жили ею, но живём и теперь, без неё. А ею – просто занимались. Но эти занятия свели всё наше существование только к ним, а нельзя сводить жизнь к одной музыке, одной цели, одному человеку, одной работе, одной семье. Мы заигрались в новых Моцартов и забыли, что, помимо музыки, есть в мире много других вещей, прекрасных, классных вещей, которые так глупо не узнать и не попробовать, пока ты ещё здесь. Теперь мы можем заниматься этим другим. Почему бы тебе не понять это? Почему бы не начать наконец по-настоящему жить?»*

Даже сейчас Ева помнила всё в мельчайших деталях. К примеру, какими были глаза брата, когда, вдоволь насмотревшись на их пальцы, он поднял взгляд.

Взгляд, уже тогда принадлежавший мертвецу, которым он стал две недели спустя.

«А если я просто не могу?..»

– ...Ева?

Она моргнула. Лишь сейчас осознав: память уволокла её так глубоко в прошлое, что голосу Герберта не сразу удалось вернуть её оттуда. Лишь сейчас она поняла, насколько душеспасительные речи, которые она обращала к некроманту не так давно, напоминали давние интонации сестры.

Насколько слова их мёртвого брата напоминали иные изречения Герберта.

– Скажи, зачем тебе нужен призыв Жнеца?

Вопрос вырвался у Евы внезапно. Для него, но не для неё. И, конечно же, Герберт помрачнел – недоумевая, зачем нужно портить дурацкими вопросами такой хороший день, сыпавший на них редкий снег.

Не спросить Ева не могла.

Она обязана сделать то, что не попыталась сделать шесть лет назад. То, что так и не получилось у Динки. То, что толкало Еву читать проповеди колючему венценосному снобу, тогда ещё бывшему ей никем, – или убедиться, что в действительности она снова не имеет на это права.

Только теперь не из-за трусости.

– Ты и так сделал то, чего не удавалось никому до тебя. Изобрёл новый вид стазиса. Посмертную регенерацию. Способ поднять разумное умертвие. Ты уже вошёл в историю. А если проживёшь долгую жизнь, вместо того чтобы с немалой вероятностью погибнуть в двадцать три, совершишь ещё десяток великих открытий и прославишься ещё больше. Укреплять власть королевской династии тоже ни к чему, учитывая грядущий переворот. Мираклу, конечно, не помешает поддержка нового Берндетта, но он может обойтись и без неё. Так почему ты так хочешь призвать Жнеца?

– Потому что могу. – Прижав ладони в перчатках к замковой стене по обе стороны от её лица, Герберт отстранился на расстояние выпрямленных рук. – У каждого своё предназначение. Моё – такое.

– Кто тебе это сказал? Отец? Айрес?

– Они. И я сам. Я верю, что мне неспроста даны такие силы. – Он отстранённо качнул головой. – Мало кто в народе помнит имена тихих

некромантов-учёных. Даже открывших фундаментальные законы. Зато Берндетта помнят все.

– Значит, амбиции? Гордыня, жажда славы, мания величия – вот что тобою движет?

– Да, – ничуть не смутившись, сказал Герберт, подпуская в голос ту едкость, которую в разговорах с ней он уже давно себе не позволял. – И амбиции, и гордыня, и всё остальное, чего не должно быть в хорошем, правильном мальчике, каким, наверное, ты хотела бы меня видеть. Но не только. Не в первую очередь. – Резко отступив на шаг, он отвернулся, сложил руки за спиной, глядя в небо. – Ты можешь представить, что это такое – быть богом? Соприкоснуться с тем, кто вечен, мудр и стар, как сама Вселенная? Ощутить бесконечную мощь в себе, убедиться, что ты и правда избран Им, достоин Его благословения? Всё равно что на минуту стать солнцем. Это самое высокое, самое прекрасное, что кто-либо из наделённых Даром способен совершить, самое волшебное, что он может ощутить. – Ева не видела его глаз, но их затуманенное выражение без труда читалось в голосе. – Возможность добиться этого стоит всего, чем ты можешь за неё заплатить.

Эверест... Ева снова вспомнила о тех, кто поднимается туда, хорошо зная, что может не спуститься обратно. Кажется, на вопрос «зачем вам туда?» они отвечали: «Потому что он есть». Просто затем, чтобы стать тем, кто его покорил. Просто затем, чтобы посмотреть на мир с той потрясающей кристальной высоты, куда способны забраться единицы.

Чтобы разделить свою жизнь на «до» и «после».

– Я могу сделать это. Я один из немногих, кто может. И не прощу себе, если отступлю просто потому, что струсил. – Когда Герберт оглянулся, на губах его был призрак усмешки, от которой Еве стало больно. – Не беспокойся, о твоей безопасности я позабочусь. Даже если я погибну, тебе ничего не будет угрожать.

– Но это невозможно, – машинально сказала она. Тут же испытала смутное желание треснуть себя по лбу: в ситуации, когда Герберт и без того смотрит на неё с этой горькой усмешкой, выдававшей привычку во всём видеть здоровый и нездоровый эгоизм, правильнее было сказать совсем не это. Тем более о своих плачевных перспективах Ева действительно думала в последнюю очередь. – И вообще, я не за себя

беспокоюсь! Хотя не могу не напомнить, что обещание своё ты в таком случае нарушишь.

– Что сделаю всё, чтобы тебя оживить? Не нарушу. Я делаю всё, что в моих силах. Я каждый день бьюсь над формулой, которая сделала бы это возможным. Но я уже говорил, что воскрешать тебя в любом случае буду не я. Это не моя специальность. – Он вновь отвернулся, предоставив Еве сколько угодно смотреть на тёмную шерсть капюшона, скрывавшую бледное золото его волос. – Ты знала, кто я. Какой я. С самого начала.

Она опустила взгляд на цветок, пушившийся над брусчаткой крохотным солнышком. Понимая, что ответы лишь подтвердили то, что ей страстно хотелось опровергнуть, и дело не только в амбициях, стремлении оправдать отцовские ожидания, прочей шелухе, которой окутали его извне. Дело в том, что крылось под этой шелухой, в нём самом.

В призрачных крыльях, которые даровал ему Жнец.

*«...если действительно любишь, ты позволишь ему расправить крылья и ответить на зов...»*

Если однажды Динка всерьёз соберётся на Эверест, ставший её мечтой, вправе ли Ева запретить ей это? Чтобы до конца своих дней та тоскливо смотрела в небо, думая, что не решилась подняться туда, где его можно коснуться рукой, ради того, чтобы остаться с теми, кто ходит по земле? Можно возразить, что это эгоизм: рисковать собой, не думая о тех, кому будет больно, если ты умрёшь. Но тот, кто подрезает крылья твоей мечте, эгоист не меньший.

Если не больший.

– Я поняла. – Сложив вместе ледяные ладони, Ева прижала их к губам молитвенным жестом. – Пообещай мне кое-что. Пожалуйста.

Когда Герберт обернулся, в его лице было удивление. Наверное, не ожидал, что она сдастся так быстро. Да только он прав: Ева знала, какой он. Знала уже тогда, на лестнице, когда отрезала себе все пути назад. И им обоим нравилось друг в друге то, что теперь толкало его в свою личную «зону смерти».

Самоотверженная, самозабвенная любовь к тому, что делаешь, – и готовность идти до конца, не жалея себя.

– В нашем мире есть гора. Высочайшая. Которую, естественно, многие хотят покорить. – Всё, когда-то рассказанное Динкой, всплыло

в сознании так живо, точно текст был перед ней на экране. – И у людей, которые хотят это сделать, есть свои непреложные законы.

Ева не собиралась разделять цель и мечту сестры. Однако законы эти всё равно запомнила. Они неизгладимо врезались в память жестоким расчётливым цинизмом, особенно тот, который сейчас она не стала озвучивать: *«Если не можешь идти дальше – умирай и не проси о помощи»*. На той высоте, где рождались эти законы, не было места ни человечности, ни состраданию. Оставалась лишь логика, холодная, как ветер «зоны смерти», в клочья раздирающий одежду тех, кто навеки остался там. И если подумать, принцип этот прекрасно применялся не только на горных вершинах – везде, где ставки слишком высоки, чтобы игроки могли позволить себе такую роскошь, как мораль.

Чем не альпинисты те, кто с той же леденящей расчётливостью карабкается на верхушку социальной лестницы? Или политики, играющие в престолы со своих сияющих высот?..

– Если твоя цель – достичь вершины, ты погибнешь. Потому что вершина – это только половина пути. Если ты достиг вершины, но погиб на спуске, ты не покорил её. Эверест покоряет лишь тот, кто вернулся обратно. – Она судорожно сцепила соединённые ладони: в движении выплеснулись все эмоции, которым Ева не позволила прозвучать в голосе. – Так вот. Пообещай мне, что вернёшься. Если не ради меня – хотя бы потому, что неудачника никто не запомнит.

Она не позволила облегчению улыбкой отразиться на лице. Ни когда взгляд его смягчился, ни когда Герберт, шагнув вперёд, накрыл её руки своими.

Да ей и не хотелось улыбаться.

– Я знаю. – Он коснулся губами её пальцев, точно словами пытался согреть их сквозь светлую замшу перчаток. – Верь в меня. Я не собираюсь умирать. Должен же я похвалиться тебе, как это было.

Последнее вновь сопровождала усмешка. На сей раз – без горечи. И лишь увидев её, Ева позволила себе выдохнуть (фигурально, естественно).

Гербеуэрт тир Рейоль уступил место Герберту, с которым они смотрели мультфильмы по вечерам. А тот никогда и ни в чём ей не лгал.

– Вот бы как-нибудь сбереечь его от мороза, – невпопад произнесла Ева, кивнув на летоцвет. Наверное, просто очень хотела закрыть этот разговор. – Здесь он в любой момент погибнуть может. А так хочется, чтобы ещё пожил и поцвёл подольше...

– Я о нём позабочусь.

– Правда?

– Правда.

Свои чувства на этот счёт Ева выразила благодарным поцелуем в его благородный нос.

До традиционного вечернего фейропития после прогулки у них осталось немало времени, так что, поручив Еву заботам Эльена, Герберт удалился по своим делам. Наверное, для работы над воскрешающей формулой, заботы о судьбе своих верноподданных, наложения на цветок каких-нибудь тепличных чар и ещё пары дел, времени на которые хватило бы только у Цезаря.

Впрочем, сегодня занятость некроманта была даже к лучшему. Она предоставила возможность без спешки доделать его подарок.

– Эльен сказал, завтра день твоего наречения, – проговорила Ева, когда Герберт вновь озарил присутствием её обитель. Протянула ему плетёную корзинку, украшенную бантом из алой ленты, обвитой вокруг одного из прутьев. – Это тебе.

Некромант воззрился на гнутые печенюшки, лежавшие внутри.

– Я бы подарила завтра, но завтра ты на целый день уйдёшь. – Герберт известил её об отлучке ещё утром, не удосужившись объяснить, что, помимо очередного урока с тётушкой, во дворце намечается торжественный ужин. По словам Эльена, его господин ужасно не любил праздники – особенно те, что имели хоть какое-то отношение к его появлению на свет. – К тому же внутри... в общем, лучше сегодня.

– Это печенье? – Герберт слабо улыбнулся; приятное изумление, проявившееся на бледном до изнурённости лице, согрело Еве душу. – Сама пекла?

– Именно. Разломай одно.

Взяв сладость в руки, некромант сел на кровать, позволив Еве опуститься рядом и отставить корзинку на прикроватный столик.

Хрустнув ломким тестом, достал и развернул спрятанную в нём бумажку, собственноручно вырезанную Евой из нотного листка.

Если напоминание о грядущей памятной дате и было ему неприятно, он ничем этого не выказал.

То, что человек не хочет отмечать свой день рождения – или день, когда отец дал тебе имя, без разницы, – Ева тоже считала неправильным. Сама она, конечно, не отмечала именины, но родился Герберт весной, а отучать его от вредных привычек нужно было уже сейчас.

– *«Завтра преподнесёт тебе неожиданный подарок»*, – зачитал некромант, взглядевшись в керфианские буквы, нацарапанные шариковой ручкой. – Это что, предсказание?

– Печенье с предсказаниями. У нас их дарят на разные праздники... те, кто знает, что это.

Ева с Динкой, естественно, знали. Так что время от времени пекли вкусные подарки окружающим и друг дружке. Впрочем, это не мешало Еве сегодня долго шаманить с местными ингредиентами, пытаясь добиться от теста нужной консистенции, а затем благополучно спалить первую партию. Приготовление в печке при отсутствии таких благ цивилизации, как готовая бумага для выпечки, да ещё на непривычной посуде сильно отличалось от приготовления в электрической духовке.

Хорошо хоть Эльен помогал всем чем мог, предоставляя необходимое по первому требованию.

– Но там не только предсказания, – добавила она.

– А что ещё?

Ева уклончиво улыбнулась.

– Съешь. И возьми другое. Вдруг попадётся нужное.

Нужная попалась лишь с третьей попытки. Сразу после *«У тебя всё получится»*. И, прочитав записку на узкой бумажной ленточке, Герберт поднял на неё долгий, без улыбки, взгляд:

– Я тебя тоже.

Тихая, абсолютная, почти торжественная серьёзность почему-то заставила Еву опустить глаза.

– Я ещё думала сложить тебе тысячу бумажных журавликов, чтобы ты мог загадать желание, – пока Герберт жевал печенье, лишь полушутливо произнесла она, взволнованно заправляя волосы за

уши. – Но потом подумала, что ты всё-таки должен делать их сам, чтобы оно сбылось, а тебя это вряд ли приведёт в восторг.

– Что за бумажные журавлики?

– Как-нибудь покажу. В другой раз. – Она следила, как некромант бережно скатывает записку в тугий свиток, чтобы спрятать в карман штанов. – В моём мире делают журавликов из бумаги: не вырезают, просто складывают из квадратных листков. Говорят, если сложить тысячу штук и загадать желание, оно обязательно исполнится.

– И как, ты проверяла?

– Проверяла. Вроде бы сбылось.

На самом деле, складывая последнего журавлика и отчаянно желая *«хочу, чтобы у Динки всё было хорошо»*, Ева думала о какой-нибудь волшебной силе, которая исцелит сестре руки. Но на Вселенную, истолковавшую и исполнившую её желание несколько иным образом, осталась не в обиде.

Возможно, сложи она журавликов годом раньше, и Лёшка был бы жив.

Да что с ней сегодня такое? Лезет в голову то, что хотелось бы раз и навсегда похоронить на самых дальних, пыльных и заброшенных чердаках собственной памяти...

– Вообще я не слишком в этом хороша. В оригами. Так называют фигурки из бумаги, – сказала Ева, чтобы чем-то перебить тоскливые мысли. – Там ведь и других зверей складывают, не только журавлей. Птиц, кошек, лис... Даже драконов. А я разве что журавлей да ещё цветы умею делать.

– К слову, о цветах. – Отряхнув руки от крошек, Герберт вытянул ладони, подставляя их под нечто невидимое. – У меня для тебя тоже есть подарок.

Когда невидимое стало видимым, Ева увидела стеклянный фонарик. Небольшой, с её ладошку, с шестью прозрачными гранями в серебряной оправе. У них дома на пианино стоял почти такой же, алюминиевый, используемый как декоративный подсвечник.

Только в этом вместо свечки, окутанный колдовской розовой дымкой, висел в воздухе срезанный летоцвет.

– Ты... сорвал его?

Ева сама не ожидала, что голос прозвучит так хрипло.



– Естественно. – Кажется, Герберта искренне удивили и вопрос, и тон, и то, что в нём не слышно и намёка на признательный восторг. – Я же обещал о нём позаботиться.

– Зачем ты его сорвал?..

– Ты же хотела, чтобы он не увял. Теперь не увянет. Он в стазисе и навсегда останется таким.

Ева смотрела на жёлтое солнышко, заключённое в стекло. На тонкий, очищенный от листьев (оставили лишь один, для красоты), беспомощно нагой стебель, окружённый кровавой вуалью чар.

И думала о том, как она могла быть такой дурой, чтобы забыть: некромантские представления о заботе должны отличаться от её собственных.

– Только вот теперь он мёртв.

– Он был обречён. Он всё равно бы умер. Все мы умираем. Так есть ли разница когда? – В том, как Герберт дёрнул плечом и отставил фонарик на стол, она прочла лёгкую недоумённую досаду. – Я подарил ему бессмертие. Как и тебе. Многие могут только мечтать об этом.

Наверное, не скажи он трёх последних фраз, на том разговор бы и закончился. Ева бы выдавила улыбку и приняла подарок, чтобы потом, когда они посмотрят ещё пару серий «Волчицы и пряностей» и разойдутся на ночь, погрузить и спрятать фонарик куда-нибудь в шкаф. Но он сказал – и слова ударили по тому, что уже месяц копилось на подкорке сознания. Тому, чему Ева обычно не давала хода, убегая от этих мыслей в дела, хлопоты, уроки, музыку и вечера с Гербертом, в тот же вечный оптимизм, что когда-то помогал держаться её сестре.

Только вот убежать от себя – бесполезное занятие. Далеко не убежишь. И рано или поздно всё равно догонишь.

– Посмотри на меня. – Когда Ева, вскинув руки, развела их в стороны жестом, обводившим её неизменно холодное тело, голос её сбился почти в шёпот. – По-твоему, это – бессмертие? Это то, о чём можно мечтать?

– Это лучше, чем то, что ждёт любого из нас. – Герберт смотрел на неё с усталостью профессора, вынужденного растолковывать очевидные вещи милой бестолковой шестилетке. – Сколько себя помню, я имею дело со смертью. Я, как никто, знаю истинную цену жизни. Люди – говорящий ходячий скелет, заключённый в оболочку медленно умирающей плоти. Кто-то из нас способен это отсрочить, но

избежать – увы. И всё, что остаётся от нас в итоге, – тот самый скелет: безмозглый, безмолвный, бездушный. Вся наша жизнь, все мечты, желания, стремления – всё умирает, истлевает в ничто, будто мы не рождались вовсе. Оставишь после себя потомков, свою плоть и кровь – уже спустя пару поколений они, дай боги, имя твоё вспомнят. Лишь тот, кто вошёл в историю, кто оставил своей жизнью память настолько весомую, что она не сотрётся мгновенно, как след на песке под волной... Лишь того можно назвать истинно живущим. – Он задумчиво щёлкнул пальцами по стеклянной цветочной тюрьме; матовые, коротко остриженные ногти глухо звякнули о серебро. – Вы с ним неподвластны ни смерти, ни жизни, ни времени с его неумолимым разрушительным течением. Вы обманули самих богов. Самого Жнеца. Разве это не повод радоваться или гордиться?

Её смех разбился о стёкла тягучим, дребезжащим скрипом струн, отозвавшихся на касание неумелого смычка.

– Так вот зачем тебе так нужен Жнец, – сказала Ева. – Вот почему ты не хотел любить, чувствовать, дружить... Ты и правда трус, да? Ты думал не о том, помянет ли тебя кто добрым словом сейчас, а только о том, вспомнит ли кто-нибудь великого Гербеуэрта тир Рейоля через пару сотен лет. Ты так боишься смерти, что не можешь по-настоящему жить.

Глаза его сузились.

– Ты...

– Посмотри на меня! Я не живу, не чувствую боли, не дышу, не ем, не пью! Грёбаная замороженная кукла, которую можно включить и выключить, как механизм, которая работает, пока не кончится завод! *Это* твоё заветное бессмертие?! – Ева не заметила ни того, как вскочила, ни того, как перешла на крик, комкая подол рубашки судорожно сжатыми пальцами. – Я существую за твой счёт – и не могу тебя согреть, не могу заснуть с тобой в одной постели, не могу позволить себе и тебе делать всё, что мне хотелось бы делать, даже обнять тебя нормально не могу, чтобы не думать о том, как ты это терпишь!

– Тише. Успокойся. Успокойся, слышишь? – Встав следом за ней, Герберт вскинул руки осторожным жестом человека, который оказался наедине с разъярённым тигром. – Я не терплю.

Та крохотная частичка Евы, что не растворилась в отчаянии, пьяной пеленой захлестнувшем разум и чувства, ещё успела отметить, насколько истерично прозвучал её хохот.

– Правда? Тогда давай прямо сейчас перейдём к делу, хочешь?

– Ева...

– Я же тебе не противна? Ни капельки? Тебе всё равно, что я *такая*? – Она рванула ворот рубашки, растёгивая пуговицы. – Так давай, докажи! Уже столько знакомы, всё, что нужно, ты в первый день увидел, к чему дальше тянуть?

Герберт перехватил её кисти, когда в открывшемся вырезе уже сверкнул багрянцем оголённый рубин.

– Ева, перестань! – Он тряхнул её руки и Еву вместе с ними, глядя на неё в том же ошеломлении, которое помешало ему сразу её остановить. – Это не ты!

– Что? Не спешишь насладиться моими «мёртвыми прелестями»? Правильно, потому что я долбаный труп! – Она кричала ему в лицо, чуть не плача, бешено выкручивая запястья из стальной хватки его пальцев. – Как я такая домой вернусь?! Как мне дальше жить? Я не могу так жить, не могу вообще жить – я же мертва, мертва, мертвааа...

Руки выпустили в тот же миг, как она всё-таки заплакала. Лишь для того, чтобы прижать её, больше не сопротивляющуюся, никуда не рвущуюся, к чужому плечу, зарывая носом в батист, тёплый и мягкий, как улыбка.

Ева не помнила, как оказалась в кровати, но когда безумие истерики схлынуло, они привычно лежали в обнимку. Герберт – мерно, успокаивающе скользя пальцами по её затылку, Ева – зарёванная, с мокрой солью на губах, щеках и ресницах.

Плачь она кровавыми слезами, как нормальные вампиры (не думавшие сверкать, зато дававшие смертным пространное интервью), Мэт наверняка порадовался бы открывшемуся этюду в багровых тонах.

– Прости. – На смену злобе тошнотворной волной пришёл стыд. – Я сорвалась.

– Немудрено. Ты ещё долго продержалась. Я даже не думал, что тебе так... – Герберт коротко, рвано, покаянно выдохнул. – Я идиот.

– Ты не идиот. Ты некромант. У тебя свои представления о заботе... Иногда. Мне следовало понять. – Ева уткнулась лбом в

насквозь вымокшую ткань на его руке. – Можешь усыпить меня? Очень хочу уснуть. Пожалуйста.

Она думала, Герберт станет возражать. В конце концов, она спала прошлой ночью, и следующая ванна планировалась лишь через три дня, и до сего момента вне целебного раствора Ева не засыпала ни разу. Но ей очень хотелось забыть всё то, что вспоминалось сегодня. Начать завтра с чистого листа. Наконец заснуть не в аналоге формалина, а в постели, по-человечески – с ним.

Возражать он не стал.

– Ты будешь жить, – сказали ей только. – Чего бы мне это ни стоило. Клянусь.

Перед тем как серебристый голос приказал ей спать, Ева ещё успела повернуть голову к тёмному окну. И впервые увидела, как в чистом керфианском небе блеклыми кругами светятся две луны: одна – голубоватая, которую Ева уже привыкла видеть в ясные ночи, другая – розовая, как тающая в воде кровь, восходящая на четверть месяца раз в сотню лет.

Год двух лун, в который суждено было свершиться семьсот тридцатому пророчеству Лоурэн, наконец в полной мере оправдывал своё название.

Ева не уловила момента, когда наутро ей отдали приказ проснуться.

Герберта рядом уже не было. Равно как и фонарика с летоцветом на столе. Зато там, слегка мерцающая в полутьме, царившей вокруг из-за плотно сдвинутых штор, лежал пион.

Сев в постели – волшебные кристаллы в подсвечнике немедля вспыхнули при движении, – Ева взяла цветок в руки (может, и не пион, но очень на него похожий). Провела пальцами по лепесткам: десяткам бумажных полукружий, соединённых в грубоватую рукотворную копию соцветия.

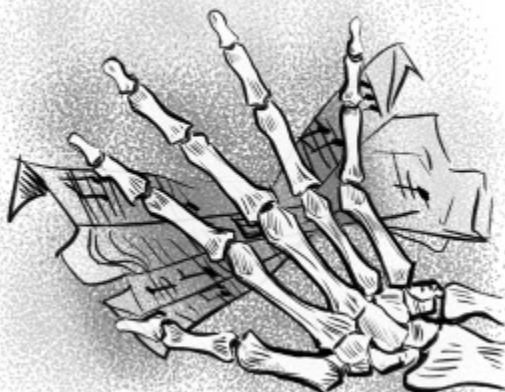
Те отозвались на прикосновение малиновыми искрами, скользнувшими по кромке так же мимолётно, как радость в её глазах.

Она знала, что вместо простенького бумажного цветка Герберт мог сотворить иллюзию самого прекрасного букета. И знала, почему не сотворил.

Пусть он и не умел складывать оригами – с ножницами, клеем и крошечной щепоткой магии вышло ничуть не хуже.

## Глава 24

### Аттасса [\[33\]](#)



Приём в честь дня наречения наследника удался. Танцы были в нужной степени изящны, подарки – оригинальны, тосты – сладкоречивы, угощение – разнообразно. И пусть все присутствующие в зале знали, что меньше всего приём нужен самому наследнику, это не мешало никому веселиться.

Её Величество танцевала лишь три танца. С братом и с обоими племянниками. Большую часть празднества она провела на троне, наблюдая за тем, что происходит у его подножия: парадные залы дворца строили в классических традициях, и королевское место золотилось на возвышении, к которому вели пять широких ступеней. Зал убрали красным и золотым – в цветах Тибелей; астры, алевшие на королевском гербе, кровавыми пятнами сияли на витражах под потолком, рдели в вазах на стенах, яркие, как перья малиновки, пахли горечью, осенью и травой. Ароматная духота пьянила, кружила головы – но не ей.

Даже самый зоркий наблюдатель не смог бы определить, как королева относится к тому, что видит. И только он вычислил бы то, что теоретически могло вызвать её неудовольствие: схему передвижения гостей, помимо обычных танцев ткавших некий свой танец вокруг

Миракла Тибеля. Кучки людей сходились и расходились по белому квадрату залы, чтобы образовать новые компании для новой ничего не значащей беседы. Многим их перемещение показалось бы хаотичным, но на деле все эти светские па вытанцовывались вокруг движущегося центра, одного-единственного человека. Вовсе не именинника.

Айрес следила, как её племянник – *другой* племянник – говорит с теми, кто лоялен ей, и теми, чья лояльность была под сомнением. Ни с теми, ни с другими он не общался больше или меньше, чем требовал учтивый бальный разговор, избегавший каких-либо опасных тем, и политики в первую очередь. Танец сталкивал Миракла Тибеля с министрами и советниками, аристократами и дельцами, вскарабкавшимися на ту высоту, где тебе открывалась дорога даже в королевский дворец; до Айрес это было немыслимым, но после её восхождения на трон... К чему предрассудки? Да, она упразднила Большой Совет, чтобы не допустить низшие сословия к правлению (чернь не знала и не могла знать, как управлять страной, иначе Айрес не получила бы королевство в том плачевном состоянии, до которого его успешно довёл отец – заботами того самого Совета). Да, она не позволяла никому, и особенно *народу*, мешать ей вести свою страну тем курсом, который она считала нужным. Да, она вернула аристократии многие права, отобранные при её деде, – ибо аристократия веками держала власть в своих руках и куда лучше слуг знала, как с ней обращаться. Тот же давно упразднённый закон «О наказании прислуги»...

Ох, как кричали и брызгали слюной ограниченные поборники *морали и человечности*, когда Айрес дала ему вторую жизнь. Казалось бы, любой здравомыслящий человек поймёт: ценными слугами дорожат при жизни не меньше, чем в посмертии, и какой смысл судить аристократа за то, что он забил кнутом бесполезную ленивую горничную? Если виновный не круглый дурак, он и от закона, за редким исключением, успешно уйдёт кривыми дорожками денег и связей. Но нет, её – её, подумать только, – винят в узости мышления. Разве не она проявила к низшим сословиям щедрость не меньшую, чем к высшим? Разве не она презрела глупые условности, державшие её подданных в клетках своего положения, не позволявшие достойным простолюдинам пробиться ко двору лишь потому, что Великий Садовод не дал им родиться в именитом роду? Разве она была

жестока? Те, кого забирает Охрана, сами заслужили свою участь (хотя бы тем, что оказались достаточно глупы, чтобы позволить Охране прознать о своих мыслях и намерениях). Айрес могла бы уничтожать изменников семьями, кланами, родами, как в истории не раз делали до неё. Но она была милосердна – и всегда миловала детей, если те не разделяли взгляды отцов... Тех, кто переживал допрос, позволявший точно выяснить это, конечно.

Допрос был обязателен для всех, кроме тех, кого по некоторым причинам Айрес считала излишним ему подвергать. К примеру, своих племянников.

Королева откинулась назад, в бархатные объятия мягкой спинки трона (что ни говори, вчерашняя вылазка здорово её утомила – оставалось надеяться, что Уэрти понравится её второй, неофициальный подарок). Внизу под звуки музыки в изысканном веселье коротал вечер её народ. Даже возжелай гости поговорить о чём-то, не предполагавшем веселья, Охрана быстро бы это пресекла: Айрес позаботилась о том, чтобы ничто не испортило Уэрту праздник. Особенно его брат.

Вообще проявления горячей «любви» одних представителей королевской семьи к другим она считала зрелищем смешным и любопытным, но не сегодня. К тому же семье позволено то, что нельзя позволять никому другому.

Всё, что она делала, она делала, заботясь о других. Всегда. Кто-то пользовался высотой своего положения в личных интересах, обеспечивая себя недоступными ранее благами, и Айрес прикрывала глаза, считая это вполне допустимой ценой за верность. Но не она. Она могла сорить деньгами, могла выйти замуж, скинуть бремя правления на мужа и советников, бесцельно прожигать жизнь, как делала её сестра, но Айрес обручилась с короной – и не брала благ больших, чем могла позволить себе любая женщина высшего круга. Зато по мере сил заботилась обо всех, кого эта корона препоручила её заботам. Охрана и простая стража денно и нощно искали среди её стада больных овец, чтобы другие могли жить спокойно, не смущаясь их речей, не травя разум ненужными сомнениями. Она уже сделала Керфи богатым и сытым, страной, с которой считаются, и ещё сделает сердцем мировой империи.



Под пение струн, выводящих одно из немногих сочинений Кейла, что сыскало одобрение приличного общества, Айрес нашла глазами своего наследника. Убедилась, что тот смотрит сквозь танцующих, делая вид, что пьёт; прикрыла глаза, наблюдая за племянником из-под ресниц.

Какой бы юной чудеснице ни удалось сотворить с ним то, что ставило под угрозу весь план, в зале её сегодня не было – его лицо ясно поведало ей об этом. И это делало всё ещё сложнее. Даже с братом Уэрти общался холодно, но без ненавистного напряжения, что искрило меж ними обычно. Как некстати... Жаль, человеческие сердца – ненадёжные механизмы, требующие тонкой и постоянной настройки.

Топорные методы вроде вассальной клятвы Айрес предпочитала приберечь до последнего момента. По этой же причине она не навязала Уэрти слежку – ограничилась простым, но хитрым маячком, который активировался, лишь когда владелец находился на грани гибели (иной сквозь защиту не пробился бы). В противостоянии Кейла и племянников, немало её забавлявшем, Айрес уверенно ставила на последних, но предосторожности превыше всего.

Неужели неодобрение её методов зашло у Уэрта так далеко, что заставило податься к братцу? Забыв о размолвке, забыв о гордости, так старательно в нём возвращенной? Да, многие против той войны на уничтожение, которую Айрес планирует развязать, – даже среди тех, кого она считала не только верными, но и умными. И естественно, это дало недругам ещё один рычаг давления на чашу весов, что склоняет народ против неё. Тот же Мирк знал обо всём задолго до того, как Айрес сказала ему об этом, – она прочла это в его глазах: племянник был хорош во лжи, но не так хорош, как Айрес в видении правды. И все, кто пытается противиться ей, не понимают такой простой, очевидной истины: на войне нет места ни человечности, ни милосердию. В этом мире либо ты, либо тебя.

Айрес тирин Тибель уяснила это давным-давно. Не сказать, что на собственном примере (лишь глупец учится на своих ошибках, а она наносила превентивные удары прежде, чем мир успевал причинить ей *настоящую* боль). Но она с детства охотно устраивала показательные и поучительные примеры другим: люди – лучший испытательный плацдарм для любой теории, если ты располагаешь возможностью и умением дёрнуть их за нужные ниточки.

Нельзя оставлять в живых врага, который однажды обязательно восстанет. Ильденская Империя рухнула потому, что не сумела уничтожить всех, кого завоевала. Да она и не могла: любая империя нуждается в дешёвой рабочей силе... Любая, кроме той, что способна заставить порабощённого врага работать и после смерти. И мёртвый враг, исправно выполняющий задачи раба, но лишённый даже возможности помыслить о сопротивлении, куда безопаснее и полезнее врага живого. Спасибо старой Империи за падение, не только вознесшее на трон Берндетта и основанную им династию, но и преподавшее его потомкам дельный урок. Айрес не повторит чужих ошибок: она выкосит во славу Жнеца тех, чьи дети смогут однажды поднять бунт, и на землях, которые продолжают возделывать их останки, взрастёт новый урожай – керфианцев. У выходцев из одной страны не останется причин восстать ни против своей императрицы, ни против тех, кто унаследует её империю. Маги живут долго: на её глазах родится ещё не одно поколение, и Айрес успеет позаботиться о том, чтобы они расселились по всему завоёванному свету. Привольная, сытая, вольготная жизнь, где слуги будут жить немногим хуже, чем господа, – вот чего она хочет для них... А взамен просит такой малости – лояльности. Не мешать своей королеве делать то, что она считает нужным. Верить в неё, верить в то, что она лучше знает дорогу к счастливому будущему. Но куда там... Если даже родная семья раз за разом восставала против неё. Предавала её, пыталась избавиться, строила козни, указывала, как править, что делать, как поступать с собственным племянником...

К слову, о семье...

Из-под ресниц Айрес увидела, что Уэрта осаждают Кейл. Поднявшись с места, под шуршание бархатного шлейфа по ковровой дорожке спустилась вниз – странствующей звездой по полукруглой орбите, что огибала танцующих и пролегалась сквозь пёстрые облака расступающихся придворных.

– Вижу, вся эта мишура тебе не по вкусу даже больше обычного, – тем временем с участливой улыбкой сказал Кейлус Герберту, прислонившись плечом к колонне, увитой мерцающим золотым плющом. – Может, тебе просто не терпится покинуть нас и поспешить куда-то ещё?

– Предпочёл бы вообще не приходиться, – сказал Герберт прохладно, держа в руках нетронутый бокал. – Но первый кусок праздничного пирога сам себя не съест.

– Или и вовсе не куда-то, а к кому-то? Признайся, Уэрти. Тут нечего стесняться. – Кейлус, в отличие от него, к своему питью прикладывался часто и охотно, но сейчас не стал. Лишь слегка поболтал бокал в ладони и поднёс к лицу, поверх него глядя на виновника торжества. – Никогда не поверю, что самый завидный жених Керфи до сих пор не обзавёлся новой фавориткой.

– Не льсти мне, дядя. Вы с Мираклом женихи не хуже меня. Хотя учитывая обстоятельства – возможно, без «вы».

Кейлус в ответ хохотнул без тени гнева или смущения, покосившись на Миракла, который чуть в стороне оживлённо растолковывал что-то Кроу Соммиту: с товарищем по арене они были большими друзьями и в жизни.

– Если вы с Мирком решили пойти по моим стопам и заделаться убеждёнными холостяками, Айри этого не переживёт.

– Не знаю, чего именно я не должна пережить, но я крепче, чем ты думаешь, Кейл, – скользнув к колонне, заверила королева. – Что за допрос с пристрастием?

– У нашего мальчика завелись секреты, Айри, – после секундного колебания ответил Кейлус, доверительно понизив голос. – Вернее, ещё больше секретов, чем водилось раньше. Он всегда был нелюдимым, но сегодня просто превосходит сам себя.

– Его секреты – это его секреты. Кажется, ты в своё время был бы не против, если б твои секреты таковыми и остались? – Одарив окаменевшего брата улыбкой, огладившей собеседника лаской отравленного шёлка, королева мягко подхватила племянника под руку. – Идём, Уэрт. У меня к тебе дело.

Они разошлись в разные стороны: королева с наследником – к выходу из зала, Кейлус, одним глотком опустошивший свой бокал, – к лакею с напитками.

На деле продолжать беседу в присутствии сестры Кейлусу и самому не хотелось. Её подозрения касательно новоявленной невесты Уэрта были бы совершенно лишними. Однако молча отстать от племянника (при его-то любви к словесному фехтованию с родственниками) он счёл куда более подозрительным, чем вынудить

Айри защитить своего птенчика – атакой, в ответ на которую оскорбиться или хотя бы сменить тему будет вполне естественным. Судя по всему, не прогадал.

Ударила любимая сестричка и правда по больному, но у Кейлуса была масса возможностей привыкнуть к этой её милой привычке.

Подхватив с серебряного подноса потный бокал, Кейлус застыл среди танцующих, повернувшись спиной к одному старому знакомому.

– Страшная тут духота. Глоток свежего воздуха на балконе был бы нелишним, – рассеянно бросил он. Недостаточно громко, чтобы расслышал кто-либо из тех, кому слова не предназначались (особенно Охрана, разнаряженными змеями скользившая сквозь толпу), но достаточно, чтобы слова не затерялись в разговорно-музыкальном шуме. – И приятные новости оказались бы сейчас кстати.

– Для каждого мир найдёт приятную новость. Если внимательно слушать, – с той же степенью отвлечённости откликнулся человек за его спиной.

Кейлус направился в сторону балкона – зная, что спустя достаточное время, чтобы не казаться подозрительным, лиэр Дэйлион последует за ним.

Лиэр Дэйлион был одним из тех, кто пробил путь с низов социальной лестницы до самой верхушки – благодаря играм Айри в великодушие к простонародью и любовь к равенству (Кейлус-то хорошо знал: равенство сестра признаёт исключительно с позиции, что кто-то всегда равнее прочих). Это позволило ему не только обзавестись массой полезных знакомств, но и стать лучшим в нелёгком деле главы синдиката наёмных убийц, скрывающимся под маской добропорядочного производителя весьма недурных сигар. Кто-то счёл бы сущим безумием допускать подобную персону ко двору; Айрес считала, что пока такие люди не представляют опасности лично для тебя, лучше держать их поближе. Удобнее будет заметить и устранить, когда они всё же перейдут в категорию угрозы.

Не говоря уже о том, что порой услуги лиэра Дэйлиона оказывались весьма полезны – не только её подданным.

Балкон – полукруглую площадку во всю длину залы – окутывали чары, слегка регулирующие температуру, и воздух был свежим, но не морозным. Снежинки оседали на магическом куполе, собирались в белый козырёк, искрящийся в бальных отсветах; под ним Кейлус и

смотрел на жемчужный бисер пузырьков в своём амалье, когда неподалёку на перила облокотился человек в чёрном.

– Есть результаты, – чиркнув о камень вонючей спичкой из металлического коробка, сказал Лиэр Дэйлион, подпаливая сигару.

Ходили слухи, что Охрана опутала весь дворец (и другие государственные здания) хитрыми следящими чарами. Они подавали тревожный сигнал, когда в короткий промежуток времени произносилось сочетание неких слов: «наследник», «королева», «покушение», «проклятие» и других, по отдельности вполне безобидных, но вместе смотревшихся опасно. Сработавший маячок активировал заклятие, позволявшее бдительным стражам королевского покоя подслушать чужую беседу – и либо удостовериться, что это обычные досужие разговоры придворных сплетников, либо узнать о готовящемся заговоре. Разграничения между этими категориями Охрана устанавливала сама, а поскольку представители Охраны славились своей подозрительностью, не один сплетник время от времени отправлялся в подвал, дабы верные псы королевы могли прояснить, не использовал ли тот некий шифр и не являлся ли невинный обмен пересудами на самом деле обсуждением грядущего переворота.

Надо отдать Айри должное: это почти отбило у придворных желание сплетничать. По крайней мере, о ней и Гербеуэрте. Правда, Кейлус подозревал, что взамен они с удвоенным ядом отыгрываются на других членах королевской семьи.

Как бы там ни было, они с Лиэром Дэйлионом знали, как вести разговор, не привлекая ненужного внимания.

– И? – не глядя на убийцу, спросил Кейлус.

Он знал, что увидит, повернув голову: тёмно-серебристую гладь чуть напояженных волос, глаза – два колючих сапфира, грубоватое симпатичное лицо, прорезанное морщинами, словно резцом по мрамору. Дауд Дэйлион не был стар, но нелёгкая жизнь оставила след в его чертах. Может, потому он неизменно облачался в чёрное, как и сам Кейлус: оплакивал того себя, каким мог бы стать, сложись всё немного иначе.

Лиэр Дэйлион был интересным человеком. Во многих отношениях. Его бесполезно было просить убрать жену-изменницу или того, кто портит тебе жизнь неподкупной честностью; зато его

«коршуны» охотно участвовали в разборках одних нечистых на руку чинуш с другими нечистыми на руку чинушами. Лиэр Дэйлион не принимал заказы на Миракла Тибеля (отшучивался тем, что регулярно ставит на парнишку на арене и не хочет терять ценный источник дохода), но недолюбливал королеву. Кейлус не знал, принимал ли он заказы на голову Айрес. Скорее всего, нет – иначе сегодня Дэйлиона не было бы ни на балу, ни где-либо ещё. Впрочем, он не отказался помочь ни в таком деликатном деле, как убийство наследника престола, ни в том, чем они занимались сейчас. Вряд ли Дэйлион так уж хотел видеть Кейлуса на троне, но к наследнику и любимому племяннику Айрес тирин Тибель он тёплых чувств не испытывал, в судьбу и пророчества давно уже не верил, а за объявленную им сумму можно было бы похитить парочку иноземных принцесс.

В их странном мирке принципиальный наёмный убийца оказался одним из немногих людей, на кого можно положиться.

– Не совсем то, что ожидалась. – Лиэр Дэйлион отнял от губ сигару, мерцающую ржавой пламенной кромкой. – Детишки ворковали друг с дружкой так, что мои ребята неловко себя чувствовали во время докладов.

Они стояли так, что в них трудно было заподозрить собеседников. Лиэр Дэйлион налегал на парапет грудью в чёрном бархате, любясь ночной столицей, Кейлус держался поодаль, прислонившись к перилам спиной и небрежно опершись локтями на светлый камень.

В этот момент Кейлус пожалел, что из них двоих именно он повернулся лицом к публике.

– Надо же, – пробормотал он. Залпом допив амелье, отставил бокал на перила. – Я полагал, там голый расчёт.

Лиэр Дэйлион, как он увидел краем глаза, слегка пожал плечами:

– Чувства облегчают дело. Отыскать рычаг давления проще.

Отвернувшись, Кейлус зачем-то точным щелчком столкнул бокал вниз. Проследил, как тот падает на пустую площадь перед дворцом – экипажи ждали во внутреннем дворе.

Машинально определил высоту звона, с которым тот разбился, жалея, что звук вышел слишком тихим: он любил звонкую мелодию бьющегося стекла.

– И у вас уже есть идеи? О рычаге?

Лиэр Дэйлион затянулся, и кончик сигары полыхнул в зимнем сумраке весёлой рыжиной:

– А как же.

Этажом выше Гербеуэрт тир Рейоль, не подозревая, как близко от него обсуждаются коварные планы касательно его скромной персоны, вошёл в королевский кабинет.

– Спасибо, – сказал он, нарушив долгое молчание, сопровождавшее их по пути.

– Что увела тебя оттуда? – Айрес слегка похлопала его по руке, облитой вишнёвым бархатом парадного одеяния и атласом белой перчатки. – Брось, мне ли не знать, какой ты затворник.

– Твоё таинственное *дело* действительно есть? Или то был предлог?

– Ничуть. Хотела показать тебе твой подарок.

Герберт в выразительном недоумении оглядел кабинет в лакрично-багровых тонах: всю обстановку составляли книжный шкаф, стол да кресло. Подцепил подвеску, которую королева лично повесила ему на шею часом ранее – сапфир в рунной оправе на тонкой цепочке. Изящный мощный оберег, отводивший большинство заклятий, стрелы и даже лезвия клинков, если они не были зачарованными.

– Другой подарок, – верно истолковав жест, улыбнулась Айрес. – Не здесь.

Уголки губ Герберта дёрнулись в намёке на ответную улыбку.

– Лучше позволь мне не возвращаться на праздник. Я бы с бо́льшим удовольствием прошёлся до библиотеки.

– Сейчас? Зачем?

– Снова поискать то, что поможет восстановить утраченный смысл Берндеттовских рун.

Айрес на миг оглянулась через плечо – туда, где на лакированном паркете подпалинами вырисовывались очертания просторного семиугольника.

В этой комнате лишь репетировали ритуал, которому предстояло свершиться в день Жнеца Милосердного, но даже неполной мощи рунного черчения было достаточно, чтобы оставить следы.

– Зачем тебе это? Ты видел записи Берндетта и магов, лицезревших призыв своими глазами. Рунная формула, заученная

тобой, ровно та, что чертил...

– Мне не слишком нравится чертить знаки, смысла которых я не знаю.

Айрес вздохнула с терпением человека, ведущего подобный разговор далеко не в первый раз.

– Уэрти, это бесполезно, и ты знаешь это не хуже меня. Дневники Берндетта, которые он вёл, пока выводил ритуал, сгорели в Великом пожаре. Хвала богам, что он записал формулу призыва в другие свои труды. Да, мы не знаем точного значения изобретённых им рун, но это всего-навсего пара знаков. Сколько раз ты уже пытался их расшифровать?

– До призыва ещё есть время. А если я буду точно знать смысл каждого начертанного символа, это повысит шансы провести всё успешно.

– Ты и так проведёшь всё успешно. – Движением, подтверждавшим безграничную уверенность в нём, Айрес положила ладонь племяннику на плечо. – Если, конечно, твоя голова не будет в тот момент забита чем-то другим. – Длинные, безупречно обточенные ноготки чуть вонзились в бархат его выходной куртки. – Помни: для призывающего не должно быть ничего важнее предстоящей встречи со Жнецом.

– Я помню.

– Это не пустые слова, Уэрт. Ты должен желать этого всей душой. Жнеца – и никого другого.

– Поверь, это последнее, о чём тебе стоит беспокоиться. Я слишком долго к этому шёл, чтобы что-либо могло мне помешать.

Голос Герберта посеребрил холод, и королева улыбнулась снова – почти заискивающе.

– До меня дошли слухи, что дракон с твоих земель покидал Пустошь, – прежде чем опустить руку, сказала она.

В том, как Герберт нахмурил брови, даже Айрес тирин Тибель смогла прочесть одно лишь удивление.

– Странно. До весенних танцев ещё далеко, – рассеянно заметил он. – Быть может, у него нашлись другие дела в горах? Или он просто решил поохотиться подальше от логова...

– Дракона видели в небе над Хельмом, – деликатно возразила Айрес. – Было бы неприятно, если б он решил взяться за старое.



– Не беспокойся. Если он доставит проблемы тем, кто живёт под моей защитой, я об этом позабочусь.

– После первой же *проблемы* в народе начнёт зреть недовольство. Ещё большее, нежели сейчас. Это может стать искрой, из которой разгорится пожар восстания, а до Жнеца Милосердного оно нам нужно меньше всего. – Айрес крепко обняла племянника за плечи. Прикрыла глаза. – Пойдём. Хочу кое-что тебе показать.

Герберт не зажмурился даже в те головокружительные мгновения, пока магия несла их сквозь пространство. Не пошатнувшись, приземлился на занесённую снегом брусчатку.

Не дрогнув, позволил королеве отступить на шаг – открывая обзор на всё, что оказалось перед ним.

– Это давно следовало сделать. Я сочла такую дату... и все прочие обстоятельства... хорошим поводом наконец решиться. – Айрес сжала ладонь, над которой вспыхнул шарик белого света. Мерцая, он взлетел над их головами; мороз студил воздух, но королева, укрытая лишь светлым бархатом закрытого платья да жемчужным блеском бисерной россыпи на юбке, не дрожала. – Я думала позвать тебя. Затем решила, что так будет лучше. В одиночку одолеть её было нелегко, но я не могла рисковать твоей безопасностью... Не перед тем, что вскоре тебе предстоит.

Снежинки белыми искрами падали на её тёмные волосы, заново присыпали тонкий лёд на брусчатке – точно не так давно яростное пламя растопило весь снег на ней, но затем вода успела застыть. Снежинки падали на камни, усыпавшие двор драконьего замка, и на то, что лежало поверх них.

На зелёную чешую, под которой больше не сиял золотой огонь.

– Она ещё и наседкой была, представляешь? – заметила королева с благостным весельем. – Яйца я уничтожила, конечно. Можешь порадовать жителей Шейна, что единолично сразил чудище, досаждавшее им шесть сотен лет. Хочу, чтобы это считали твоим подвигом... В конце концов, твои победы – это и мои победы. А звание драконоборца – отличный подарок, как по мне.

Герберт долго вглядывался в янтарное стекло замершего, замутнённого корочкой наледи драконьего глаза.

– О боги, – наконец слабо произнёс он.

Айрес засмеялась, вполне удовлетворённая реакцией. Отвернулась, оставляя за спиной тело драконицы – высокий тёмный холм, потихоньку заносимый снегом.

Сердечно обняла Герберта, оторопело застывшего во дворе мёртвого замка.

– Пора назад. Не то замёрзнешь. – Айрес тирин Тибель ласково поцеловала висок под бледно-золотыми прядями, вздыбленными холодом воздуха и в миг заледеневшей крови. – С наречением, дорогой.



*2017 г.*

---

<b>notes</b>
--------------

## **Примечания**

**1**

Траурно, похоронно (музыкальный термин).

2

*Букв.* «прочный напев»: ведущая мелодия, часто заимствованная, которая составляет основу полифонической композиции (муз.).

По крайней мере, если верить авторитетному сериальному источнику, который в свои редкие выходные Ева любила смотреть за едой и который поселил в ней мечту о чёрной «Импале» 67 года.

4

Гневно (муз.).

**5**

Властно, настоятельно, повелительно (*муз.*).



## 6

*Букв. «возвращение».* 1) Небольшой инструментальный отрывок, повторяющийся в начале и конце каждой строфы вокального произведения; 2) небольшое музыкальное вступление перед началом танца (*муз.*).

Очень полезный навык для экзаменов. Например, когда тебе выпадает билет «Французская литература XVIII века», в которой ты безнадежно плаваешь, но, уцепившись за Бомарше, незаметно переводишь разговор на Моцарта – и вот уже преподаватель восторженно слушает твои поэтические излияния на тему гениальности «Свадьбы Фигаро» и мелодики великого австрийского композитора, впитавшей в себя эмоциональность и экспрессию немецких народных песен и изысканную певучесть итальянской кантилены...

Привычка заменять непечатные слова «профессиональным сленгом» появилась у Евы на втором курсе колледжа, когда она прочла книгу, где некие волшебники по магическим причинам вынуждены были заменять ругательства на «сахар». Надо сказать, у однокурсников её привычка вызывала умиление или понимающий хохот. Вопреки распространённому мнению музыканты – не распущенная богема и не нежные фиалки, а люди, которым ничто человеческое не чуждо, включая крепкие словечки. Но поскольку Ева была воспитанной девочкой, а нецензурно выразиться иногда хотелось, она придумала изящный выход из ситуации, благо музыкальные термины к тому располагали. Судите сами: разве «двойной доминанты терцквартаккорд с повышенной примой и пониженной квинтой» для непосвящённого человека не прозвучит как очень изощрённое ругательство, особенно если адресовать это дело собеседнику туда, где солнце не светит?

«Дьявольские трели» – название знаменитой скрипичной сонаты Джузеппе Тартини, итальянского композитора XVII века.

**10**

Весело, игриво, шутя, шутливо, с юмором (*муз.*).

Кому не было равных в шахматах, стратегии и пафосных речах.

*Букв.* «навязчивая идея»: термин, связанный прежде всего с симфонической музыкой Г. Берлиоза и обозначающий присутствие в произведении сквозной темы, ассоциирующейся с немusикальными понятиями – например, тема возлюбленной в Фантастической симфонии (муз.).

Dolce – нежно, sotto voce – вполголоса (муз.).



Бурно, гордо, дико, живо, надменно, отважно (*муз.*).

**15**

Взволнованно, тривожно (*муз.*).

Некрепкий спиртной напиток на основе цветов (*керф.*).

Marcato (*ит.* «подчёркнутый») – способ музыкальной артикуляции, когда каждая нота берётся отдельным движением смычка, жёсткой и твёрдой атакой в начале звука. Учитывая, что в музыкальной нотации этот штрих обозначается знаком  $\lambda$  – если бы пожелание Евы сбылось, лиэра Кейлуса ожидала довольно страшная кара.

От японского «хиккикомори»: термин, обозначающий людей, отказывающихся от социальной жизни и зачастую стремящихся к крайней степени изоляции и уединения.

Внезапно (муз.).

От *ит.* luce – свет, блеск.

Инверсия, обращение (*лат.*). Изложение мотива или темы в обратном движении: например, вместо до-ре-ми – ми-ре-до.



Страстно (муз.).

С ЛЮБОВЬЮ (муз.).

С жаром, тепло (муз.).

*Букв.* «на грифе»: указание исполнителю на струнном инструменте играть у грифа для извлечения более мягкого, прикрытого звука (*муз.*).

Решительно, смело (*муз.*).

«Приветствие любви», в другом переводе «Любовное приветствие» – музыкальное произведение, созданное английским композитором-романтиком Эдуардом Элгаром в 1888 году. Первоначально написано для скрипки и фортепиано.

Ласково, мягко, нежно (муз.).

С огнём (муз.).



Жалобно, печально, скорбно, с болью (муз.).

Гневно, разгневанно, раздражѐнно, рассерженно (*муз.*).

Жалостно, плачевно, печально, скорбно (*муз.*).

Attacca (атака) – указание в конце какой-либо части, предписывающее начинать следующую часть без перерыва (муз.).